

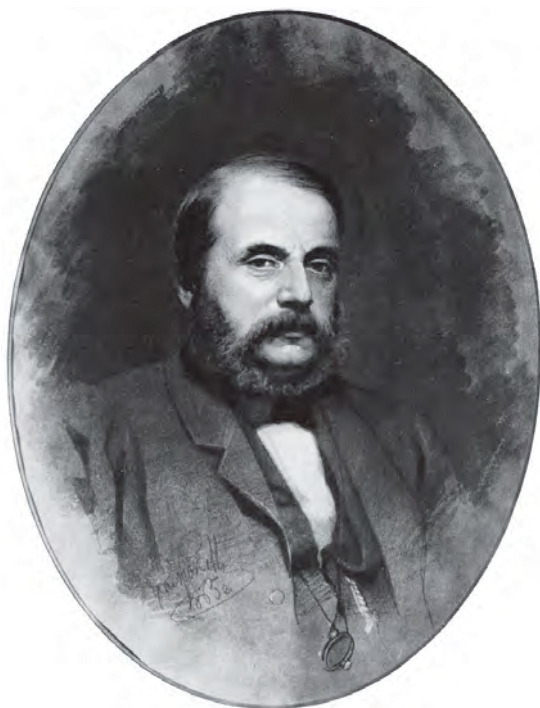
АЛЕКСЕЙ БАЛАКИН РАЗЫСКАНИЯ О ГОНЧАРОВЕ

АЛЕКСЕЙ БАЛАКИН

РАЗЫСКАНИЯ
В ОБЛАСТИ
БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА
И. А. ГОНЧАРОВА

БИБЛИОТЕКА
«ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»
Новая серия. Выпуск 4

Российская академия наук
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

А. Ю. Балакин

**РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ
БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА
И. А. ГОНЧАРОВА**

Москва
«ЛитФакт»
2018

УДК 882 (09)
ББК 83.3 (2 Рос-Рус)
Б20

Утверждено к печати Ученым советом ИМЛИ РАН

Утверждено к печати Ученым советом ИРЛИ
(Пушкинский Дом) РАН

БИБЛИОТЕКА «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

Новая серия. Выпуск 4

Составители серии

О. А. Коростелев, С. И. Панов

Ответственный редактор

М. В. Отрадин

Рецензенты

А. Г. Гродецкая, Е. Е. Дмитриева

Балакин А. Ю.

Б20 Разыскания в области биографии и творчества И. А. Гончарова. — М.: ЛитФакт, 2018. — 336 с.: илл. (Библиотека «Литературного наследства». Вып. 4).

В книгу научного сотрудника Пушкинского Дома А. Ю. Балакина вошли работы о И. А. Гончарове, создававшиеся на протяжении последних двадцати лет. В первый раздел включены статьи текстологического характера, второй составили разыскания о литературных и личных связях автора «Обломова». Впервые публикуются мемуарный очерк Б. К. Ордина «И. А. Гончаров в семейных воспоминаниях и письмах К. Ф. и С. А. Ординых» другая редакция статьи Гончарова «По поводу картины Крамского „Христос в пустыне“», а также ряд писем и записок писателя. В качестве иллюстраций представлены редкие музейные и архивные материалы. Издание снабжено указателем имен.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	6
----------------	---

I

Был ли Гончаров автором повестей «Нимфодора Ивановна» и «Красный человек»?	9
Об авторстве фельетона «Выбранные места из приятельских писем»	34
Обломов до «Обломова».....	45
О ничего не пишущем мэтре, или Почему Гончаров решился завершить роман «Эпизоды из жизни Райского»	52
О проблеме выбора источника основного текста романа «Обрыв».....	65
О тексте последних прижизненных изданий романа «Обыкновенная история»	102
Новый источник текста статьи о И. Н. Крамском	126
Приложение: <i>И. А. Гончаров</i> . По поводу картины Крамского «Христос в пустыне»	139

II

Знакомый Гончарова поэт Яков Щеткин	155
Гончаров — учитель царских детей	181
Приложение: Ученические тетради вел. кн. Константина Константиновича по русскому языку. <i>Краткое описание</i>	203
Гончаров и А. Н. Майков. <i>Заметки к теме</i> 1. О датировке одного из писем Гончарова к Майкову	214
2. Письмо Майкова к сыновьям с воспоминаниями о Гончарове	221
Гончаров и семья Ординых.....	236
Приложение: <i>Б. К. Ордин</i> . И. А. Гончаров в семейных воспоминаниях и письмах К. Ф. и С. А. Ординых	247
Гончаров и А. Ф. Кони. <i>Заметки к теме</i> 1. Гончаров и Кони летом 1887 года	270
2. Ненаписанные воспоминания Кони о Гончарове. <i>Попытка реконструкции</i>	284
Гончаров и А. В. Жиркевич	310
Список иллюстраций	321
Список работ автора о Гончарове (1997–2017).....	323
Указатель имен	326

ОТ АВТОРА

Составившие настоящую книгу статьи создавались на протяжении двух десятков лет. Многие из них связаны с работой над академическим Полным собранием сочинений и писем И. А. Гончарова, которое издается с 1997 года Пушкинским Домом. Ряд публикаций представляет собой исследования, проводившиеся специально для нужд этого издания; другие уточняют и опровергают суждения комментаторов уже вышедших томов, поэтому на них лежит неизбежный налет дискуссионности; в третьих вводятся в научный оборот и комментируются новые архивные находки.

Сборник делится на два раздела. В первом помещены работы преимущественно текстологического характера, во втором — материалы о личных и литературных связях Гончарова.

Большинство текстов книги публиковалось ранее. При ее подготовке все они были пересмотрены, причем некоторые значительно дополнены и кардинально переработаны. Это обстоятельство в совокупности с тем, что почти все статьи получили новые заглавия, позволило принять решение не указывать места их первых публикаций. Внимательный читатель, возможно, заметит стилистическую неоднородность книги; это получилось оттого, что одни статьи сразу писались в расчете на публикацию, а другие сначала представлялись в виде докладов. В качестве иллюстраций в основном представлены материалы из различных собраний Пушкинского Дома; некоторые публикуются впервые.

Мне хотелось бы поблагодарить людей, в разные годы помогавших при работе над материалами книги — архивными справками, указаниями на разного рода промахи, полезным обсуждением насущных проблем гончароведения или просто дружеской поддержкой. Это К. М. Азадовский, А. И. Васкул, М. Н. Виротайнен, Л. С. Гейро, С. Н. Гуськов, С. В. Денисенко, С. В. Друговойко-Должанская, К. Ю. Зубков, Н. В. Калинина, Е. В. Кардаш, М. Б. Лавринович, А. В. Лобкарева, В. С. Логинова, О. В. Макаревич, Е. Н. Монахова, М. В. Отрадин, А. С. Пахомова, В. Д. Рак, А. В. Романова, В. В. Турчаненко и ныне покойные Эрна Геннадьевна Гайнцева и Владимир Артемович Туниманов. Особая признательность моему давнему соавтору и самому беспощадному критику — Анне Глебовне Гродецкой.

Тексты Гончарова цитируются по изданиям: *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997–2017. Т. 1–8, 10, 15 (с указанием в скобках римскими цифрами тома и арабскими страницы); *Гончаров И.А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1977–1980 (с указанием в скобках арабскими цифрами тома и страницы).

I

БЫЛ ЛИ ГОНЧАРОВ АВТОРОМ ПОВЕСТЕЙ «НИМФОДОРА ИВАНОВНА» И «КРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК»?

Вторая половина 1830-х — первая половина 1840-х годов — пожалуй, самый загадочный, но и один из самых важных периодов жизни и творчества Гончарова. Именно в это время окончательно устанавливаются его эстетические пристрастия, формируются его творческий метод, стиль и тематика его произведений. Громкому дебюту писателя предшествовало около двух десятков лет кропотливой работы, когда он, по собственному признанию, «писал <...> *непрестанно* <...> без всякой практической цели, а просто из *влечения писать*, учиться, заниматься, в смутной надежде, что выйдет что-нибудь»¹.

То, что было создано ранее «Обыкновенной истории», многие годы оставалось неизвестным современникам писателя, за исключением опубликованного в 1848 году с авторской датой «1842» очерка «Иван Савич Поджабрин». Из первой печатной автобиографии Гончарова (1858) читатель мог узнать только о его ранних переводах из Шиллера, Гете, Винкельмана, «отрывков некоторых английских романистов», позднее уничтоженных, и переводах и переделках «с иностранных языков» нескольких статей «различного содержания», которые были помещены «в журналах без подписи имени»². Во второй автобиографии (1867) наконец было раскрыто авторство опубликованного в «Телескопе» в 1832 году анонимного перевода

¹ Из письма Гончарова вел. кн. Константину Константиновичу от января 1884 г. (цит. по: К. Р. Избранная переписка. СПб., 1999. С. 89, 90; курсив автора).

² См.: Русский художественный листок. 1859. № 14. 10 мая. С. 37–38 (перепечатано: 7, 219). Сведения о «непубличных» литературных занятиях Гончарова в семействе Майковых и о написанных им повестях «домашнего содержания» не вошли в основной текст «Русского художественного листка» и общеизвестным фактом стали лишь после публикации А. Мазоном чернового автографа первой автобиографии (Русская старина. 1911. № 10. С. 34–41), который позднее воспроизводился во всех собраниях сочинений Гончарова.

двух глав романа Э. Сю «Атар Гюль» (7, 221). О начале своей литературной деятельности Гончаров и в переписке вспоминал редко и неохотно, ограничиваясь при этом самыми общими сведениями. Ни ранние стихотворения, ни повести «Лихая болезнь» и «Счастливая ошибка» не упомянуты в дошедшей до нас переписке писателя. Лишь в одном из писем назван очерк «Пепиньерка», рукопись которого была обнаружена нами лишь в 1996 году¹. Полное забвение постигло бы и начатый в 1843–1844 годах роман «Старики», если бы не письма Вл. Андр. Солоницына, поощрявшего к писательству упорно не верившего в свое литературное призвание автора². Самым информативным из всех свидетельств остается признание Гончарова в том, что «кипами исписанной бумаги» он в молодые годы «топил печки»³. Мнительный и требовательный к себе писатель уничтожил все свои ранние сочинения, до нас дошло только то, что отложилось в архиве его близких друзей — семьи Майковых.

С живописцем Николаем Аполлоновичем Майковым⁴ и его семьей будущий писатель познакомился в 1835 году, вскоре после своего приезда в Петербург⁵. Это знакомство состоялось через сослуживца Гончарова по Министерству финансов литератора Владимира Аполлоновича Солоницына⁶.

¹ См.: Балакин А. Ю., Гродецкая А. Г. Неизвестный очерк И. А. Гончарова «Пепиньерка» // Русская литература. 1997. № 3. С. 114–136.

² См.: Груздев А. И. 1) В. А. Солоницын о неизвестном романе И. А. Гончарова // Учен. зап. Лен. гос. пед. ин-та. Л., 1948. Т. 67. С. 108–114; 2) К вопросу о замысле романа И. А. Гончарова «Старики»: (Письмо В. А. Солоницына к И. А. Гончарову) // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л., 1958. С. 332–335; XV, 254–259.

³ Из письма Гончарова вел. кн. Константину Константиновичу от января 1884 г. (цит. по: К. Р. Избранная переписка. С. 90).

⁴ О нем см.: Гайнцева Э. Г. Николай Аполлонович Майков и его воспоминания: (Из круга общения И. А. Гончарова) // Русская литература. 1997. № 1. С. 123–149.

⁵ Гончаров прибыл в Петербург 12 мая 1835 г. (см.: Балакин А. Ю. О дате первого приезда И. А. Гончарова в Петербург // Русская литература. 2004. № 3. С. 132–133).

⁶ О судьбе этого незаурядного человека и о роли его в жизни кружка Майковых см.: Гродецкая А. Г. 1) Чувствительные и холодный: (В. А. Солоницын и семья Майковых) // Лица: Биографический альманах. СПб., 2001. Т. 8. С. 5–49 (в этом же издании опубликована обширная переписка Солоницына с Е. П. Майковой и две его повести из альманаха «Лунные ночи»); 2) Солоницын Владимир Андреевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 771–773.

Старшим сыновьям Майковых Валериану и Аполлону требовался наставник, способный подготовить их к поступлению в университет, и недавний выпускник словесного отделения Московского университета представлялся весьма подходящей для этого кандидатурой. Майков писал позднее в своей автобиографии: «Это <поступление Майкова на юридический факультет. — А. Б.> случилось по совету одного из друзей отца моего¹, которому мы обязаны и уже более обширным знакомством с науками, и развитием вкуса, и страстью к литературе, в чем немало содействовал ему И. А. Гончаров, который тогда, кончив курс в Московском университете, приехал на службу в Петербург и давал уроки русской литературы и истории в знатных домах»². О том же он сообщал в недатированном (1873?) письме к Н. В. Гербелю, содержащем биографические сведения: «Является третье лицо, недавно тогда кончивший курс в Моск<овском> Универ<ситете>, [молодой чинов<ник>] слушавший Мерзлякова, Шевырева, И. А. Гончаров, заниматься с нами словесностью: он проходит ее историю с нами, русскую проходит по Гречу, — но дает читать подлинники, т. е. авторов. К этому времени мало уже что не прочтено <...> из русской литературы <...>. Объяснения И<вана> А<лександровича> приводят все в порядок и в систему прочитанное...»³.

Как позднее вспоминал Гончаров, в те годы дом Майковых «кипел жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержание из сферы мысли, науки, искусств. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многие литераторы <...> — все толпились в необширных, неблестящих, но уютных залах <...>, и все, вместе с хозяевами,

¹ В. А. Солоницына, который одно время был корректором О. И. Сенковского в издании «Б<иблиотеки> для Ч<тения>» и помещал в ней свои критические статьи и еще более переводы английских романов <Примеч. Майкова>.

² РНБ, ф. 453, ед. хр. 1, л. 2 об. С изменениями опубликовано: Русский художественный листок. 1858. № 7. Без паг. См. также наст. книгу, с. 221–235.

³ РНБ, ф. 179, ед. хр. 68, л. 6. Ниже в том же письме находим еще одно упоминание о Гончарове: «Рядом с древностью классической — шло чтение Библии, особенно пророков и Евангелия, но чисто с поэтической целью: меня пленили образы и сила языка. На последнее особенно обратил мое внимание Гончаров, задававший письменно переводить псалмов со славянского» (Там же, л. 6 об.).

составляли какую-то братскую семью или школу, где все учились друг у друга, размениваясь занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями науки, искусств»¹. Здесь в 1835–1838 годах выпускался рукописный журнал «Подснежник», а в 1839 году — альманах «Лунные ночи». Участие в этих «домашних» изданиях принимали как члены семьи Майковых, так и близкие к их кругу молодые литераторы — П. П. Ершов, Е. Ф. Корш, И. П. Бороздна, В. Г. Бенедиктов и некоторые другие². В автобиографии 1858 года автор «Обломова» писал о себе: «Сблизившись коротко с семейством артиста-живописца Н. А. Майкова (отца известного поэта), Гончаров участвовал с ними в домашних, так сказать, то есть не публичных, занятиях литературою. <...> Он писал, в этом домашнем кругу, и повести, также домашнего содержания, то есть такие, которые относились к частным случаям или лицам, больше шуточного содержания и ничем не замечательные» (7, 219). Эти «ничем не замечательные» повести были обнародованы лишь после того, как ученым стал доступен архив семьи Майковых. В 1911 году Андре Мазон сообщил, что в рукописном альманахе «Лунные ночи» (1839) помещена повесть Гончарова «Счастливая ошибка»³, полный текст которой опубликовал в 1920 году Е. А. Ляцкий⁴. Спустя полтора десятка лет на основании сходства с другими произведениями Гончарова Б. М. Энгельгардт атрибутировал ему повесть «„Лихая болесть“» из рукописного журнала «Подснежник» 1838 года,

¹ Гончаров И. А. Некролог <Н. А. Майков> // *Голос*. 1873. 29 авг. (10 сент.). № 238. С. 2; без подписи.

² Подробнее об этих журналах и круге их участников см.: I, 612–619 (примеч. А. Г. Гродецкой и В. А. Туниманова). О доме Майковых см. также: *Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1812–1891. Paris, 1914. P. 56–61; Ляцкий Е. А. Роман и жизнь: Развитие творческой личности И. А. Гончарова. Жизнь и быт. 1812–1857. Прага, 1925. С. 111–126; Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950. С. 28–30; Деркач С. С. И. А. Гончаров и кружок Майковых // *Учен. зап. Лен. гос. ун-та*. 1971. № 355. Сер. филол. наук. Вып. 76. С. 18–38; *Гродецкая А. Г. Литературное окружение молодого Гончарова: (По материалам архива Пушкинского Дома) // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвящ. 180-летию со дня рожд. И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 55–66.**

³ См.: I, 645 (примеч. А. Г. Гродецкой); повесть подписана полным именем автора.

⁴ См.: *Ляцкий Е. А. Гончаров. Жизнь, личность, творчество: Критико-биографические очерки. Стокгольм, 1920. С. 323–355.*

подписанную инициалами «И. А.»¹. С того времени эти два текста уверенно входят в основной корпус сочинений писателя.

Но на страницах майковских журналов есть значительное количество анонимных текстов, об авторстве которых мы можем лишь гадать. И вполне естественно, что время от времени по отношению к тем или иным произведениям высказываются гипотезы о возможной принадлежности их перу Гончарова. К ним относятся повести «Нимфодора Ивановна» и «Красный человек».

1

«Нимфодора Ивановна» помещена в прибавлениях ко второму и третьему выпускам журнала «Подснежник» за 1836 год. Переписана она рукой В. А. Солоницына².

Вкратце перескажем ее замысловатый сюжет. У молодой женщины Нимфодоры Ивановны Серебровой уходит на службу и не возвращается муж; через несколько дней в одном из глухих переулков находят обезображенный труп, в котором по одежде и вещам опознают пропавшего. Через полгода дом Серебровой сгорает, и она переселяется жить к молодому чиновнику Астрову, влюбленному в нее. Однажды в толпе зрителей, пришедших посмотреть на парад, она видит человека, очень похожего на погибшего. Сереброва бросается к нему, но мужчина, называющий себя надворным советником Стрелецким, говорит, что не знает ее. Этой сценой заинтересовывается находившийся рядом полицмейстер, задерживает мужчину и через некоторое время выясняет, что это действительно пропавший муж Серебровой, составивший сговор с женой чиновного богача Стрелецкого, убивший его и занявший его место. В итоге избалованного Сереброва должны сослать на каторгу, но перед самой отправкой он убивает свою бывшую сообщницу и кончает с собой. Сереброва же через год

¹ См.: Звезда. 1936. № 1. С. 202–230.

² К слову сказать, сохранившиеся тексты и «„Лихой болести“», и «Счастливой ошибки» — тоже автографы Солоницына, но те журналы, где были они помещены, полностью переписаны его рукой. А в «Подснежнике» за 1836 год «Нимфодора Ивановна» — единственный текст, переписанный им (см.: I, 614, 616; примеч. А. Г. Гродецкой).

(как пишет автор повести, «будто бы») выходит замуж за Астрова.

Впервые на «Нимфодору Ивановну» обратила в 1960 году внимание О. А. Демиховская, посвятившая этой повести отдельную статью, где без колебаний приписала ее перу Гончарова¹. В 1968 году она опубликовала текст повести в газете «Неделя»², в 1992 году выпустила его отдельной книгой³, а в следующем году перепечатала в журнале «Москва»⁴. Никаких новых аргументов в пользу авторства Гончарова в этих публикациях не приводилось, лишь давалась отсылка к указанной выше статье. Реальный комментарий к повести также отсутствовал.

Ряд исследователей сразу приняли атрибуцию Демиховской. Так, к примеру, в рецензии на упоминавшийся выше сборник материалов юбилейной гончаровской конференции (Ульяновск, 1963) Д. Г. Кульбас писала: «О. А. Демиховская вносит много нового в изучение творчества молодого Гончарова. Благодаря ее работе „Раннее творчество Гончарова“ становится известным, что первым плодом переводческой деятельности писателя был не роман „Атар-Гюль“ (как считалось до сих пор), а роман того же Э. Сю „Пират Кернок“, привлекая внимание юного Гончарова своим гуманистическим содержанием, выразившимся в протесте против рабства и всякого рода насилия и жестокости⁵. <...>

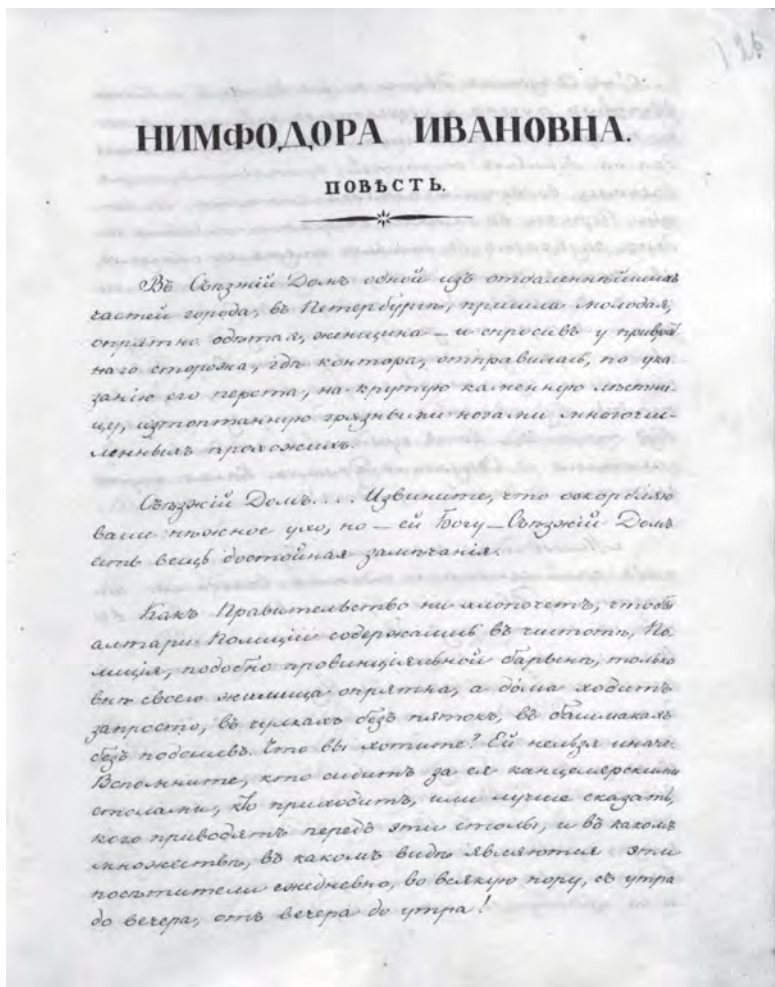
¹ См.: Демиховская О. А. Неизвестная повесть И. А. Гончарова «Нимфодора Ивановна» // Русская литература. 1960. № 1. С. 139–144; далее — Демиховская. Про эту повесть О. А. Демиховская писала также в своей статье «Раннее творчество И. А. Гончарова» (см.: Материалы юбилейной гончаровской конференции. Ульяновск, 1963. С. 73–79), не приводя никаких дополнительных аргументов в пользу своей атрибуции.

² Неделя. 1968. № 1–4.

³ Гончаров И. А. Нимфодора Ивановна: Повесть; Избранные письма / Сост., подгот. текста и коммент. О. А. Марфиной-Демиховской и Е. К. Демиховской. Псков, 1992.

⁴ Москва. 1993. № 5. С. 42–67.

⁵ Имеется в виду перевод фрагмента романа Э. Сю «Пират Кернок», опубликованный в петербургском журнале «Северная Минерва» (1832. Ч. I. № 4. С. 263–275). Перевод подписан «Ипполит Глебов»; очевидно, это брат одного из редакторов указанного журнала, поэта А. Н. Глебова (о нем см.: Вацуро В. Э. Глебов Александр Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 572). Кроме «Северной Минервы», Ипполит Глебов в 1832–1835 годах активно сотрудничал в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“», где поместил около сорока переводов.

«Нимфодора Ивановна». Первый лист рукописи

О. А. Демиховской принадлежит заслуга введения в научный оборот первого оригинального прозаического произведения Гончарова — повести „Нимфодора Ивановна“. Характеристике этого произведения закономерно отводится в статье самое большое место. Автору удается показать, что уже в этой первой повести, как и в последующих — „Лихая болезнь“ и „Счастливая ошибка“, И. Гончаров успешно следует гоголевским традициям, заявляя о себе как о писателе „натуральной“ школы, что с романтизмом связаны

лишь переводческая деятельность Гончарова и его юношеские стихи»¹. Схожее мнение высказывал и В. Сечкарев: «...доводы С. <sic> Демиховской <...> в пользу авторства остаются весьма убедительными, а сам рассказ, напечатанный в приложении к „Известиям“ <...>, не допускает почти никаких сомнений»². Точку зрения Демиховской приняли также А. Д. Алексеев³, Н. И. Пруцков⁴, А. Ф. Захаркин⁵, Л. С. Гейро⁶.

Другие историки литературы отнеслись к аргументам Демиховской скептически, но публичные возражения последовали лишь спустя пятнадцать лет после того, как повесть была введена в научный оборот. Они были высказаны О. М. Чеменой в статье «Об одной спорной атрибуции», которая заключалась следующим выводом: «Нам кажется малоубедительной атрибуция О. А. Демиховской <...>. Авторство Гончарова, если „Нимфодора Ивановна“ действительно принадлежит ему (что кажется нам весьма сомнительным), требует более веских доказательств»⁷. «Изучение текста и аргументации публикатора не сняли моих давних сомнений в правомочности включения этой повести в состав гончаровского наследия», — писала о «Нимфодоре Ивановне» Е. А. Краснощекова⁸. Редакция академического Полного собрания сочинений Гончарова также не стала на точку зрения Демиховской и не включила повесть в первый том этого издания, ограничившись лишь указанием в коммен-

¹ *Кульбас Д.* Новая книга о Гончарове // Русская литература. 1965. № 1. С. 199–200.

² *Сечкарев В.* [Рец. на кн.:] Alexandra Lyngstad and Sverre Lyngstad. Ivan Goncharov. N.-Y., 1971 // Новый журнал. 1974. № 112. С. 270.

³ См.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 20.

⁴ См.: *Пруцков Н. И.* Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962. С. 6.

⁵ См.: *Захаркин А. Ф.* Роман И. А. Гончарова «Обломов». М., 1963. С. 14.

⁶ См.: *Гейро Л. С.* Гончаров Иван Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 1. С. 625.

⁷ *Чемена О. М.* Об одной спорной атрибуции // Русская литература. 1975. № 4. С. 162; далее — *Чемена*. К сожалению, в своей статье О. М. Чемена допустила ряд промахов (в частности, в датировках журналов «Подснежник»), частично ее обесценивающих.

⁸ *Краснощекова Е. А.* Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997. С. 446.

тарии, что вопрос о принадлежности ее писателю «остается дискуссионным»¹.

В настоящей работе мы попытаемся поставить точку в затянувшемся споре.

Прежде всего, рассмотрим аргументы Демиховской (и возражения Чемены). Аргументы эти таковы:

Первый: повесть анонимна, а Гончаров также позднее опубликовал несколько статей без подписи, что свидетельствовало о его «строгом отношении к писательскому труду»². На это Чемена возражала, что «анонимность некоторых произведений писателя не является результатом его „скромности и застенчивости“, но каждый раз имеет свои вполне конкретные причины» и что «отсутствие подписи под „Нимфодорой Ивановной“ скорее всего свидетельствует о том, что Гончаров не был ее автором»³, тем более что и под гончаровскими стихотворениями, и под «„Лихой болезнью“» стоят довольно прозрачные псевдонимы.

Второй: в повести затрагиваются «вопросы воспитания, борьбы с романтизмом, критического отношения к высшим сословиям», а они «могли быть подняты в майковском кружке только Гончаровым». Исследовательница делает оговорку, что «против романтизма выступал и В. А. Солоницын, но идентичность художественного почерка в „Нимфодоре Ивановне“, „Лихой болести“ и „Иване Савиче Поджабрине“ убеждает, что автором „Нимфодоры Ивановны“ <...> мог быть только Гончаров»⁴. С точки же зрения Чемены суждение о том, что, «кроме Гончарова, никто из членов майковского литературного кружка написать этой повести не мог», — априорно, а гипотеза о его авторстве «не подкреплена вескими доказательствами». Исследовательница называет возможными авторами В. Андр. Солоницына и П. П. Ершова, а также высказывает предположение, что повесть могла быть плодом «коллективного творчества молодых членов кружка»⁵.

Далее в статье Демиховской указываются три смысловые параллели между «Нимфодорой Ивановной» и другими

¹ См.: I, 616; ср.: Гродецкая А. Г. Литературное окружение молодого Гончарова. С. 57–58.

² См.: Демиховская. С. 139–140.

³ Чемена. С. 160–161.

⁴ Демиховская. С. 140.

⁵ Чемена. С. 162.

текстами Гончарова. По нашему мнению, более или менее убедительной является лишь одна из них: автор повести говорит о полиции, что она, «подобно провинциальной барыне, только вне своего жилища опрятна, а дома ходит запросто, в чулках без пяток, в башмаках без подошв»¹; Гончаров же в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» писал: «...великолепный барин ходит частенько дома в грязном или разорванном халате, часто без жилета, без галстука, с клетчатым бумажным платком в руках, в каких-нибудь валеных домашней работы сапогах <...>. И сколько, сколько таких людей, у которых правило — хорошо одеться только в гости да по воскресеньям, а в будни и дома они считают себя вправе проходить так, в *чем-нибудь*, надеть старенькое, грязненькое, *чтоб не жаль было таскать*» (I, 482–483).

В качестве дополнительного аргумента в пользу авторства Гончарова Демиховская обращает внимание на следующее: «В одном из пунктов „трактата“, заключенного между Нимфодорой Ивановной и Астровым, говорится: „Камердинер Астрова будет впредь признавать Нимфодору своею барынею, а Нимфодора, взамен того, прикажет своей кухарке, чтобы она повиновалась Астрову“ <...>. Такое взаимное объединение слуг двух владельцев произошло в семье Гончаровых в результате сложившихся отношений между матерью писателя и Н. Н. Трегубовым. <...> Подобная же ситуация возникла и в романе „Обломов“, когда Илья Ильич поселился в доме Пшеницыной, где их слуги стали исполнять обязанности для обеих сторон»². Чемена отводит этот аргумент, говоря, что «мальчиком Гончаров долго жил в закрытых учебных заведениях вне дома и вряд ли мог разбираться в сложных бытовых отношениях между своей матерью и ее вторым мужем», а если бы и разбирался, то едва ли «счел возможным пародировать жизнь в родном доме»³.

Вызывает возражение и предложенная Демиховской трактовка этой повести как произведения антиромантического

¹ Гончаров И. А. Нимфодора Ивановна: Повесть; Избранные письма. С. 14. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках страницы; если текст уточняется по рукописи, указывается также лист «Подснежника» (ИРЛИ, № 16494).

² Демиховская. С. 141–142.

³ Чемена. С. 161.

и пародийного, написанного «в духе натуральной школы», которым Гончаров «заявил о своей принадлежности к новому литературному течению»¹. Напомним, что натуральная школа как осознанное эстетическое направление сформировалась лишь к середине 1840-х годов, то есть спустя десятилетие после публикации «Нимфодоры Ивановны». Заметим также, что гоголевская «Шинель» — своего рода «манифест» натуральной школы — вышла в свет уже после создания и «„Лихой болести“», и «Счастливой ошибки», в тот же год, которым датирован очерк «Иван Савич Поджабрин» (1842). Как нам кажется, стилистически «Нимфодора Ивановна» гораздо ближе к повестям Н. А. Полевого, который в середине 1830-х годов занимал, по словам В. Г. Белинского, «одно из главнейших, из самых видных мест между нашими повествователями...»²; впрочем, изучение ее литературного генезиса не входит в нашу задачу.

Как видим, Демиховская построила свою аргументацию исключительно на смысловом, «идеологическом» анализе повести. Но, как справедливо отмечал С. А. Рейсер, такая атрибуция «редко бывает достаточно убедительна сама по себе, вне связи с другими соображениями. <...> Очень редко случается, что высказанные художником <...> взгляды представляют собой нечто абсолютно оригинальное, свойственное и характерное только для него и никем другим нигде и никогда больше не выраженное»³. К тому же, по мнению В. В. Виноградова, «ссылка на совпадение идей, выраженных в анонимном или псевдонимном сочинении, с мировоззрением, со взглядами того или иного автора может быть доказательной лишь в том случае, если будет убедительно показана общность стилистических принципов воплощения одинаковых идей»⁴. Но на наш взгляд, «Нимфодора Ивановна» небогата оригинальными идеями, и в целом ее философия — в основном, представления о любви, верности и человеческом счастье — является по сути набором общих для литературы середины 1830-х годов мест. К тому же анализа

¹ Демиховская. С. 142, 144.

² Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 156. Ср.: «...первенство поэта-повествователя остается за г. Полевым» (Там же. С. 161).

³ Рейсер С. А. Основы текстологии. Изд. 2-е. Л., 1978. С. 90.

⁴ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 311.

одной содержательной стороны литературного произведения недостаточно, чтобы уверенно приписать его перу того или иного писателя. В одной из работ П. Н. Берков так сформулировал условия атрибуции анонимных текстов при отсутствии документальных данных: «Условия эти следующие:

а) идеологическое единство данного произведения с произведениями предполагаемого автора, относящимися к тому же времени;

б) стилистическое единообразие данного произведения с прочими относящимися к тому же времени произведениями предполагаемого автора; <...>

в) совпадение биографических фактов, отразившихся в анонимном произведении, с известными фактами биографии автора.

Помимо этих, так сказать, положительных условий необходимо соблюдение еще одного отрицательного — доказательства непринадлежности данного произведения другим претендентам». Причем исследователь подчеркивал, что эти условия должны соблюдаться непременно «в своей совокупности, а не порознь взятые»¹. Таким образом, несоблюдение хотя бы одного из этих условий уже говорит о том, что анализируемое произведение предполагаемому автору скорее всего не принадлежит.

Попробуем установить, удовлетворяет ли «Нимфодора Ивановна» этим условиям, начав с последнего пункта.

Нет сомнений, что автором повести является житель Петербурга, так как она изобилует петербургскими реалиями и демонстрирует хорошее знание ее автором жизни столицы. Как сказано выше, Гончаров впервые приехал в Петербург в середине мая 1835 года, а номер «Подснежника», содержащий начало повести, появился, по-видимому, осенью 1836 года (хотя точных данных о том, как выпускался этот журнал, у нас нет). Таким образом получается, что «Нимфодора Ивановна» должна была быть создана не ранее второй половины 1835 года и не позднее первой половины 1836 года и, соответственно, должна была отразить петербургские реалии именно этого периода. Однако в ней отражены реалии более раннего времени.

¹ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени (1750—1765). М.; Л., 1936. С. 160.

1) Обратим внимание на сцену парада на Царицыном лугу (Марсовом поле). «Не помню, Армению ли завоевала Россия, Турок ли усмирила она, или на бунтующего Ляха наложила опять свои законные цепи <...>, — пишет автор повести, — только на Царицыном-Лугу был блестящий парад, которым торжествовалось окончание долгой войны и стяжание новой славы» (с. 43; л. 155 об.). Здесь упоминаются: а) подписание Туркманчайского мирного договора (1828), положившего конец русско-персидской войне, согласно которому к России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства; б) окончание войны с Османской Портой (1829); в) усмирение польского восстания и взятие Варшавы (1831). Последние два события действительно были отпразднованы военными парадом, состоявшимся соответственно 23 сентября 1829 года и 6 октября 1831 года.

Парад в «Нимфодоре Ивановне» описан достаточно подробно: «Густые колонны воинов, по голосу их вождей, свивались и развивались, проходили мерным шагом, или останавливались, как вкопанные, означаясь издали разноцветными полосами и сверкая оружием. Адъютанты, как будто ласточки, летали туда и сюда, пересекая друг другу дорогу. Музыка раздавалась со всех сторон; кони плясали под ее звуки; белые перья генералов качались и волновались» (с. 43–44). Автор повести не забыл упомянуть даже такую деталь, как барьер, который в подобных случаях ставился на границе Марсова поля и Летнего сада и у которого «собралась в этот день, как и всегда при подобных случаях, многолюдная толпа людей разного звания, пола и возраста» (с. 44). Почти нет сомнения, что это зрелище описывает его очевидец. Однако ни в 1835, ни в 1836 году в Петербурге военных парадов не было, и следовательно, видеть, как они проходят, Гончаров не мог. Тем более странным кажется замечание «как и всегда при подобных случаях» — оно явно сделано человеком, видевшим не один парад.

Возникает и другой вопрос. Если автору «Нимфодоры Ивановны» было нужно ввести в текст повести описание красивого и грандиозного зрелища, при котором присутствовала бы большая толпа народа, почему он не изобразил торжества, состоявшегося при открытии Александровской колонны 30 августа 1834 года? В тот день прошел и военный парад на Дворцовой площади, в котором приняло участие сто

тысяч человек войска, тогда как в параде по случаю усмирения польского восстания участвовало «только» 19 тысяч¹.

2) В повести дважды описывается одежда мужа Нимфодоры, в которой тот шел на службу в департамент: «Виц-мундир с бархатным воротником, серые брюки, коричневый сюртук и круглая шляпа» (с. 20; ср. с. 23). Однако в 1835 или 1836 году такой наряд для чиновника, тем более имеющего офицерский чин (в тексте дважды упомянуто, что герой был коллежским секретарем) и служащего в одном из министерств, был попросту невозможен. Напомним, что 27 февраля 1834 года было высочайше утверждено (и 19 марта того же года опубликовано) «Положение о гражданских мундирах», которое определяло, что все гражданские чиновники в обязательном порядке должны были носить на службе мундиры, сюртуки и панталоны темно-зеленого цвета (исключение составляли некоторые ведомства, форма которых была темно-синего цвета)². До издания же этого постановления порядок ношения форменной одежды был более либеральным, так что даже когда в 1828 году Николай I посетил Сенат, то обнаружил чиновников «большей частью в мундире каком-то цветном и полосатых шароварах», о чем с гневом писал генерал-прокурору Д. И. Лобанову-Ростовскому³.

Из этого следует, что либо автор повести совершенно не представлял, какая форма была у чиновников, либо она написана до издания упомянутого выше Положения. Как первое, так и второе исключает Гончарова из числа возможных ее авторов.

3) В одном из эпизодов Астров и Нимфодора проходят по Театральной площади: «...площадь пуста, широкое, некрасивое здание Большого театра возвышалось на ней угрюмо, остроконечная кровля его терялась в туманной мгле...» (с. 61). Но на протяжении почти всего первого года пребывания Гончарова в Петербурге здание Большого театра стояло в лесах — как внутри, так и снаружи его шел капитальный ре-

¹ См.: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. С. 376.

² См.: Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. 2-е. СПб., 1835. Т. 9: 1834. Отд. I. С. 168–172; особенно §§ 6, 16, 23, 24, 30, 33, 34, 37; *Шепелёв Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб., 1999. С. 226–230.

³ См.: *Шепелёв Л. Е.* Чиновный мир России. С. 226–227.

монт. Этот ремонт начался в июне 1835 года, и прежде всего перестройке подверглась именно крыша театра, так как его «потолок <...> в форме купола производил почти бесконечное эхо»¹. Заново открылся театр 27 ноября 1836 года премьерой оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», причем после ремонта он поражал современников своим великолепием². Таким образом, чтобы увидеть и запомнить, как выглядело до ремонта здание Большого театра, у Гончарова было немногим более месяца (вторая половина мая — июнь), и тем более он не мог видеть, как поздней осенью «остроконечная кровля его теряется в туманной мгле».

4) В самом начале повести ее автор, говоря о съезде дома, вскользь бросает следующую фразу: «Как правительство ни хлопочет, чтобы алтари полиции содержались в чистоте...» (с. 15). Именно в 1830–1831 годах по инициативе президента Общества попечительного о тюрьмах, сенатора В. С. Трубецкого, Петербургским комитетом Общества делаются попытки отремонтировать съезжие дома и улучшить содержание там арестантов. Но, к сожалению, это доброе начинание по ряду причин не было доведено до конца и через четыре года заглохло; как писал один хорошо осведомленный современник, «через четыре года спустя не только все, Комитетом устроенное, было разрушено дотла, но еще прибавилось неурядиц. Это вынудило Комитет занести в свой журнал, что „все издержки Комитета, для улучшения помещения съезжих, как показали многократные опыты, к сожалению, остались втуне“, поэтому неосновательно еще что-либо предпринимать (2 мая 1835 г.)»³. Автор повести, как видим, не только знал об инициативе приведения в порядок съезжих домов, но и о том, что все благие начинания потерпели крах.

Кроме того, автор «Нимфодоры Ивановны» проявляет удивительную для 23-летнего чиновника Таможенного департамента Министерства финансов осведомленность в том,

¹ Данилов С. С. Постоянные публичные театры в Петербурге в XIX веке // О театре: Сб. статей. Л., 1929. Вып. 3. С. 157–158.

² См.: Пушкирев И. И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1841. Ч. 3. С. 120.

³ Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка: Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней. 1560–1880 г. СПб., 1880. С. 150.

как выглядят места заключения столицы. Так, он знает, что комнаты для задержанных находятся «в обер-полицеймейстерском доме, в нижнем этаже, которого окна равны с тротуаром» (с. 55) и что перед Литовским Замок (тогдашней тюрьмой) есть деревянный мостик (с. 61). Далее он подробно описывает, как попасть в контору Замка: войдя в круглую башню, надо «идти налево по галерее, в первую дверь, а потом в дверь направо» (с. 62), а также упоминает такую юридическую тонкость, что после смерти одного из супругов, при отсутствии завещания, пережившему доставалась только седьмая часть недвижимого имущества (с. 59)¹.

Сделаем предварительный вывод. Реалии, упомянутые в «Нимфодоре Ивановне», едва ли могли быть увидены и описаны Гончаровым. Все они свидетельствуют о том, что либо повесть была написана между 1831 и 1834 годами, либо ее действие сознательно отнесено к началу 1830-х годов. Первое исключает Гончарова из числа ее авторов, второе делает его авторство весьма сомнительным, так как по характеру творчества он подчеркнуто анахронистичен — отчетливые (и возможно, сознательные) анахронизмы встречаются в тексте всех трех гончаровских романов. Т. Б. Ильинская справедливо замечает, что «художественному миру Гончарова чужда историческая конкретика (по сравнению, например, с романами Тургенева, где четко обозначены даты и указываются такие культурно-исторические явления, как кружок Станкевича и пр.). Более того, порой он насыщен анахронизмами...»².

Посмотрим теперь, идентичен ли стиль «Нимфодоры Ивановны» стилю художественной прозы Гончарова, особенно произведений 1830-х — первой половины 1840-х годов. И здесь мы вынуждены констатировать, что как некоторые черты стиля, так и особенности словоупотребления автора этой повести противоречат гончаровским.

Вот несколько примеров:

1) Автор «Нимфодоры» употребляет слово «герань» в форме «гераний» (м. р.; с. 33: «Всякий <...> спешил вынести

¹ См. об этом: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 42.

² *Ильинская Т. Б.* Категория времени в романе «Обломов» (к истории вопроса) // Русская литература. 2002. № 3. С. 39.

горшок с лозою герания»); Гончаров же как в авторской речи, так и в речи персонажей пишет «ерань» (ж. р.; «Обломов» — IV, 299, 306, 469).

2) Обращает на себя внимание и слово «вуаль»: если в повести оно имеет форму мужского рода (с. 49 и 50), то Гончаров везде употребляет его только в женском («Обыкновенная история» — I, 276, 2 раза; «Обломов» — IV, 328, 2 раза; «Обрыв» — VII, 587; «Поездка по Волге» — 7, 8, 24).

3) Еще пример. В повести употреблено слово «гауптвахта» в форме «гоубвахта» (с. 64; л. 175)¹, у Гончарова же мы видим только нормативную форму («Фрегат „Паллада“» — II, 109, 476; «Обрыв» — VII, 423, 522; письмо вел. кн. Константину Константиновичу от 26 декабря 1887 г.²).

4) В повести дважды встречается словосочетание «соседственная комната» (с. 23 и 41), Гончаров же нигде ни разу не использует слово «соседственная», причем словосочетание «соседняя комната» есть и в «Счастливой ошибке» (I, 69), и в «Иване Савиче Поджабрине» (I, 124, 151), и в «Обыкновенной истории» (I, 206, 371, 462).

5) Также дважды автор «Нимфодоры Ивановны» употребляет выражение «ходить к должности» (= «на службу», с. 18 и 22), у Гончарова мы находим только выражение «ходить в должность» («Обыкновенная история» — I, 270, 435; «Обломов» — IV, 55, 58, 314, 381, 386, 486).

6) Последняя фраза повести звучит так: «Впрочем, кто отгадает женское сердце!» (с. 64). В текстах же Гончарова глагол «отгадать» не встречается ни разу, он пишет только «угадать» и «разгадать» (ср., например: «Прошу, после этого, разгадать сердце!» — «Счастливая ошибка», I, 77).

Следует указать и на некоторые стилистические особенности «Нимфодоры Ивановны», для Гончарова не характерные:

1) В авторской речи в тексте повести есть экспрессивные междометия «ох» и «ах», каждое из которых встречается по три раза. Какую же картину мы наблюдаем у Гончарова? Ни

¹ Во всех публикациях «Нимфодоры Ивановны» эта форма не отражена; отметим, что она встречается крайне редко: в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorgora.ru) зафиксирован лишь один текст XIX века с таким словоупотреблением — очерк «Описание Бессарабской области» (1816) П. П. Свиньина. Остальные источники относятся к XVIII веку.

² См.: К. Р. Избранная переписка. С. 136.

в одном тексте 1830–1840-х годов и ни в одном романе писатель ни разу не использует в авторской речи междометия «ох», междометие же «ах» единственный раз употреблено в авторской речи в «Обыкновенной истории» (I, 426; и то это место можно трактовать как косвенную речь персонажа) и несколько раз в «Пеппиньерке», но весь текст последней стилизован под экспрессивную институтскую речь.

2) Обращают на себя внимание разнообразные вводные конструкции, употребляемые автором «Нимфодоры Ивановны», у Гончарова практически отсутствующие: «к тому» (с. 16), «прошу покорно» (с. 30), «коротко сказать» (с. 39), «и подлинно», «положим даже», «может статься» (с. 40), «при всем том» (с. 41). В произведениях Гончарова 1830–1840-х годов выражение «при всем том» встречается единственный раз в «Счастливой ошибке» (I, 69), выражения же «и подлинно» и «положим даже» — только в «Обыкновенной истории» и только в речи персонажей. Другие же выписанные нами выражения в произведениях Гончарова указанного времени не обнаруживаются.

3) Отметим часто попадающиеся в тексте повести инверсии, а именно — постановка имени прилагательного за именем существительным. Как пишет историк языка Л. А. Булаховский, это явление «продолжает в первые десятилетия <XIX века. — А. Б.> манеру XVIII века и церковнославянских образцов»¹. Вот примеры: «жизнь тихую, скромную и безбедную» (с. 21), «человек лежащий, неговорящий, нешевелиющийся» (с. 23), «злодей пресыщенный», «мститель жадный и ненасытный» (с. 24), «кольцо <...> обручальное» (с. 25), «искре электрической» (с. 26), «вещи обыкновенные» (с. 28), «огнем небесным, божественным» (с. 29), «в зеркале выпуклом» (с. 42), «лицами незнакомыми» (с. 46), «людей посторонних, людей любопытных» (с. 48), «план адский» (с. 59). Подобного рода инверсий у Гончарова почти нет; так, в «„Лихой болести“» нами замечен всего один такой оборот («к суете мирской» — I, 32), а в «Счастливой ошибке» — ни одного. Фрагмент с большим количеством подобных оборотов есть в «Обломове» (VI, 101), но это место является явной стилистической пародией.

¹ Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Киев, 1948. Т. 2. С. 431.

4) Но самое заметное отличие между «Нимфодорой Ивановной» и текстами Гончарова — в употреблении языковых дублетов¹ «чтоб» / «чтобы». У автора «Обломова» мы видим сначала примерное равенство этих форм («„Лихая болезнь“» — 5 / 6, «Счастливая ошибка» — 10 / 10, «Иван Савич Поджабрин» — 18 / 14), а в дальнейшем «чтоб» начинает резко преобладать над «чтобы» («Обыкновенная история» — 55 / 30, «Фрегат „Паллада“» — 320 / 83, «Обломов» — 314 / 3, «Обрыв» — 394 / 120). Автор же «Нимфодоры Ивановны» всего один раз употребляет форму «чтоб»², хотя «чтобы» фиксируется в ее тексте 30 раз.

Указанные выше стилистические и лексические особенности «Нимфодоры Ивановны» не характерны для художественной манеры Гончарова, и следовательно, предположение о его авторстве становится еще менее убедительным.

Что же касается выполнения последнего условия, выдвинутого П. Н. Берковым, то, как мы отмечали выше, явная неоригинальность идеологического ряда «Нимфодоры Ивановны» делает уязвимыми проведенные О. А. Демиховской параллели между ней и текстами Гончарова. Нельзя не признать, что высказывания автора этой повести о тех или иных явлениях человеческой жизни похожи на мнения о тех же явлениях автора «Обломова». Но подобного рода суждения можно найти и у других авторов того времени, и приписывать их исключительно Гончарову нет оснований.

¹ Как сам термин «языковой дублет», так и метод атрибуции, основанный на их подсчете и изучении, предложен А. Л. Гришуниным (см.: *Гришунин А. Л.* Опыт обследования употребительности языковых дублетов в целях атрибуции // Вопросы текстологии: Сб. статей. М., 1960. Вып. 2. С. 146–195). Г. В. Ермоленко ввел термин «речевые параллели»; вот как он писал о них: «Существование речевых параллелей является следствием непрерывного развития системы языка. Это приводит к сосуществованию в речевом сознании носителей данного языка разных речевых средств для выражения одной и той же мысли. Каждый пишущий и говорящий отдает предпочтение той или иной речевой параллели, руководствуясь либо сознательно укоренившейся привычкой употреблять одну из них, либо своим пониманием современной ему нормы. На отбор речевых параллелей влияют многие факторы: среда, в которой рос человек, родной язык, образование, возраст, профессия и т. д.» (*Ермоленко Г. В.* Анонимные произведения и их авторы: На материале русских текстов второй половины XIX — начала XX в. Минск, 1988. С. 44).

² «Вы не замечали меня... потому что я никогда не был так смел, чтоб дать вам себя заметить...» (с. 37; л. 147, в тексте публикации — «чтобы»).

В заключение укажем на одно чрезвычайно любопытное признание автора «Нимфодоры Ивановны». Приведа в тексте анекдот о трагическом (и одновременно курьезном) происшествии с испанским королем Филиппом III-м, он далее говорит: «Надеюсь во всяком случае, что с вами не будет подобной „оказии“ при чтении этого анекдота *и всех моих сочинений*» (с. 32, л. 142 об.; курсив наш. — А. Б.). Из этого очевидно следует, что «Нимфодора Ивановна» для ее автора — не дебют, что он уже выносил свои сочинения на суд посетителей майковского кружка¹. Едва ли Гончаров мог сказать это про себя.

Подведем итог. Каждый из приведенных нами аргументов взятый по отдельности не является безусловно доказательным. Совокупность же их, на наш взгляд, убеждает в том, что Гончаров автором повести «Нимфодора Ивановна» быть не мог, и этот текст следует вывести из корпуса его сочинений.

2

Повесть «Красный человек» была представлена публике в том же 1836 году, что и «Нимфодора Ивановна», на страницах уже упоминавшегося журнала «Подснежник». Она не подписана, но в конце стоит помета «С английского». Пересказ ее сюжета можно уложить в один абзац. Однажды поздно вечером на постоялый двор «Черный лебедь» недалеко от Лейчестера приехал громадного роста человек, одетый во все красное, от шляпы до башмаков. На вопросы завсегдатаев постоялого двора он отвечал, что его зовут Красный и родился он на берегах Красного моря, и, проникательно угадав профессию каждого из присутствовавших, ушел наверх в свою комнату. Испугавшиеся посетители и хозяин, решившие, что это сам Сатана, боялись подняться к нему. Когда пробило полночь, «посланник ада» внезапно спустился, сел на своего коня и уехал. После его отъезда хозяин «Черного лебедя» обнаружил, что его гость оказался простым вором: пользуясь всеобщим замешательством, он вскрыл бюро и украл оттуда деньги и некоторые мелкие вещи.

¹ Хотя ниже автор косвенно признается, что начал сочинять недавно: «Теперь наведем опять колесо нашей повести в колею, из которой оно выбило от неловкости возницы и безумной бойкости недавно употребленных в упряжку лошадей» (с. 32).

В 1976 году на «Красного человека» обратил внимание В. П. Сомов¹. Он предположил, что помета «С английского» является мистификацией и что это оригинальная пародийная повесть, направленная «против литературного романтизма 20–30-х годов»². По мнению исследователя, «авторами почти всех антиромантических произведений в рукописных журналах <дома Майковых. — А. Б.> были В. А. Солоницын и И. А. Гончаров», «люди, близкие новому миру буржуазии», которые «критически относились к романтической восторженности и культуре романтизма в искусстве»³. Согласно его логике, отсутствие подписи свидетельствует об авторстве Гончарова, поскольку Солоницын «как правило, не скрывал своего имени, а пользовался прозрачным псевдонимом». Высказав убеждение в пародийном характере повести, Сомов говорит, что нагнетаемая в ней «атмосфера мистики, дьявольщины и смертных ужасов внезапно разряжается комическим финалом. Такой прием естественно дополняет ряд <...> жанровых пародий И. А. Гончарова, чего не скажешь о произведениях В. А. Солоницына, в которых отсутствует направленность на литературный объект»⁴. Кроме того, повесть «нельзя отказать в искусном сюжетостроении», а «по характеру композиции она напоминает произведения Гончарова 30-х годов»⁵. И наконец, в «Красном человеке» «помимо пародийной задачи» исследователь нашел «стремление к реалистической манере письма», что, конечно же, по его мнению, является приметой гончаровского стиля⁶.

Однако все наблюдения и выводы Сомова можно опровергнуть одним аргументом: повесть «Красный человек»

¹ См.: *Сомов В. П.* Анонимная повесть «Красный человек» в рукописном журнале Майковых // И. А. Гончаров (новые материалы о жизни и творчестве писателя). Ульяновск, 1976. С. 99–108; здесь же (с. 109–116) опубликован текст повести. Отметим, что Сомов ошибочно датировал этот выпуск «Подснежника» 1837 годом (правильная датировка обоснована в изд.: I, 613–616; примеч. А. Г. Гродецкой и В. А. Туниманова; см. также: *Гродецкая А. Г.* Чувствительные и холодный: (В. А. Солоницын и семья Майковых). С. 24–25).

² *Сомов В. П.* Анонимная повесть «Красный человек» в рукописном журнале Майковых. С. 108.

³ Там же. С. 101.

⁴ Там же. С. 102–103.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Там же. С. 106.

действительно является переводом, более того — переводом именно с английского, причем очень точным. Ее оригинальное название «The Red Man», и впервые она была опубликована осенью 1829 года в британском альманахе «Forget me not» за подписью «A Modern Pythagorean»¹.

«Forget me not» («Незабудка») начал выходить в конце 1822 года и за короткое время стал одним из самых популярных альманахов, просуществовав до 1847 года. В нем помещались стихи, повести, драматические сценки, он украшался гравюрами и был одет в изящный переплет. Альманах регулярно появлялся в книжных лавках в конце года, и многими читателями рассматривался как прекрасный рождественский или новогодний подарок. За альманахом следили не только в Британии²: помещенные в нем тексты перепечатывались англоязычными журналами и газетами всего мира и переводились на иностранные языки.

Подобная участь ждала и повесть «The Red Man». Ее автором был медик и журналист Роберт Макниш (Macnish, 1802–1837), плодовитый автор, постоянный вкладчик различных журналов и альманахов того времени. Самое популярное его сочинение — диссертация «Анатомия пьянства»³, выдержавшая за короткую жизнь автора несколько изданий и до сих пор часто цитирующаяся. Как писал позднейший биограф Макниша, она «свидетельствует о близком знакомстве автора с ее темой, которое произошло, несомненно, исключительно

¹ См.: Forget Me Not: A Christmas, New Year's and Birth-day present for MDCCCXXX. London, [s. a.]. P. 49–65.

² Про «Forget me not» писали и в русских журналах. «Этот альманах все еще безвозбранно берет верх над всеми своими соперниками и пользуется исключительным, можно сказать, величайшим вниманием публики», — утверждал в начале 1829 года анонимный обозреватель «Галатеи» (<Б. н.> Английская литература // Галатея. 1829. Ч. 2. № 2. С. 93). Популярности альманаха завидовал «Московский телеграф»: «Forget me not (*Незабудка*), издаваемый богачом Аккерманом, щеголяет превосходными картинками, которые стоят иногда до 1000 фунтов стерлингов. Можно ли издерживать там много на альманах? спросят читатели. Можно, отвечаем: в прошлом году Аккермановой Незабудки разошлось — 17,000 экземпляров» (<Б. н.> Иностранная литература // Московский телеграф. 1829. Ч. 25. № 1. С. 92; возможно, автором этого обзора был редактор журнала Н. А. Полевой, см.: *Попкова Н. А.* Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым: Указатель содержания. Саратов, 1990. Ч. 2. С. 4).

³ Первая публ.: The anatomy of drunkenness: An inaugural essay by Robert Macnish, member of the Glasgow Medical Society. Glasgow, 1827.

ради науки»¹. Начав печататься в начале 1820-х годов, он получил известность после публикации в 1826 году фантастической повести «The Metempsychosis» («Переселение душ»)², по сюжету которой дьявол меняет душами двух людей. За ней последовали другие повести, в основном юмористические скетчи с элементами мистики и абсурда, в ряду которых стоит и «The Red Man». По свидетельству самого автора, эта повесть первоначально предназначалась для журнала «Blackwood's Edinburgh Magazine», но, пролежав там два года, была отвергнута его издателем, Уильямом Блэквудом: хотя повесть ему очень понравилась, он сослался на то, что она слишком напоминает ему другое сочинение Макниша, повесть «The Man with the Nose»³. После этого Макниш отдал повесть издателю «Forget me not» Рудольфу Аккерману, с альманахом которого уже сотрудничал⁴.

Сразу после публикации «The Red Man» приобрел огромную популярность⁵. Повесть перепечатывалась в газетах, журналах и сборниках как сама по себе⁶, так и в составе

¹ Garnett R. Macnish, Robert // Dictionary of National Biography / Ed. by S. Lee. New York; London, 1893. Vol. 35. P. 254; подпись: R. G.

² Опубл.: Blackwood's Edinburgh Magazine. 1826. Vol. 19. May. P. 511–529; подпись: A Modern Pythagorean. К слову, в анонимной повести «Привидение» из журнала «Подснежник» 1836 года действует персонаж по фамилии Метемпсихоз (см.: Гродецкая А. Г. Играл ли Гончаров в «секретари»? // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 195-летию со дня рожд. И. А. Гончарова. Ульяновск, 2008. С. 290); не свидетельствует ли это о том, что ее автор был знаком с повестью Макниша?

³ См.: Macnish R. A Modern Pythagorean: A series of tales, essays and sketches / With the author's life by his friend D. M. Moir: In 2 vol. London, 1838. Vol. 1. P. 129. Упомянутая повесть «The Man with the Nose» опубл.: Blackwood's Edinburgh Magazine. 1826. Vol. 20. August. Part I. P. 159–163; подпись: A Modern Pythagorean.

⁴ Всего с 1829 по 1836 год он опубликовал там семь текстов.

⁵ Отметим, что сам Макниш оценивал повесть весьма высоко: в кратком перечне своих сочинений рядом с ней он поставил «excellent» (Macnish R. A Modern Pythagorean. Vol. 1. P. 143).

⁶ См., например: The New York mirror, and Ladies' literary gazette. 1829. Vol. 7. 28 nov. P. 161–163; The lady's magazine, or Mirror of the belles-lettres, fine arts, music, drama, fashion etc. A new series. 1829. 31 dec. P. 622–625; American Masonic record, and Albany Saturday magazine. 1830. Vol. III. № 50. 9 jan. P. 396–397 (сокращенная перепечатка); Select tales: Being a compilation of singular, interesting, remarkable and authentic narratives, ancient and modern. Charlottesville, 1833. P. 266–276 (под заглавием: «The Red man of the Red sea: A pleasing and interesting tale»).

рецензий на «Forget me not»¹ или общих обзоров альманахов на 1830 год². Почти сразу же последовал французский перевод повести (под заглавием «Le Capitaine Lerouge»)³, что значительно расширило круг ее читателей⁴. Эту публикацию заметили и в России. Спустя короткое время перевод «Красного человека», выполненный А. Замятниным, появился в двух январских номерах «Дамского журнала» за 1831 год⁵. В конце текста есть помета: «Из Album Britannique», но и без нее источник перевода определяется без труда. Во-первых, во французском переводе действие повести перенесено из Лейчестера в Портсмут, а во-вторых, там почему-то не названо имя одного из персонажей, пастора — доктора Паундтекста (Doctor Poundtext). Кроме того, французский переводчик сделал одно примечание, которое воспроизвел и его русский коллега.

Через пять лет появился еще один перевод «Красного человека», выполненный Ю. Джулиани; он был опубликован в марте 1836 года в петербургской газете «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“»⁶. Ни источник перевода, ни язык оригинала в этой публикации названы не были, но они также легко угадываются: как и во французском переводе, в экспозиции повести упоминается тот же Портсмут вместо Лейчестера и отсутствует имя пастора.

Вернемся к тексту «Красного человека» в журнале «Подснежник». Там указан Лейчестер и назван доктор Паундтекст: это надежные приметы того, что концевая помета «С английского» — не мистификация.

¹ См., например: The London literary gazette, and Journal of belles lettres, arts, sciences, etc. 1829. № 666. 24 oct. P. 694–696; The Mirror of literature, amusement, and instruction. Supplementary number. № 402. 1829. Vol. 13–14. P. 379–383.

² См., например: The pocket magazine. 1829. Vol. 2. Dec. P. 272–280; Calcutta Magazine and monthly register. 1830. Vol. 1. № 1. Jan. P. 98–104.

³ См.: Album Britannique, ou Choix de Morceau, traduits des recueils annuels de la Grande-Bretagne... Paris, 1830. P. 195–212; в оглавлении вместо автора стоит «Анониме», под текстом помета: «(Forget me not.)».

⁴ В рецензии на «Album Britannique» среди материалов сборника в первую очередь был отмечен «Le Capitaine Lerouge», названный «очень веселой историей» (Revue de Paris. 1830. Т. 10. P. 322).

⁵ См.: Дамский журнал. 1831. Ч. 33. № 3. С. 33–39; № 4. С. 49–55.

⁶ Красный человек: Повесть / Пер. Ю. Дж<улиа>ни // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1836. № 19. 4 марта. С. 145–150; в оглавлении жанр обозначен как «рассказ».

Итак, мы видим, что повесть «The Red Man» является органической частью наследия Роберта Макниша и несет на себе характерные черты английской развлекательной беллетристики рубежа 1820—1830-х годов. Нет никакого смысла искать в ней следы пародийности или стремления к реализму, а похвалы за умение построить сюжет следует адресовать автору, но никак не переводчику. В. П. Сомов находит приметы гончаровского стиля во фрагменте: «Одна свеча погасла, догорев до конца; у другой светильня наросла пальца на три, почернела, загнулась и торчала, как разрушающаяся башня посреди желтоватого, болезненного пламени»¹; однако здесь очень точно передан английский оригинал: «One candle had just expired, having burned down to the socket. Of the one which remained, the unsnuffed wick was nearly three inches in length, black and crooked at the point, and standing like a ruined tower, amid an envelopment of sickly yellow flame...»².

Таким образом, не остается никаких аргументов в пользу того, что этот текст мог быть написан Гончаровым. Если же искать, кто из посетителей дома Майковых мог перевести «Красного человека», то в первую очередь, конечно, следует указать на В. А. Солоницына — знатока и переводчика современной британской литературы, прекрасно владевшего английским языком. Несомненно, Солоницын следил за актуальными книжными новинками и мог обратить внимание на популярную повесть, опубликованную в одном из лучших альманахов.

¹ Сомов В. П. Анонимная повесть «Красный человек» в рукописном журнале Майковых. С. 107–108.

² Forget Me Not... for MDCCCXXX. P. 63. К слову заметим, что французский переводчик в этот фрагмент добавил от себя одну деталь: «Une autre, que l'on n'avait pas mouchée de puis une heure, parce que personne n'osait plus remuer...» (Album Britannique... P. 210–211), которая, разумеется, перешла и в русские переводы. В переводе Замятина: «Другая, с которой более часу как не снимали, ибо каждый боялся двинуться с места...» (Дамский журнал. 1831. Ч. 33. № 4. С. 54); в переводе Джулиани: «Другая, с которой не снимали более часа, потому что никто не смел пошевелиться...» (Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1836. № 19. 4 марта. С. 149).

ОБ АВТОРСТВЕ ФЕЛЬЕТОНА «ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПРИЯТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ»

О сотрудничестве Гончарова в «Современнике» 1840-х годов нам известно крайне мало. Писатель всю жизнь либо тщательно скрывал факты публикации своих ранних литературных опытов, либо говорил о них неохотно и вскользь. Согласно свидетельству библиографа П. В. Быкова, «Гончаров писал (анонимно) в „Современных заметках“ „Современника“ по литературным вопросам»¹, но на сегодняшний день атрибутировано лишь одно произведение Гончарова из этого раздела — некролог В. Н. Майкова². Кроме этого некролога и «Обыкновенной истории», нам известно три публикации писателя в некрасовском журнале³. Но безусловно, что этим сотрудничество Гончарова в «Современнике» не ограничилось. С одной стороны, Некрасов в то время остро нуждался в сотрудниках и не мог не стараться привлечь к участию в только что основанном журнале автора прогремевшего на всю Россию романа. С другой — для небогатого чиновника Гончарова гонорары «Современника» были отнюдь не лишними.

Учитывая эти факты, обратим внимание на фельетон «Выбранные места из приятельских писем», опубликованный в последнем номере «Современника» за 1847 год⁴.

¹ См.: Венгеров С. А. Собр. соч. СПб., 1911. Т. 5. С. 234. Ср. также другое свидетельство Быкова: со слов А. Я. Панаевой он пишет, что «в „Современнике“ около года или больше Гончаров помещал скучные заметки, общественные и литературные» (Быков П. В. Силуэты далекого прошлого. М.; Л., 1930. С. 84).

² См.: Боград В. Э. Журнал «Современник». 1847–1866: Указатель содержания. М.; Л., 1959. С. 73, 484.

³ Это рецензия на книгу Д. Н. Соколова «Светский человек» (1847. № 5), очерк «Иван Савич Поджабрин» (1848. № 1) и фельетон «Письма столичного друга к провинциальному жениху» (1848. №№ 11 и 12).

⁴ Современник. 1847. № 12. Отд. IV. С. 194–201 (выход в свет — 1 декабря; см.: Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В 3 т. СПб., 2006. Т. 1: 1821–1855. С. 292–293). Фельетон был напечатан в «Смеси» в разделе «Петербургские заметки» без подписи; название приведено лишь в оглавлении журнала.

Впервые он попал в поле зрения исследователей в 1989 году. Его подверг анализу Б. В. Мельгунов, отметивший «текстуальные переключки» одного из писем фельетона с некрасовским романом «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843–1848) и сделавший вывод, что можно «говорить по меньшей мере об участии в работе над фрагментом „Выбранные места из приятельских писем“ Некрасова, использовавшего, очевидно, в нем материалы незавершенного романа...»¹

Указанные Б. В. Мельгуновым фрагменты действительно похожи.

Герой романа приходит к книгопродавцу и пытается продать свои стихотворения:

Я показал ему свою тетрадь и сказал, не хочет ли он купить мои стихотворения.

— Сти-хо-тво-рения, — произнес книгопродавец, принимая от меня тетрадь и прочитывая с расстановкою заглавный лист. — Сти-хо-тво-рения Тихо-Тихо-Тихона Мотовилова... Так-с... <...> Так вам угодно продать свои стихотворения? — сказал он, ковыряя в носу и прищуривая один глаз.

— Да. Купите и напечатайте.

— Напечатать-с. Конечно-с, долго ли напечатать-с... Тут листиков семь-с печатных, больше не будет-с... Да что толку-то-с напечатать. Стихов нынче никто-с не читает... ей-богу-с!.. Пушкин да Жуковский-с только у всякого и на уме-с! <...>

— Сколько же вы дадите? — спросил я.

Книгопродавец поворочал мою тетрадь, рассмотрел оглавление, взвесил на руке и сказал:

— Да как-с... ей-богу, не знаю... что вам и посулить... Ведь вот-с вы совсем неизвестны-с в литературе... напечатать, да потом и свищи в кулак, с позволения сказать... хи! хи! попадешься в такую беду, что *не роди мене маты на свит...* ей-богу-с! Да еще, знаете, этак немножко, то есть извините, ей-богу-с, отхлещут-с в журналах... Рубликов-с пятнадцать можно бы дать-с...²

Герой же фельетона пытается пристроить свой роман:

...два мои приятеля, люди очень образованные, — я читал им мой роман, и они остались им очень довольны, — посоветовали обратиться сперва к книгопродавцам, а если из них никто не возьмет, так отдать кому-нибудь в журнал.

¹ Мельгунов Б.В. Некрасов — журналист: (Малоизученные аспекты проблемы). Л., 1989. С. 117–118.

² Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1984. Т. 8. С. 91–92.

Прихожу я в книжный магазин Н. — «Вам что угодно-с?» — Вот, не хотите ли вы купить у меня роман? — «А как ваше имя-с?» — Такой-то. — «Не знаю-с». — Кому же знать, хотите ли вы купить роман или нет? — «Я вас не знаю-с». — Да на что вам меня знать? я продаю вам рукопись, и дело с концом. — «Нет-с, мы не покупаем романов». — Ну так прощайте. — В дверях он остановил меня, однако же, вопросом: «А сколько вы хотите за ваш роман?» — 1000 руб<лей> — «Нет-с, нельзя-с; если вам угодно... сколько в нем листов?» — Листов 20 печатных. — «Так, если угодно-с... да вы не осердитесь?..» — Говорите... сколько же? — «Так, знаете, гуртом, за весь роман... да, нет-с, право, совестно-с... рубликов-с пятнадцать...» — Как, ассигнациями? — «Ассигнациями...» А в других магазинах и ровно ничего не давали¹.

Несмотря на видное невооруженным глазом сходство этих двух фрагментов (даже цену книгопродавцы предлагают одну и ту же) нельзя не заметить, что подобный мотив не был уникальным явлением в литературе того времени, где нередко героями были либо бедные, либо начинающие литераторы и журналисты. Вот, к примеру, эпизод из повести В. М. Строева «Домик на Литейной», опубликованной в 1834 году в журнале «Сын отечества»:

Сначала он <герой повести Виктор, кстати, тоже приехавший в Петербург из провинции. — А. Б.> собрал все свои стихотворения, плоды досугов, оды, элегии, сатиры. Он читал их Зенеиде, и Зенеида плакала от радости и восторга. Он надеялся, что книгопродавцы выслушают их с таким же восторгом, что из этого восторга польется на него золотой дождь. Он пошел к книгопродавцу. Книгопродавец, посмотрев на заглавие, отвечал, что *Стихотворения* теперь не в ходу и что нельзя купить рукописи..... «Если б это был нравоописательный роман, или Сонник, или Лечебник, хоть конский, — ну! другое дело: можно было бы дать рубликов с сотню; а за стихотворения ничего нельзя дать: кто их покупает, посмотрите!»

Книгопродавец указал на прилавок, на котором лежали тоненькие книжечки in-12, в голубенькой и желтенькой бумажке. Виктор возвратился домой в глубокой печали...².

Впрочем, как мы видим, предположение об авторстве указанного фельетона высказано Б. В. Мельгуновым в крайне

¹ Там же. Т. 12. Кн. 1. С. 284. В дальнейшем фельетон будет цитироваться по этому изданию с указанием страницы в тексте.

² Строев В. Домик на Литейной // Сын отечества и Северный архив. 1834. Т. XLI. № 3. С. 163; подпись: Виктор Стройский.

осторожной форме. Утверждая участие Некрасова в написании «Выбранных мест...», исследователь оставлял возможность для дальнейших рассуждений и гипотез о степени и характере этого участия.

Однако спустя несколько лет текст «Выбранных мест...» был целиком перепечатан в основном корпусе Полного собрания сочинений Некрасова, где в примечаниях тем же Б. В. Мельгуновым было приведено еще два дополнительных аргумента в пользу его авторства.

Во-первых, было указано, что фельетон отчасти имеет рекламный характер: в номере, завершающем первый год обновленного «Современника», читателю рекомендуют Контору комиссионерства и агентства М. А. Языкова, «которая занималась, в частности, вопросами подписки на „Современник“ и его рассылкой»¹. Редакция журнала, без сомнения, была заинтересована в рекламе этой Конторы, а из соредакторов ей занимался именно Некрасов².

Во-вторых, комментатор отметил, что «по форме, характеру и содержанию этот фельетон напоминает такие произведения Некрасова 1845 г., как „Роман в письмах“, „Достопримечательные письма“»³. Думается, что этот факт не может являться веским аргументом в пользу авторства Некрасова. Эпистолярная форма в то время была чрезвычайно распространена как в беллетристике, так и в журналистике. Если пролистать «Современник» за первые годы его существования, то можно обнаружить свыше десятка подобных произведений, опубликованных в самых разных его разделах — от «Словесности» до «Мод». Как писал В. Е. Евгеньев-Максимов, «форма „переписки между петербуржцем и провинциалом“» специально «была изобретена <...> для ознакомления читателей журнала с модами и сопредельными <...> вопросами...»⁴.

¹ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 12. Кн. 1. С. 464.

² См.: Мельгунов Б.В. Журналы Н. А. Некрасова как коммерческое предприятие // Средства массовой информации в современном мире: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2000. С. 78–79. Укажем, однако, на то, что с М. А. Языковым был знаком и даже дружен и Гончаров.

³ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 12. Кн. 1. С. 464. Заметим в скобках, что «Роман в письмах» опубликован в том же издании в разделе «Dubia».

⁴ Евгеньев-Максимов В.Е. «Современник» в 40–50-е гг.: От Белинского до Чернышевского. Л., 1934. С. 225.

Добавим, что и сам Б. В. Мельгунов в цитируемой выше книге говорил, что «трудность атрибуции публицистических материалов „Современника“ состоит в том, что фельетонные обозрения, помещавшиеся в отделе „Смесь“ <...> составлялись зачастую из статей и заметок разных авторов — поставщиков материалов по различным областям культуры, науки, общественно-литературной жизни. <...> Трудно установить авторскую принадлежность каждой из частей этих фельетонов»¹. Более того, ряд материалов писался в соавторстве или подвергался серьезной правке редакцией «Современника», в частности и самим Некрасовым, который по своей воле и исходя из тех или иных соображений мог смягчать или акцентировать мнения, высказанные рядовым сотрудником журнала². Какая-то часть фельетонов для журнала сочинялась, возможно, экспромтом на дружеских обедах редакции «Современника», о которых позднее вспоминал Д. В. Григорович: «Редкий день не сходились мы в редакции, помещавшейся тогда на Невском <...>. „Современник“, можно сказать, держался своим первоначальным успехом и товарищескими отношениями между редакторами и сотрудниками. <...> Когда в зимнее время случалось персоналу редакции сходиться вместе и все более или менее чувствовали себя в хорошем настроении, происходило нечто такое, чего мне ни на какой литературной сходке, ни в каком собрании не приводилось потом видеть. <...> К серьезным литературным прениям присоединялись острые замечания, читались юмористические стихотворения и пародии, рассказывались забавные анекдоты...»³.

Принимая во внимание вышесказанное, нам уже не кажется невероятным то, что Гончаров вполне мог принять участие в создании «Выбранных мест из приятельских писем». Попробуем обосновать эту гипотезу.

Прежде всего оговоримся, что мы не хотим ставить под сомнение правомерность наблюдений и выводов Б. В. Мельгунова. Проблема же заключается в том, что сам этот фельетон неоднороден: отмеченные исследователем параллели отно-

¹ Мельгунов Б. В. Некрасов — журналист. С. 112.

² К примеру, известен случай, когда серьезной правке Некрасова подверглась рецензия самого В. Г. Белинского — на «Воспоминания» Ф. В. Булгарина (см.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 13. Кн. 2. С. 97–120, 517–519).

³ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 110–111.

сятся только к одному из писем — четвертому. Остальные пять (и вступление) не содержат характерных признаков, указывающих на авторство Некрасова.

Итак, композиционно «Выбранные места...» представляют собой шесть писем (из которых сюжетно связаны первые четыре и последние два) и предисловие к ним. В целом его содержание и проблематика таковы. Основная тема, заявленная уже в предисловии, — взаимоотношения столичных жителей и их провинциальных приятелей, которые обращаются к ним с разными поручениями. Во всех письмах обыгрывается оппозиция «провинция — столица», точнее, «провинциал — столичный житель», причем наивности и «неотесанности» первого противопоставляется внешний лоск и «умение жить» последнего. Петербургские «львы» иронизируют над сохраняющими веру в «неизменную дружбу» и «товарищеское сердце» провинциальными «пентюхами», а письма провинциалов содержат многочисленные «сердечные излияния» и «философские» отступления.

Как уже отмечалось исследователями, «в русской литературе была давняя фельетонная традиция изображения столичной <...> жизни глазами обывателя (мелкого чиновника, помещика и т. д.). <...> Некрасов воспринял и развил эту традицию как в стихотворной („Провинциальный подъячий в Петербурге“, „Говорун“), так и в прозаической форме („Хроника петербургского жителя“, „Записки Пружинина“)¹. Тема же антагонизма провинции и столицы была для Некрасова нехарактерна. Его упомянутые выше фельетоны — это просто зарисовки различных сторон петербургской жизни, увиденной часто наивными, а иногда циничными глазами шустрого провинциала. Герой фельетонов Некрасова — человек, уже освоившийся в Петербурге и рассказывающий о нем остро, забавно и увлекательно². Подобную характеристику можно приложить именно к четвертому письму из «Выбранных мест...».

Противопоставление же столичного и провинциального укладов жизни было одной из главных тем творчества

¹ Мельгунов Б. В. [Преамбула к комментарию] // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 12. Кн. 1. С. 373.

² Недаром было отмечено сходство фельетонных манер Некрасова и О. И. Сенковского (см.: Там же. С. 373–374).

И. А. Гончарова¹. Начиная с «Обыкновенной истории», в которой, по мнению исследователя, оппозиция «Петербург — провинция» является «одной из центральных»², Гончаров не раз обращался к сатирическому описанию нравов и понятий провинции. Более того, в опубликованных через год «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» мы можем найти те же мотивы, что и в упомянутом фельетоне³.

И все же именно «Обыкновенная история» наиболее близка «Выбранным местам из приятельским писем». Иногда создается впечатление, что журнальный фельетон написан как бы с целью иллюстрации основных идей гончаровского романа. Приведем несколько примеров.

1) Во вступлении к фельетону говорится, что ниже будут помещены «несколько извлечений из <...> коллекции *приятельских писем*, от разных Пиладов к многообразным Орестам» (с. 279)⁴. Петр Адуев, прочитав письмо от Марьи Горбатовой, провинциальной старой девы, некогда влюбленной в него, хотел сначала его выбросить, «но остановился. — Нет, — подумал он, — сберегу: есть охотники до таких писем; иные собирают целые коллекции, — может быть, случится одолжить кого-нибудь» (I, 198). Примечательно и упоминание Ореста и Пилада. В произведениях Некрасова их имена не встречаются⁵; у Гончарова же они упомянуты

¹ См., к примеру: *Миронова Н.* Столица и провинция в «Медном всаднике» А. С. Пушкина и «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова // Гончаровские чтения. 1994. Ульяновск, 1995. С. 34–41; *Попова Г. Н.* Провинциальный мир в «Повестях Белкина» А. Пушкина и романах И. Гончарова // Филологические записки: Вестник литературы и языкознания. Воронеж, 1999. Вып. 12. С. 180–181; *Миронова Н. В.* Пространство в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: Материалы Международ. конф., посвящ. 190-летию со дня рожд. И. А. Гончарова. Ульяновск, 2003. С. 20–25; *Войводич Я.* Семиотика города в романах И. А. Гончарова: (На подступах к проблеме) // Семиотика города: Материалы Третьих Лотмановских дней в Таллинском университете (3–5 июня 2011 г.). Таллинн, 2014. С. 190–204.

² *Туниманов В. А.* [Преамбула к комментарию] // I, 709.

³ К этому времени фельетонная форма «переписки петербуржца с провинциалом», имеющая давнюю литературную традицию, была уже освоена и другими сотрудниками «Современника» (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» в 40–50-е гг. С. 224).

⁴ Здесь и далее курсив в цитатах авторский.

⁵ В указателе имен к томам 1–10 Полного собрания сочинений и писем Некрасова их имена не встречаются; указатель же к томам 11–15 фиксирует их только в этом фельетоне.

в контексте рассуждений о дружбе не только в «Обыкновенной истории» (I, 323), но и во «Фрегате „Паллада“» (II, 37).

2) В первом из писем фельетона говорится о необходимости друзьям «делить <...> и горе, и радость, и самую жизнь» (с. 280). В гончаровском романе Александр Адуев говорит, что «душа жаждет выразиться, поделиться с ближними избытком чувств и мыслей, переполняющих ее...» (I, 222); ему «одному грустно в толпе <...>; не с кем поделиться впечатлением...» (I, 207); он жалуется на дядюшку: «Я думал делить с ним вместе время, не расставаться ни на минуту, но что встретил?» (I, 212).

3) В третьем письме из «Выбранных мест...» столичный «лев», иронизируя, произносит следующий тост: «Да будет <...> она ему верна, как верен я неизменной нашей дружбе!» (с. 282). Выражение «неизменная дружба» в различных модификациях и в ироническом контексте — типично гончаровское; к примеру: «Прожил бы ты век свой славно <...> верил бы в вечную и неизменную дружбу и любовь...» (I, 209¹); «...тут сидит и товарищ его детства, неизменный друг его, Штольц...» (IV, 76). Сходные, даже более развернутые рассуждения о дружбе находим также во «Фрегате „Паллада“»: «Когда захотят похвастаться другом, как хвастаются китайским сервизом или дорогою собольей шубой, то говорят: „Это истинный друг“, даже выставляют цифру XV, XX, XXX-летний друг и таким образом жалуют друг другу знак отличия и составляют ему очень аккуратный формуляр. Напротив того, про „неистинного“ друга говорят: „Этот приходит только есть да пить, а мы не знаем, каков он на деле“. Это у многих называется „бескорыстною“ дружбой» (II, 37). Этот пассаж с малыми изменениями перенесен в текст путевых очерков из письма Гончарова к Н. А. Майкову и его семье от 20 ноября (2 декабря) 1852 года, посланном из Портсмута (XV, 112).

4) Четвертое письмо начинается с жалобы провинциала, недавно приехавшего в Петербург: «...все высокое, все благородное стоптано в грязь, если не людьми, так обстоятельствами» (с. 283). Так же выражается и столкнувшийся со столичной действительностью Александр Адуев: «...дружба

¹ Выражения «неизменная дружба», «неизменная любовь» повторяются в «Обыкновенной истории» еще несколько раз.

и любовь — эти священные и высокие чувства, упавшие как будто ненарочно с неба в земную грязь...» (I, 209); ср. в другом месте романа: «Он <...> говорил <...> о святых, возвышенных чувствах, смятых и втоптаных в грязь...» (I, 311), и т. п.

5) Далее в том же письме сказано: «Петербург — это омут, в котором нет сил остановиться и опомниться хоть на полминуты» (с. 283). Сравнение столицы с омутом неоднократно встречается в «Обыкновенной истории». Так, мать Александра Адуева, провожая его в дорогу, произносит: «Здесь ты один всему господин, а там, может быть, всякий станет помыкать тобой. И ты хочешь бежать от такой благодати, еще не знаешь куда, в омут, может быть, прости Господи... Остайся!» (I, 178); встречая же его после долгой разлуки снова говорит о том же: «...точно из омута вырвался, голубчик мой!» (I, 437). О том же она, характеризуя петербургские нравы, говорит чуть ниже: «Подлинно омут, прости Господи: любят до свадьбы, без обряда церковного; изменяют... Что это делается на белом свете, как поглядишь! Знать, скоро света преставление!..» (I, 442–443).

6) В самом конце фельетона встречаем следующее высказывание о родственниках-провинциалах: «...ведь эти чудовища думают, что если родственник, так готов за тебя повеситься. Ха! ха! ха!» (с. 288). В таком же духе (только вполне серьезно) о жителях провинции думает и Александр Адуев: «Сосед там — так настоящий сосед, живут рука в руку, душа в душу; родственник — так родственник: умрет за своего...» (I, 206).

7) В «Выбранных местах...» есть реплика, которая почти буквально совпадает с репликой из первой части «Обломова», который был задуман как раз в то время. Сам Гончаров вспоминал, что сначала он «свои планы набрасывал беспорядочно на бумаге, отмечая одним словом целую фразу...» (7, 353). Очевидно, одна из таких фраз, заготовленная для нового романа, и была вставлена в фельетон: «Есть же на свете такие ослы, а еще жениться собирается!» (с. 281). Сходную фразу произносит и Обломов, узнав о женитьбе сына владельца квартиры, которую он снимает: «Ведь есть же такие ослы, что женятся!» (IV, 16).

К слову говоря, первое из писем фельетона написано от «романтика» Александра к «практику» Петру — и это по-

вторяет ситуацию «Обыкновенной истории». Можно также упомянуть и о том, что один из авторов писем фельетона носит фамилию Щеткин; среди же знакомых Гончарова был забытый ныне поэт Яков Александрович Щеткин, совместно с которым в майковском кружке он «издавал» юмористическую газету¹.

Следует отметить, что для творчества Гончарова весьма характерна «автоцитатность»: любимые его сравнения, обороты речи, устойчивые словосочетания кочуют из произведения в произведение, которые порой бывают разделены десятками лет. И в этом нет ничего удивительного. Писатель всегда тщательно обдумывал каждый свой замысел, каждую свою идею, нередко прежде поверяя ее письмам, а потом уже варьируя в статьях, очерках, романах. При таком творческом методе неизбежны повторы, если можно назвать повторами многочисленные вариации на какую-то основную тему. Как нам представляется, «Выбранные места...» — как раз одна из таких вариаций на одну из излюбленных гончаровских тем. Да и сам Гончаров склонен был объяснять и оправдывать возможные повторы тех или иных мыслей не только у себя, но и у других писателей. Так, в статье об А. Н. Островском он писал: «Не беда, если не скажем ничего нового, лишь бы то, что скажем, послужило вернее определить значение новой комедии, ибо трудно сказать новое после всего, что говорили об Островском. И вперед, что будут говорить о нем, а будут говорить много, тоже окажется не ново, а только будет дополнять сказанное...» (8, 151). В письме же к П. А. Валугеву от 6 июня 1877 года Гончаров высказался еще более определенно: по его мнению, «русским писателям-художникам <...> поневоле приходится повторяться из поколения к поколению <...> меняя только колорит, сообразно времени» (8, 428).

Напомним к тому же, что фельетон был напечатан в последнем номере «Современника» за 1847 год, а в конце этого года Гончаров не мог не посещать редакцию журнала, так как для первого номера 1848 года готовился очерк «Иван Савич Поджабрин», и писатель должен был заходить хотя бы для того, чтобы брать на просмотр корректуры.

Думается, всего вышесказанного достаточно для доказательства по крайней мере участия Гончарова в написании

¹ См. о нем наст. книгу, с. 155–180.

«Выбранных мест из приятельских писем», и поэтому считаем возможным предложить включить этот фельетон в корпус его сочинений. Разумеется, мы не хотим приписывать эту шуточную безделку автору «Обломова» единолично и безусловно — речь может идти только о разделе «Коллективное». Мы также совершенно согласны с Б. В. Мельгуновым, что какую-то часть фельетона сочинил (или предложил сюжет) и Некрасов, поэтому он может включаться и в его собрания сочинений, но тоже в соответствующий раздел и с соответствующими оговорками. Впрочем, вполне возможно, что дальнейшее исследование текста этого фельетона и сравнение его с текстами авторов круга «Современника» 1840-х годов выявит, что участие в создании «Выбранных мест...» принимали и другие писатели.

ОБЛОМОВ ДО «ОБЛОМОВА»

Происхождение и смысл фамилии главного героя самого известного романа И. А. Гончарова до сих пор продолжают волновать исследователей. Споры об этом ведутся, пожалуй, гораздо интенсивнее, чем споры о генезисе фамилий других ключевых героев русской литературы. Ведь Обломов не только центральный образ одноименного романа, от его фамилии самим же Гончаровым было образовано оказавшееся таким емким и ставшее нарицательным слово — «обломовщина». А как писал в предисловии к своей книге, посвященной ономастикону Достоевского, М. С. Альтман, «особое значение приобретает для нас имя литературного героя, когда с его нарицательной <...> значимостью связаны не только обладатель этого имени, но и идея произведения в целом»¹.

Ученые предлагали разные трактовки смысла фамилии главного гончаровского персонажа, но, говоря о ее генезисе, большинство сходится во мнении, что она происходит от слова «обломок»². Некоторые указывали также на старинное слово «облый», которое имело два значения: «круглый» и «толстый, неуклюжий»³. Т. И. Орнатская упоминала про «сон-обломон из русских сказок»⁴, — однако ни в одном сборнике сказок и ни в одном словаре такое значение слова «обломон», которое было бы связано со сном, нам найти не

¹ Альтман М. С. Достоевский: По векам имен. Саратов, 1975. С. 8.

² Обзоры различных мнений см.: Гейро Л. С. Роман И. А. Гончарова «Обломов» // Гончаров И. А. Обломов. Л., 1987. С. 535–537 («Лит. памятки»); Туниманов В. А. Примечания // VI, 191–194; Уба Е. В. Тайны имени // Мономах (Ульяновск). 2007. № 2 (49) (электронная версия: <http://www.monomax.sis.net.ru/main/view/article/542>); наиболее информативна статья: Тирген П. Обломов как человек-обломок: (К постановке проблемы «Гончаров и Шиллер») // Русская литература. 1990. № 3. С. 18–33.

³ См.: Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847. Т. 3. С. 19.

⁴ Орнатская Т. И. «Обломок» ли Илья Ильич Обломов? (К истории интерпретации фамилии героя) // Русская литература. 1991. № 4. С. 230.

удалось¹. Единственное известное нам употребление слова «обломон» как эпитет к слову «сон» находится в рассказе В. М. Шукшина «Далекие зимние вечера», но это нельзя не признать фактом рецепции гончаровского романа².

В настоящей заметке нам хотелось бы еще раз напомнить, что фамилия заглавного героя романа «Обломов» имеет литературное происхождение. Так звали одного из персонажей водевиля П. А. Каратыгина «Первое июля в Петергофе»³.

Комический актер Петр Андреевич Каратыгин (Каратыгин 2-й; 1805–1879) был одним из самых популярных водевилистов николаевского царствования. Успех его среди публики Александринского театра, бóльшую часть которой составляли чиновники, был огромным. Остроты из его водевилей передавались из уст в уста, а куплеты записывались в альбомах и разучивались наизусть. Каратыгин пользовался «постоянным благоволением»⁴ Николая I, который не только одаривал его высочайшими подарками, но даже подсказывал сюжеты и ограждал от излишнего цензорского рвения: об этих случаях драматург рассказывает в своих мемуарах. Его перу принадлежит около полусотни водевилей (значительная часть их — переделки с французского), последние из которых написаны незадолго до кончины⁵. Однако пик

¹ Слово «обломон» (точнее, «обламон») определяется как «обманщик, плут» (см.: Словарь русских народных говоров. Л., 1987. Вып. 22. С. 84) или «бранное слово, нечто вроде неуклюжий» (Иванов Е. П. Меткое московское слово. М., 1982. С. 223; ср. с. 209).

² Ср.: «...Разбудить их, наверно, было нелегко. Когда Ванька всплыл из тягучего сладкого сна на поверхность, мать говорила:

— ...Это что же за сон такой, обломон... сморил моих человечков. Ух, он сон какой!..» (Шукшин В. М. Собр. соч.: В 6 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 76). В словаре шукшинской лексики слово «обломон» трактуется так: «О глубоком сне, забытьи», и сообщается, что оно происходит от слов «обломать» или «обломить», без отсылок к гончаровскому роману (см.: Елистратов В. С. Словарь языка Василия Шукшина. М., 2001. С. 213).

³ Впервые на это было указано в статье: Шахматова Т. С. «Водевильное повetrie» в русской литературе XIX века // Учен. зап. Казанского гос. ун-та: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 6. С. 70–76. Эта работа не учтена в гончаровской библиографии; о ней нам стало известно лишь на заключительном этапе подготовки настоящего сборника к печати.

⁴ Каратыгин П. А. Записки: В 2 т. Л., 1929. Т. 1. С. 427.

⁵ Полный перечень пьес см.: <Нелидов Ю. А.> Труды П. А. Каратыгина // Каратыгин П. А. Записки. Т. 2. С. 417–426; дополнения и уточнения есть в изд.: Каратыгин П. А. Записки / Вступ. ст., коммент., указ. С. В. Денисенко. СПб., 2011. С. 392–400.

его популярности пришелся именно на конец 1830-х — первую половину 1840-х годов.

Водевиль «Первое июля в Петергофе» впервые был представлен на сцене 12 апреля 1839 года, выдержал в этом году еще тринадцать представлений и периодически возобновлялся вплоть до 1847 года¹. Для того времени это было успехом: рядовой водевиль (тем более написанный для бенефиса), как правило, представлялся несколько раз, а потом навсегда сходил со сцены. Вот как сам Каратыгин рассказывает про обстоятельства его создания и постановки:

В <...> 1839 году я для своего бенефиса написал водевиль: «1-ое июля в Петергофе» (ежегодный праздник в день рождения императрицы). Когда бенефис мой уже был выставлен на афише, государь, увидя меня в Михайловском театре, позвал к себе и с улыбкой сказал мне:

— Я видел на афише твой бенефис; ты берешь сюжеты из моих поместий? Что же тут представляется?

— Ваше величество, — отвечал я ему, — представить лицевую сторону этого великолепного праздника на театре нет никакой возможности, — он выше всякого описания, — и потому я взял только изнанку его; представил задний двор и гулянку людей среднего и простого класса.

— Ну, в этот день мне не случалось туда заглядывать, — отвечал государь. — Что же, ты говоришь что-нибудь и об Петергофском помещике?

— Ваше величество, местность, выбранная мною и пошлость действующих лиц не позволила мне упомянуть об нем.

— Приеду, непременно приеду к тебе в гости.

Я низким поклоном поблагодарил государя за обещанную милость, и он сдержал слово — удостоил своим посещением мой бенефис вместе с императрицей, великим князем Михаилом Павловичем, наследником и другими великими князьями. Через неделю после бенефиса получил я брильянтовый перстень².

Популярность водевиля подтверждается и отзывами театральных обозревателей. «Г-н Каратыгин второй <...> хорош был <...> в маленькой своей шалости, названной „Первое июля в Петергофе“, — писал рецензент „Северной пчелы“ Ф. А. Кони. — В Петергоф съехались особы разного звания,

¹ См. репертуарную сводку в изд.: История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3: 1826–1845. С. 293; М., 1979. Т. 4: 1846–1861. С. 372.

² Каратыгин П. А. Записки. Т. 1. С. 428, 431.

и отправляются смотреть иллюминацию. Перед вами является карета, начиненная дамами и картонками; придворный полотер, промышляющий квартирами, стряпчий, ходящий по делам в аллеях Петергофа, чиновник, спящий без просыпа, портной немец и портной русский и, наконец, кантонист Лычкин, у которого правая рука в канцелярии <...>. Вы смеетесь от начала до конца и весело выходите из театра. Цель шутки достигнута, и автору большое *спасибо!*¹. В «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» ему вторил В. С. Межевич: «..., Первое июля в Петергофе» можно бы назвать весьма удачною пьесою. Барыни и барышни, набитые в карете, купчихи под зонтиком с чашками чая в руках, чиновники, отдыхающие на сеннике и многое другое — все списано с природы довольно верно: мы видали часто подобные картины в Петергофе». И далее он отмечал персонажей, во многом определивших счастливый прием водевиля у публики: «...забавнее всех два подмастерья, русский и немец. У обоих у них один фрак, и покуда один гуляет в Петергофе, другой в тиковом халате прохаживается между каретами. Гг. Воротников и Григорьев 2-й возбуждали повсеместный и громкий хохот»². Один из этих подмастерьев и носил фамилию знаменитого гончаровского героя.

Каратыгинский Обломов — портной, приехавший на петергофский праздник вместе со своим коллегой-немцем, которого зовут Карл Мустер и который произносит свои реплики с характерным акцентом. Заметим, что и в рукописях «Обломова», и в первой публикации отрывка из будущего романа («Сон Обломова», 1849) Штольц носит имя

¹ Северная пчела. 1839. № 91. 26 апр. С. 362–363 (подпись: Ф. — — ни). Немного позднее в этой же газете появился и анонимный отклик на публикацию водевиля: «„Первое июля в Петергофе“ имеет, конечно, интерес местный, но пусть москвичи и провинциялы, которым неизвестна и едва ли постижима удивительная бивачная жизнь петербургских жителей во время знаменитого гулянья, подивятся и посмеются этой странной картине. Ну кто из домовитых, привязанных к удобствам жизни москвичей и провинциялов поверит, что можно целый день прожить в карете, пить там чай, кофе, обедать, одеваться, раздеваться и заплатить за такие каретные удобства столько, сколько в губернском городе стоит порядочная квартира на полгода?» (Там же. № 116. 27 мая. С. 463).

² Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1839. № 17. 29 апр. С. 372; подпись: Л. Л.

Карл.¹ Диалогам Обломова и Мустера отдано два явления водевиля — седьмое и девятое. Как уже упоминалось выше, у них на двоих только один фрак, который они надевают по очереди. Фрак этот принадлежит Мустеру, но Обломов приглашает всё старание, чтобы как можно дольше пощеголять в нем среди гуляющих. Сам же Обломов приехал на гуляние в халате — и здесь можно увидеть еще одну переключку с гончаровским романом: халат как раз и является одним из главных атрибутов Ильи Ильича².

Итак, пока один герой водевиля гуляет во фраке, другой, надев халат, вынужден сидеть на задворках. Седьмое явление полностью посвящено попыткам Мустера отнять свой фрак у Обломова и, соответственно, попыткам Обломова его не отдать³:

Обломов. Ну, Карлуша, благодарствуй, красавчик, за твое одолжение. Вот тебе за это сигарка. Ну! везде выходил, все высмотрел... ну уж сад... объядень! Все прекрасно, только жаль не позволяют курить табак да по траве ходить.

Мустер. Но моя фрак?

Обломов. погоди крошечку, я тебе расскажу, что я видел...

Мустер. Но я лучше сама посмотри; давай моя фрак.

Обломов. Вот тебе одна твоя перчатка, а другую, извини, потерял; да вот ты пойдешь, так может быть найдется там где-нибудь у Самсона или в другом месте... гуляй, да посматривай под ноги; но только не обижайся.

Мустер. Но моя фрак?

Далее Обломов объясняет Мустеру, почему его фрак мокрый и почему трещит по швам, пытаясь отвлечь разговором о дружбе: «Мы останемся друзьями по-старому, только не обижайся. Очень весело иметь в случае нужды короткого приятеля», а после очередного требования того: «Давай моя

¹ См., в частности: V, 39, 56, 60, 70, 71, 457 и др. О том, как в процессе работы над романом Карл Штольц превратился в Андрея, см.: *Гейро Л. С.* История создания и публикации романа «Обломов» // Гончаров И. А. Обломов. С. 600–603. Стоит отметить также, что «Мустер» — фамилия говорящая; в переводе с немецкого «muster» означает «образец». Возможно, создавая характер Штольца, который являлся для Ильи Обломова своего рода образцом, Гончаров вспомнил и другого персонажа каратыгинского водевиля.

² Об этом см.: VI, 192–193; примеч. В. А. Туниманова.

³ Водевиль цитируется по первой публикации: Репертуар русского театра. 1839. Т. 1. Кн. 5.

фрак», между ними происходит следующий обмен репликами:

Обломов. Сию минуту; только, брат, я забежал тебя попросить, не одолжишь ли еще попользоваться?

Мустер. Nein! Снимай моя фрака.

Обломов. Нечего делать; а я так важно корчил в саду нынешних франтов, да это и немудрено: надень короткое платье, отпусти длинные волосы, да отпускаяй всякий вздор — вот и фронт! Послушай, Карлуша, ведь ты уже в нем поутру гулял, дай надеть хоть на люминацию?

Мустер. А я сама?

Обломов. Да вашу братью куда хочешь во всякой одежи пустят. Это только нас по платью встречают.

Мустер. Отдавай моя фрака.

Обломов. Сейчас! полно кричать — снимай же мой халат.

Мустер. Нет, здесь не снимаются; здесь ходит господа...

Обломов (*пробуя снять*). Да, в самом деле не снимаются, так я лучше совсем не сниму.

Мустер (*взяв его за руку*). Нет, нет, пойдем на сарай.

Обломов. Ну, ну, пойдем. Оох! надевал, так было в пору, а как теперь пришлось не в пору скидывать, так и с плеч не лезит.... Ну уж друг немецкий даст да и отнимет.

(*Уходят в сарай.*)

В девятом явлении на сцене — «Мустер (*во фраке*)» и «Обломов (*в халате и в огорчении*)»; предметом их диалога опять является фрак:

Обломов. Сделай одолжение, одолжи пощеголять на люминации; небось не сожгу.

Мустер. Nein, nein, пошла вон.

Обломов. Хорошо же, с евтих пор не называй меня другом.

Мустер. Хорошо, пошла вон.

Обломов (*идет и возвращается*). Так не дашь?

Мустер. Nein, пожалиста, пошла вон.

Обломов. Нечего делать, пришлось быть в гостях как дома — в халате.... (*напевает.*) «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».

С этими словами Обломов уходит и больше на сцене не появляется.

Разумеется, в характере каратыгинского Обломова нет ничего от гончаровского героя: своей назойливостью и риторикой он напоминает, скорее, Тарантьева, который «питал какое-то инстинктивное отвращение к иностранцам» и счи-

тал Штольца «продувной шельмой» (IV, 50). Заметим также, что первое появление Тарантьева у Обломова заканчивается просьбой одолжить фрак на свадьбу знакомого, а слуга Обломова Захар не дает, так мотивируя свой отказ: «Пусть они принесут назад жилет да нашу рубашку: пятый месяц гостит там. Взяли вот этак же на именины, да и поминай как звали <...> Не дам фрака!» (IV, 53).

В литературе уже отмечались перекички гончаровских романов с драматургией того времени, в частности, с водевилями Каратыгина¹. Разумеется, нет оснований говорить о каких-либо прямых заимствованиях Гончарова из «Первого июля в Петергофе»². Но сама забавная фамилия русского портного и его отношения с коллегой-немцем могли запомниться будущему автору «Обломова» после посещения Александринского театра, и впоследствии он бессознательно — или осознанно? — использовал их как материал для романа. Характер «праздного ленивца» Гончаров уже набросал в одной ранней повести, не предназначавшейся для печати — это Никон Устинович Тяжеленко из «„Лихой болести“» (1838). Однако в будущем романе этот герой приобрел иной темперамент, иные черты личности и биографию, а также иную фамилию, которая впоследствии станет нарицательной.

¹ См.: *Калинина Н. В.* И. А. Гончаров и театр: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. С. 14–15. К приведенному в этой работе списку перекичек и реминисценций можно добавить еще одну: фамилию главного героя романа «Обрыв» (Райский) имеет один из второстепенных персонажей «Комедии из современной жизни» Н. И. Кроля (СПб., 1849).

² Ср. мнение Т. С. Шахматовой: «Прямым влиянием „Первого июля в Петергофе“ является исходная ситуация романа Гончарова. Только представлена она с точностью до наоборот. Если для героев водевиля гулянье — желанная цель, то Обломов Гончарова находит массу аргументов, чтобы отказаться ехать в Екатерингоф на первомайское гуляние, куда его упорно зазывают многочисленные гости. Таким образом, очевидно, что Гончаров не только не старался скрыть подлинный источник своих героев, но нарочно подчеркнул их родство с персонажами названного водевиля» (*Шахматова Т. С.* «Водевильное поветрие» в русской литературе XIX века. С. 74). Нам эта точка зрения не кажется убедительной.

**О НИЧЕГО НЕ ПИШУЩЕМ МЭТРЕ,
или
ПОЧЕМУ ГОНЧАРОВ РЕШИЛСЯ ЗАВЕРШИТЬ
РОМАН «ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ РАЙСКОГО»**

3 марта 1867 года в фельетоне газеты «Санкт-Петербургские ведомости» была опубликована заметка, на следующий день почти дословно перепечатанная «Биржевыми ведомостями»:

Г. Гончаров окончил новый роман, который оспаривают два лучшие петербургские журнала. Тот и другой дают требуемую автором полистную плату, тот и другой одинаково пользуются уважением романиста. Как порешить спор? Я слышал, будто оба редактора отправятся к г. Гончарову пообедать и дружелюбно бросят жребий между собою¹.

Эту заметку можно было бы счесть не заслуживающей внимания сплетней, если б не одно обстоятельство. Ее автором был Алексей Сергеевич Суворин — человек, чрезвычайно сведущий во всем, что происходило в литературном мире Петербурга. Воскресная колонка Суворина «Недельные очерки и картинки» в «Санкт-Петербургских ведомостях», которую он вел под псевдонимом «Незнакомец», пользовалась немалым успехом у публики. После вынужденного ухода из этой газеты в 1874 году он собрал часть своих фельетонов в книжку² и продолжил их под тем же названием на страницах «Биржевых ведомостей». Молодой журналист был дружен со многими известными литераторами, пользовался их симпатией и доверием. Упомянутые в заметке петербургские журналы — «Вестник Европы» и «Отечественные записки», их редакторы — М. М. Стасюлевич и Н. А. Некрасов; обоих Суворин прекрасно знал. Вскоре после появления заметки между ними разгорелось заочное соревнование за право публикации нового, тогда еще недописанного гончаровского романа. Поэтому можно предположить, что известие о готовящемся к печати новом романе автора «Обломова» и споре

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1868. № 61. 3 марта. С. 2.

² См.: Суворин А. С. Очерки и картинки. СПб., 1875. Кн. 1–2.

за него было не просто вымыслом досужего фельетониста, а, как мы попытаемся доказать ниже, ироничным отголоском реального разговора. Во всяком случае, кажется, именно этой заметке суждено было стать тем катализатором, благодаря которому роман, получивший в итоге название «Обрыв», был наконец закончен и опубликован.

Напомним обстоятельства, которые предшествовали ее появлению.

В 1866 году профессор Санкт-Петербургского университета Михаил Матвеевич Стасюлевич начал издавать журнал «Вестник Европы». Первые два года он выходил один раз в квартал в формате ученого сборника, с 1868 года Стасюлевич получил разрешение расширить программу, включив туда и беллетристику, а также превратить издание в ежемесячник. В это время петербургская журналистика переживала не лучшие времена: в 1865 году прекратился журнал «Эпоха», в 1866-м были закрыты «Русское слово» и «Современник», а «Отечественные записки» уже несколько лет пребывали в кризисе. Стасюлевич понимал, что должен воспользоваться благоприятной для себя ситуацией и постараться собрать в своем журнале лучшие литературные силы.

Для этого он, в частности, обратился за помощью к своему коллеге по Литературному фонду П. В. Анненкову. Еще в июне Анненков предлагал Стасюлевичу для публикации рассказ Тургенева «Бригадир» («...предоставленный в мое распоряжение и который я решительно не знаю где поместить»¹) и сообщал адрес его автора, «если вздумаете пригласить его <...> на постоянное сотрудничество в Вест<ник> Европы»². Воспользовавшись случаем, Стасюлевич в письме из Пирмонта от 4 (16) июля 1867 года спросил Анненкова также о творческих планах автора «Обломова»: «Вы также хорошо, кажется, знакомы с Гончаровым; нельзя ли Вам и у него понаведаться: нет ли чего?»³. Эта же просьба была повторена в следующем письме, от 10 (22) июля: «Да и относительно Гончарова, посоветуйте, не спешит ли какой

¹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 293.

² Там же. С. 294.

³ ИРЛИ, ф. 7, № 91, л. 16 об.

М. М. Стасюлевич

фрукт в его саду?»¹. Анненков ответил редактору «Вестника Европы» 16 июля: «Гончаров <...> за границей, в Бадене кажется. Не мешает Вам обратиться к нему с предложением сотрудничества, узнав на месте, где он обретается, разумеется. Советую только предварительно набить руку, посредством упражнения, в составлении восточных гипербол и бухарских форм переписки. Он это любит и будьте уверены, что вы еще не изобретете такого чудовищного сравнения, которое показалось бы ему лестию. Всего лучше послать такое письмо на имя Тургенева; он знает адрес сего Емира»². Однако

¹ Там же, л. 18 об.

² М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 3. С. 295–296.

Стасюлевич не воспользовался советом старшего товарища. «За ответ относительно Гонч<арова> благодарю, — писал он Анненкову 23 июля (4 августа), — но вот в чем беда! Из всех восточных гипербол я не знаю самой важной и самой обыкновенной, а именно: я не знаю его имени и отчества; помнится одно, что его имя начинается как у Тургенева, а конец, кажется, не тот. За этим препятствием я и остановился ему писать; впрочем, поспею из Петербурга, куда мне бедному приходится вернуться к 10 августа»¹.

Гончаров лето 1867 года действительно проводил в Бадене, куда уехал с надеждой продолжить свой недописанный роман «Эпизоды из жизни Райского». Три его фрагмента были опубликованы еще в начале 1860-х годов², затем работа застопорилась, и к тому времени были написаны лишь три части из предполагавшихся поначалу четырех. Но и этим летом Гончаров не испытал творческого подъема, работал мало, в его письмах сквозит усталость и апатия³. Он вернулся в Петербург 1 сентября с желанием «оставить вовсе роман, не дописывая»⁴, и погрузился в служебную деятельность на посту члена Совета по делам книгопечатания — до выхода в отставку, последовавшую 29 декабря, ему оставалось четыре месяца.

О настроении Гончарова и его занятиях в первые месяцы 1868 года отчасти можно судить по его письмам Тургеневу. Их переписка возобновилась в январе, когда Тургенев, еще не зная, что Гончаров вышел в отставку, обратился к нему с просьбой посодействовать запрещению ввоза в Россию контрафактного издания его романа «Дым», выпущенного в Берлине. В этом же письме содержался вопрос о литературных занятиях Гончарова, заданный в очень осторожной форме: Тургеневу, конечно, был памятен их известный конфликт восьмилетней давности. «Что Вы поделяваете хорошего, с тех пор как улетели отсюда на берега моря вместе с Феоктистовыми <...>? Так же ли спокойно и однообразно

¹ ИРЛИ, ф. 7, № 91, л. 21 об.-22.

² См.: VIII, кн. 1, 5–114.

³ Об этом см.: *Гейро Л.С.* «Сообразно времени и обстоятельствам...»: (Творческая история романа «Обрыв») // Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 125.

⁴ *Гончаров И.А.* Необыкновенная история // Литературное наследство. Т. 102. С. 219. Ср. там же: «...в Петербурге, под серым небом, большею частью в дурную погоду, мне не писалось» (с. 210).

бежали дни — или выдалось что-нибудь новое — хотя бы в форме припадка сочинительства? Последнее было бы великим счастьем для читающей публики»¹.

Гончаров ответил 10 (22) января²; его письмо чрезвычайно любопытно как психологический документ и, несомненно, нуждается в развернутом комментарии. Внешне соблюдается максимально непринужденный, дружеский тон, однако нельзя отделаться от ощущения, что каждое слово старательно взвешивается, чтобы избежать случайных проговорок и не сообщить своему бывшему (как показали дальнейшие события — и будущему) литературному недругу ничего о своих творческих планах.

Начинается письмо с сообщения об отставке, последствия которой Гончаров комментирует так: «Прослужив 30 лет, я счел себя вправе успокоиться и отдохнуть, все, что мне теперь остается, так как свобода теперь для меня — мертвое благо, которым я не могу воспользоваться производительно. К тому же могу сказать про себя: „но не всегда мила свобода тому, кто к неге (то есть к жалованью) приучен“ — понеже пенсия <...> дает средства — существовать, но без всякой неги, даже без хороших сигар, которые, если пожелаю курить — должен выкидывать какие-нибудь литературные штуки, а между тем не чувствую к таковым ни охоты, ни сил» (8, 322)³. Отметим, что это пишется тогда, когда если

¹ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1990. Т. 8. С. 93 (письмо от 2 (14) января 1868 г.).

² На подлиннике стоит дата: «10 / 22 февр. 1868» (ИРЛИ, № 5779, л. 17); под этой датой письмо публиковалось во всех изданиях, однако она вне всякого сомнения является ошибочной, что еще в 1977 году обосновала О. В. Якимова (см.: *Литературное наследство*. М., 1977. Т. 87. С. 605–606); к ее аргументам следует добавить также, что 8 января датируется письмо Гончарова начальнику Главного управления по делам печати М. Н. Похвисневу с ходатайством по поводу «Дыма» (см.: *Блинчевская М.* *Неизвестные письма И. А. Гончарова // Вопросы литературы*. 1962. № 6. С. 183; письмо хранится в ОПИ ГИМ, не опубликовано), о котором он упоминает как о написанном на следующий день после получения цитированного выше тургеневского письма от 2 (14) января. К сожалению, сообщение О. В. Якимовой не было учтено исследователями, и ошибочная авторская дата не исправлена до сих пор (см., в частности: 8, 322; *Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 174; Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1867–1870) / Сост. Н. Н. Мостовская. СПб., 1997. С. 59).*

³ Уточнено по подлиннику: ИРЛИ, № 5779, л. 17.

еще не осуществляется, то уже задумывается переиздание романа «Обыкновенная история», которое выйdet из печати через два месяца, в начале марта, и текст которого был автором серьезно переработан. Между тем Гончаров не счел нужным рассказать об этом своему корреспонденту, отделившись гладкой, ни к чему не обязывающей фразой про «литературные штуки». Далее он сообщает Тургеневу о том, какие принял меры по его просьбе, а потом отвечает на вопрос о «припадке сочинительства»: «Вы спрашиваете, пишу ли я: да нет. Может быть, попробовал бы, если б не задался давно известной Вам, неудобоисполнимой задачей, которая, как жернов, висит у меня на шее и мешает поворачиваться. Да и какое писанье теперь, в мои лета. Боткин называет все написанное в этих тетрадах разбитым барельефом и советует так и напечатать: так, но ведь надо бы кончить, а у меня моральная невралгия в пальцах. Читал я Феокистовым, буду на днях читать Толстым; многое хвалят, а все остальное возбуждает вопросы и объяснения как материал» (8, 323)¹.

Сразу обратим внимание, что на дипломатичный, совершенно необязательный вопрос Гончаров отвечает серьезно и подробно, сразу сводя разговор к своему неоконченному роману. Он мотивирует творческое молчание и своим возрастом, и тем, что не хочет писать ничего нового, не осуществив давнишний, хорошо известный Тургеневу замысел. Но при этом тут же, ссылаясь на мнение Боткина, намекает, что не исключает возможности напечатать роман, не завершив его, а тем более не отказывается читать уже написанное друзьям². За всем этим видится старая боязнь Гончарова, что Тургенев опять посягает на его творческие замыслы, пытается добыть сведения о движении сюжета романа, чтобы снова извлечь материал для собственных повестей и рассказов. Между тем у нас нет свидетельств того, что Гончаров читал кому-либо будущий «Обрыв» в 1867-м и зимой 1868 года. Если же

¹ Уточнено по подлиннику: ИРЛИ, № 5779, л. 17 об.-18.

² Следует заметить, что Гончаров едва ли мог читать роман по черновой рукописи; очевидно, это были копии, выполненные В. М. Кирмаловым (первая часть) и Ек. П. Майковой (вторая и третья части). Таким образом, зная дату окончания сотрудничества Майковой с Гончаровым, можно ставить вопрос, в каком объеме ознакомил слушателей со своим романом Гончаров в 1867 и 1868 годах.

чтение Феокистовым действительно имело место, то состоялось оно скорее всего летом, когда они вместе отдыхали в Баден-Бадене, чтение у Толстых состоится значительно позже, почти через два месяца.

Спустя же две недели, в следующем письме к Тургеневу от 22 января (3 февраля)¹ Гончаров после обязательных слов о «разных недугах», «упадке или раздражении нерв» снова заговаривает о романе и об интересе к нему со стороны его знакомых: «А между тем ко мне все пристают с романом, когда, где — и уж распустили слух, что я и печатаю! Мне кажется, что все смеются надо мной, в том числе и Вы (тоже спросили в последнем письме: „что-мол — пишете ли?“): как будто не видите и не знаете, что я уж от-писал и больше писать не могу. Толстые теперь желают послушать: Боткин им насказал, что у меня есть какой-то *разбитый „барельеф“*. Ну да Бог с Вами: смейтесь, хотя это невеликодушно — сделать, кончить свое дело с торжеством, с блеском, да и потрунить над отставшим лентяем и калекой»². В последней фразе уже ясно видны зачатки того душевного состояния, той подозрительной ревности, которая спустя десять лет приведет Гончарова к созданию «Необыкновенной истории», полной нелепых обвинений в адрес Тургенева и его литературных друзей. Здесь же это пока прячется под маской добродушной иронии и самоиронии, но про дело, конченное «с торжеством и блеском», то есть про серию получивших всероссийское признание романов и повестей Тургенева, идеи и сюжеты которых, по мнению Гончарова, были украдены из его неоконченного романа, говорится всерьез. Думается, преувеличением является и сообщение про распространившиеся слухи о новом романе и о намерении его печатать.

Вот как вспоминал о том времени Гончаров: «С 1867 на 1868 год здесь провели зиму граф Алексей Константинович Толстой <...> с женою, — писал он в „Необыкновенной истории“. — Его все любили за ум, за талант, но всего более за его добрый, открытый, честный и всегда веселый характер. Все льнули к ним, как мухи; в доме у них постоянно была

¹ В подлиннике ошибка: 9 февраля (ИРЛИ, № 5779, л. 15).

² ИРЛИ, № 5779, л. 16–16 об. В единственной публикации этого письма (И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома. Пб., 1923. С. 57–60) цитированный фрагмент напечатан с важным пропуском и искажающими смысл неточностями.

толпа — и так как граф был ровен и одинаково любезен и радушен со всеми, то у него собирались люди всех состояний, званий, умов, талантов, между прочим, beau monde¹, где у него были и родство и дружба. <...> Мы сблизились с ним еще прежде, в Карлсбаде, а тут *виделись каждый день*. Они звали меня беспрестанно — и я бывал *почти ежедневно у них*². В то же время часто посещал дом Толстых и Стасюлевич, еще летом прошлого года высказывавший желание привлечь автора «Обломова» к сотрудничеству в своем журнале. Постоянным гостем Толстого редактор «Вестника Европы» стал с начала ноября 1867 года, и это знакомство вскоре переросло в настоящую дружбу. Стасюлевич бывал у Толстых по понедельникам, а кроме того посещал литературные чтения и музыкальные вечера: в его письмах к жене³ часто упоминается об обедах и вечерах у графа, где его «полюбили и принимают, как родного»⁴. О регулярном же участии в этих вечерах Гончарова не находится свидетельств ни в переписке, ни в дневниках, ни в мемуарах современников. Это заставляет отнести к словам автора «Обрыва» о каждодневных встречах с Толстым с определенным недоверием. Впрочем, Стасюлевич и Гончаров часто встречались у Толстых едва ли могли, поскольку посещали салон графа в разные дни недели: первый бывал по понедельникам, а второй по четвергам⁵.

¹ высшего света (фр.).

² Гончаров И. А. Необыкновенная история. С. 219; курсив наш. — А. Б.

³ Во второй половине 1867 года Л. И. Стасюлевич уехала на лечение за границу, с того времени М. М. Стасюлевич писал ей каждый день, подробно сообщая о своих повседневных делах. К сожалению, эти письма сохранились далеко не все: очевидно, значительная их часть была изъята и уничтожена вскоре после смерти Стасюлевича. Об этом можно судить по тому, что в распоряжении М. К. Лемке, редактора издания «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», были уже только те письма, что дошли до нас; отрывки из них он обильно цитировал в примечаниях к этому изданию. Несколько неопубликованных фрагментов было напечатано Н. Г. Розенблюмом (Русская литература. 1969. № 1. С. 166–167) и процитировано В. Е. Кельнером в книге «Человек своего времени: М. М. Стасюлевич: Издательское дело и либеральная оппозиция» (СПб., 1993. Гл. III).

⁴ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 2. С. 305.

⁵ В одном из писем к Тургеневу (о котором ниже), Гончаров сообщал: «Мы часто видимся с Алексеем Толстым: он с женой живет недалеко от меня <...> и имеет четверги» (8, 323).

Мы точно не знаем, когда Гончаров познакомился с редактором «Вестника Европы», однако к середине января они уже должны были быть знакомы. 18 (30) января 1868 года Стасюлевич писал жене: «...меня звал на литературный вечер к себе Безобразов. Публика у него оказалась самая блестящая: Николай и Георгий Лейхтенбергские, гр. Литке, графин<я> Толстая (муж все еще не вернулся из-за границы, воротится через несколько дней), Гончаров, Майков, множество академиков и т. д. и т. д. Майков читал свои сочинения; я пробыл там до 12 ч. и сейчас вернулся домой»¹. Через несколько дней Стасюлевич задумал дать обед в честь выхода первых двух номеров «Вестника Европы» (которые объединялись в один том), и 29 января (10 февраля) сообщал жене: «...уже все приглашены; а если ты знаешь тех, кто писал в 1 томе (январь–февраль), то ты знаешь и гостей. <...> Из не-писавших в первом томе будут только трое: Егор П. Ковалевский, Гончаров и Корш. Первые двое как будущие сотрудники, а последний как представитель ежедневной прессы. Гр. Толстой сегодня вечером вернулся из Веймара; я был у них вечером <...>, и он приехал при мне, так как машина <т. е. паровоз; имеется в виду поезд. — А. Б.> пришла только в 10 час. вечера. Всех гостей будет 16, и я думаю, что обед удастся, т. е. не будет натянут. За тем в пятницу следует обед литературного фонда, а в субботу литературный вечер в память Крюлова. С четверга всю неделю будем кутить вплоть до самой масленицы»². Здесь обращает на себя внимание контекст упоминания Гончарова. Стасюлевич, несомненно, рассчитывает на сотрудничество маститого писателя, но пока явно не представляет, в каких формах это может быть осуществлено. Следующий раз редактор «Вестника Европы» видится с Гончаровым 5 февраля — и опять ни слова о романе, хотя, как видно из письма, Стасюлевич активно пользовался возможностью посещать общество Толстых для вербовки будущих сотрудников: «Обедал сегодня у <А. К.> Толстого <...> У Толстых мне всегда хорошо; хотя общество было большое, но милое и полезное для меня. Между прочим с нами обедал Гончаров и Майков (поэт)»³. Подоб-

¹ ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 101, л. 72. Частично процитировано в кн.: Кельнер В. Е. Человек своего времени: М. М. Стасюлевич. С. 36.

² Там же, л. 78–78 об.

³ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 2. С. 306–307.

ные нейтральные упоминания имени Гончарова в письмах к жене означают, что ни осенью 1867-го, ни в первые два месяца следующего года Стасюлевич не имел представления, что же имеется в портфеле автора «Обломова». Невозможно представить, чтобы слухи о новом романе Гончарова прошли мимо него, иначе переговоры о публикации начались бы уже в январе или даже раньше.

С другой стороны, в беллетристике нуждался и редактор другого, фактически нового петербургского журнала — Н. А. Некрасов, с 1868 года ставший во главе «Отечественных записок». Этот человек находился в эпицентре литературных новостей и слухов, и не преминул бы обратиться к Гончарову с самым заманчивым финансовым предложением относительно публикации его романа. В скобках заметим, что спустя некоторое время так и произойдет.

Между тем заканчивается февраль — и никто из редакторов не проявляет к Гончарову и его незаконченному роману (с вопросами о котором якобы к нему «все пристают») никакого интереса. И вот тут случается событие, после которого, как кажется, дело сдвигается с мертвой точки. В пятницу 1 марта в доме В. П. Боткина А. К. Толстой устраивает чтение только что законченной им пьесы «Царь Федор Иоаннович», предназначенной для «Вестника Европы». На это чтение были приглашены люди, знавшие ситуацию с гончаровским романом и заинтересованные как в том, чтобы он был наконец завершен и напечатан, так и в том, чтобы «Вестник Европы» получил первоклассную художественную вещь, — А. В. Никитенко, П. В. Анненков, А. Н. Майков. Присутствовали также и Гончаров со Стасюлевичем.

Сейчас мы можем только строить предположения о том, как происходило это чтение и как повернулся разговор после него. Хотя дневниковую запись о вечере оставил Никитенко, но он говорит только о впечатлениях от самой пьесы¹. Однако мы почти не сомневаемся: известие о том, что в портфеле Гончарова есть прекрасный, но незавершенный роман, Стасюлевич услышал именно в тот день.

Попробуем представить ход событий. Возможно, после чтения слушатели заговорили о том, где и когда «Царь Федор Иоаннович» будет напечатан, после этого зашла речь

¹ См.: Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. [Л.], 1956. Т. 3. С. 115–116.

о «Вестнике Европы» и о его новом лице, о том, как ему нужны художественные произведения — и кто-нибудь из осведомленных людей (вероятнее всего, сам хозяин дома) обратился к Гончарову с вопросом, когда же будет закончен его роман и не хотел ли бы он отдать его Стасюлевичу. Разумеется, Гончаров ответил примерно то же, что мы читали выше в его письмах к Тургеневу. Но зерно уже было брошено: Гончаров увидел неподдельный интерес к своему задушевному детищу, Стасюлевич узнал про его существование. Спустя два дня в «Санкт-Петербургских ведомостях» появится приведенная в начале статьи заметка.

Чрезвычайно показательно, что Гончаров считал необходимым на нее отреагировать. 6 марта в газете А. А. Краевского «Голос», которую регулярно читал и в которой время от времени сотрудничал писатель, появилось опровержение: «И. А. Гончаров просил нас заявить, что помещенное между литературными новостями в „Санктпетербургских ведомостях“ 3-го марта и повторенное на другой день в „Биржевых ведомостях“ известие о том, что он кончил новый роман и готовится печатать его в одном из журналов, неверно, что он не занимается окончанием никакого романа и в настоящее время не готовит ничего для печати»¹. Но было поздно: забавный сюжет о ничем не пишущем мэтре и редакторском обеде стал достоянием публики — и желтой прессы.

На следующий день известие о гончаровском заявлении было опубликовано в «Петербургской газете» под ехидным заглавием «Романист, публично заявляющий о своей бездеятельности»², а еще через три дня оно было подробно обсуждено в фельетоне «Петербургского листка»:

Поговорив еще несколько времени с добрым обывателем, я узнал от него, что г. Незнакомец большой руки мечтатель, ибо и новый роман г. Гончарова, и жребий, который собрались кинуть два редактора лучших журналов <...> все это оказалось мечтами художника, хотя и оплаченными по пяти копеек за строчку, но тем не менее все-таки мечтами бесценными... Мне даже стало чуточку досадно, что я не прочту произведения «почтенного» — как выражаются про литературных генералов — писателя и что фельетон

¹ Голос. 1868. № 66. 6 (18) марта. Предлагаем рассмотреть вопрос о внесении этого текста в состав переписки Гончарова, в раздел дополнительных.

² Петербургская газета. 1868. № 31. 7 марта.

заставил было меня ждать и вдруг разочаровываться, так как сам (слышите ли, сам) г. Гончаров просил заявить (в «Голосе»), что он ничего не готовит для печати и не пишет никакого романа. Что же касается до того: собираются ли к нему, к г. Гончарову, на обед два редактора лучших журналов — это в заявлении не объяснено, и потому я нахожусь в затруднении — верить ли фельетону или нет... Склоняюсь больше в пользу веры, ибо полагаю, что редакторы вообще, а тем более лучших журналов, не прочь пообедать (и, вероятно, пообедать не дурно) в компании с нашим почтенным романистом¹.

Спустя месяц о гончаровском заявлении вспоминает Д. Д. Минаев: «Что публика совершенно охладела к современной литературе — это несомненный факт; что это охлаждение совершенно извинительно и законно, тоже — факт несомненный. Лучшие русские деятели измелъчали и опошлились, и из старых наших беллетристов только один г. Гончаров, по моему мнению, оказался самым благоразумным из всех, и потому только, что умел вовремя замолчать и не пишет теперь ни строчки»².

Судя по всему, в это время Стасюлевич уже полным ходом вел переговоры с Гончаровым, пытаясь уговорить его закончить роман и напечатать в «Вестнике Европы». 20 марта он писал жене: «От Стасовых зашел к Гончарову, и кажется, что порешил с его романом. Сам удивляюсь себе, как это мне удастся обделывать подобные дела, когда мои конкуренты, как Некрасов, и опытнее меня и гораздо ловче. Но это — величайший секрет, и я никому не рассказываю об этом деле. Значит, сегодня был день важнейший<sic!> для „Вестника Европы“. Потом гуляли с Гончаровым по Невскому...»³. Из контекста очевидно, что упомянутый разговор о романе был далеко не первым, но в более ранних письмах Стасюлевича к жене ничего об этом не сказано.

С конца марта до середины апреля Гончаров в обстановке глубокой секретности читал готовые главы редактору «Вестника Европы» у Толстого в присутствии его жены⁴. Затем

¹ <Б. н.> Фельетонные наброски // Петербургского листок. № 33. 10 марта. Автором этого фельетона скорее всего был редактор газеты А. А. Соколов.

² Искра. 1868. № 13. 14 апр. С. 162; подпись: Литературное Домино.

³ ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 102, л. 11 об.; ср.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 1.

⁴ Об этом см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 1–2.

начались долгие переговоры, последний, решительный раунд которых состоялся в среду, 22 мая. В этот день Стасюлевич писал жене: «Сегодня я решился быть Цезарем, и как Цезарь, пришел, увидел, победил! Но должно сознаться, что новый Цезарь работал полгода, чтобы одержать эту победу. В 12 часов я отправился к Гончарову, а в 5 часов от него ушел владельцем его романа, о чем завтра и извещу тебя депешей. Боюсь только, что в первую минуту тебя депеша испугает: ты Бог знает что можешь подумать! Но первое слово депеши тебя должно немедленно успокоить. Формальности окончания состояли в том, что мы пожали друг другу руку и обнялись. Последняя борьба была упорная и решительная. Гончаров оказался весьма благородным человеком и сознался, что он доволен не одним гонорарием, но и тем, что помещает роман у меня¹. В эту субботу он уезжает за границу в Мариенбад, чему я очень рад»². Тем же днем датировано письмо Гончарова Некрасову с окончательным отказом от публикации будущего романа в «Отечественных записках» (8, 327—328).

Расчет Стасюлевича оказался точен. Публикация «Обрыва» не только значительно подняла тираж «Вестника Европы» (что позволило компенсировать выплаченный Гончарову гонорар), но и поставила его по значению в ряд ведущих журналов своего времени.

¹ Позднее, 2 июня, Стасюлевич еще раз напоминал жене: «Получил сегодня из Германии письмо от Гончарова; ты не совсем права по отношению его: мы увидим, что „Вестник Евр<опы>“ в своей дальнейшей истории будет обязан ему весьма. Это я вижу по тому, как принимают известие о печатании его романа у меня. И я должен сознаться, что Некр<асов> ему предлагал условия материальные выгоднее меня; но он обратил внимание и на другие обстоятельства» (ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 102, л. 54 об.).

² ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 102, л. 39–39 об.; ср.: И. А. Гончаров в неизданных письмах, дневниках и воспоминаниях современников / Публ. Н. Г. Розенблюма // Русская литература. 1969. № 1. С. 166.

О ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ИСТОЧНИКА ОСНОВНОГО ТЕКСТА РОМАНА «ОБРЫВ»

Едва ли кто-нибудь станет спорить с утверждением, что установление основного текста того или иного произведения — одна из ключевых задач текстологии. Редактор, готовящий переиздание, становится, по сути, посредником между автором и нынешним читателем, и от того, насколько ответственно и профессионально он выполнит свою работу, во многом зависит бытование классического сочинения в современном культурном сознании. И первая же задача, которую должен решить каждый текстолог, — правильно выбрать источник, который ляжет в основу переиздания текста, проявляя при этом сдержанность и осторожность. «Всякий литературовед, которому приходилось заниматься изданием произведений древней и новой русской литературы, — писал П. Н. Берков, — знает, что выбор „основного текста“, по которому печатается памятник, представляет собою самый трудный, опасный с точки зрения возможного проявления субъективизма, поэтому часто спорный момент в текстологической работе»¹.

Для произведений, опубликованных при жизни писателя несколько раз, в качестве основного принимается, как правило, последнее прижизненное издание, либо последнее по времени издание, в подготовке которого автор принимал непосредственное участие и в котором, таким образом, отражена его последняя творческая воля. Но, как не раз отмечалось, механически следовать этому принципу было бы ошибкой. При анализе и оценке источника нельзя не учитывать, что зачастую на его трансформацию влияют также и нетворческие факторы (небрежность набора, произвол корректора и др.), — и эти искажения текста могут оказаться более

¹ Берков П. Н. Проблемы современной текстологии // Вопросы литературы. 1963. № 12. С. 84–85.

значимыми и весомыми, чем авторская редакция. Поэтому, анализируя движение текста, безусловно, нужно оценивать и учитывать как историю возникновения каждого печатного источника, так и его эдиционное качество¹. О необходимости такого подхода при изучении не идущих от автора копий говорил В. Э. Вацуро. Он писал, что анализ подобных источников «предполагает хотя бы гипотетическое суждение о характере и причинах изменений текста, установление системы (или отсутствия ее) в самой совокупности таких изменений, привлечения показаний других копий, прослеживание генеалогии исследуемого источника и т. д. и т. п.»².

Чтобы показать, насколько нетворческий (эдиционный) фактор может влиять на качество текста, приведем один пример. В 1880 году вышло десятитомное издание «Сочинений» И. С. Тургенева, которое готовилось под наблюдением автора, писавшего в предисловии, что его «текст <...> тщательно выправлен»³. Однако к первому тому был приложен список опечаток, замеченных во всех десяти томах, который был составлен самим Тургеневым, указывавшим: «Автор покорно просит читателей выправить до чтения обозначенные здесь опечатки, так как некоторые из них искажают самый смысл речи»⁴. Список этот чрезвычайно показателен. В нем указано свыше четырехсот погрешностей, из них более половины имеют вполне осмысленный характер и без этого списка могли бы быть восприняты как полноценные авторские варианты, свидетельствующие о тщательной и углубленной работе над текстом. Вот несколько примеров: вместо «потертых» напечатано «пестрых», вместо «сторожила» — «оберегала», вместо «переменив» — «понизив», вместо «показывается» — «является» и т. п. Особенно же часты выпадения, добавления и замены одной, двух и трех букв в слове (из-за чего, как правило, изменяются глагольные формы), а также односложных слов, предлогов или союзов. Как видим, даже несмотря на то что текст всех десяти томов «Сочинений»

¹ См., в частности: *Гурский К.* Что следует понимать под волей автора при подготовке правильной редакции текста // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М., 1962. Т. 1. С. 601.

² *Вацуро В. Э.* О тексте поэмы М. Ю. Лермонтова «Каллы» // Вацуро В. Э. О Лермонтове. [М., 2008]. С. 304.

³ *Тургенев И. С.* Соч.: В 10 т. М., 1880. Т. 1. С. VI.

⁴ Там же.

был внимательно просмотрен самим Тургеневым, количество вкрапившихся в него опечаток чрезвычайно велико¹. Причем в этом издании остались и погрешности, которые автор пропустил и которые, таким образом, не попали в составленный им список. О подобных ошибках М. П. Алексеев писал, что «не замеченные самим Тургеневым в прижизненных изданиях его сочинений и тем самым как бы узаконенные им, они механически переносились из одного издания в другое: лишь обращение к рукописи засвидетельствовало, что то, что можно было бы считать „авторской волей“, в сущности являлось простым недосмотром»².

Рассмотренный выше текстологический факт достаточно прост для анализа и оценки. Нам достоверно известно практически о всех этапах работы писателя над упомянутым изданием: он редактировал текст, читал корректуры, затем просмотрел отпечатанные тома и составил список опечаток. Гораздо сложнее случай, когда в последующем издании содержатся разночтения с предыдущим, но о том, работал ли над ним автор и каков был характер этой работы, нам неизвестно ничего. Именно так обстоит дело с романом «Обрыв».

1

При жизни И. А. Гончарова «Обрыв» издавался пять раз. Впервые он был опубликован в журнале «Вестник Европы» (1869. №№ 1–5); через год последовало отдельное издание (1870); в 1883 году Гончаров одновременно переиздает все три своих романа; затем «Обрыв» вошел в состав двух собраний сочинений (1884 и 1886–1887).

Публикацию в «Вестнике Европы» с эдиционной точки зрения можно признать наиболее совершенной. Гончаров до последнего момента работал над своим любимым детищем,

¹ Впрочем, иногда список опечаток может использоваться автором как сознательный творческий прием; таков, например, список опечаток в гофмановских «Житейских воззрениях кота Мурра» (см.: *Гофман Э. Т. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1997. Т. 5. С. 11). По мнению исследователей, «откровенно беллетризованный характер» имеет и список опечаток в первом издании «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (см.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2001. Т. 1. С. 249, 849; примеч. Е. Е. Дмитриевой).

² *Алексеев М. П.* Текстологические особенности издания И. С. Тургенева // Текстология славянских литератур: Доклады конференции. Ленинград, 25–30 мая 1971 года. Л., 1973. С. 12.

«Обрыв».

Первая страница публикации в журнале «Вестник Европы»

вносил существенные изменения в уже сверстанные листы, чем задерживал выход номеров журнала и вызывал недовольство его главного редактора М. М. Стасюлевича¹. Известно также, что он держал две корректуры и внимательно-

¹ Как писал А. Ф. Кони, «многочисленные корректуры его „Обрыва“ <...>, испещренные бесчисленными вставками и перedelками, <...> недаром приводили в отчаяние редактора „Вестника Европы“ М. М. Стасюлевича, который никогда не был уверен, что посланная Гончарову корректура есть последняя» (ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 50, л. 4).

но проверял, правильно ли вносили наборщики сделанные им исправления. Кроме того, корректуру романа держала и С. А. Никитенко, многолетняя знакомая и помощница Гончарова, перебелившая большую часть черновика «Обрыва» при подготовке его к изданию. Следствием этой скрупулезной работы стало минимальное количество опечаток и погрешностей в журнальном тексте романа. Заметим к слову, что Гончаров всегда старался тщательно вычитывать корректуры своих произведений и очень болезненно реагировал на опечатки.

Вскоре после завершения журнальной публикации Гончаров задумывает выпустить роман отдельно и даже подыскивает типографию, которая производит предварительный расчет и обещает выполнить работу за два с половиной месяца — это была хорошо ему знакомая типография Морского министерства¹. В середине мая писатель уезжает за границу и берет с собой все пять книжек журнала, надеясь пересмотреть текст². Но за границей Гончарова начинают одолевать сомнения в целесообразности отдельного издания романа, он охладевает к нему и за работу над ним так и не садится. Эти настроения отразились, в частности, в письме его к С. А. Никитенко из Киссингена от 5 (17) июня: «„Обрыва“ я не читаю и не поправляю и потому, между прочим, что, кажется, не буду печатать его отдельно»³. О том же в тот же день он писал и ее отцу, А. В. Никитенко: «Не знаю, куда я денусь после вод — мне никуда не хочется. Может быть и вернусь домой, на свое кресло, к своей милой Мимишке, но не к перу, не к книгам. Даже хочу не издавать отдельно своего я „Обрыва“ — и навсегда покончить с литературой»⁴. «...Отдельное издание едва ли я буду печатать по разным причинам», — сообщал он и С. А. Никитенко 26 июня (8 июля)⁵,

¹ См. письмо Гончарова к М. М. Стасюлевичу от 10 мая 1869 г. (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 74). Подробнее об издательских проектах Гончарова см.: *Вдовин А. В.* Издательская экономика Ивана Гончарова // Новое литературное обозрение. 2013. № 6 (124). С. 111–129. К сожалению, в этой ценной статье допущен ряд фактических ошибок.

² См.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 76.

³ *Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1952. Т. 8. С. 391. (Б-ка «Огонек»).

⁴ Русская старина. 1914. № 4. С. 55.

⁵ *Гончаров И. А.* Собр. соч. Т. 8. С. 393. (Б-ка «Огонек»).

а 4 (16) августа уже из Булони писал ей же: «Думал, что здесь перечитаю *Обрыв* и забыл взять его с собой из Парижа, буквально забыл»¹.

И все же в начале декабря в типографию отдается журнальный экземпляр «Обрыва» со вшитыми белыми страницами, которые содержали авторскую правку. Об этом Гончаров пишет в неопубликованном письме к С. А. Никитенко от 2 декабря 1869 года:

Вторник. 8 часов утра.

Видите, какой я ранний! Спал всего 2¹/₂ часа.

И по этому самому, *ровно к 12 часам сегодня* надеюсь быть в типографии Морского министерства, к начальнику которой писал вчера, предупреждая, что, может быть, и Вы пожелаете туда же в одно время со мной, чтобы видиться с ним. Он сказал, что будет ждать нас, и сегодня, и завтра, но сегодня, говорит, лучше.

Стало быть, я решился печатать «Обрыв», будь что будет!

Можно ли Вам, Софья Александровна, приехать туда или нет? Если нет, я побываю один или напишу, что мы будем завтра. — Дайте два слова в ответ — *я велел человеку подождать ответа у швейцара Вашего*. Не стесняйтесь, пожалуйста, для меня, и поступите, как Ваши обстоятельства позволят.

Нужно отдать ему сегодня и экземпляр «Обрыва», который у Вас.

Я бы попросил Вас вручить его теперь же моему человеку, чтоб Вам не тащить его с собой самим, но, может быть, Вам ловчее явиться не с пустыми руками туда, *pour avoir contenance*² в типографии.

И если Вы сами возьмете его туда, то окажите уже благодеяние: пробегите пустые белые страницы, которые там вшиты, Вашими взорами — и на которой из них окажется прибавка моей рукой к тексту, то выставьте Вашей ангельской рукой на той странице число печатной страницы, к которой выноска относится. Иначе при наборе, когда книги раздробятся на отдельные листы, наборщики не будут знать, к какой странице отнести выноску.

Если же Вам и некогда, и неудобно тащить с собой 5 томов, то отдайте моему человеку — и я успею все сам сделать и отвезу книги.

Вход в типографию под главными воротами (где шпиль) с площади — и войдя под ворота сейчас направо по гале-

¹ Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко / Публ. Л. С. Гейро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 217.

² чтобы произвести впечатление (*фр.*)

рее, а потом через мостик на канаве и увидите надпись *Типография*.

Войдя туда и зажав нос, быстро пройдите переднюю и уже в коридоре вдохните и спросите, где сидят писаря. Там белокурый чухонец писарь (Вы потрудитесь спросить, который заведывает моими книгами), упомяните мое имя и скажите, что желаете видеть Начальника Типографии.

Но все это я говорю в таком случае, если сам бы опоздал, а так как этого я делать не намерен, то Вы только прикажите провести себя в канцелярию начальника *Александра Никифоровича Чичагова*, а я там буду.

Вчера, получив «Вестник Европы», я, конечно, кинулся на последнюю страницу «Дачи на Рейне» — и просиял. Стасюлевич умно и верно определил Вашу заслугу и соблюл всё, о чем я просил: то есть напечатал Ваше полное имя и вставил, что первые главы — не Ваша работа.

Теперь за Вами упрочено в литературе значение искусной переводчицы образцовых произведений.

До свидания — как прикажете: сегодня или завтра?

Ваш И. Гончаров.¹

В середине февраля 1870 года первое отдельное издание романа выходит в свет.

В текст этого издания Гончаров внес свыше 650-ти изменений. По большей части они касаются авторских ремарок в диалогах персонажей; как правило, снимаются выражения вроде «сказал он», «ответила она», убираются отдельные реплики, уточняются определения; кое-где сокращаются перечисления. В целом же логика исправлений ясна: Гончаров стремился убрать повторы, сгладить некоторые шероховатости и неясности. Случайных изменений, похожих на опечатки, немного, и они, как правило, не несут серьезной смысловозначительной нагрузки.

Несмотря на тщательность корректур, которые читал сам автор, в это издание все же проникло немало «глазных» опечаток. Гончаров жаловался на них в письме к М. М. Стасюлевичу от 24 февраля 1870 года: «К сожалению, ошибок

¹ ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 11, л. 108–109 об. Точная дата устанавливается следующим образом: в письме упоминается, что Гончаров вчера получил декабрьский номер «Вестника Европы», где была опубликована заключительная часть романа Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне», который переводила Никитенко, а этот журнал пунктуально выходил первого числа каждого месяца (над пунктуальностью подобного рода Гончаров нередко иронизировал в письмах к Стасюлевичу). Это подтверждается и тем, что в 1869 году 2 декабря приходилось именно на вторник.

«Обрыв».
Титульный лист издания 1870 г.

немало, но я немного тут виноват. Фактор типографии вчера передал мне оригинальное извинение корректора: „роман, говорит, очень занимателен, так что нет-де возможности следить за ошибками, читая его“. Это, конечно, приятный комплимент, но от этого не легче. Главная причина та, что наборщики всё мальчишки, а метр-ан-паж — юноша: я держал две корректуры и нередко замечал во 2-й корректуре те же ошибки, которые поправлены были в первой. Но однако же не до безобразия много ошибок»¹. Действительно, издание 1870 года (далее — *Изд. 1870*) подготовлено менее

¹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 97.

тщательно, чем журнальная публикация, но почти все опечатки носят слишком явный характер (перевернутые литеры, повторение слов и т. п.), а очевидных пропусков набора нет. Поэтому, несмотря на мелкие огрехи, текст *Изд. 1870* можно принять как достоверный факт проявления творческой воли его автора.

2

Следующее издание «Обрыва» появилось спустя двенадцать лет. Для Гончарова это были непростые годы: он замкнулся в узком дружеском кругу и практически отошел от литературы. У писателя развилась болезненная мнительность и появились необоснованные страхи. На предложения переиздать его сочинения Гончаров отвечал неизменным отказом. «Об издании своих сочинений я не помышляю, — писал он А. Н. Пыпину 10 мая 1875 года, — и не знаю, решусь ли на это когда-нибудь сам, а после меня едва ли они и будут нужны»¹. О том же говорится в письме П. Г. Ганзену 12 марта 1878 года: «...я считаю себя уже отошедшим, прошлым, а не современным писателем, — ввиду того как изменилось литературное направление, вкус, требования и т. д., и потому я не возобновляю издания своих сочинений, хотя их давно, кроме „Обрыва“, в продаже нет, и даже нет и у меня самого, в моей маленькой библиотеке» (8, 460–461). О нежелании переиздавать свои романы он заявлял и публично в статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879); отражены подобные свидетельства и в мемуарной литературе². Возможно, на это повлиял и относительный коммерческий неуспех отдельного издания «Обрыва»: из пятидесяти тысяч тиража за пять лет было распродано немногим более трех тысяч экземпляров³.

¹ И. А. Гончаров в кругу современников: Неизданная переписка / Сост., подгот. текста и коммент. Е. К. Демиховской и О. А. Демиховской. Псков, 1997. С. 241.

² См.: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Подг. текста и примеч. А. Д. Алексеева и О. А. Демиховской. Л., 1969. С. 160–161, 252. Полную сводку свидетельств см.: *Гейро Л. С.* История создания и публикации романа «Обломов» // Гончаров И. А. Обломов / Изд. подг. Л. С. Гейро. Л., 1987. С. 631–634. («Лит. памятники»). См. также ниже, с. 300.

³ См.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 131.

Единственная книга, которую Гончаров переиздал в 1870-е годы, была «Фрегат „Паллада“» (1879), и то писатель пошел на это во многом из-за сложных домашних обстоятельств. «Сегодня же утром — я кстати уступил право на издание „Фрегата «Паллады»“ И. И. Глазунову: единственно затем, чтобы этой суммой обеспечить образование Сани до конца! — писал он Е. А. Никитенко 14 августа 1878 года. — <...> А деньги даст мне Глазунов за „Палладу“: я до них для себя не коснусь — это будет ее доля, посланная ей Богом!»¹. Текст для нового издания был тщательно пересмотрен, к каждому тому был приложен составленный Гончаровым список опечаток, что лишний раз свидетельствует о дотошности писателя и его внимании к сугубо эдиционным проблемам.

В конце 1882 года в жизни Гончарова произошло важное событие: 22 октября состоялась его аудиенция у императора Александра III². Вот как сам писатель рассказывал об этом в письме к А. Ф. Кони от 11 ноября: «...я до сих пор еще нахожусь под обаянием благосклонного приема. <...> ...я удостоен был приема наедине и нескольких минут доброго, ласкового разговора. Я вышел совершенно очарованный: мне как будто подвязали крылья. Вы как будто угадали, говоря в письме, что мне надо бы „повелеть“ издать мои книги: хотя повеления не было, или если было, то в форме вопроса: „печатаю ли я свои сочинения?“ Я конечно поспешил отвечать утвердительно, и даже испросил позволения сам лично представить их, когда они будут готовы. Вследствие этого, неделю тому назад, я подписал контракт, которым уступаю мое авторское право на все сочинения Глазунову <...>. Но об этом прошу пока не говорить никому, чтобы через провинциальную печать не дошло до здешних газет, которые разболтают прежде времени, а между тем книги

¹ РГАЛИ, ф. 357, оп. 1, ед. хр. 6, л. 45. Саян — Александра Карловна Трейгут (1869–1928), дочь слуги Гончарова, его любимая воспитанница (о ней см.: *Жданова М. Б.* Гончаров и Трейгуты (новые материалы) // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 275–286; Письма И. А. Гончарова к А. К. Трейгут / Публ. А. В. Романовой // Русская литература. 2016. № 2. С. 92–99).

² Вторая аудиенция у императора и императрицы состоялась 28 ноября (см. об этом: *Бронникова Е.* Письмо И. А. Гончарова графу Д. А. Толстому // Наше наследие. 2012. № 102. С. 88–89).

выйдут в печать вероятно не ближе осени»¹. Тем не менее сведения о подписании этого договора были обнародованы практически сразу же: об этом сообщалось в юбилейном каталоге книготорговой фирмы Глазуновых².

Итак, в начале ноября 1882 года Гончаров заключает соглашение с книгопродавцем И. И. Глазуновым, передает ему права на свои сочинения³, однако желает переиздать их не раньше, чем через год. Такой большой срок понадобился, вероятно, потому, что мнительный и требовательный к себе писатель хотел пересмотреть и исправить тексты романов. По утверждению С. Ф. Либровича (к воспоминаниям которого, впрочем, нельзя относиться с полным доверием), Гончаров однажды сказал, что если бы он собрался заново выпустить свои сочинения, то «следовало бы кое-что исправить, переделать, сократить...»⁴.

Сразу нужно сказать, что никаких документальных свидетельств о степени и характере участия Гончарова в работе над новым изданием мы не имеем. До нас не дошло ни одного наборного оригинала, ни одной корректуры, ни одного свидетельства в переписке писателя или в воспоминаниях о нем. Поэтому, пытаясь реконструировать историю издания 1883 года (далее — *Изд. 1883*), мы неизбежно вынуждены вступить в область догадок и предположений, то есть «в область, где взвешиваются все возможности, с тем чтобы выбрать из них наиболее правдоподобную»⁵.

В начале декабря 1882 года у Гончарова резко ухудшается зрение. Его правый глаз полностью перестает видеть, в левом усиливаются боли. На боли в глазах писатель начал жаловаться еще в середине 1860-х годов. «...Я <...> покидаю свое служебное поприще, — говорит он в письме к брату от 29 декабря 1867 года, — потому что нездоров: <...> прочитал буквально глаза, и теперь читаю и пишу

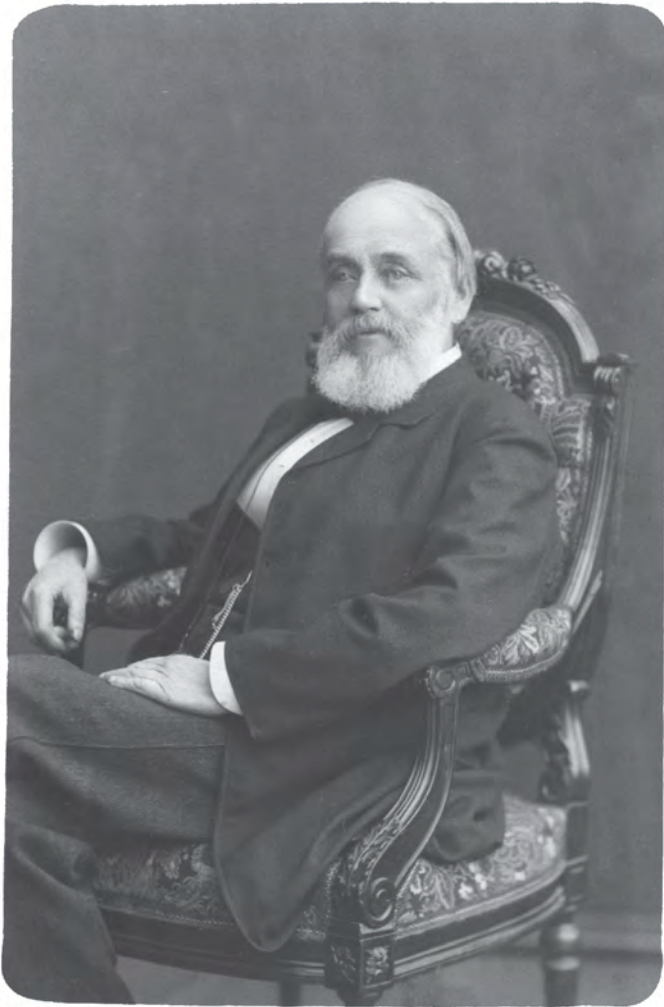
¹ Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 479.

² См.: Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. 1782–1882. СПб., 1883. С. 62. 2-я паг. (Книга вышла в конце 1882 года, цензурное разрешение — 16 декабря.)

³ Текст договора не сохранился; по свидетельству А. Ф. Кони, сумма гонорара составила 16 000 рублей (см.: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. С. 242).

⁴ И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. С. 160.

⁵ *Конан Дойль А. Собака Баскервилей // Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 3. С. 35.*

*И. А. Гончаров.
Фотография 1884 г.*

плохо, слепо...»¹. Один из мемуаристов, рассказывая о встрече с Гончаровым в 1880 году, передает его жалобу, что ему «глаза <...> плохо служить стали»². После же обострения

¹ Новое время. 1912. № 13038. 30 июня (13 июля). С. 7; курсив Гончарова. Здесь это письмо опубликовано с неверной датой: 1864 год.

² N. N. Воспоминания о И. А. Гончарове // Петербургская газета. 1891. № 256. 18 сент.

конца 1882 года писатель, по его словам, «должен был совсем оставить чтение»¹. В редких письмах первой половины 1883 года он жалуется на боли в глазу, на то, что почти ослеп и боится ослепнуть окончательно. 8 января 1883 года в газете «Голос» было напечатано письмо Гончарова к издателю газеты А. А. Краевскому с благодарностью всем, кто его поздравил с 50-летием литературной деятельности, которое праздновалось в конце декабря 1882 года в узком кругу близких писателю лиц, но сведения о котором тем не менее проникли на страницы газет. В качестве оправдания за свой отказ отмечать юбилей публично Гончаров писал следующее: «Этому воспрепятствовала <...> внезапно постигшая меня, в первых числах декабря, болезнь глаз, происшедшая от непрерывного чтения, особенно при вечернем освещении. Одним глазом я совсем перестал видеть, в другом почувствовал боль. Это продолжается и поныне, несмотря на все принятые врачами меры. Мне строго воспрещены чтение, писание и всякие сильные волнения»². Пересылая это письмо Краевскому, Гончаров писал также: «...отвечать на письма <...> я, как видите, не могу — (пишу, глядя в сторону)...»³. Об этом же сообщалось в хронике журнала «Вестник Европы», посвященной тому же событию: «К сожалению, наш маститый писатель, вследствие постигшей его в конце прошлого года тяжелой болезни глаз, не может пока и думать о пере <...> Та же болезнь помешала торжественно чествовать его пятидесятилетие в конце прошедшего года...»⁴. 2 февраля 1883 года Гончарова посетила делегация русских женщин, поздравивших его с юбилеем; в газетном отчете об этом событии отмечалось, в частности: «Боль в левом глазу, очевидно, причиняет большие страдания И. А. Он все время нервно прижимал платком больной глаз»⁵. Часть писем Гончаров был вынужден диктовать; в одном из них писатель даже извинялся за это: «К сожалению, я теперь страдаю сильной болезнью глаза, — писал он 17 февраля 1883 года

¹ Примечание к рукописи воспоминаний «В университете» (цит. по: *Гейро Л. С.* История создания и публикации романа «Обломов». С. 634).

² Цит. по: *Гончаров И. А.* Собр. соч. Т. 8. С. 478–479. (Б-ка «Огонек»).

³ Русская старина. 1912. № 6. С. 513.

⁴ Вестник Европы. 1883. № 2. С. 894.

⁵ Ф. Б. К юбилею И. А. Гончарова // Новое время. 1883. № 2492. 4 (16) февр.

Е. А. Гончаровой, жене своего племянника, — и не могу, как бы хотелось, собственноручно прибавить к этому письму, которое должен диктовать, более живые выражения моих добрых пожеланий вам обоим с мужем»¹. О том, что доктора запретили ему писать, Гончаров упоминает и в письме к А. А. Толстой от 14 апреля².

Более того, в начале 1883 года Гончаров был вынужден нанять чтицу, в качестве которой ему была рекомендована писательница Л. Ф. Нелидова. Позднее она вспоминала, как каждое утро приходила к Гончарову читать ему свежий номер «Нового времени»: «Он был неразговорчив, казался удрученным и озабоченным. *Главная забота его была болезнь*»³. Далее она отмечала, что вечерами писателю «читал еще кто-нибудь другой»⁴. Посетившая его тогда же Е. А. Гончарова тоже свидетельствует, что «он <...> плохо видел на правый глаз и потому сидел спиной к свету в кабинете...»⁵. Один из ближайших в тот период друзей Гончарова А. Ф. Кони писал М. Г. Савиной 16 февраля: «Злой недуг сокрушил его и жадно гложет. Он омрачил его зрение, и мне тревожно думается, что смерть уже понемногу распространяет над его старую заслуженную головою свое черное крыло. <...> Навестите! утешьте старика. <...> Тороплю Вас потому, что третьего дня мне особенно бросилась в глаза подавленность и близость разрушения в этом старце...»⁶. Ясно, что в таком состоянии работать над текстами романов писатель едва ли мог.

В начале июня, мучимый гриппом и бронхитом, Гончаров уезжает на отдых в Дуббельн, откуда возвращается в конце августа. До нас дошло всего лишь три письма того времени; все они проникнуты теми же настроениями, что и предыдущие письма. «Старичок (т. е. я) очевидно слабеет, понемногу весь выходит, словом, тает! — пишет Гончаров М. М. Стасюлевичу и А. Ф. Кони 14 июня. — Я смотрю в зеркале, в ванне, на себя и ужасаюсь: я ли этот худенький, желто-

¹ Вестник Европы. 1908. № 12. С. 419.

² «Я, молча, занес к Вам <...> мою книжку, потому что доктора запретили мне писать» (Литературное наследство. Т. 102. С. 428).

³ *Нелидова Л. Ф.* Воспоминания о Гончарове и Тургеневе // Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 32; курсив наш. — А. Б.

⁴ Там же.

⁵ И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. С. 178.

⁶ *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 56–57.

зелененький, точно из дома умалишенных выпущенный на руки родных старичок, с красным, слепым глазом, с скорбной миной, отвыкший мыслить, чувствовать, и способный только просить пить, есть и много-много, что попросится на двор а! а! а!... Ужас!»¹. Рассказывает он также о плохой погоде, о том, что его одолевает скука, о редких прогулках по берегу моря — о подготовке же своих сочинений к переизданию нет ни слова. Ни о чем подобном не упоминает в письмах к М. М. Стасюлевичу и Кони, приехавший в Дуббельн в начале июля и проведший там больше месяца, постоянно общаясь с Гончаровым².

Полное собрание сочинений Гончарова вышло в свет 7 декабря³; очевидно, одновременно с ним или немного ранее вышли и отдельные издания всех трех романов. Следует отметить, что издательский цикл *Изд. 1870* занял около *трех* месяцев: 2 декабря 1869 года Гончаров просил С. А. Никитенко отвезти в типографию готовый оригинал; в двадцатых числах февраля роман вышел в свет, причем Гончаров подчеркивал, что доволен «более всего поспешностью типографии»⁴. Исходя из этого можно предположить, что в 1883 году оригиналы нового издания должны были быть отданы издателю не позднее августа, то есть именно тогда, когда писатель находился в Дуббельне, или же еще раньше. Следовательно, текст романов Гончаров мог готовить лишь в первой половине года, когда и сам писатель, и окружавшие его люди свидетельствовали о его болезненном состоянии, об упадке духа и — самое

¹ Литературное наследство. Т. 102. С. 486. Немного позднее в Дуббельн приезжает Кони, 21 июля писавший С. А. Андреевскому о Гончарове: «Я просто поражен его умственным и физическим разрушением <...>. Когда я приехал, он, было, просиял по-старому и оживился, но теперь снова погас» (*Кони А. Ф. Собр. соч.* Т. 8. С. 62).

² См.: *Балакин А. Ю. И. А. Гончаров в неизданных письмах А. Ф. Кони к М. М. Стасюлевичу // Русская литература. 2016. № 4. С. 114–115.*

³ См. объявление: «В книжных магазинах Глазунова <...> поступило в продажу отпечатанное новым изданием: Полное собрание сочинений И. А. Гончарова. С портретом автора, гравированным академиком И. П. Пожалостинным, и факсимиле. В 8-ми томах, в коих заключается: Обыкновенная история. Обломов. Обрыв. Фрегат Паллада и Четыре очерка. Спб. 1884 г. Ц. 12 р., с перес. 13 р.» (Новое время. 1883. № 2794. 7 дек.; указано: *Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 262*). Об этом издании см. ниже.

⁴ Письмо к М. М. Стасюлевичу от 24 февраля 1870 года // М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 97.

главное — о врачебном запрете, да и просто о физической невозможности ни читать, ни писать. Трудно также предположить, что Гончаров был в состоянии следить за исправностью корректур. По сути, у него было на это немногим более двух месяцев (считая с момента возвращения), так как не позднее середины ноября предварительный издательский цикл (набор, чтение корректур, внесение правки и верстка) всех восьми томов должен был завершиться¹. Напомним, что объем трех романов составляет около восьмидесяти авторских листов. Выполнить такую громадную работу за такое короткое время едва ли было бы под силу и здоровому человеку — а ведь для собрания сочинений 1884 года печатались также «Фрегат „Паллада“» и «Четыре очерка».

Таким образом, если исходить из биографических фактов, то следует признать: физическое состояние Гончарова не позволяло ему ни готовить тексты переиздающихся романов, ни следить за корректурами; у него не было для этого ни сил, ни возможности.

Несомненно, у Гончарова был помощник, человек, которому писатель полностью доверял, который и готовил к набору оригиналы, и читал корректуры. Почти не рискуя ошибиться, мы можем утверждать, что этим человеком была Софья Александровна Никитенко.

Никитенко была не просто близким другом и помощником писателя. Он всегда ценил ее вкус, уважал ее мнение. «Вы знаете ближе и подробнее самого меня весь роман до конца, — писал ей Гончаров 28 октября 1868 года, в разгар работы над последней частью „Обрыва“, — и можете сделать бездну полезных указаний, заметок, советов <...>. Потом Вы обратили внимание и на анахронизмы <...>. А этого всего много должно быть в этой куче тетрадей, т. е. недомолвок, ошибок, несообразностей и проч.»². С подобной просьбой Гончаров обратился к Никитенко и при подготовке журнальной публикации романа. Софья Александровна параллельно с Гончаровым просматривала корректуры и делала поправки,

¹ Обратим внимание на то, что под небольшим предисловием, открывающим первый том Полного собрания сочинений 1884 года — «Обыкновенную историю», стоит дата «Октября <sic!> 1883». Предисловие это отпечатано на вклеенном листе, следовательно, к октябрю издание скорее всего было уже сверстано.

² Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко. С. 186.

причем ее замечания были писателю очень важны¹. Большую помощь оказала Никитенко и при публикации первого отдельного издания романа. В письме от 19 августа 1869 года Гончаров просил ее взять на себя «труд <...> издания „Обрыва“ отдельно, но так, чтоб я только прочел одну корректуру, а все прочее, как литературный присмотр, так и ведение дела с типографией <...>, все взяли бы в свои добрые, умелые и добросовестные руки»².

Подобную работу Никитенко выполнила и в 1883 году при подготовке к переизданию всех трех романов. Об этом есть косвенное свидетельство самого Гончарова. В своем завещании, которое было подписано и заверено 22 мая 1883 года, незадолго до отъезда писателя в Дуббельн, он указал в виде отдельного параграфа следующее: «Означенные выше в пункте III-м три тысячи четыреста рублей завещаю <...> Екатерине и Софье Александровнам Никитенко по равной части, покорнейше прося их принять эту сумму как слабое вознаграждение за их помощь как по изданию в свет моих сочинений, особенно со времени ослабления моего зрения, так и за участие их, принимаемое ими ныне и обещанные будущие попечения и труды по воспитанию и образованию <...> сирот, малолетних воспитанниц моих девиц Александры и Елены Трейгут»³.

Забота о детях покойного слуги Гончарова Карла Трейгута лежала в основном на Е. А. Никитенко, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма Гончарова к ней. Она не была близким другом писателя, и к концу 1860-х годов он уже не посвящал ее в свои творческие замыслы, и более того, при завершении «Обрыва» даже просил Софью Александровну присланные ей

¹ Так, он однажды пошел на прямой конфликт со своим редактором М. М. Стасюлевичем, поспешившим отдать на правку корректуру одной из глав романа до того, как на нее были перенесены поправки Никитенко. «...Вы <...> советовали мне делать поправки *самому*, без посторонних, — писал Гончаров ему 2 февраля 1869 года. — Я бы рад был: что за охота тревожить других, да иногда в такой куче печатных слов и не усмотришь. — Ведь мы уговорились, что печатать без доставки от С<офьи> А<лександровны> не станут... <...> С<офья> А<лександровна> не „доставила“ говорить Вы, я и рассчитывать на такое снисхождение с ее стороны не смею, чтобы она с поправками сейчас бежала к Вам в Галерную. <...> Повторю, у нас с Вами было положено, что до получения от С<офьи> А<лександровны> дублетов к печати не приступать. Так и было с первыми двумя частями» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 65).

² Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко. С. 186.

³ РНБ, ф. 209, ед. хр. 2, л. 5–5 об.

для переписки фрагменты романа не показывать сестре¹. Таким образом, мы можем утверждать, что работа по подготовке к переизданию в 1883 году «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва» была проведена одной С. А. Никитенко.

Любопытна также формулировка цитированного выше фрагмента завещания. Упомянув об участии сестер Никитенко в судьбе его воспитанниц, Гончаров говорит о настоящем и будущем этом участии («...за участие их, *принимаемое* ими *ныне* и *обещанные будущие* попечения и труды...»); напротив, об издании своих сочинений писатель говорит как об уже свершившемся факте, хотя до выхода его в свет было почти полгода («...вознаграждение за <...> *помощь* <...> по изданию в свет моих сочинений...»). Отметим еще раз: он благодарит сестер не за *будущую* помощь, а просто *за помощь*, то есть за ту, которая (если подходить к тексту сугубо формально) к моменту составления завещания уже была оказана. Это может означать, что к 22 мая тексты всех трех романов, подготовленные С. А. Никитенко, были уже в типографии и что Гончаров, следовательно, основную часть работы по изданию считал завершенной.

Какая же работа была проведена над текстом «Обрыва» при подготовке его к переизданию?

4

Если положить рядом *Изд. 1870* и *Изд. 1883*, то сразу же бросается в глаза значительное увеличение в последнем количестве абзацев. Особенно это заметно в тех главах, где мало диалогов. Так, к примеру, во II-й главе I части *Изд. 1870* десять абзацных отступов, а в *Изд. 1883* их тридцать шесть; такая же пропорция в V-й главе II части; в V-й главе IV части соответственно двадцать девять и семьдесят один, в XVIII-й главе V части соответственно тридцать четыре и шестьдесят три. Притом деление на абзацы производилось порой совершенно механически: так, нередко разделяется длинная реплика или реплика и авторская ремарка (хотя в последнем случае иногда перед ремаркой сохраняется тире, которое ранее отделяло ее от реплики). Творческими соображениями подобное членение мотивировать затруднительно; обычно

¹ См. письмо к С. А. Никитенко от 13 (25) июля 1868 года (*Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко*. С. 198).

«Обрыв».

Титульный лист издания 1883 г.

к подобному приему прибегают в тех случаях, когда нужно максимально «разогнать» текст либо же «вогнуть» его в определенный объем¹.

Вторая особенность *Изд. 1883* — это максимально возможный отказ от кавычек при оформлении отдельных реплик или внутренней речи персонажей. В большинстве подобных случаев кавычки снимаются и заменяются на тире в начале фразы или даже на абзац и тире. Эти замены подчас приводят к тому, что часть реплики, принадлежащей персонажу, приписывается автору, и наоборот. Иногда вообще становится неясно, где

¹ Кроме того, в текст, содержащий большое количество абзацев, наборщику вносить правку удобнее, чем в текст, набранный без абзацев.

заканчивается речь персонажа и начинается авторская речь. Вот пример из XV-й главы I части романа: «Доктора положили свой запрет на нетерпеливые желания. „Надо подождать, — говорили им, — три месяца, четыре“». Так этот фрагмент печатался в современных изданиях. Между тем в *Изд. 1870* кавычки закрываются после слова «подождать», и следовательно, слова «три месяца, четыре» согласно замыслу автора принадлежат не докторам, а рассказчику:

Изд. 1870:

терпѣнїемъ и жаждой счастья. Доктора положили свой запретъ на нетерпѣливыя желанїя: « надо подождать », говорили имъ, три мѣсяца, четыре. Брач-

Изд. 1883:

Доктора положили свой запретъ на нетерпѣливыя желанїя: — Надо подождать, говорили имъ, три мѣсяца, четыре.— Брачный алтарь ждалъ, а любовь увлекла ихъ впередъ...

Еще пример. Часть IV, глава XIII. Райский, ожидая Веру, произносит внутренний монолог, оформленный в *ВЕ* и в *Изд. 1870* так:

«Но что она нейдет!» вдруг, оглянувшись, сказал он. Он посмотрел на часы. «Она ушла в девятом часу, а теперь скоро одиннадцать! Она велела подождать, сказала, что вернется сейчас: долог этот час!... Что она? где она?» в тревоге повторял он.

В *Изд. 1883* этот фрагмент оказался разбит на два абзаца, и были убраны все кавычки, только перед первой репликой было поставлено тире:

— Но что она нейдет! вдруг, оглянувшись, сказал он. Он посмотрел на часы. Она ушла в девятом часу, а теперь скоро одиннадцать! Она велела подождать, сказала, что вернется сейчас: долог этот час!... Что она? где она? в тревоге повторял он.

В современных же изданиях в кавычки заключались (и, следовательно, приписывались Райскому) лишь слова «Что она? где она?», хотя, по мысли Гончарова, ему принадлежит вся фраза, начиная со слов «Она ушла в девятом часу...».

Аналогичный пример из главы IV пятой части. Вера, думая о Тушине, произносит следующий внутренний монолог:

«Не узнал ли? не слышал ли он чего?» шептала ей совесть. Он ставит ее так высоко, думает, что она лучше всех в целом свете! Теперь она молча будет красть его уважение... «Нет, пусть знает и он! Пришли бы хоть новые муки на смену этой ужасной пытки — казаться обманщицей!» шептало в ней отчаяние.

Так этот текст выглядит в *ВЕ* и в *Изд. 1870*. В *Изд. 1883* появляются закрывающие кавычки (перешедшие и в следующее издание) — после слова «уважение...». В итоге в современных изданиях весь этот фрагмент вкладывался в уста Веры:

«Не узнал ли? Не слышал ли он чего? — шептала ей совесть. — Он ставит ее так высоко, думает, что она лучше всех в целом свете! Теперь она молча будет красть его уважение...» «Нет, пусть знает и он! Пришли бы хоть новые муки на смену этой ужасной пытки — казаться обманщицей!» — шептало в ней отчаяние.

Нельзя не обратить внимания и на пунктуацию в *Изд. 1883*. Она стала более хаотичной: часто восклицательный знак меняется на вопросительный и наоборот, тире меняется на двоеточие и наоборот, и т. п. Также неоднократно заменяются на точку с запятой и характерные для Гончарова двоеточия, которые тот, согласно традиции начала XIX века, употреблял для разделения частей сложного предложения¹. Наиболее же заметны две тенденции: во-первых, большие предложения дробятся на несколько маленьких; во-вторых, в репликах персонажей первая буква слова, идущего вслед за восклицательным или вопросительным знаком, делается прописной.

При этом хаотичность пунктуации (иногда в совокупности с мелкими лексическими заменами) нередко меняет смысл сказанного, а то и вообще обесмысливает текст. Вот примеры:

1) Часть II, глава XIII. Реплика Марфиньки, рассказывающей о бабушке. *Изд. 1870*: «А когда ошибется в чем-нибудь,

¹ В первой половине XIX века двоеточие употреблялось в том числе и «для отделения частей многосложного периода, когда в какой-нибудь его части или в обеих употребить должно точку с запятой для отделения членов» (*Филомавитский Е.* О знаках препинания вообще и в особенности для русской словесности // Сочинения в прозе и стихах: Труды общества Любителей русской словесности при Имп. Московском ун-те. 1822. Ч. 2. С. 123.

никогда не сознается: гордая! Бабушка! Она лучше всех здесь...». *Изд. 1883*: «А когда ошибется в чем-нибудь, никогда не сознается: гордая бабушка! Она лучше всех здесь...». Казалось бы, мелочь — выпадение восклицательного знака и замена прописной буквы на строчную, но изменившаяся интонация фразы влечет за собой заметное изменение общего смысла высказывания.

2) Часть II, глава XX. Меняется интонация и следующих размышлений Райского: «А не в рабочей сфере, повыше? Где у нас дело, которое бы каждый делал, так сказать, облизываясь от удовольствия <...>?» (*Изд. 1870*), которые в *Изд. 1883* звучат так: «А не в рабочей сфере — повыше, где у нас дело, которое бы каждый делал, так сказать, облизываясь от удовольствия <...>?»

3) Часть II, глава XXII. Сентенция Райского: «Мудрость... <...> это гармония идей с жизнью!» (*Изд. 1870*) — становится нелепой: «Мудрость... <...> это гармония, идея с жизнью!» (*Изд. 1883*)¹.

Порой знаки препинания в *Изд. 1883* вставлялись и переставлялись совершенно бессмысленно, даже если принять во внимание «неудовлетворительное состояние русской пунктуации» в течение всего XIX века². Вот два показательных случая, взятых из главы IV части I (вставленные в *Изд. 1883* знаки препинания поставлены в квадратные скобки): «Что [,] делать!»; «— Да... конечно, задумавшись сказала она [!] — Как же?». Забегая вперед отметим, что все это без изменений перешло и в следующее издание романа.

Обратимся теперь к лексическим разночтениям текстов *Изд. 1870* и *Изд. 1883*. Во всем романе их не менее трехсот³. Казалось бы, эта цифра говорит о том, что Гончаров, готовя *Изд. 1883*, провел большую творческую работу. Но если присмотреться к этим разночтениям повнимательнее,

¹ Эта фраза осталась неисправленной и в следующем издании «Обрыва».

² Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М., 1955. С. 40. Интересные наблюдения и соображения о пунктуации текстов А. И. Герцена см. в работе: Шапиро А. Б. Текстологические заметки // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. статей. М., 1956. С. 294–298.

³ Нужно оговориться, что ряд разночтений, не влияющих на смысл и стиль текста, нами не учитывался, как и явные, «глазные» опечатки (о них — позднее).

то мы вынуждены будем прийти к совершенно противоположному выводу.

Во-первых, ряд этих замен как нивелирует особенности гончаровской лексики,¹ так и входит в противоречие со сходными мотивами из других его произведений, да и просто с элементарной логикой. Вот несколько примеров.

1) В письме бабушки Райскому (часть I, глава XVI) в *Изд. 1870* два раза употреблена устаревшая форма слова «внучка» — «внука»; в *Изд. 1883* первая «внука» меняется на «внучку», а вторая, находящаяся несколькими строками ниже, остается без изменения.

2) Говоря о студенческих годах Райского и Козлова (часть II, глава VI), Гончаров упоминает пансион, который «эконом какого-то казенного заведения в Москве держал для приходящих студентов», объясняя, что студентов туда «привлекали не одни щи, каша, лапша, макароны, блины и т. п. из казенной капусты, крупы и муки, не дешевизна стола, а также и дочь эконома <будущая жена Козлова Улинька. — А. Б.>, которая управляла и отцом и студентами». Так этот фрагмент читается в *Изд. 1870*; в *Изд. 1883* исчезает слово «каша». Между тем без этого слова становится непонятен пассаж из следующей же главы, где на вопрос своей жены, обращенный к Райскому, приехавшему на родину после долгих лет петербургской жизни: «Вы не забыли меня: помните?» — Козлов отвечает сам: «Еще бы не помнить! <...> Если ее забыл, так кашу не забывают...»

3) В тексте романа несколько раз упоминается второстепенный персонаж, ни разу не появляющийся на сцене, — подруга Софьи Беловодовой Катринь. Именно так (т. е. по-русски) писалось ее имя и в тексте *ВЕ*, и в *Изд. 1870*. В *Изд. 1883* оно написано везде по-французски — Catherine. Логика этой замены трудно объяснить, в частности потому, что имя Катринь однажды встречается и в более позднем гончаровском произведении — очерках «Слуги старого века» (1888), где так же, как и в первых изданиях «Обрыва», пишется по-русски.

4) В IV главе IV части лакей Егорка приглашает девок посмотреть в щель, которую он «провертел» в «перегородке,

¹ Уже сто лет назад один из исследователей отмечал, что «часто переписчик или наборщик дают свою орфографию тексту, так как более или менее общепринятая орфография Я. К. Грота явилась не слишком давно» (Чернышев В. И. Заметки о языке басен и сказок В. И. Майкова // Памяти Леонида Николаевича Майкова. СПб., 1902. С. 127).

отделявшей кабинет Райского от коридора»: «— Ну, девки, покажу я вам диковину!». В *Изд. 1883* «диковина» меняется на «диковинку». Между тем в готовившемся параллельно с «Обрывом» переиздании «Обломова» семь раз употреблена форма «диковина» (причем шесть раз это слово вложено в уста лакея Захара), и нет ни одной формы «диковинка».

Кроме того, более половины разночтений касается одной, двух или трех букв в слове, или коротких слов. Вот характерные примеры: «сохраняли»/«сохранили»; «сигарка»/«сигара»; «кучка»/«куча»; «колена»/«колени»; «забывать»/«забыть»; «на руках»/«в руках» и т. п. Список этих разночтений поразительно похож на упоминавшийся выше список опечаток к десяти томам «Сочинений» И. С. Тургенева. И там, и здесь мы находим выпадение союзов, замены союза «а» на «и» и наоборот, замену причастия на глагол прошедшего времени, изменение глагольных форм, замену приставок, исчезновение или появление суффиксов и т. д. и т. п.

Можно возразить, что эти совпадения — простая случайность. Но если все подобные изменения в тексте *a priori* принять за гончаровские, то логично признать, что он работал над текстом чрезвычайно внимательно и дотошно, так как при беглом чтении на подобных мелочах взгляд обычно не задерживается. Тогда нам необходимо попытаться выяснить, на каком этапе могли возникнуть эти разночтения. Здесь могут быть два варианта: либо они появились в процессе подготовки оригинала (в данном случае — *Изд. 1870* или его корректурный оттиск) к набору, либо эти поправки вносились прямо в корректуру.

Вероятность того, что Гончаров собственноручно готовил текст к переизданию, крайне невелика. Такой вывод мы можем сделать на основании того, что некоторые погрешности *Изд. 1870* в *Изд. 1883* не только не исправлены, но даже усугублены. Те из них, которые можно было бы исправить исходя из логики повествования или просто заглянув в «Вестник Европы», «осмысляются», тем самым грубо искажая ход авторской мысли. Вот один показательный пример. В V главе I части рассказ Райского о его знакомой актрисе, которая села писать пьесу, никак не могла дойти до развязки и бросила это занятие, заканчивается следующими словами: «...а если б она писала роман, то может быть и не бросила бы. И лица у ней всё разговаривали бы до сих пор». В *Изд. 1870* в последнюю фразу вкралась нелепая опечатка: слово «ней» повторено два

раза. Что же мы видим в *Изд. 1883*? Вместо того, чтобы просто удалить второе «ней», редактор (наборщик, корректор) переправляет его на «не», отчего фраза лишается смысла.

Вряд ли может быть состоятельна и гипотеза о том, что все изменения Гончаров вносил в корректуру. Мы помним, что писатель считал себя неплохим корректором и любую, даже самую ничтожную опечатку воспринимал крайне болезненно. Однако *Изд. 1883*, особенно первая часть романа, буквально кишит опечатками. Если учитывать только так называемые «глазные» опечатки, то в первой части романа их можно насчитать около тридцати¹ (для сравнения: в тексте первой части «Вестника Европы» их по самому строгому счету всего четыре).

Нередки также пропуски частей фраз и целых фраз (так называемые «козлы»), а в одном случае выпала целая строка. Этому есть свое объяснение. В академических «Основах текстологии» приводится наблюдение, что «часто в наборе оказываются пропущенными отдельные фразы или части их, которые имеют анафорическое строение, и глаз наборщика машинально перескакивает через слова или даже строки»². Именно такие случаи мы можем наблюдать и в *Изд. 1883*. Вот примеры (выпущенный в *Изд. 1883* текст помещен в квадратные скобки):

Часть I, глава IV:

«— Да, но выдает. Вы выслушаете наставления и потом тратите деньги. А если б вы знали, что там, [в тамбовских или орловских ваших полях,] в зной, жнет беременная баба...»

Изд. 1870:

— Да, но выдаетъ. Вы выслушаете наставленія и потомъ тратите деньги. А еслибъ вы знали, что тамъ, въ тамбовскихъ или орловскихъ вашихъ поляхъ, въ зной, жнетъ беременная баба...

¹ Это примерно столько же, сколько во всем тексте «Фрегата „Паллада“» издания 1879 года, к которому был приложен составленный Гончаровым список опечаток. Любопытно, что две опечатки из этого списка, имеющие «осмысленный» характер, остались неисправленными во всех последующих трех переизданиях книги.

² Основы текстологии / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1962. С. 309. Как свидетельствует Б. В. Томашевский, причина таких пропусков — «тождество или сходство двух соседних слов» (*Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии.* Л., 1928. С. 27).

Как видим, пропуск объясняется тем, что предлоги «в» стоят точно друг над другом, и глаз наборщика перескочил со строчки на строчку.

Часть I, глава XI:

«Многочисленное семейство то и дело сидит за столом, а в семействе человек восемнадцать: то чай кушают, то кофе [кушают, то просто кушают. Кушают в столовой, кушают в беседке,] кушают на лужку, кушают на балконе».

Изд. 1870:

въ гости къ царю. Многочисленное семейство то-и-дѣло сидитъ за столомъ, а въ семействѣ чело-вѣкъ восемнадцать: то чай кушаютъ, то кофе кушаютъ, то просто кушаютъ. Кушаютъ въ столо-вой, кушаютъ въ бесѣдкѣ, кушаютъ на лужку, кушаютъ на балконѣ. Экономка весь день гре-

Этот пропуск можно объяснить тем же, что и предыдущий, плюс многочисленным повторением слова «кушают».

Из-за анафорических повторов союза «что» появились и следующие пропуски:

Часть III, глава XVI «— Я думаю, соловей поет то самое, [что во мне делается,] что мне хотелось бы сказать теперь, да не умею...».

Часть III, глава XVIII: «Вера не отвечала, но страдала невыразимо оттого, [что бабушка не понимала ее,] что она не могла растолковать себя ей. Она металась в тоске».

Часть IV, глава XII: «Он, уходя, злился не за то, что красавица-Вера ускользает от него, [что он теряет добычу,] что он тратил на нее время, силы, забывал „дело“».

Можно привести еще несколько примеров подобного рода.

О том, что текст *Изд. 1883* готовился крайне небрежно, говорит и такая «мелочь»: во второй части романа этого издания насчитывается три главы под номером XIII (двумя дополнительными «тринадцатыми» главами стали главы XVII и XVIII) — эта ошибка перешла по наследству из предыдущего издания. Кроме того, и в тексте, и в оглавлении *Изд. 1883* пропущен номер главы IX третьей части; итогом этого стало то, что восьмая и девятая главы соединились в одну, даже без всякого пробела. (Справедливости

ради отметим, что в следующем издании и то, и другое было поправлено.)

Также нельзя пройти мимо того факта, что в главах, где допущено наибольшее количество опечаток (мы имеем в виду I и V главы первой части романа), содержится и наибольшее количество разночтений. Может ли это являться простым совпадением? Думается, вряд ли.

Однако в *Изд. 1883* есть и следы творческого вмешательства в текст. В XIII главе III части романа появилась вставка — обмен репликами между бабушкой и Марфинькой:

«— Марфинька, иди скорей, — сказала бабушка, — не прятаться надо, а Богу молиться, гром и не убьет!

— Я этого не боюсь, — сказала Марфинька, — гром бьет все больше мужиков, — а так, просто страшно!»¹.

Рука редактора видна и в IV и в V частях романа. Так, в III главе V части три раза подряд снято обращение Веры к Райскому — «брат», а в последней главе IV части смягчена

¹ Попробуем обосновать гипотезу, объясняющую появление этого фрагмента в *Изд. 1883*. Метранпаж, производивший верстку издания, явно не обладал большим опытом и поэтому старался не допустить появления «висячих» строк, меняя высоту полосы набора. Так, в *Изд. 1883*, стандартная высота полосы набора которого — тридцать три строки, содержится немало полос высотой в тридцать две строки (мы не считаем спусковые и концевые полосы): к примеру, в III части (где содержится указанный фрагмент) таких полос около четверти от общего числа. (К слову отметим, что *Изд. 1886* четко выдерживает высоту полосы в тридцать три строки; в той же III части романа мы заметили лишь шесть полос высотой в тридцать четыре строки — это было сделано также «в борьбе» с «висячими» строками.) Интересующий нас фрагмент занимает в *Изд. 1883* четыре строки: две строки находятся в конце полосы 124 (левой), две — в начале полосы 125 (правой). Кроме того, в следующую за этим фразой вставлено два слова («между тем»), что без проблем разгоняет ее на две строки и избавляет от последнего «виснувшего» слова. Все это наводит на мысль, что в процессе верстки в этом месте могла быть допущена ошибка (так как высота набора по всей книге строго не выдерживалась и делалась если не «на глаз», то, по крайней мере, строго не выверялась), и одна из полос, либо обе оказались короче на четыре строки. Дабы исправить эту погрешность, корректор (или метранпаж) мог обратиться к автору с просьбой «заполнить» образовавшуюся «дыру». Возможность этого не покажется невероятной, если вспомнить издательскую историю «Миргорода», когда Гоголь, сняв по требованию цензуры небольшое предисловие к «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», был вынужден, чтобы избежать переверстки книги, дописать конец «Вия» (см.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Л., 1937. Т. 2. С. 733; примеч. Н. Л. Степанова).

реплика Райского, обращенная к Кривцкой. Остальные же разночтения между *Изд. 1870* и *Изд. 1883* можно списать на погрешности, допущенные при прохождении последним редакционно-издательского цикла.

Изменения, которые мы наблюдаем в *Изд. 1883*, Б. М. Эйхенбаум назвал в свое время искажениями «технического происхождения». «Таковы <...> пропуски отдельных маленьких слов, — писал он, — перескоки при повторениях слов и фраз и при соседстве слов с одинаковыми окончаниями, нивелировка фонетических и других языковых особенностей подлинника, непривычных для переписчика, наборщика или корректора, и десятки других типических случаев <...>. Нельзя думать, что такого рода „разночтения“ представляют собой непременно результат авторской правки и что печатный текст надо оставлять неприкосновенным, а эти разночтения заносить в авторские „варианты“. В тех случаях, когда есть основания считать данное разночтение результатом авторской стилистической правки (т. е., например, когда эта правка поддерживается аналогичными примерами или другими фактами), редактор, конечно, может и должен ее принять, но отсюда вовсе не следует, что он должен механически принимать все разночтения за авторскую правку»¹. Не можем принять за авторскую правку подавляющее большинство разночтений между *Изд. 1870* и *Изд. 1883* и мы².

Но даже если большинство изменений, появившихся в *Изд. 1883*, все же признать за сознательные поправки, а не за погрешности набора и небрежности корректуры, то

¹ *Эйхенбаум Б. М.* Записка об основном тексте «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Редактор и книга: Сб. статей. М., 1962. Вып. 3. С. 89.

² Показателен пример с изданиями тургеневских «Записок охотника». Достоверно известно, что писатель не работал над текстом их последнего прижизненного издания в составе «Полного собрания сочинений» (готовившегося, кстати, в том же 1883 году у того же Глазунова), но собирался сообщить для него «две-три опечатки»; также документально установлено, что текст этого издания набирался с отдельного издания 1880 года. Тем не менее между изданиями 1880 и 1883 годов имеется сорок значимых смысловых расхождений (на двадцать авторских листов текста), причем их анализ «не показывает <...> никаких заслуживающих внимания признаков дополнительной работы автора над текстом», и все они «производят впечатление случайных» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1979. Т. 3. С. 444; примеч. А. Л. Гришунина). Вот примеры этих разночтений: «вся сама» / «сама вся», «прикидывать» / «прикладывать», «даже лежа в постели» / «лежа в постеле», «резко» / «резво», «глазками» / «глазами» и т. п.

отнюдь не очевидно, что они принадлежат самому автору «Обрыва». Как мы видели выше, в период подготовки текста романа к переизданию Гончаров был болен и угнетен духом, и представить, что он в таком состоянии расставляет в наборном оригинале дополнительные абзацы и исправляет «показано» на «сказано», «опять» на «снова», «ветви» на «ветки», а «Кирюшку» на «Кирюшу» (а именно такой характер имеет подавляющее количество разночтений между *Изд. 1870* и *Изд. 1883*), практически невозможно.

Но если все эти изменения не являются следствием небрежности типографии, могли ли они принадлежать С. А. Никитенко? Несомненно, могли.

6

Такой вывод вытекает из анализа дошедших до нас свидетельств того, как Никитенко работала с текстами, которые она готовила для печати. Мы имеем в виду прежде всего публикацию дневника ее отца — профессора Александра Васильевича Никитенко, являющегося, по словам исследователя, одним «из самых впечатляющих документов, какие нам оставила мемуарная литература XIX столетия»¹. Впервые этот дневник увидел свет на страницах журнала «Русская старина» (1888–1892); в 1893 году вышло его отдельное издание.

Нынешнее местонахождение подавляющего большинства подлинных тетрадей дневника неизвестно. Высказывалось предположение, что они были уничтожены самой Софьей Александровной, выполнившей завет отца, который просил, чтобы оригинал дневника не выходил за пределы семьи², однако они зафиксированы в составленном в конце 1910-х годов «Каталоге архива Никитенко»³. До нашего времени дошли

¹ Вацуру В. Э. Между Сциллой и Харибдой // Вацуру В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. Изд. 2-е, доп. М., 1986. С. 210.

² См.: *Айзеншток И. Я.* Дневник А. В. Никитенко // Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. [Л.], 1955. Т. 1. С. XXXVI.

³ См. о нем: *Лобкарева А. В.* К вопросу об истории архива И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф. к 180-летию со дня рожд. И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 297–302. Заметим, что письма наследника С. А. Никитенко, ее дальнего родственника А. И. Старицкого к М. К. Лемке, готовившему в 1910-е годы переиздание дневника, также свидетельствуют, что к тому времени подлинные тетради хранились у него. См. также наст. книгу, с. 128–129.

лишь небольшие фрагменты подлинного дневника, но даже они позволяют судить о том, насколько грубо и бесцеремонно С. А. Никитенко вторгалась в текст, готовя его к публикации. Работавший над переизданием дневника И. Я. Айзеншток писал, что она не только произвольно выкидывала из него важные и значительные фрагменты и путала датировки, но и подвергала текст серьезной редактуре: «С. А. Никитенко в процессе переписки дневников систематически и строго, с пристрастием добросовестной учительницы русского языка института благородных девиц, „обрабатывала“ их, прежде всего стилистически, а затем и по существу», и более того, «в ряде случаев <...> грубо искажала и изложение самих фактов и особенно высказывания А. В. Никитенко»¹. И далее исследователь приводит примеры подобного рода исправлений.

Здесь может возникнуть возражение: одно дело исправлять дневник своего отца, пытаясь выставить его в возможно лучшем свете, и другое — редактировать роман, пусть принадлежащий перу близкого друга. Но посмотрим, как Никитенко обращалась с текстом «Обрыва». Напомним, что она копировала как минимум три последние части романа²; именно с этих копий (правленных Гончаровым) и осуществлялся набор в «Вестнике Европы». Бóльшая часть этой рукописи до нас не дошла; сохранились копии лишь нескольких глав V части, две из которых были отброшены автором³. Сравнив эти копии с черновыми автографами, с которых осуществлялось копирование⁴, можно сделать вывод, что Никитенко не только была довольно невнимательна, но иногда и вполне сознательно редактировала текст романа⁵. Приведем несколько примеров⁶. В автографе чи-

¹ Айзеншток И. Я. Дневник А. В. Никитенко. С. XLII.

² В письме к Никитенко от 25 февраля 1873 года Гончаров просит ее принять от него на память «3 последние части Обрыва, переписанные Вами с моими исправлениями. Рука не поднимается истребить это доказательство Вашего дружества ко мне» (цит. по: *Гейро Л. С.* Из истории создания романа И. А. Гончарова «Обрыв»: (К эволюции образов Веры и Марка Волохова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 58).

³ РНБ, ф. 209, ед. хр. 7.

⁴ ИРЛИ, № 19521.

⁵ Разночтения черновых автографов и копий опубли.: VIII, кн. 2, 594–601 (ряд разночтений в этой публикации не отражен).

⁶ Далее в этом абзаце в скобках указываются страница и строка VIII, кн. 1.

таем «успокоения Веры», в копии — «успокоения молодой девушки» (485, 13), в автографе «перебила Вера», в копии — «спросила Вера» (491, 10), в автографе «как всегда эти мужчины», в копии — «как все эти мужчины» (494, 12), в автографе «было всего три дома», в копии — «стояло всего три дома» (507, 18), в автографе «а она не шла за него», в копии — «а она за него не пошла» (515, 25–26), в автографе «потупил вниз», в копии — «потупился» (518, 8), в автографе «быстро вышел в другую комнату», в копии — «быстро вышел из комнаты» (524, 20) и т. д. и т. п. Кроме того, было пропущено несколько небольших фраз или фрагментов фраз. Необходимо отметить, что после копирования Гончаров продолжил работу над этими главами, но лишь в нескольких случаях он заметил и исправил вольности переписчицы. Всего же в текст объемом около двух авторских листов ею было внесено более сотни изменений, иногда существенно меняющих смысл. Напомним, что Никитенко переписала как минимум три последние части «Обрыва» объемом более двадцати авторских листов. Можно только предполагать, какое количество изменений она внесла в текст этих частей.

В восьмом томе Полного собрания сочинений и писем Гончарова были отмечены только самые существенные расхождения автографа и копии. Однако, копируя рукопись, Никитенко вносила в гончаровский текст и другие изменения. Они таковы:

1) Меняется характерная для Гончарова пунктуация. Частые тире и многоточия заменяются на запятые и точки. Точка с запятой меняется на точку, отчего одно большое предложение разбивается на несколько маленьких. Кроме того, далеко не всегда точно воспроизводится авторское употребление восклицательного и вопросительного знаков.

2) Добавляются абзацные отступы.

3) Кое-где меняются словоформы: «этою» на «этой», «чтоб» на «чтобы» и т. п.

4) Изменяется оформление отдельных реплик. Если у Гончарова они в основном идут без абзацного отступа и в кавычках, то Никитенко почти везде перед репликой ставит абзац и тире.

Нетрудно заметить, что изменения именно такого характера были сделаны в тексте «Обрыва» при подготовке

Изд. 1883. И гораздо более вероятным кажется предположение, что принадлежат они именно Никитенко, а не больному и плохо видящему Гончарову.

7

Обратимся наконец к последнему прижизненному изданию «Обрыва» — четвертому и пятому томам «Полного собрания сочинений» 1886 года (далее — *Изд. 1886*)¹. Нельзя не признать, что это издание подготовлено на более высоком эдиционном уровне. Однако текст его набирался с *Изд. 1883*, и поэтому оно вобрало в себя большинство его погрешностей. Все же различия между этими изданиями (которых можно насчитать около девяноста) имеют тот же характер, что и большая часть различий между *Изд. 1870* и *Изд. 1883*: «прохватил» / «прихватил»; «вонзались» / «вонзались»; «улыбнулся» / «улыбался» и т. п. Есть и вставки одного-двух слов, никак, впрочем, не влияющие на смысл повествования.

Работал ли Гончаров над текстом *Изд. 1886*? Опять же, никаких документальных свидетельств тому, как в случае с *Изд. 1883*, у нас нет. Можно только отметить, что за два года зрение Гончарова еще более ухудшилось. «Тогда он начинал терять зрение, — вспоминала Е. А. Гончарова, — несмотря на операцию, глаз отказывался ему служить, и он находился под гнетущим, тяжелым чувством утраты зрения. Ему было не по себе»². Попробуем ответить на поставленный

¹ В «Полном собрании сочинений» 1884 года (далее — *Изд. 1884*), которое вышло одновременно с *Изд. 1883*, «Обрыв» (как и другие два романа) печатался с матриц предыдущего издания (была заменена лишь сигнатура), поэтому как самостоятельный источник текста его мы не рассматриваем. Следует, однако, отметить, что не все экземпляры *Изд. 1884* идентичны; между нашим собственным экземпляром и экземпляром из библиотеки ИРЛИ (шифр 48 2/3) есть как минимум три расхождения: в т. 4 последнего исправлены две опечатки — на с. 24 («жаждущаго» на «жаждущего») и 106 («Безтыдница» на «Безстыдница»); в т. 5 на с. 418, строка 15 в экземпляре ИРЛИ (и во всех других изданиях, в том числе и в *Изд. 1883*): «Она поник~~ну~~в головой», в нашем экземпляре: «Она поникла головой». Мы не можем объяснить причину этих расхождений, тем более, что во всем остальном указанные страницы двух экземпляров полностью идентичны (что видно по дефектам отдельных литер). Не исключено, что между этими экземплярами есть и другие расхождения; возможно, они есть и в других томах Полного собрания сочинений 1884 года.

² И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. С. 179.

выше вопрос, оценив качество текста *Изд. 1886* и смысл внесенных в него изменений.

Прежде всего, нельзя не обратить внимания на то, что в *Изд. 1886* остались не исправленными явные опечатки предыдущего издания. Так, из *Изд. 1883* в него перешли «Венера Милосская» (часть I, глава IV)¹, «содрагался» (часть I, глава VI), «отсюду» (вместо «отвсюду», часть I, глава IX)², «распрашивала» (часть II, глава IX), «я все удалил» (вместо «уладил», часть II, глава XVI)³, «капитальное» (вместо «капитальное», часть III, глава I), «перелинка» (часть III, глава II) и т. п. Возникли и новые опечатки, зачастую просто бросающиеся в глаза: «обожают» (вместо «обижают», часть I, глава VI), «особннно» (там же), «показзыал» (часть II, глава VI; в первой строке на нечетной полосе!), «он пошел было в двери» (вместо «к двери», часть II, глава XX), «компании» (вместо «кампании», часть III, глава II) и т. п.

Наблюдается в *Изд. 1886* и дальнейшее ухудшение пунктуации, продолжающее тенденцию *Изд. 1883*: «...тогда поймете [,] вы, отчего те старики полиняли...» (часть I, глава IV); «Она милая женщина <...>, как все женщины, когда они, как рыбы, не лезут [,] из воды на берег...» (часть I, глава V); «Татьяна Марковна [,] выпроводила его в сад погулять...» (часть III, глава XV) и т. п. Но самые интересные пунктуационные изменения мы видим во втором томе «Обрыва» — пятом томе Полного собрания сочинений 1886 года. Только в нем прослеживается стремление где только возможно заменять характерные для Гончарова двоеточия. Они заменяются то запятой, то точкой, то восклицательным знаком и т. п. Для примера: в одной только первой главе четвертой части таких замен свыше тридцати. В первом же томе «Обрыва» (т. 4 *Изд. 1886*) такой тенденции мы не видим; подобные замены там тоже есть, но они не носят такого тотального характера.

Добавился в *Изд. 1886* и ряд бессмысленных чтений. Это произошло, вероятно, из-за вмешательства корректора, который исправлял очевидные погрешности набора без сверки

¹ В IV главе IV части в *Изд. 1883*, и в *Изд. 1886* — «Милосская».

² В «Полном собрании сочинений» Гончарова 1896 года (также издание Глазунова) эта опечатка исправлена на «отсюда».

³ В *Изд. 1883* эта опечатка перешла из *Изд. 1870*.

с оригиналом и не особенно вдумываясь в смысл повествования¹. Вот три примера:

1) Часть I, глава X. *Изд. 1883*: «Волга задумчиво текла в берегах, заросшая островами, кустами, покрытая мелями». В *Изд. 1886* вместо «въ берегахъ» появляется непонятное «къ берегамъ». Нетрудно представить, как возникло это чтение. При наборе были спутаны сходные по рисунку литеры «в» и «к»², а затем корректор просто «согласовал» слово с предлогом: любой редактор подтвердит, что если в корректуре встретятся два несогласованных между собой слова, то в девяти случаях из десяти не слишком внимательный корректор согласует второе слово с первым (а не наоборот), даже если при этом может страдать смысл.

2) Часть I, глава XVI. Письмо Козлова к Райскому: «Вчера я <...> забрел в твои маетности <...>, должно быть по рассеянности <...> попал не в тот переулок, спустился под гору, и когда поднялся, то узнал, что очутился в саду твоей бабушки...». Согласно словарю В. И. Даля, «маетность» — это «недвижимое именье, вотчина»³. Козлов сообщает Райскому, что случайно забрел на территорию его имения, в его владения. Устаревшее слово «маетности» показалось корректору или наборщику *Изд. 1886* опечаткой, и он исправил его на более понятное, но совершенно бессмысленное «местности»: «Вчера я <...> забрел в твои местности...» — так это предложение печаталось до сих пор во всех изданиях «Обрыва».

3) Часть II, глава II. Марфинька рассказывает Райскому о своем желании иметь «побольше маленьких братьев и сестер, или хоть чужих деточек»: «Я <...> всё бы за ними ходила. Один шалит, его в угол надо поставить, тот просит каши, этот кричит, третий дерется; тому оспочку

¹ Это именно те описанные Б. В. Томашевским случаи, «когда корректор начинает править замеченную ошибку без справки в оригинале. Исправления по догадке дают еще худшие искажения» (*Томашевский Б. В. Писатель и книга*. С. 35).

² Очевидно, это одна из тех ошибок, которые происходят «оттого, что в кассе оказывается неправильно положенная буква. По большей части это происходит при разборе, когда мелкие буквы по сходству очертаний принимаются одна за другую» (Там же. С. 24). Сходная опечатка («къ» вместо «въ») есть и в тексте «Обыкновенной истории» того же издания.

³ *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1995. Т. 2. С. 288.

надо привить, то ушки понимать, а этого надо учить ходить...». В последней фразе есть опечатка, прошедшая через все издания романа от «Вестника Европы» до *Изд. 1883* и исправляемая лишь по черновому автографу: «...той ушки понимать...». Опечатку в этой же фразе заподозрил и корректор (наборщик) *Изд. 1886* — и исправил «то» на «тому». Получилось, что ушки для ношения серег Марфинька хочет «понимать» мальчику.

Все это позволяет заподозрить, что и в *Изд. 1886* Гончаров участия также не принимал, в лучшем случае — дал два-три устных указания. Качество же текста свидетельствует о том, что при его подготовке не только не вычитывался наборный оригинал (т. е. *Изд. 1883*), но и сама корректура держалась достаточно небрежно. Во всяком случае, в отличие от *Изд. 1883* (в которое, напомним, был вставлен четырехстрочный фрагмент), ни одно изменение *Изд. 1886* не дает оснований говорить о несомненном авторском вмешательстве в текст.

В дальнейшем при переизданиях «Обрыва» за основу брался текст *Изд. 1886*, и правомерность подобного выбора никем никогда не оспаривалась.

Подведем итоги.

1) С большой степенью вероятности можно утверждать, что Гончаров не работал над *Изд. 1883*, так как был тяжело болен и не мог этого сделать просто физически. К тому же факт работы над этим изданием не отражен ни в одном из дошедших до нас документов того времени.

2) Очевидно, над *Изд. 1883* работала С. А. Никитенко, которой Гончаров мог дать *carte blanche* на поправки и изменения в тексте романа и которая не только готовила оригинал романа к переизданию, но и держала корректуру.

3) Нет сомнений, что подавляющая часть изменений текста романа в *Изд. 1883* — это ошибки набора, так как большинство их них, во-первых, идеально ложатся в классификацию основных опечаток, предложенную Б. В. Томашевским¹, и, во-вторых, в целом не характерны как для работы Гончарова при подготовке *Изд. 1870*, так и при его работе с другими текстами.

4) Вероятно, Гончаров не работал и над *Изд. 1886*, так как большинство и его изменений аналогичны изменениям

¹ См.: Томашевский Б. В. Писатель и книга. С. 24–32.

Изд. 1883, охарактеризованных в п. 3, а корректур этого издания писатель не держал¹.

Что же из этого следует?

Недавно Л. С. Гейро, изучившая историю изданий романа «Обломов», пришла к выводу, что «в изданиях 80-х годов² количество <...> смысловых ошибок, допущенных по вине издателей (наборщика, корректора и проч.), весьма велико: искаженные эпитеты, пропущенные слова и строки, неверные союзы и предлоги, нарушенное согласование, не оправданные смыслом перестановки слов и словосочетаний, измененные времена глаголов и глагольных форм и т. п.»³. То же самое мы наблюдаем и в двух последних изданиях «Обрыва».

Таким образом, выбирая источник основного текста романа «Обрыв», мы стоим перед дилеммой. Если мы выбираем в качестве основного *Изд. 1870*, то мы тем самым отказы-

¹ См.: III, 466; примеч. Т. И. Орнатской. Здесь же приводится фрагмент из письма Гончарова к Е. А. Никитенко от 1 августа 1885 г.: «...писал в лавку Глазунова <...> спросил, зачем приглашают Софью Алекс<андровну> <...>. Сегодня приказчик отвечал, что ей хотели предложить держать корректуру „Фрегата“ <Паллады>“, которая вся вышла в продаже, а летом типография свободна, то Глазунов и заготовляет новое издание. Теперь же корректура эта, заключает приказчик, передана другому лицу» (Там же). Письмо это однозначно говорит о том, что над текстами нового издания (по крайней мере, «Фрегата „Паллада“») Гончаров не работал, иначе бы к нему обратились не с просьбой найти корректора на уже готовящееся издание, а с просьбой предоставить выправленные оригиналы для набора или же с вопросом, не хочет ли он внести в новое издание изменения или поправки. Скорее всего, издание 1886–1887 годов воспринималось как простая допечатка предыдущего по мере того, как расходились отдельные тома; в пользу этого говорит тот факт, что его тома появились не одновременно, а выходили в свет на протяжении почти полутора лет: том IV («Обрыв», части I–II) вышел в мае 1886 года (см.: Книжный вестник. 1886. № 9–10. 15 мая. Стлб. 476), том V («Обрыв», части III–V) — в январе 1887 года (см.: Там же. 1887. № 2. 15 янв. Стлб. 64), тома I, II, III и VIII («Обыкновенная история», «Обломов» и книга «Четыре очерка») — в июне 1887 года (см.: Там же. 1887. № 12 и 13. 1 июля. Стлб. 608–609). Время выхода томов VI и VII, включавших «Фрегат „Паллада“», установить не удалось, но, исходя из цитированного выше письма, они появились либо в конце 1885 года, либо в начале 1886-го. Сохранился экземпляр отдельного издания «Фрегата „Паллада“» 1886 года с дарственной надписью Гончарова, датированной сентябрем 1886 г. (см.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 74).

² Имеются в виду «Полные собрания сочинений» Гончарова 1884 и 1886–1887 годов.

³ Гейро Л. С. История создания и публикации романа «Обломов». С. 631.

ваемся от четырехстрочного фрагмента и еще четырех-пяти небесспорно авторских вариантов, но зато будем работать с подготовленным и вычитанным Гончаровым текстом, в который необходимо будет внести минимальное количество поправок по предыдущим источникам. Если же в качестве основного мы выбираем *Изд. 1886*, формально соблюдая принцип «последнего прижизненного издания», то нам придется авторизовать огромное количество изменений, бóльшая часть которых, несомненно, являются следствиями небрежной работы наборщика и корректора.

По нашему мнению, которое основывается как на изучении характера изменений, произведенных в *Изд. 1883* и *Изд. 1886*, так и на данных биографии Гончарова, единственным достоверным проявлением «последней творческой воли» писателя по отношению к роману «Обрыв» следует считать *Изд. 1870*. Его текст и нужно брать за основу при подготовке критических изданий романа.

О ТЕКСТЕ ПОСЛЕДНИХ ПРИЖИЗНЕННЫХ ИЗДАНИЙ РОМАНА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

В этой статье нам хотелось бы вернуться к одному важному вопросу, который, как представляется, требует пересмотра. Речь идет о реконструкции издательской истории романа «Обыкновенная история» и, соответственно, о том, какое его издание должно браться за основу при подготовке текста романа для современных критических публикаций.

При жизни Гончарова роман издавался девять раз. Впервые он был опубликован в журнале «Современник» в 1847 году, в 1848, 1858, 1862, 1868, 1883 и в 1887 годах выходил отдельным изданием, а также в составе двух «Полных собраний сочинений» (1884 и 1886–1887)¹. В новом академическом Полном собрании сочинений Гончарова (далее: ПСС), как и во всех предыдущих изданиях, роман был воспроизведен по первому тому последнего «Полного собрания сочинений» (идентичному отдельному изданию 1887 года), причем в его текст было внесено 64 поправки по предыдущим изданиям². Формально это соответствует одному из базовых принципов текстологии, согласно которому в качестве источника основного текста произведения принимается последнее по времени издание, над которым работал автор и которое, таким образом, фиксирует проявление его последней творческой воли. Правомерность такого решения по отношению к «Обыкновенной истории» и будет обсуждена далее.

¹ Подробное описание источников см.: I, 673. Ниже ссылки на них мы будем давать сокращенно, по аналогии с предыдущей статьей.

² См.: I, 674–676. В этом издании основной текст «Обыкновенной истории» подготовлен Т. И. Орнатской (варианты печатных изданий — при участии Э. Г. Гайнцевой, С. Н. Гуськова, Н. В. Калининой и И. Д. Якубович); ею же написан раздел комментария, повествующий о творческой истории романа.

1

Гончаров подходил к переизданию своих сочинений чрезвычайно ответственно; готовя их, он, как правило, тщательно пересматривал текст. Это особенно видно на примере «Обыкновенной истории»: от издания к изданию и количество, и особенно качество авторских исправлений шло по нарастающей. Так, если в первых отдельных изданиях романа (*Изд. 1848* и *Изд. 1858*) правка сводилась в основном к мелким стилистическим доработкам и сокращениям текста, то уже над третьим изданием (*Изд. 1862*) Гончаров работает гораздо более углубленно¹. Столь же «тщательно, <...> во многом даже кардинально» (I, 687) «Обыкновенная история» была переработана для *Изд. 1868*, в которое было добавлено несколько «более или менее пространных вставок» (Там же). Как пишет Т. И. Орнатская, в *Изд. 1868* Гончаров «проводит <...> и дальнейшую стилистическую правку, причем довольно часто в ранее правленный текст вводит новые уточнения. <...> Можно отметить в новом издании и значительное количество исправлений явно искаженных переписчиком или наборщиком либо не удавшихся самому автору мест...» (I, 688, 689). Таким образом, это издание можно считать важнейшим этапом в творческой судьбе «Обыкновенной истории», достоверным свидетельством проявления авторской воли Гончарова, его скрупулезности, требовательности к себе и к своему творчеству. Недаром на титульном листе *Изд. 1868* стоит: «Издание четвертое, вновь исправленное».

Казалось бы, эта тенденция должна была бы проследиваться и в следующих публикациях романа. Но *Изд. 1883* ставит перед текстологом ряд проблем. Для того чтобы обозначить их суть, сделаем пространную выписку из комментария к первому тому ПСС:

Следующее издание романа вышло в 1883 г. и набиралось по тексту 1862 г., а не по тексту 1868 г., как естественно было бы думать. При этом в текст романа было внесено немалое количество новых исправлений и изменений, однако почти ни одно из названных выше сокращений, дополнений, замен и уточнений 1868 г. в новое издание не попало. <...> ...Вызывает недоумение тот

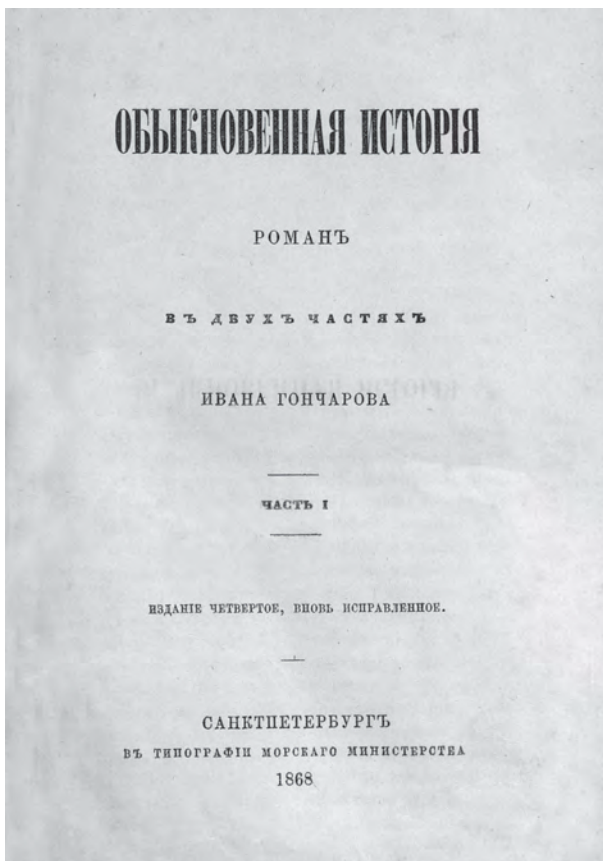
¹ Описание правки *Изд. 1862* см.: I, 683–687. Характер этой правки позволил Т. И. Орнатской утверждать, что текст *Изд. 1862* был «тщательно переработан».

факт, что в большинстве своем исправления 1868 г., явно улучшающие, а иногда и прямо исправляющие неблагополучный текст, не попали в новое издание. Закономерно возникает предположение, что писатель или вообще забыл о правке 1868 г., или просто пренебрег ею. К этому времени <...> Гончаров явно не совсем четко помнил последовательность переизданий романа. <...> ...Трудно представить себе, чтобы Гончаров совсем «забыл» о последнем издании при подготовке следующего. Более того, готовя текст по изданию 1862 г., он, видимо, имел перед собой текст 1868 г. Об этом говорит то обстоятельство, что в текст 1883 г. (а потом и в текст 1884 и 1887 гг.) вошел целый слой исправлений, впервые проведенных именно в издании 1868 г.; особенность этих исправлений в том, что они являются мелкими уточнениями, которые трудно, если не невозможно, восстановить по памяти. Так, к 1868 г. восходят исправления: «водой» вместо «водицей» (вариант к с. 176, строка 32); «продолжала она» вместо «начала потом опять» (наст. том, с. 554 и 183); «лучше чемодан вдоль» вместо «лучше чемодан вниз» (вариант к с. 189, строка 14); «не видывал» вместо «я не видывал» (вариант к с. 250, строка 4); «потом ребяческая выходка» вместо «то ребяческая выходка» (вариант к с. 253, строки 33–34); «— Согласитесь ли вы быть» вместо «— Согласитесь ли быть» (вариант к с. 297, строка 11); «Нет» вместо «Нет, нет, нет!» (вариант к с. 312, строка 17) и т. п., — а также добавление: «Александр слушал с некоторым нетерпением и взглядывал по временам в окно на дальнюю дорогу» (наст. том, с. 554, сноска 4).

В этом убеждает и другой пример. Так, в реплике Александра из разговора его с Петром Ивановичем об изменившей Надиньке: «Я ее слишком глубоко презираю, — сказал Александр, тяжело вздохнув» (вариант к с. 304, строка 44) — последние два слова появились именно в 1868 г.; по этому изданию они и были введены в текст 1883 г., который в целом, как уже говорилось, готовился по изданию 1862 г. (I, 689–691)¹

Что касается «немалого количества новых исправлений и изменений», появившихся в *Изд. 1883*, то о них мы будем говорить ниже. Остановимся сначала на том, по како-

¹ Ср.: *Орнатская Т. И.* 1) «Необыкновенная история» с «Обыкновенной историей» И. А. Гончарова: (К проблеме выбора источника основного текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т. 50: В честь 90-летия акад. Д. С. Лихачева. С. 293–302; 2) «Обыкновенная история»: Критика текста // Современная текстология: Теория и практика. М., 1997. С. 120–133; 3) «Обыкновенная история» и «Обломов» // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рожд. И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 36–38.

«Обыкновенная история».
Титульный лист издания 1868 г.

му источнику готовился текст для этого издания, и на том, насколько осозанным был выбор этого источника. Ведь если, как сказано в ПСС, Гончаров обращался к *Изд. 1868*, то необходимо ответить на два вопроса:

1) Почему Гончаров, внимательно перечитав *Изд. 1868* (в противном случае он не мог бы заимствовать из него мелкие поправки для нового издания), взял за основу не его, а вернулся к *Изд. 1862*?

2) Почему на титуле *Изд. 1883* это издание названо четвертым, хотя, как утверждается в ПСС, Гончаров имел под рукой *Изд. 1868*, на котором, повторим, было обозначено: «Издание четвертое, вновь исправленное».

Ответить на оба эти вопроса можно только следующим образом: при подготовке *Изд. 1883* Гончаров не только не имел перед собой *Изд. 1868*, но, видимо, даже забыл о его существовании. Утверждение же, что в *Изд. 1883* из *Изд. 1868* перешли многочисленные «мелкие поправки», ошибочно. Оно опирается на свод вариантов прижизненных изданий «Обыкновенной истории» в ПСС, при составлении которого было допущено немалое количество (свыше семидесяти) пропусков, неточностей и недочетов. Здесь не место давать подробный список этих ошибок: надеемся, все они будут исчислены в последнем томе ПСС. Обратим внимание лишь на те, которые отменяют приведенные выше наблюдения. Будем придерживаться примерно того же порядка, в каком они указаны в процитированном фрагменте из комментария:

1) слова: «продолжала она» (с. 183, строка 26) действительно появляются лишь в *Изд. 1883*, но в *Изд. 1868* нет ни их, ни предыдущего варианта «начала потом опять»;

2) варианты «лучше чемодан вдоль» (с. 189, строка 14), «потом ребяческая выходка» (с. 253, строки 33–34), «Нет» (с. 312, строка 17) восходят не к *Изд. 1868*, а к *Изд. 1862*;

3) местоимение «я» во фразе «я не видывал» (с. 250, строка 4) исчезает лишь в *Изд. 1887*;

4) местоимения «вы» во фразе «— Согласитесь ли вы быть» нет ни в одном издании от «Современника» до *Изд. 1868* включительно;

5) фраза «Александр слушал с некоторым нетерпением и взглядывал по временам в окно на дальнюю дорогу» (с. 183, строки 23–24) добавлена в *Изд. 1883*, ни в одном из предыдущих изданий ее нет;

6) слова «тяжело вздохнув» (с. 304, строка 44) возникают не в *Изд. 1868*, а уже в *Изд. 1862*, что, кстати, видно и из вариантов ПСС (I, 581).

Таким образом, мы видим, что в *Изд. 1883* из *Изд. 1868* перешел только один вариант, а именно «водой» вместо «водицей» (с. 176, строка 32). Едва ли можно представить, что для того, чтобы изменить только это место, Гончаров обращался за справкой к *Изд. 1868*. Скорее всего, вариант *Изд. 1883* имеет независимый характер.

Однако внимательный анализ разночтений текстов различных изданий ставит другой вопрос. Дело в том, что неко-

торые варианты *Изд. 1883* восходят непосредственно к *Изд. 1858*, минуя *Изд. 1862* и *Изд. 1868*. Назовем их:

1) Часть I, глава II. «Сосед там — так настоящий сосед, живут рука в руку, душа в душу; родственник — так родственник: умрет за своего... эх, грустно!» (с. 206, строки 26–29). Так эта фраза читается в журнальной публикации, *Изд. 1848* и *Изд. 1858*; в *Изд. 1862* снимаются слова «умрет за своего... эх», нет их и в *Изд. 1868*. Однако в *Изд. 1883* они появляются снова.

2) Часть II, глава I. *Изд. 1858*: «...сказал Александр, растерянный и совершенно уничтоженный этим упреком...» (с. 330, строки 13–14). В *Изд. 1862* это место меняется на «...сказал Александр, растерянный этим упреком...», а в *Изд. 1868* на «...сказал Александр, уничтоженный этим упреком...». Тем удивительнее, что в *Изд. 1883* мы видим частичный возврат к *Изд. 1858*: «...сказал Александр, растерянный и совсем уничтоженный этим упреком...».

3) Там же. *Изд. 1858*: «Ему только бы похвастаться, — вот чтоб о нем говорили, что он в связи с такой-то, что его видят в ложе у такой-то, или что он на даче сидел вдвоем на балконе поздно вечером...» (с. 346, строки 5–8); в *Изд. 1862* из этой фразы исчезают слова «вот», «его» и «сидел»; в *Изд. 1868* она была переработана. Однако в *Изд. 1883* снова возникает слово «сидел», слово же «его» в текст ПСС вводится как поправка (I, 675).

4) Часть II, глава IV. Случай сложнее. Фрагмент, читающийся в «Современнике», *Изд. 1848* и *Изд. 1858* так: «...будущее было одето туманом, но не тяжелым, удушливым туманом, предвещающим ненастье, а утренним...», в *Изд. 1862* был переработан: «...будущее было одето туманом, предвещающим не ненастье, а утренним...» (тот же текст перешел в *Изд. 1868*). В *Изд. 1883* видим следующий вариант: «...будущее было одето туманом, но не тяжелым, предвещающим ненастье, а утренним...» (с. 389, строки 11–12). Мы уверены, что слова «удушливым туманом» просто выпали при наборе *Изд. 1883*. Но даже если это не так, если даже правка произведена сознательно, то все равно правился текст *Изд. 1858*, а не *Изд. 1862* или *Изд. 1868*.

5) Там же. В *Изд. 1862* и *Изд. 1868* отсутствует имеющаяся в *Изд. 1858* и в *Изд. 1883* обращенная к Лизе реплика Александра: «— Да; а что?» (с. 404, строка 9).

б) Часть II, глава VI. *Изд. 1858*: «Там на каждом шагу он встречал в людях невыгодные для себя сравнения... Там он так часто падал...» (с. 445, строки 26–27). В *Изд. 1862* и *Изд. 1868* слова «Там он» исчезают и снова появляются в *Изд. 1883* (правда, со строчной буквы).

Как можно объяснить этот поразительный факт? Конечно, мы далеки от мысли, что Гончаров тщательно просмотрел текст *Изд. 1858* и указанные выше мелочи перенес оттуда в *Изд. 1883*. Можно предложить другое объяснение. Но, чтобы оно показалось более убедительным, выскажем его уже после того, как рассмотрим, какую работу Гончаров совершил, готовя *Изд. 1883*.

2

Характер изменений в *Изд. 1883* уже не раз привлекал внимание исследователей, которые высказывали о нем сходные суждения. Е. А. Краснощекова считала, что, перерабатывая роман в 1883 году, «Гончаров смотрел на него с высоты опыта уже трех реалистических романов, поэтому он вычеркивал те „куски“, в которых ему изменяло чувство меры: реплики Александра Адуева, слишком уж „в лоб“ обнаруживающие его наивный романтизм, обличительные заявления Петра Адуева, в которых откровенно утрируется облик его оппонента»¹. Эта точка зрения была поддержана О. А. Демиховской, писавшей: «Текст романа подвергся авторской творческой переработке, главным образом, в тех случаях, когда восстанавливались купюры из первых трех изданий, аннулированные или сильно сокращенные в четвертом (1868 г.) издании, но не в прежнем виде. Это касается рассуждений или лирических отступлений, в которых теперь убираются длинноты. Идет стилистическая правка, преследующая утверждение объективного письма. Главная забота автора — изящество и простота стиля»².

Синтезированы эти суждения были Т. И. Орнатской в комментарии к ПСС, окончательный вывод которой звучит так:

¹ Краснощекова Е.А. Примечания // 1, 511.

² Демиховская О.А. И. А. Гончаров в работе над романом «Обыкновенная история» // И. А. Гончаров: (Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года). Ульяновск, 1992. С. 133.

«...правка текста для издания 1883 г. была не меньшей по объему и не менее значимой в смысловом отношении, чем в предыдущих изданиях. Кроме того, текст 1868 г., подготовленный столь тщательно, не может считаться окончательным текстом, т. е. текстом, в котором с наибольшей полнотой проявилась последняя авторская воля. Таковым является лишь текст 1883 г., который в дальнейшем по сути более не перерабатывался...» (I, 694)¹.

Но действительно ли правка *Изд. 1883* была столь значительной, как о том пишут все исследователи? Мы не можем согласиться с этим. Почему-то никто не обратил внимания на тот факт, что вся значимая и серьезная правка *Изд. 1883* затрагивает только первую и начало второй главы романа, дальнейший же текст переходит в это издание из *Изд. 1862* практически без изменений. Более того, мы можем совершенно точно указать, на каком месте работа Гончарова над новым изданием заканчивается. Последняя поправка была внесена им во фразу «Точно крупная славянская грамота <...>; писано без знаков препинания, с титлами» (с. 195, строки 2–4), из которой было вычеркнуто два последних слова.

Дабы не быть голословными, продемонстрируем правку *Изд. 1883*, произведенную Гончаровым в первой и начале второй главы «Обыкновенной истории»:

Стр., строка	Изд. 1862	Изд. 1883
172, 18	Впрочем, она была добрая барыня и многое спускала; но шуметь, когда спит Сашенька, не угодить ему, не исполнить скоро его желания — беда!	—
173, 32	Хорошо, что барыне было не до чаю, а то бы дала она ей знать!	—
174, 5	полутонем ниже,	вздыхая и
175, 13–14	—	Подле него и сидеть-то тошно — свинья свиньей!

¹ Здесь резонно задать вопрос: если в *Изд. 1883* «с наибольшей полнотой проявилась последняя авторская воля», то почему в качестве источника основного текста было выбрано не это издание, а *Изд. 1887*, где есть лишь «мелкие исправления», которые, по утверждению комментатора, «могли быть сделаны и не Гончаровым (во всяком случае, часть из них), а лишь по согласованию с ним или даже без согласования...» (I, 695)?

175, 41	заботливой рукою	заботливой рукой
176, 3	одной рукой	одною рукою
176, 38	Он стал завтракать, а Анна Павловна	Анна Павловна
179, 5	<p>Ожидает и требует возмездия та любовь, которая не дается даром, но которую, Бог знает почему, называют бескорыстной. А между тем ей отдайте всё, прославляйтесь или унижайтесь для нее, трудитесь или бездействуйте, расширьте крылья и летите орлиным полетом, или свернитесь собачкой у ног красавицы, в случае надобности отдайте и жизнь.</p> <p>Все эти бледные, задумчивые избранницы, с голубыми глазами, которые твердят о таинственной симпатии душ, о предугаданной встрече с милым и которые в дыхании ветерка и в шепоте струй слышат его голос, и те пламенные смуглянки, которые, в порыве ревности, хватаются за кинжал, и те кроткие, вечно улыбающиеся красавицы, с томным взором и каштановыми волосами, — все они любят в своем предмете блеск славы, ума, изящества, или, по крайней мере, денег. Перед ними надо сиять, возвышаться над толпой, делать чудеса, заставлять и красавицу гордиться вами; или, уж если этим ослепить нельзя, так надо ослепить подарками: тогда и посыплется на вас мирты и очаруют вас ласки, слезы; тогда и настанут прогулки при луне, бессвязные, но полные прелести разговоры и все таинства любви! А нет этого, не сияете вы ничем, так не прогневайтесь, вы не нужны, вам изменят, охладят к вам... возьмут другого, который сияет.</p> <p>Не изменяет и не охладевает только любовь матери: ее ни уменьшить, ни подкупить ничем нельзя. Век свой одна и та же.</p>	—
179, 8–9	она плачет и смеется, и шепчет: «это мой!» А там затеплит лампадку перед образом Спасителя и молится долго и жарко.	она плачет, смеется и молится долго и жарко.
179, 18–19	В эту пору осторожные родители не дают детям ни вина, ни кофе, потому что у них-де и без того кипяток в крови. Как же тут усидеть на одном месте? Особенно надо представить себе в этой поре Александра Федорыча. Ему от пелен улыбалась жизнь	Жизнь от пелен ему улыбалась
179, 24	был к нему как-то ласковее	был к нему, кажется, ласковее

179, 36	в зрелой поре	на склоне жизни
180, 2-3	двадцать две науки, три искусства и еще два-три предмета — ни науки, ни искусства, а так, Бог знает что	с дюжину наук да с полдюжины древних и новых языков
180, 4	И стихи, и проза	Стихи
180, 15	Любовь мужчины — это что-то чрезвычайно сложное. Он любит и одну женщину, и многих женщин вдруг, и почести, и клочья, и лошадей, и часто любит все одинаково и вдруг, а иногда и вовсе может обойтись без любви. Женщина сосредоточивает чувство по большей части на одном предмете. Иногда она и меняет его, но все-таки на одного. Если некого любить, она выдумает себе и любовь, и любовника. Выдуманный любовник называется идеалом, и она любит идеал. Если уж вовсе некого любить, женщина привяжется к цветку, к собачке, и все любит до конца жизни, до последнего издыхания. И сама природа оправдывала Александра. Она распорядилась так, что дети почти никогда не платят в возмездие родителям той же любовью, а ищут впереди себя другой, не кроткой и мирной, а с волнениями, страданиями и слезами.	—
181, 21	Теперь манишки. Посмотри, как вымыты и выглажены. Ну где им там выгладить так?	—
181, 31	Не можешь	Не может
181, 41	такого сраму наделала! а еще ученыя: все книжки читает.	такого сраму наделала!
182, 3-6	— Ну, Саша, <...> ты теперь едешь на чужую сторону: Бог один знает	— Ну, Саша, <...> ты теперь едешь на чужую сторону... — Какая «чужая» сторона, Петербург: что вы, маменька! — Погоди, погоди — выслушай, что я хочу сказать! Бог один знает
182, 15	пред	перед
182, 27	—	Она вздохнула.
182, 32-33	Мать поняла его молчание.	Мать поняла его молчание и опять вздохнула.

183, 23–24	—	Александр слушал с некоторым нетерпением и взглядывал по временам в окно, на дальнюю дорогу.
183, 26	начала потом опять	продолжала она
183, 30	Есть такие злодеи, что для них ничего нет святого: они и этакой драгоценности не пожалеют.	—
183, 33	Буду беречь твое добро пуще глаза, а там, как воротиться, женишься — сам как хочешь и распоряжайся.	—
183, 37	Книг много не покупай — зачем? их у тебя и так куча: в век не перечитаешь. Ты и так учен — не всё же учиться, когда-нибудь надо и бросить. А то этак долго ли уходить себя? Ты не учитель какой-нибудь! Я без тебя книги-то велю в чулан спрятать.	—
183, 37-38	Не предавайся вину — ох, вино! первый враг человека!	Не предавайся вину — ох, оно первый враг человека!
183–184, 43–1	—	— Довольно, маменька: я бы позавтракал? сказал он почти с досадой. — Сейчас, сейчас... еще одно слово...
184, 2–3	продолжала она, — великий грех!	спешила она досказать, — это великий грех!
184, 8	у другого какого-нибудь	у какого-нибудь
184, 18–19	Деревенская девка!	Деревенская девушка!
184, 28–30	— Забыть вас! маменька! как могли вы подумать? Пусть Бог накажет меня... Анна Павловна поблднела.	— Вот до чего договорились, — перервал он, — велите скорей подавать что там у вас есть: яичница, что ли? Забыть вас! Как могли вы подумать? Бог накажет меня...
185, 381 ¹	уведомить	уведомит

¹ Это изменение справедливо сочтено редакцией ПСС опечаткой и исправлено.

186, 4	<p>«Ты бы лучше написал», — скажет жена; но писать для многих еще у нас на Руси такой труд, что иному гораздо легче съездить за десять верст или послать человека с словесным запросом, чем написать несколько строк. «Вот, — скажет он, — поди отыскивай чернильницу! а где она? чай, давно ребятишки забросили. Посылай за чернилами к дьякону или к приказчику да чини перо; еще и бумаги не найдешь в доме, а главное — сиди часа три и выдумывай слова. Бог знает, как и ставить их: иное можно поставить рядом и с тем и с этим, а где именно нужно, Бог весть! Ведь это же самое дело расскажешь на словах, как по маслу идет, а чуть обмакнул перо в чернила — и не то, и нейдет: или все слова вдруг суются, не знаешь, которое первое написать, — или ни одно нейдет, да и написать надо гораздо мудренее, нежели говоришь, а вот тут-то и надо уметь выдумывать слова! Нет! уж лучше пусть Антон Иваныч съездит: то ли дело, как живой человек расскажет?» И они правы, добрые люди: умей они выдумывать и составлять слова, тогда Антон Иваныч хоть заживо в гроб ложись!</p> <p>При обрядах он тоже не без дела. Например, кто подержит блюдо с кутьей или образ? Он. Кто подаст обручальные кольца? кто всегда в свите жениха? кто подскажет на крестинах куму и куме, что надо плюнуть и дунуть, и кто сам вместе с ними плюнет и дунет? кто объяснится со священником, заплатит ему деньги? Всё он! Как случится надобность в подобной услуге, уж несколько голосов и кричат: «Антон Иваныч! Антон Иваныч!» Антон Иваныч и бежит. У кого домашний совет — его зовут непременно, хотя он еще не дал никому ни одного совета, ни одного спора не решил, даже не сказал при споре ни одного дельного слова. Да от него этого и не требуют: он очень удивил бы, если б сказал это слово, если б дал совет: слова его и не послушали бы, совета не приняли бы. Им нужно только, чтоб он тут был, а спросите зачем? они скажут: — Ну как зачем?.. — и остановятся, а потом прибавят: — ум хорошо, а два лучше.</p>	—
--------	--	---

186, 14	<p>Умрет ли такой человек, он долго еще живет в памяти бестолковых.</p> <p>— Вот, покойный Антон Иваныч, — говорят о нем, — любил жареных карасей, — когда подадут карасей.</p> <p>— Эх, нет Антона Иваныча! то ли дело было при нем?</p> <p>— Это еще при Антоне Иваныче было; он еще тогда вот тут сидел!</p> <p>И так вспоминают о нем беспрерывно и долго, а часто забывают человека, который внутренне и незаметно жил своим присутствием весь круг, где был центром. Так ветреное дитя плачет о смерти собачонки и не чувствует минуты, когда само становится сиротой.</p>	—
187, 39	никогда даже не казаться умнее его	никогда не казаться умнее его
187, 43	образование груди	пышность груди
188, 7	Агафье Никитичне	Агафье Никитишне
188, 16	<p>— Что вы, Антон Иваныч? — сказала Анна Павловна, улыбаясь.</p> <p>— Ей-богу, нахватает: вот помяните мое слово! где у нас этакие-то?</p>	—
188, 39	<p>У Никанора Михеича, что ли, сынок? — да это просто зверь! — попробуй-ка заехать, так непременно какую-нибудь пакость надо мною и сотворит: или ночью сапоги унесет, или платье выворотит, не то так пуговицы у сюртука отрежет; намедни котенка под подушку посадил! ведь этакой сорванец! я думал,мышь, да ночью-то босиком выбежал на двор — сам ни жив ни мертв, так и трясусь, а он хохочет. Я словно мученик какой-нибудь дался ему. Что он, за хлеб за соль, что ли, так насмеяется? так я не нуждаюсь: мне, слава Богу, везде двери открыты, ешь — не хочу. Да и добро бы разлитое море было, а то в доме, поверьте ли, насили пустых щей дождешься, а лошадь так не кормленная и простоят.</p> <p>Анна Павловна покачала головой.</p> <p>— Да вас, Антон Иваныч, везде обеими руками примут, — сказала она.</p>	—
189, 9	Как мухи сладкую каплю, так люди облепили повозку	Как мухи сладкую каплю, люди облепили повозку
189, 12	со съестным	с провизией
189, 14	и сбоку поставить	сбоку поставить

189, 43	сказал повелительно	повелевал
190, 14	— Откуда ты, как? — спросил Адуев.	— Откуда ты, как?
190, 30–31	— Александр Федорыч!.. — Софья Васильевна!.. — сказали они, и слова замерли в поцелуе.	— Саша! Милый Саша!.. — Соничка!.. — шептали они, и слова замерли в поцелуе.
191, 10	цалуя	целуя
191, 44	ручьём текущие слезы	капавшие слезы
192, 20	поцаловал	поцеловал
192, 41	Кланяйтесь же, батюшка	Кланяйтесь
193–194, 40–6	Он был из тех высоких, пропорционально сложенных мужчин, которые своим видом, походкой, прямизной талии, отчасти полной как-то напоминают уже не Аполлона Бельведерского — это тип юношеской стройности, — а фигуру центавра — что-то массивное, но вместе стройное и легкое, то, что у нас называют <i>bel homme</i> . Черты лица его были крупны и правильны, но в них не выразалось ни добродушия, ни злости, ни великого ума и еще менее глупости, а какое-то холодное спокойствие, которое, впрочем, не пугало и не отталкивало никого; но что вы ему ни расскажите, что ни сделайте перед ним — сыграйте драму, водевиль, моцартова дон-Жуана или спойте «во саду ли в огороде», скажите ему чрезвычайно умную вещь или великую глупость, — он всё одинаково смотрит и слушает: не плачет, не хохочет. Напрасно старался иной остроумник заставить его захохотать — много, много, если удачная острота вызывала улыбку. Напрасно и приятель бежал сломя голову, чтоб прежде всех поразить его неожиданной и печальной новостью, — этого никогда не удавалось. Петр Иванович выслушает эту новость так, как будто он уже слышал о ней прежде. Никогда ни хорошее, ни дурное впечатление не выводило его из себя.	Он был высокий, пропорционально сложенный мужчина с крупными, правильными чертами смугло-матового лица, с ровной, красивой походкой, с сдержанными, но приятными манерами. Таких мужчин обыкновенно называют <i>bel homme</i> . В лице замечалась — также сдержанность, т. е. умение владеть собою, не давать лицу быть зеркалом души. Он был того мнения, что это неудобно — и для себя и для других.
194, 8–10	—	Иногда лишь видны были на нем следы усталости, — должно быть, от усиленных занятий. Он слыл за деятельного и делового человека.
195, 4–5	без знаков препинания, с титлами	без знаков препинания

В следующей таблице приведены разночтения между *Изд. 1862* и *Изд. 1883* в остальном тексте романа¹:

Стр., строка	Изд. 1862	Изд. 1883
195, 41*	Есть у нас	Есть у вас
203, 11–12	покажешь ему комнату и можешь им там	покажешь им комнату и можешь там
205, 22	и сказать	сказать
205, 28	вольно	свободно
205, 40**	раков и раковины	раков и раковин
212, 34*	по ровну	по ровно
214, 32	прозябение	прозябание
234, 29*	прибавлял	прибавил
234, 42	явилось в печати	явилось
237, 12	физиономии	физиономия
252, 36	примолвил	промолвил
253, 21	из-за облак	из-за облаков
255, 19	примолвив	промолвив
255, 38	беспокоим	обеспокоим
258, 6	далее	долее
290, 14	В обоих! сказал Адуев с отчаянием.	В обоих! мрачно произнес Адуев.
290, 40	неподвижно	неподвижна
297, 11	Согласитесь ли быть	Согласитесь ли вы быть
299, 44	молчал	смолчал
301, 34*	объяснять	объяснить
302, 23	к брани и клевете	к клевете
313, 4**	Язык Петрарка и любви...	Язык Петрарки и любви...
313, 42**	с нею	с ней
317, 21	кончить	докончить
327, 28	примолвил	промолвил
330, 13–14	растерянный этим упреком	растерянный и совсем уничтоженный этим упреком
332, 17	Она кончила вздохом.	—
333, 3	примолвила	промолвила
333, 9	примолвила	промолвила

¹ Разночтения, истолкованные в ПСС как опечатки и исправляемые по предыдущим изданиям, отмечены звездочкой; не отмечены в таблице и варианты, напрямую идущие из *Изд. 1858*. Двумя звездочками указаны разночтения, не попавшие в список вариантов ПСС. Нерелевантные фонетические разночтения (цаловать / целовать; фигурировать / фигурировать; материяльных / материальных и пр.), большая часть которых не попала в список вариантов ПСС, в таблице не отражены.

338, 29	не зайду	не заеду
338, 40*	видела	видала
344, 40	примолвил	промолвил
348, 4	в середу	в среду
353, 26	как-то все не кстати	как-то не кстати
354, 34	не наскажут	не скажут
357, 39*	Он и слушать ничего не хочет	Он слушать ничего не хочет
360, 22–23	мимо его	мимо него
363, 31	приставив	приставил
366, 6	с собой	сам с собой
366, 11	по-латыне	по-латыни
366, 16	чтоб забыть	чтобы забыть
366, 30	замужство	замужество
377, 22	стараясь	старалась
395, 14	примолвил	промолвил
403, 4	Вальтера-Скотта	Вальтер-Скотта
403, 15	пхал	пихал
406, 10*	Она вздохнула.	Она вздрогнула.
406, 11	примолвила	промолвила
411, 33	Но толпа еще слушала.	—
419, 23–25*	ожидал бы счастья в будущем; с этим ожиданием я дожил бы до тех пор	ожидал бы до тех пор
424, 19	примолвила	промолвила
425, 22	Я здесь десять лет	Я здесь восемь лет
426, 10	ключа	ключей
429, 10	как ни унимали	как ни удерживали
431, 1	а то в рожь было забрел	а то в рожь бы забрел
433, 10	нашел чего	нашел что
433, 35	позвать	послать
434, 5	примолвила	промолвила
435, 29	примолвила	промолвила
436, 40	примолвила	промолвила
440, 2	примолвил	промолвил
447, 8	Белокудрые	Белокурые
449, 7	целить	исцелить
457, 37	стеснить	стеснять
463, 43*	зачем женятся	зачем жениться
464, 44	Покажи-ко	Покажи-ка
466, 18–19	не станете помнить о них	перестанете колоть мне ими глаза

Как видим, в первой и начале второй главы (объемом менее $\frac{1}{10}$ текста всего романа) Гончаров сделал около пятидесяти изменений, которые в основном касаются крупных фрагментов текста: снимаются и добавляются куски, меняются формулировки и т. п. Правок отдельных букв и форм слова совсем немного, и они выглядят случайными. В следующих же $\frac{9}{10}$ текста есть лишь около семидесяти изменений, из которых 9 в ПСС трактуются как опечатки, а 13 — это замена типично гончаровского слова «примолвить» (т. е. «прибавить») на нейтральное «промолвить». Следовательно, более или менее значимых изменений в оставшемся тексте романа — всего около пятидесяти, и в основном они касаются одной-двух букв в слове. И далеко не все из них могут быть бесспорно приняты за авторские. Присмотримся к ним поближе.

1) С. 214, строка 32: «прозябение» меняется на «прозябание», причем в комментарии первая форма трактуется как устаревшая (см.: I, 693). Однако в словаре В. И. Даля, изданном в 1880 году, эти формы фигурируют как равноправные.

2) С. 253, строка 21: несколько архаичное «из-за облак» исправляется на «из-за облаков», но в переизданном тогда же «Фрегате „Паллада“» остается первая форма (см.: II, 104, строка 25).

3) С. 258, строка 6. Мать Надиньки упрекает Александра Адуева, что он опоздал к обеду: «Ах да: что ж вы к обеду не пришли? мы вас ждали до пяти часов», — на что тот отвечает: «...я никак не мог <...>: служба задержала. Я вас прошу никогда не ждать меня далее четырех часов». В последней фразе «далее» меняется на «долее», и она сразу теряет смысл. Ведь «ждать не далее четырех часов» означает, буквально говоря, «ждать только до 16.00», а «ждать не долее четырех часов» — это «ждать в продолжение четырех часов, но не больше». Едва ли Любецкие могли ждать Адуева столь продолжительное время.

4) С. 425, строка 22: «десять лет» превращаются в «восемь лет». В ПСС эта замена объясняется так: «Гончаров внимательно отнесся к указанию о числе лет, проведенных Александром в Петербурге до его возвращения в Грачи. <...> Гончаров, очевидно, исходил из того, что в главе I части первой герою 20 лет, в Грачи он приезжает 28 лет, проводит так „года полтора“, уезжает обратно в Петербург в возрасте

30 лет, а в Эпиллоге, в котором действие происходит через четыре года, ему идет 35 год» (I, 694). Однако можно указать и на более простую причину: на предыдущей странице дважды упоминается, что Адуев-младший провел в Петербурге восемь лет (с. 424, строки 11 и 36). Но ведь фраза про «десять лет» находится во внутреннем монологе Александра, который, несомненно, «романтически» округляет количество времени, прожитого им в столице. Столь же очевидно, что фраза эта исправлена «заинтересованным», «вдумчивым» корректором (истинным бичом авторов и текстологов!), который не мог допустить, что на соседних страницах есть противоречия, — и произвел унификацию.

5) Интересен случай замены «Я уж не зайду сюда» на «Я уж не заеду сюда» (с. 338, строка 29). Если всмотреться в контекст, нельзя не увидеть, что это изменение совершенно лишено смысла. Вспомним ситуацию: Александр читает свою повесть, его слушают дядюшка и его жена. Когда Адуев-младший заканчивал чтение, Адуев-старший позвонил и велел готовить одежду для клуба, куда он собрался поехать поиграть в вист; сразу после окончания чтения он «проворно пошел вон», говоря: «Ну, до свиданья! <...> Я уж не зайду сюда». Речь идет о том, что дядюшка не собирается возвращаться в комнату, где происходило чтение, а сразу поедет в клуб после того, как переоденется, и поэтому прощается. Но как же он может в комнату «заехать»?

6) Два изменения — «послать» вместо «позвать» (с. 433, строка 35) и «Белокурые» вместо «Белокудрые» (с. 447, строка 8) — явные погрешности набора, так как в *Изд. 1862* эти слова попадают на перенос строки. Столь же очевидной опечаткой является замена «было» на «бы» во фразе: «Еще я пугнул его, а то в рожь было забрел» (с. 431, строка 1); сходная опечатка есть и в тексте «Обрыва» издания 1886 года: «Он стал бы учиться» вместо «Он стал было учиться» (см.: VII, 55).

С нашей точки зрения, как сознательная работа над текстом могут быть приняты только четыре варианта:

- 1) «вольно» / «свободно» (с. 205, строка 28);
- 2) «В обоих! сказал Адуев с отчаянием» / «В обеих! мрачно произнес Адуев» (с. 290, строка 4);
- 3) «как ни унимали» / «как ни удерживали» (с. 429, строка 10);

4) «не станете помнить о них» / «перестанете колоть мне ими глаза» (с. 466, строки 18–19).

К слову заметим, что третий вариант из этого списка, кому бы он ни принадлежал, едва ли можно признать удачным. Во-первых, речь идет об ушах, о которых нельзя сказать «в *обеих*»; во-вторых, ниже через строку мы видим ремарку «произнес Адуев» — кажется невероятным, чтобы всегда бережно относившийся к слову Гончаров позволил себе такой повтор:

«— В котором ухе звенит? — кричала мать, — да поскорее!

— В *обеих*!¹ — мрачно *произнес Адуев*.

— Экие какие, в левом! А я загадала, будет ли граф сегодня.

— Граф! — *произнес Адуев*».

Почему же Гончаров, так заинтересованно и ответственно начавший пересматривать текст «Обыкновенной истории» для нового издания, вдруг словно махнул на него рукой? Почему, вычеркнув из первой главы текст объемом более тысячи (!) слов, во всем остальном романе он не вычеркнул и десятка, ограничившись странными заменами, касающимися в основном отдельных букв? Ответ на это можно получить, обратившись к биографии писателя, а именно к очень короткому ее периоду — с конца 1882 года и до выхода *Изд. 1883*.

3

О том, что происходило с Гончаровым в этот период его жизни, подробно рассказано выше², поэтому здесь будем по возможности кратки.

22 октября 1882 года Гончаров был принят императором Александром III, который фактически «повелел» Гончарову переиздать его книги. Вследствие этого писатель подписал контракт с И. И. Глазуновым на издание полного собрания

¹ В ПСС без оговорок исправлено на «обоих».

² См. с. 75–80. Впервые на обстоятельства подготовки первого «Полного собрания сочинений» Гончарова обратила внимание Л. С. Гейро; см.: *Гейро Л. С.* 1) О проблемах научного издания Гончарова // *Русская литература*. 1982. № 3. С. 125; 2) История создания и публикации романа «Обломов» // Гончаров И. А. *Обломов* / Изд. подгот. Л. С. Гейро. Л., 1987. С. 631–636. («Лит. памятники»).

сочинений, которое должно было выйти почти через год. Очевидно, что писатель хотел за этот срок заново подготовить тексты своих романов и других сочинений, как он делал каждый раз до этого.

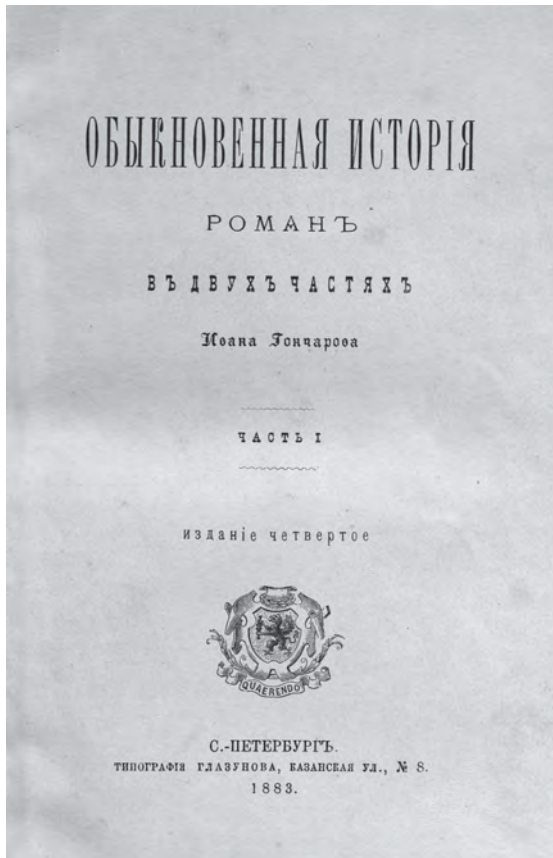
И Гончаров с увлечением взялся за дело — но успел пересмотреть лишь начало «Обыкновенной истории», как был настигнут тяжелой болезнью, которая практически лишила его зрения: правый глаз полностью перестал видеть, в левом усилились боли. Врачи запретили ему читать и писать, рекомендовали сидеть в темноте. Кроме того, часть писем он вынужден был диктовать, а для чтения нанял рекомендованную ему чтицу. Полный самых дурных предчувствий, Гончаров в мае того же года составил завещание и сделал некоторые другие распоряжения.

Таким образом, поставленные выше вопросы получают единственно возможный логичный ответ: Гончаров стал серьезно пересматривать текст своих романов, первым из которых была «Обыкновенная история», но был застигнут серьезно болезнью в самом начале этой работы и продолжить ее не смог.

Объяснить же наличие в *Изд. 1883* вариантов, идущих непосредственно из *Изд. 1858* и миновавших *Изд. 1862* и *Изд. 1868*, по нашему мнению, можно только одним: при подготовке *Изд. 1883* Гончаров пользовался не *Изд. 1862*, а каким-то промежуточным текстом. Это могло быть *Изд. 1858* с внесенной для *Изд. 1862* правкой. Но скорее всего, это был неправленный корректурный оттиск *Изд. 1862*, в который не попали последние мелкие изменения, отразившиеся в тексте готовой книги¹. Если принять эту точку зрения, то гипотетически можно объяснить и те четыре несомненных варианта *Изд. 1883*, о которых мы писали выше. Видимо, это исправления, сделанные Гончаровым в наборном оригинале для *Изд. 1862*, но отмененные им на этапе верстки.

Высказанная выше гипотеза подкрепляется и тем, что сам Гончаров не хранил у себя своих книг. «...Я не

¹ Некоторые детали технического характера свидетельствуют, что это не мог быть правленный набор *Изд. 1858*. К примеру, именно из *Изд. 1862* в *Изд. 1883* перешла опечатка «беспокойство, и болезни проч.» (с. 212, строки 35–36) вместо правильного «беспокойство, болезни и проч.». Можно указать еще на несколько случаев подобного рода.

«Обыкновенная история».
Титульный лист издания 1883 г.

возобновляю издания своих сочинений, — писал он переводчику П. Г. Ганзену 12 марта 1878 года, — хотя их давно, кроме „Обрыва“, в продаже нет, и даже нет и у меня самого, в моей маленькой библиотеке. Если я найду где-нибудь последнее издание „Обыкн<оленной> истории“, я долгом сочту доставить его к Вам...» (8, 461), а в следующем письме к нему же, от 24 мая сообщал: «Я искал везде экземпляра „Обыкн<оленной> истории“ последнего издания для Вас — и, к сожалению, не нашел...» (8, 466). В том же году А. А. Толстая обратилась к Гончарову с просьбой дать ей почитать «Обыкновенную историю», и вот что писатель ответил ей в письме от 11 августа: «...насилу нашел я эк-

земляр старого издания 1848 года (у меня в библиотеке моей давно ни одной моей книги нет) у одной дамы, тогда молодой девицы, а теперь пожилой вдовы¹, и взял под честным словом возратить прилагаемую при этом книгу, по миновании надобности².

Кроме того, как свидетельствуют письма Гончарова к М. М. Стасюлевичу, в журнале которого печатался «Обрыв», писатель просил делать дополнительные корректурные оттиски, что для типографии не составляло труда³. Очевидно, таков был заведенный им порядок, которому он следовал почти всегда.

Исходя из вышесказанного, мы можем реконструировать события конца 1882 года следующим образом: Гончаров не нашел последнего издания «Обыкновенной истории» (да, скорее всего, и не помнил, какое издание было последним) и был вынужден воспользоваться первым подвернувшимся под руку оригиналом. В любом случае, говорить о том, что писатель при подготовке *Изд. 1883* сознательно выбрал *Изд. 1862* и что этот выбор явился выражением его творческой воли, — не приходится. Не приходится и утверждать, что «правка текста для издания 1883 г. была не меньшей по объему и не менее значимой в смысловом отношении, чем в предыдущих изданиях» и что в этом издании «с наибольшей полнотой проявилась последняя авторская воля» Гончарова (I, 694). Можно сделать следующий вывод:

1) выбор оригинала при подготовке *Изд. 1883* определялся случайными причинами;

2) переработка романа была прервана из-за неблагоприятного стечения обстоятельств на самом начальном этапе работы.

¹ Возможно, имеется в виду Ю. Д. Ефремова.

² Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 426.

³ См., в частности: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 66. Приведем любопытное свидетельство, относящееся, правда, к более раннему времени: объясняя, как у него оказались корректурные листы запрещенного цензурой альманаха «Звездочка», 21 февраля 1827 года О. М. Сомов писал, что «и как последняя только корректура нужна типографии для поправок, то, дабы не смешивать поданных листов, предпоследняя обыкновенно почти всегда удерживается тем, кто онаю просматривает, яко вовсе ненужная...» (Русская старина. 1901. № 11. С. 267).

Теперь нам следует сказать несколько слов о последнем прижизненном издании «Обыкновенной истории» (*Изд. 1887*¹) и оценить его соответствие творческой воле Гончарова.

По сравнению с *Изд. 1883* в него внесено немногим более пятидесяти изменений. Восемнадцать из них трактованы в ПСС как опечатки и исправлены по предыдущим изданиям. Таким образом, за авторские варианты сочтено свыше тридцати изменений. Все они носят такой же характер, как и большинство изменений в *Изд. 1883* — замены форм слов, выпадение коротких служебных частей речи, инверсии и т. п. Как минимум половина из них, с нашей точки зрения, это обычные опечатки, которые должны быть исправлены. Вот один пример. В реплике Петра Адуева «а там и жена, заметив мужнины проказы, полюбит вдруг каски, парады да маскарады и сделает тебе того...» (с. 245, строки 37–38) в *Изд. 1887* «парады» заменяются «нарядами». Иными словами, Адуев-старший попрекает женщину за то, что она увлекается нарядами. Но ведь любая женщина в той или иной степени увлекается нарядами, бессмысленно ее за это порицать, а уж тем более видеть в этом корень будущей измены. Действительный смысл фразы в том, что жена будет засматриваться на военных, а делать это, разумеется, удобнее всего на парадах и маскарадах. Это бесспорная опечатка, требующая исправления.

На наш взгляд, следует согласиться с редакцией ПСС в том, что произведенные в *Изд. 1887* изменения едва ли можно счесть авторскими, и, следовательно, допустимо ими пренебречь.

И теперь можно задать главный вопрос, вытекающий из всего вышесказанного: какой текст романа «Обыкновенная история» должен быть признан наиболее соответствующим творческому замыслу, а значит, какое издание должно вы-

¹ Строго говоря, *Изд. 1887* не может считаться самостоятельным источником текста, поскольку печаталось с матриц первого тома «Полного собрания сочинений» 1886–1887 годов (см. о нем выше, с. 100); даже сигнатура осталась прежней: «И. А. Гончаров. — Том I». Вводные страницы тома, включающие авантитул, титул, два шмуцтитла («Обыкновенная история. Роман в двух частях» и «Часть первая») и содержание, были заменены одним титульным листом — без указания порядкового номера издания. Исчезла даже информация, что роман начинается с «Части первой», хотя шмуцтитул с надписью «Часть вторая» остался. Кроме того, *Изд. 1887* напечатано на худшей бумаге, чем восьмитомник.

бираться в качестве источника основного текста? Авторскую правку для *Изд. 1883*, несомненно, можно признать выражением последней творческой воли Гончарова, но она была не только не завершена, а прервана в самом начале работы. К тому же не очевидно, что выбор в качестве наборного оригинала для издания *Изд. 1883* текста *Изд. 1862* (или корректуры этого издания) был сделан Гончаровым осознанно, — и это мы пытались показать выше.

С нашей точки зрения, наиболее корректным решением было бы готовить текст «Обыкновенной истории» на основе издания *Изд. 1868*, наиболее удовлетворительного как в творческом, так и в эдиционном аспектах. Переработанное же для *Изд. 1883* начало романа можно публиковать в приложении. Но если даже идти традиционным путем и брать за основу *Изд. 1883*, то следует освободить текст от искажений *Изд. 1887* и учитывать только те варианты, которые имеются в первой главе и начале второй. Если такой текст и нельзя будет считать полностью аутентичным, то хотя бы максимально приближенным к нему.

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ТЕКСТА СТАТЬИ О И. Н. КРАМСКОМ

Каждый текстолог, которому приходилось работать с неавторизованными копиями или списками тех или иных произведений, знает, насколько важно иметь информацию о происхождении подобных документов. Копия, выполненная близким другом автора в период тесного общения с ним, и список, изготовленный каким-нибудь провинциальным стряпчим, обладают различным текстологическим статусом. Если первая может иметь уникальное значение для установления основного текста произведения или помочь точнее понять его творческую историю, то самый вероятный удел вторых — засорять раздел «Варианты» академических собраний сочинений. Конечно, это не означает, что мы должны полностью доверять одним и отмахиваться от других. С одной стороны, ошибки и пропуски бывают в самых авторитетных копиях, а с другой — даже малограмотный полковой писарь может создать список, который в точности повторит далекий протограф. Но все же друзьям приходится верить чаще, чем писарям.

Гораздо реже встречаются случаи, когда мы знаем происхождение копии, знаем, что она вышла из ближайшего к автору круга лиц, пользовавшихся его абсолютным доверием и имевших доступ к его автографам, когда мы довольно точно можем датировать копию и знаем, с какой целью она была изготовлена, — однако сам текст этой копии вызывает серьезные вопросы.

Ниже речь пойдет именно о таком случае. Для того, чтобы подойти к сути проблемы, придется начать издалека.

1

Судьба архива Гончарова во многом остается непроясненной. В некоторых популярных и учебных изданиях утверждается, что перед смертью писатель его сжег, однако это не

так. В середине 1880-х годов он действительно уничтожил часть своих бумаг, но, судя по превратно трактованному свидетельству, это была лишь его переписка¹, да и то не вся. В завещании автора «Обломова» о его архиве не было сказано ни слова, авторские права на произведения передавались семье его бывшего слуги, а в статье «Нарушение воли» (1889) писатель просил не печатать ничего из того, что бы он не напечатал при жизни. Однако позднее, уже после публикации этой статьи, буквально перед самой смертью, он создал несколько рассказов, права на посмертную публикацию которых также перешли к одной из дочерей бывшего слуги. Еще раньше, в 1888 году, по просьбе В. В. Стасова Гончаров передал часть рукописей романов «Обломов» и «Обрыв» в Публичную библиотеку.

После смерти Гончарова какую-то часть его бумаг получила С. А. Никитенко, бывшая с конца 1860-х годов по сути литературным секретарем Гончарова: она переписывала его черновики, предлагала редакторскую правку, держала корректуру; писатель ценил ее вкус, уважал ее мнение, принимал ее замечания и исправления². Поэтому неудивительно, что при разборе и дележе имущества Гончарова ряд рукописей достался именно ей. Однако какую часть его бумаг они составляли — мы не знаем.

В 1994 году А. В. Лобкарева опубликовала статью, где попыталась раскрыть судьбу той части гончаровского архива,

¹ О сожжении архива журналисту С. М. Шпицеру рассказала экономка Гончарова А. К. Трейгут: «Однажды <...>, это было зимою, как раз после болезни И. А. Топися вечером камин, у которого мы вместе сидели. Вдруг, смотрю, И. А. встает, подходит к письменному столу, достает всю свою огромную переписку и просит меня помочь ему палить письма — бросать их в камин. Долго мы тогда сидели, подбрасывая письма в огонь, а камин все топился, ярко освещая вспыхивающим пламенем нашу комнату. Таким образом, очень много бумаг было тогда сожжено». Вслед за этим Шпицер добавляет уже от себя: «Упомянутый печальный случай побудил Гончарова дать в жертву камину большую переписку, массу заметок, черновиков, отрывков и рукописей, которые щедро были преданы огню» (*Шпицер С. И. А. Гончаров: I. Опыт биографии и характеристики; II. Два неизданных отрывка*. СПб., 1912–1913. С. 35). Стоит указать, что записанные Шпицером воспоминания Трейгут не отличаются достоверностью; некоторые сообщенные ей факты тогда же были опровергнуты современниками (об этом см.: *Балакин А. Ю.* Известные страницы воспоминаний А. Ф. Кони о Гончарове // *Русская литература*. 2012. № 2. С. 98–101).

² См. об этом выше, с. 80–81.

которая перешла к Никитенко¹. После кончины Софьи Александровны в 1901 году все ее бумаги (включая громадный архив отца) согласно завещанию попали в руки А. И. Старицкого, юриста и крупного чиновника, жена которого была дальней родственницей Никитенко. Старицкий сам не делал попыток опубликовать унаследованные им рукописи, однако не отказывал исследователям, желавшим с ними ознакомиться. В архиве Е. А. Ляцкого имеется большое количество копий гончаровских рукописей из архива Никитенко; нет сомнения, что возможность копирования ему была предоставлена именно Старицким. В том же архиве хранились черновые рукописи трех недоработанных гончаровских статей — «Опять Гамлет на русской сцене», «Материалы, заготавливаемые для критической статьи об Островском» и «„Христос в пустыне“. Картина г. Крамского».

2

Эти три статьи создавались Гончаровым в 1870-х годах; точная их датировка до сих пор остается предметом дискуссий². Очевидно, каждая из них задумывалась в расчете на публикацию. Напомним известный факт: Гончаров привык читать газету А. А. Краевского «Голос», но ему не хотелось платить за годовой комплект, а принимать ее в дар он отказывался. Поэтому между ним и редактором было заключено неформальное соглашение: раз в год Гончаров помещает в газете свой фельетон, а в качестве гонорара получает подписку. Далеко не все эти фельетоны выявлены даже в самом «Голосе»; нельзя исключать и того, что подобным образом Гончаров рассчитывался и с редакторами других периодических изданий. Возможно, с такой же целью писались и упомянутые выше статьи.

Здесь не место говорить о текстологических проблемах, связанных с этими статьями. Скажу лишь, что все их публикации нельзя назвать удовлетворительными: они содержат как неверные прочтения отдельных слов и фраз, так и некоторые

¹ См.: *Лобкарева А. В.* К вопросу об истории архива И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф. к 180-летию со дня рожд. И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 297–302.

² См., в частности: *Краснощечкова Е. А.* Комментарии [к статье «Материалы, заготавливаемые для критической статьи об Островском»] // 8, 508–509; *Гайнцева Э. Г.* К уточнению датировки статьи И. А. Гончарова «„Христос в пустыне“. Картина г. Крамского» // Русская литература. 1995. № 3. С. 152–157.

другие сомнительные решения. Это, впрочем, неудивительно, учитывая черновой, слишком черновой характер рукописей.

Статьи о «Гамлете» и Островском не были завершены. Первая обрывается буквально на полуслове, но об этом чуть ниже. Статья об Островском кажется законченной, но на самом деле Гончаров успел написать, по сути, лишь вводную часть: в начале статьи он замечает, что хочет поговорить о постановке комедии «Поздняя любовь» на сцене Александринского театра, указать на литературные достоинства этой пьесы, а также «коснуться и прочих пьес, может быть, всех и всей деятельности Островского, разумеется, в немногих словах, как оно будет уместно» (8, 151) — однако до первых двух пунктов писатель так и не дошел, хотя разбору значения любимого драматурга для современной русской сцены и жизни посвятил несколько абзацев.

В отличие от названных статей, статья о Крамском имеет четко обозначенный финал. И хотя рукопись ее представляет собой настоящий хаос из вычеркнутых кусков, альтернативных текстовых фрагментов и вставок на полях, а также непосредственно не связанных с повествованием заметок а ргорос — так вот, несмотря на очевидную неотшлифованность самого текста, композиция статьи выстроена, логика развития мысли соблюдена, все точки над *i* расставлены¹. Судя по характеру чернил, большая часть изменений и вставок произведена не одновременно, то есть Гончаров обращался к статье позднее, как минимум два раза.

3

В 1920 году Старицкий принял решение эмигрировать и начал продавать имевшиеся у него бумаги. Основной архив Никитенко был приобретен Пушкинским Домом², немного ранее Публичная библиотека купила у Старицкого некоторые рукописи Гончарова, в том числе черновики упомянутых статей. Что-то приобрел (или получил в дар) Ляцкий. Часть же

¹ Об этой статье см.: *Калинина Н. В.* Гончаров о творчестве Н. Ге («„Христос в пустыне“. Картина г-на Крамского») // *Материалы V Международ. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. И. А. Гончарова.* Ульяновск, 2012. С. 287–298. Здесь же указана основная литература вопроса.

² О послереволюционной судьбе архива Никитенко см.: *Хмелевская Е. М.* Рукопись «Стено» // *Тургеневский сборник.* М.; Л., 1964. [Т.] 1. С. 9–10.

бумаг Старицкий оставил своим родственникам: И. М. Гревсу и А. М. Фокину. Именно в фонде Фокиных в Центральном историческом архиве Москвы Лобкарева обнаружила копии двух статей — о «Гамлете» и Островском¹. «Копии написаны каллиграфическим почерком, — сообщает она, — такое впечатление, что они готовились к публикации, на одном листке <...> авторская поправка, сделанная карандашом». И далее продолжает в сноске: «Выражаю благодарность Л. С. Гейро за оказанную консультацию. Она считает, что копии были сделаны при жизни Гончарова, и что он работал с ними. На рукописях имеются гончаровские редакторские знаки и исправления, сделанные карандашом»².

Эта находка до сих пор не стала предметом текстологической рефлексии. Но ведь если Гейро права, то тогда именно обнаруженные в ЦИАМе копии, а не черновые автографы Публички должны быть приняты в качестве источника основного текста статей о «Гамлете» и Островском. Однако мы вынуждены не согласиться с выводом исследовательницы: эти копии были сделаны непосредственно с известных нам черновигов, но уже после смерти Гончарова; карандашная правка двух типов — простым и синим карандашами — принадлежит не автору, а двум различным лицам, у каждого из которых было свое видение и понимание текста. Попробуем доказать это утверждение.

Вот один, но очень показательный пример из статьи об Островском. Одно слово черновика переписчик не разобрал, поставив в скобках «слово не разобрано» (л. 20) — это было слово «иомуды», название туркменского племени, употребленное Гончаровым в значении «люди отсталых взглядов». Нет сомнения, что если бы этот текст просматривал автор, он не мог бы оставить подобного упущения. Так, копируя в 1858 году первую часть будущего «Обрыва», племянник Гончарова В. М. Кирмалов также не разобрал одного слова и оставил пропуск; просматривая рукопись, Гончаров пропуск заполнил (см.: VIII₂, 125).

Что же касается статьи о «Гамлете», то ее заключительная часть, последний лист автографа, представляет собой по сути не связный текст, а конспект из хаотичных фрагментов,

¹ ЦИАМ, ф. 2049, оп. 2, ед. хр. 1134.

² Лобкарева А. В. К вопросу об истории архива И. А. Гончарова. С. 301, 302.

набросков дальнейшего развития мысли. Однако современные публикации имитируют завершенность статьи, в автографе же текст обрывается буквально на полуслове, причем Гончаров одновременно написал два варианта ставшей последней фразы, и оба они не закончены. Невозможно предположить, чтобы автор оставил статью в таком виде, позволив ее копировать.

Вернемся к правке в текстах копий. Правка простым карандашом — это незначительные редакторские изменения, призванные сгладить черновой характер текста. Следует также заметить, что сверка с черновиком не производилась, и все ошибки переписчика (впрочем, немногочисленные) оставлены без изменений: в основном, это замены предлога «с» на «со», вставки или, наоборот, пропуски союза «и», а также некоторых слов. Самые многочисленные случаи карандашной правки — замены «ферта» на «фиту», вычеркивание наименования «г.» («господин») при упоминании фамилий, а также уточнение границ фраз. Далее идут замены словоформ: в статье о «Гамлете» их около пяти, в статье об Островском — не более десяти. Немного больше мелкой редакторской правки: около десяти случаев в первой и около пятнадцати во второй. Все это наводит на мысль о том, что эти изменения сделал издательский корректор. Единичны случаи правки синим, редакторским карандашом, но они свидетельствуют о том, что их делал человек, чрезвычайно внимательно и глубоко вникнувший в смысл текста. Самый серьезный случай — предложение перестановки части текста статьи о «Гамлете». Хотя эта перестановка действительно делает повествование более логичным, но совершенно не обусловлена автографом. Также синим карандашом в этой статье вычеркнут случайный повтор одного фрагмента и упомянутые заключительные недоделанные фразы. Сам цвет этого карандаша говорит о том, что его использовал редактор, готовивший текст к печати¹. Очень существенно, что тем же синим карандашом и тем же почерком в полном соответствии с редакционно-издательской

¹ Тот же человек работал и с другими текстами Гончарова: так, им же сделана надпись на первом листе копии очерка «Май месяц в Петербурге», который А. Ф. Маркс купил у наследников писателя: «Набрано для печатания в *Февральском Сборнике* <„Нивы“> 1892 г. 20/12 91» (РГАЛИ, ф. 135, оп. 1, ед. хр. 8, л. 1; воспроизведено в альбоме книги: Мастер русского романа И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья: Сб. документов и материалов. М., 2012).

практикой эти две статьи пронумерованы в верхнем правом углу. Именно в таком виде текст обычно сдавался в набор.

Таким образом, вопрос о происхождении и статусе этих копий мог бы быть снят, а их наличие лишь отмечаться в комментариях, если б не одно обстоятельство. Спустя несколько лет после публикации Лобкаревой в архиве журналиста и издателя В. С. Миролубова в Пушкинском Доме нами были обнаружены копии уже всех трех вышеупомянутых статей: как о «Гамлете» и Островском, так и о Крамском¹. При этом статьи о «Гамлете» и Крамском переписаны тем же почерком, что и ЦИАМовские копии. Текстуально статьи о «Гамлете» и Островском восходят к ним же и носят следы считки, а вот текст статьи о Крамском существенно отличается от известного нам черновика. В нем нет развернутых дополнений и вставок, но изменения есть почти в каждом абзаце: выправлен стиль, уточнены выражения и формулировки, сглажены невнятные обороты речи. Для наглядности покажем различия нескольких фрагментов из самого начала статьи:

Автограф РНБ	Копия ИРЛИ
«ХРИСТОС В ПУСТЫНЕ» КАРТИНА г. КРАМСКОГО	ПО ПОВОДУ КАРТИНЫ КРАМСКОГО «ХРИСТОС В ПУСТЫНЕ»
На 3-й «передвижной» так называемой выставке, в Академии Художеств...	На третьей, так называемой передвижной выставке, в Академии Художеств...
В новое время в попытки художников к изображению лиц и событий священного писания, по мнению многих, проникли то же отрицание, скептицизм, какие вторглись всюду, в науку, во все искусства, в жизнь.	В последнее время в попытки художников, когда они изображают лиц и события из священного писания, по мнению многих, тоже начало проникать отрицание и скептицизм, какие уже вторгались всюду: в науку, в другие искусства, в самую жизнь.
Почему же художнику не проникать ясновидящим оком творчества в глубину веков и не воскрешать из прошлого вещественные черты лица, характер события или предметов, как они должны быть или совершаться, не жертвуя, конечно, правде художественной исторической правдой. Религиозное, не формальное благоговение от художественной правды не смутится.	Почему же художнику не проникать ясновидящим оком творчества в глубину веков и не воскрешать из прошлого вещественные черты лиц, характеров, событий или предметов, как они могли быть или совершаться — не жертвуя при том исторической правдой правде художественной? Истинное религиозное, не фарисейское благоговение никогда не смутится ни от той, ни от другой правды.

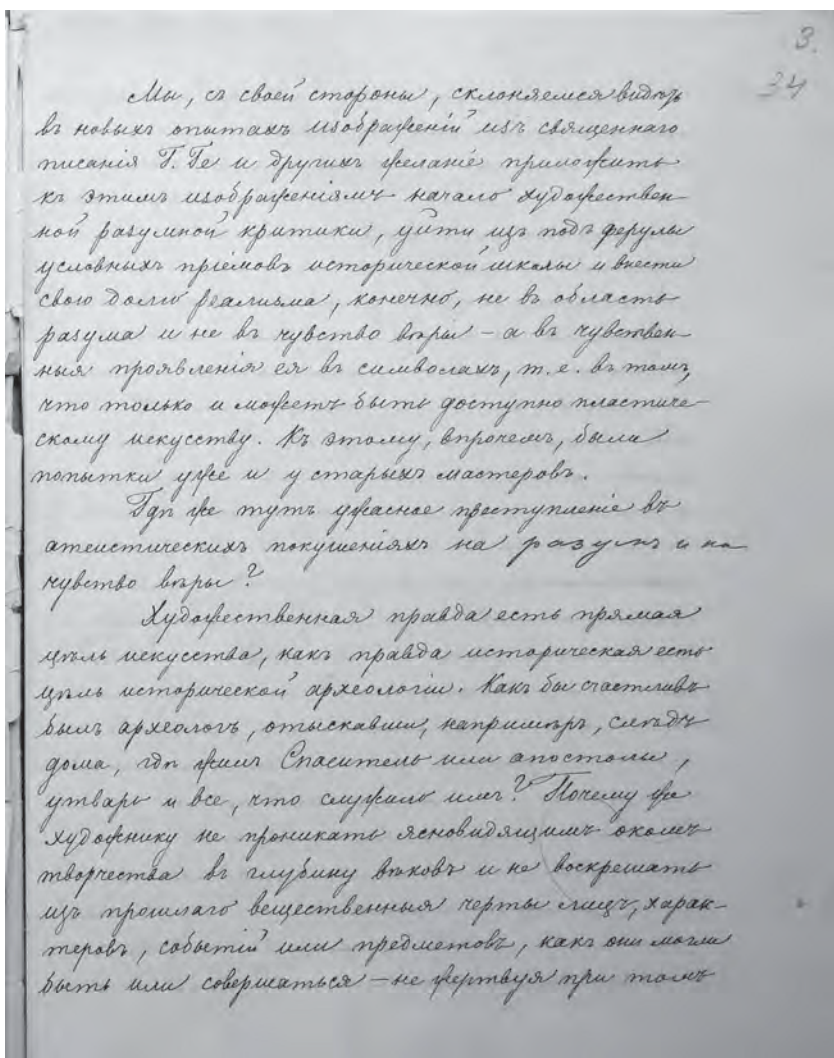
¹ ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 1783.

...в ней только раздаются деньги, по сказанию Евангелия, стерегшим гроб иудеям, чтобы они сказали, что Христос не воскрес, а был похищен учениками.	...в ней только раздаются деньги стражам, по сказанию Евангелия, стерегшим гроб, и это с целью побудить их сказать, что Христос не воскрес, а был похищен учениками.
Под каким углом зрения ни представь художник свой предмет, он изобразит только неверно, то есть дурно, минутное выражение лица или момент события, что и случается с художниками на каждом шагу.	Под каким углом зрения ни представь художник свой предмет, он изобразит только — минутное выражение лица или момент события.

Как можно видеть, на каком-то этапе бытования этого текста он подвергся не эпизодической косметической правке, как статьи о «Гамлете» и Островском, а глубокой редактуре, которая из чернового, по сути, наброска превратила его во вполне завершённый этюд. Поэтому следует задать вопрос: когда и кто произвел эту редактуру? была ли она сделана самим Гончаровым, и дошедшая до нас копия отразила последний этап авторской работы над текстом? или же недовыправленный текст «причесала» сама Никитенко, уже привычная к такой работе?

В пользу гипотезы, что завершающая правка в текст статьи могла вноситься самим Гончаровым (или, по крайней мере, с его прямой санкции), свидетельствует следующее. На первой странице автографа стоит запись, сделанная писателем: «Надо пересмотреть на досуге [и передел<ать>]. Кажется, из этого можно сделать полный этюд»¹. Если предположить, что Гончаров распорядился скопировать черновик, а потом правку вносил уже в копию, то надо попытаться понять, когда и с какой целью он мог бы этим заниматься. Откинем как абсурдную мысль, что писатель это делал на досуге ради собственного удовольствия. Для того же, чтоб подготовить статью к печати, у Гончарова повод был. Напомним, что в конце 1880 года появился сборник «Четыре очерка» (СПб., 1881), в который вошли три уже опубликованных к тому времени произведения, а одно («Заметки о личности Белинского») было напечатано впервые. Мы ничего не знаем о том, как собиралась и готовилась эта книга, но едва ли автор изначально задумал ее в таком виде, как она вышла в свет. Нет сомнения в том, что, готовя ее, Гончаров

¹ РНБ, ф. 209, ед. хр. 10, л. 1.

Страница копии статьи «По поводу картины Крамского
 „Христос в пустыне“» с поправкой С. А. Никитенко

перебирал свои бумаги в поисках материала, а значит, мог попытаться доработать очерк о Крамском, но потом все же принять решение его не печатать.

Могла ли Никитенко столь радикально вмешиваться в текст знаменитого писателя, пусть и близкого друга, который давал ей на то право? Напомним, что копируя тексты Гончарова, она

исправляла их — так было с «Обрывом»¹, где ее правка также носила уточняющий, редакторский характер. Однако, по объему она гораздо меньше той, что отразилась в миролюбовской копии статьи о Крамском. Замечу, что эта копия тщательно готовилась, скорее всего сверялась с оригиналом (об этом можно судить по аналогии с миролюбовскими копиями двух других статей, которые имеют несомненные приметы считки), на ней есть несколько поправок, сделанных рукой Никитенко.

4

В 1899 году Никитенко стала знакомить с имеющимися у нее гончаровскими материалами ближайших друзей. 20 февраля она писала А. Ф. Кони: «Читая теперь странички о Гамлете и об Островском, я все время так и слышала голос самого Ивана Александровича, как он говаривал, когда бывал особенно в ударе.... Как я рада, что Вы тоже получили от них отрадное впечатление! <...> Если желаете, конечно, покажите их В.<еликому> К.<нязю> Он поэт, следовательно, должно полагать, тоже не может не сочувствовать всякому достойному проявлению художественного творчества»².

¹ См. наст. книгу, с. 94–95.

² ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 63, л. 13–14 об. Сохранилось два недатированных письма Никитенко одинакового содержания, адресованные Кони, но предназначавшихся, очевидно, для великого князя в качестве сопроводительных документов при передаче рукописи; первое: «Милостивый государь Анатолий Федорович. Осведомившись, что вслед за изданием, сделанным Великим Князем Константином Константиновичем перевода „Гамлета“, им же предназначается издание критических замечаний западно-европейских и русских писателей по поводу этой трагедии, и думая, что находящиеся в моем распоряжении, подаренные мне отрывочные заметки покойного Ивана Александровича Гончарова могут содержать в себе не лишние значения замечания относительно исполнения Гамлета, прошу Вас представить прилагаемые при сем листки Августейшему президенту Академии Наук для извлечения из них, буде он найдет нужным, тех или других мест, прося рукопись мне вернуть обратно. Преданная С. Никитенко»; второе: «Милостивый государь Анатолий Федорович. Покойный Иван Александрович Гончаров сообщил мне свои заметки об исполнении „Гамлета“ на сцене. Думая, что в них может заключаться не лишенный значения материал для исследований Великого Князя Константина Константиновича об этой трагедии, и полагая, что ввиду характера этих мнений я не нарушу волю покойного о неоглашении содержания его писем, прошу Вас представить их Августейшему Президенту Академии Наук для выборки из них того, что он признает полезным. А самую рукопись прошу Вас возвратить мне обратно. Искренне преданная С. Никитенко» (ГАРФ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 2704, л. 11–14).

Действительно, великий князь Константин Константинович заинтересовался статьей о «Гамлете» и напечатал фрагмент из нее в следующем 1900 году в том же комментарии к переведенной им трагедии Шекспира¹. Публикация сделана по уже выправленному тексту: этот очень важный факт свидетельствует о том, что хотя на ЦИАМовских копиях нет поправок, сделанных рукой Никитенко, они вышли из ее дома.

Видимо, слух о неизвестных гончаровских текстах стал распространяться, поскольку в том же 1899 году к Никитенко обратился А. Ф. Маркс, в издательстве которого в качестве приложения к «Ниве» выходило новое Полное собрание сочинений Гончарова. «Вот набросок Ивана Александровича о картине Крамского, — писала Никитенко Кони 12 мая. — Читая его, я опять перенеслась в то незабвенное время, когда, сидя в углу моего маленького диванчика, поджав под себя одну ногу, Иван Александрович, делясь своими мыслями и впечатлениями, вдруг оживлялся и раздражался блестящей импровизацией, которая точно раздвигала стены комнаты и уносила в мир идеальных помыслов и стремлений... <...> Вчера был у меня Маркс. Ему очень хочется получить статьи Ив. Ал., но он немного боится, вероятно пос<...>»². И следующее письмо, без даты: «Прилагаю также письмо Маркса ко мне. На него, когда буду отвечать, намереваюсь сказать, что соглашусь ему уступить статьи не иначе, как на тех же условиях, как сам Иван Александрович, тем более, что он, Маркс, держит их и с теми, что приобрел после его смерти у его наследников»³. Видимо, «те же самые условия» оказались для Маркса неподъемными, поскольку в названном Полном собрании сочинений эти тексты не появились. Однако мы вправе предположить, что пока шли переговоры, копии статей Никитенко отдала в издательство, и с ними была произведена работа по подготовке к печати. На наш взгляд, следы именно такой работы и несут на себе ЦИАМовские копии. Скорее все-

¹ См.: Шекспир В. Трагедия о Гамлете, принце датском / Перевод К. Р. СПб., 1900. Т. 2. С. 214–219.

² И. А. Гончаров в кругу современников: Неизданная переписка. Псков, 1997. С. 418; уточнено по подлиннику: ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 73, л. 1–1 об. Конец письма утрачен.

³ ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 63, л. 28–28 об.

го, Марксу была передана и миролюбовская копия статьи о Крамском: на ней есть та же редакционная пагинация синим карандашом, выполненная тем же человеком, что нумеровал ЦИАМовские копии.

Таким образом, можно сделать вывод, что в определенный момент времени ЦИАМовские копии статей о «Гамлете» и Островском и миролюбовская копия статьи о Крамском находились в одних руках. Но почему тогда Никитенко отдала Марксу две невыправленные копии (статьи о «Гамлете» и Островском) и одну тщательно подготовленную (статья о Крамском) — ведь черновик как раз последней статьи меньше всего нуждался в серьезном редакторском вмешательстве? С какого оригинала копировался текст статьи о Крамском? Была ли это копия с правкой Гончарова или на предыдущем этапе статью отредактировала сама Никитенко?

Нам кажется, что в тексте миролюбовской копии есть одна примета, своего рода родимое пятно, которое позволяет склонить чашу весов в пользу одной из этих версий. Не откроем Америку, сказав, что автор и редактор читают текст по-разному. Для автора важен смысл им написанного, в первую очередь он уточняет свою мысль и лишь во вторую обращает внимание на связность и грамматическую правильность текста. Редактор же работает совершенно по-иному. Для него грамматическая правильность стоит на первом месте, первым делом он следит за согласованием времен и падежей. Именно так Никитенко и работала с текстами Гончарова, который писал торопливо, из-за чего в его черновиках нередко можно встретить лексические повторы и разного рода синтаксические неточности. Именно за это и ценил Гончаров Никитенку, будучи уверен, что она избавит его черновики от «недомолвок, ошибок, несообразностей и проч.»¹. Именно такой характер имеет одна поправка Никитенко в миролюбовской копии статьи о Крамском.

В черновике статьи читаем: «Все знают, например, о предстоящей кончине любимого человека, все ждут его

¹ Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко / Публ. Л. С. Гейро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 186 (письмо от 28 октября 1868 г.).

с скорбью, а когда он настанет — момент, как электрический удар пробежит по сердцам, лица изменятся, побледнеют» (8, 65). Этот фрагмент читается уверенно и не представляет проблемы для переписчика. Затем он на каком-то этапе был поправлен, и в копии первоначально выглядел так: «Все знают, например, о предстоящей кончине любимого человека, все ждут ее со скорбью, а когда она настает — момент этой, как электрический удар пробегаёт по сердцам, лица изменятся, бледнеют»¹. Рукой же Никитенко слово «изменятся» поправлено на «изменяются», что устраняет грамматическую несогласованность времен. А теперь зададим вопрос: если бы текст правила сама Никитенко, неужели бы она с присущим ей педантизмом не исправила эту несогласованность на предыдущем этапе работы? Таким образом, можно предположить, что в переписку она отдала рукопись, выправленную самим Гончаровым.

5

Разумеется, при подготовке очередного тома Полного собрания сочинений и писем Гончарова встанет вопрос, какой же источник текста статьи о Крамском брать в качестве основного? Здесь надо сразу подчеркнуть различный текстологический статус копий статей о «Гамлете» и Островском (как ЦИАМовских, так и миролюбовских) и копии статьи о Крамском. Если первые не имеют самостоятельного значения и не должны рассматриваться в качестве источников текста, то во второй, как мы попытались показать, мог отразиться поздний этап работы Гончарова над своим произведением. В текстологической практике встречаются примеры, когда при наличии чернового автографа и неавторизованной копии, дающей законченный текст, предпочтение отдается последней. В данном же случае из-за отсутствия каких-либо документальных свидетельств подобное решение представляется опрометчивым. Однако на этом основании полностью игнорировать текст миролюбовской копии статьи о Крамском было бы ошибкой. Думается, наиболее взвешенным представляется решение поместить в основной корпус соответствующего тома Полного собрания сочинений текст

¹ ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 1783, л. 38.

чернового автографа, а текст копии полностью дать в приложении к нему.

Ниже публикуется текст копии; орфография и пунктуация в основном приближены к современным нормам.

Приложение

И. А. Гончаров

ПО ПОВОДУ КАРТИНЫ КРАМСКОГО «ХРИСТОС В ПУСТЫНЕ»

На третьей, так называемой передвижной выставке, в Академии Художеств среди сорока более или менее замечательных картин посетитель находит в глубине залы, в углу, почти в темноте, капитальное произведение кисти г. Крамского: «Христос в пустыне».

Кроме темноты, для картины невыгодно и то, что зритель подходит к ней развлеченный впечатлениями предшествующих пейзажей, портретов, жанра, этюдов. Между тем картина и по сюжету, и по исполнению должна иметь важное значение в современном искусстве.

В последнее время в попытки художников, когда они изображают лиц и события из священного писания, по мнению многих, тоже начало проникать отрицание и скептицизм, какие уже вторгались всюду: в науку, в другие искусства, в самую жизнь.

Под влиянием этих разъедающих начал, художники будто бы дают нам лица и события религиозного содержания, лишенные священного характера.

Так, многие по этой только причине отказались признать за картинами г. Ге из священного писания их несомненные художественные достоинства. Даже некоторые произведения его кисти были, говорят, не допущены по этим же причинам на показ публике и подвергались строгим порицаниям не одной цензурной власти, но и общественного мнения.

Мы не беремся решать, правы ли художники, право ли общественное мнение, обвиняющее их..... (excusez du peu!) в безверии.

Из уважения к искусству и к его лучшим представителям мы не решились бы никогда посягнуть на такое капитальное обвинение — между прочим и по совершенной невозможности стать в положение судьи чужой совести и ее сокровенных убеждений, если эти убеждения высказываются не иначе, как в картинах.

Не решились бы мы обвинить и художников в желании посягнуть на религиозные убеждения других — не по одной только причине уважения с их стороны к чужой совести, но и по совершенному разумению ими условий своего искусства, которое не располагает никакими к тому способами.

Мы, с своей стороны, склоняемся видеть в новых опытах изображений из священного писания г. Ге и других желание приложить к этим изображениям начало художественной разумной критики, уйти из-под ферулы условных приемов исторической школы и внести свою долю реализма, конечно, не в область разума и не в чувство веры — а в чувственные проявления ее в символах, т. е. в том, что только и может быть доступно пластическому искусству. К этому, впрочем, были попытки уже и у старых мастеров.

Где же тут ужасное преступление в атеистических покушениях на разум и на чувство веры?

Художественная правда есть прямая цель искусства, как правда историческая есть цель исторической археологии. Как бы счастлив был археолог, отыскавши, например, след дома, где жил Спаситель или апостолы, утварь и все, что служило им? Почему же художнику не проникать ясновидящим оком творчества в глубину веков и не воскрешать из прошлого вещественные черты лиц, характеров, событий или предметов, как они могли быть или совершаться — не жертвуя при том исторической правдой правде художественной? Истинное религиозное, не фаризейское благоговение никогда не смутится ни от той, ни от другой правды.

Но предположим даже в художнике-живописце атеиста или нехристианина, допустим в нем желание поколебать веру в зрителе? Как он это сделает? Пусть он попытается изменить смысл события, осветить его каким-нибудь другим светом, не тем, в каком оно является в евангельских сказаниях. В его ли власти сделать это? Никаким образом. У него выйдет не то событие, не те лица, а что-нибудь другое, не

то, что он хотел нарисовать. Своего сокровенного замысла он не нарисует. Говорят, одна картина названа «Воскресение Христово», а между тем в ней только раздаются деньги стражам, по сказанию евангелия, стерегшим гроб, и это с целью побудить их сказать, что Христос не воскрес, а был похищен учениками.

Но здесь лжет не картина, а название. Она должна быть названа не «Воскресением Христовым», а «Подкупом стражи» или, как называли ее после «Первые вестники христианства» — и если типы евреев, обстановка и прочее верны, то картина и достигает своей цели. Судить при этом живописца, верует ли он сам или не верует в Бого-человека, совершенно лишнее, ненужное обстоятельство, не идущее к делу художественной критики.

Зритель вправе только решать о том, как художник изобразил лицо или событие в избранный им момент — и только в один момент! Живопись ограничена временем. Она воплощает один момент чувства, страсти, события. У картины нет прошлого, нет и будущего, рамка ее может быть обширна, почти безгранична, но время сосредоточено на одной избранной точке. Чтоб двинуть точку вперед, надо другую картину или другое искусство.

Можно ли при таких ограниченных условиях выразить, т. е. нарисовать «тенденцию»? Под каким углом зрения ни представь художник свой предмет, он изобразит только — минутное выражение лица или один момент события.

Мы слышали много нападений на картину г. Ге: «Тайная вечеря». — За что же? Прежде всего за то, что она не выражает «Тайной вечери», как она предлагается Евангелием, и не представляет того образа Иисуса Христа, который.... что? Никто не дает себе труда договориться до ясного понятия об образе Иисуса Христа.

Но никакая картина никогда и не изображала и не изображает всей «Тайной вечери», т. е. целого вечера, всей трапезы Спасителя с начала до конца, так точно, как никакая кисть не изобразит всего Христа, как Бого-человека, божественность которого доступна только нашему пониманию и чувству веры, истекающим не из вещественного Его образа, а из целой жизни и учения.

Леонардо да Винчи изобразил Христа и всех учеников за столом, в момент преломления и предложения хлеба и вина,

как главный момент трапезы — но только момент. Другие художники более или менее приближались к тому же моменту, с которого начался Новый Завет.

Г. Ге избрал последний момент трапезы: ее конечный, предсказанный Спасителем исход, когда обнаружился замысел Иуды. Как часто совершаются незаметные для толпы, но потрясающие сердца драмы в частном быту. Все знают, например, о предстоящей кончине любимого человека, все ждут ее со скорбью, а когда она настает — момент этот, как электрический удар, пробегает по сердцам, лица изменяются, бледнеют. Какой благодарный для художника момент: Иисус Христос, сказавший и совершивший все, что ему предлежало сказать и совершить за трапезой. Он углубился в скорбь перед неизбежностью предстоящего подвига. Но вот поднялся Иуда, и все смутились. Апостолы поражены еще неясным предчувствием. Впереди всех освещена вполне говорящая фигура Петра — открытая, живая: она дышит негодованием. Иуда, напротив, ушел в какое-то мрачное, зловещее пятно и в нем скрывает свое лицо и всю фигуру. Не знаем, достало ли бы у г. Ге, да и у других первоклассных художников силы изобразить отчетливо, — а не эскизно, освещенное полным светом такое лицо и в такую минуту! Может быть, та же трудность — в противоположном смысле — удержала художника дать тонкую и окончательную отделку и лицу Христа в эту первую, начальную минуту смертного подвига!

Художник схватил один луч, блеснувший на всю группу в этот драматический момент, и осветил ее, как освещает обыкновенно молния, когда зритель едва успевает, при быстром блеске ее, схватить поверхностные признаки освещенных предметов. Одна фигура Петра, стоящая на первом плане, осветилась сполна.

Исследовать этот предмет глубже, уследить силу действия, какое произвел электрический удар на каждое лицо, прочесть эти лица, вдуматься в душу каждого и перенести на полотно — выше сил всякого таланта!

Г. Ге сделал очень много, намекнув кистью на этот момент. Только самая придирчивая критика могла бы требовать от такого сюжета более полной и законченной обработки деталей, выразительности лиц всей группы.

Противники этой картины делают еще два упрека художнику — первый за скудость и убожество праздничной ком-

наты. Может быть, они и правы, и художник действительно погрешил против евангельского текста, изобразив вместо «большой, готовой, устланной» комнаты темное и тесное помещение. У Христа было много богатых поклонников, и, конечно, они и озаботились приготовить ему прилично убранную комнату.

Другой упрек относится к образу самого Христа.

Одни говорят, что это не Христос, а какой-то простой человек, что нет в нем того благолепия, какое присвоивается образу Спасителя в живописи, нужды нет, что художник не имел в виду на первом плане самого Христа, а хотел только, как мы сказали, отразить на всех участниках трапезы мгновенный отблеск общего чувства.

Эти одни образуют первую группу зрителей, которых вообще можно разделить на три группы. Первая образует громадное большинство — почти всех. Они не позволяют себе глубоко вникать в внутренний смысл события, лишь бы строго, хотя, пожалуй, и грубо, соблюдены были внешние формы предания, с присутствием принятых атрибутов. Они не могут не видеть одновременно в картине и иконы — и отвращаются от «светской», по их выражению, или суетной манеры писать Христа и его историю. Наименее развитые из них даже не хотят видеть в И<исусе> Х<ристе> иудея и недовольны, когда художник придает Христу еврейские черты. Сектанты наши, как известно, признают ересь всякую другую иконопись, кроме византийской, старого стиля. С большинством этой группы, стало быть, об искусстве рассуждать нельзя. Но и развитые в ней боязливо и недоверчиво смотрят на всякую попытку изобразить Христа иначе, а не так, как в усвоенном официально живописью на иконах изящном образе, с открытым, никуда не смотрящим, равнодушным взглядом, с покойно сложенными устами, с сиянием вокруг головы и с симметрическим распадением волос на обе стороны, нужды нет, что движение, или драма, или характер события требовали бы и соответствующего выражения. Буква преданий в живописи долго соблюдалась в исторической школе, особенно при деспотизме католицизма, когда и знаменитые художники боялись Рима. Не говорим о Рафаэле, который, вместе с другими, должен был строго исполнять заказы монастырей, изображая, например, рядом с головою Божьей матери церковь или другие, указываемые преданием

атрибуты. Но и Поль Веронез, например, такой сильный реалист в обстановке евангельских событий, не изменял нигде лица Спасителя, придавая ему на своих картинах одинаково спокойное выражение.

Если художнику легко удовлетворить эту первую группу, дав ей спокойный, так сказать, церковный образ Христа, то требования другой группы удовлетворить совсем нельзя. Группа эта, конечно, немногочисленная, и зрители, к ней принадлежащие, почти составляют исключение. Они убеждены, что в лице, в фигуре, словом, во всей личности И<исуса> Х<риста> «должно было быть» что-нибудь особенное. Что же именно? На это ответа не подлежит — разве иногда последует неопределенный жест рукой. Под этим «чем-то» надо, по их мнению, разуместь сверхъестественное, нечеловеческое, божественное. Легко сказать! А как себе это вообразить и как изобразить — они не говорят: это дело художника, а нам дай — человека и Бога! Но было ли божественное в земном образе Христа — и кто видел это? Не было, иначе бы мир знал о том. Если б Иисус Христос, приняв образ человеческий, придал ему черты своего божественного естества — тогда не только все Иудеи, но все люди, весь мир сразу упали бы ниц и признали в нем Бога. Следовательно, не было бы ни борьбы, ни подвига, ни страданий, ни тайны искупления. Где была бы заслуга веры, которой одной требует учение Христово? В своем особенном, необыкновенном или божественном виде явился Он только трем ученикам в Преображении на горе — и они смутились и пали ниц — и потом, по запрещению Его, ничего о том не говорили другим. И до нас не дошло, что они видели, кроме только того, что лицо Его блистало, как солнце, а одежды были белы, как снег.

К остальной группе уже можно отнести всех тех, которые допускают свободу в изображении сюжетов Св. Писания, предоставляя художнику проникать творчеством в смысл лиц и событий и изображать их реально, т. е. как они были или происходили. Слава Богу, если художник и своим чувством приблизится к лицу или событию настолько, чтоб говорить и чувству веры в зрителе. Но цель искусства достигнута уже и в том случае, если он изобразил только одну художественную правду, не искажая исторической.

И так можно и должно представлять себе все совершенства, но не иначе как в тех формах, как они выражаются в чистейших и тончайших человеческих чертах. Это, конечно, и будет то, что заставляет признавать человека за искру божества.

Как ни будет идеализировать художник черты высшей мудрости, высшей благости и кротости, чистоты душевной и высоких помыслов — он все же, отыскивая для них форму, должен будет сообразоваться с тем, как они выражаются у высших и лучших, пожалуй, особенных, но все же человеческих натур. Другого образца для художника нет, и когда в грезах творчества он является ему — то все же опять-таки в образе — известного ему, того, что видал он и другие люди.

Поэтому все попытки изобразить божество, т. е. его сущность, а не условную форму его атрибутов, останутся всегда бессильными попытками у всех, и у самых искренних и пламенных христиан, начиная с самого Рафаэля. И не только всегда окажутся бессильны человеческие попытки изобразить кистью божественность Христа, но и некоторые чудесные по свойству своему события никогда не поддадутся пластическому искусству. И тут самый религиозный художник рискует ввести в соблазн набожного зрителя. Например, в таких событиях, как Вознесение: отделившаяся от земли и возносящаяся фигура Иисуса Христа всегда будет представлять неодолимые для художника трудности в постановке фигуры, позы ног и рук в должном, приличном виде. Привычный глаз христианина, конечно, угадает в этом событии Христа, но взгляд иноверца может дать событию другое, вовсе не религиозное значение — доказательство, как бессильно становится искусство, когда оно вздумает выступить из человеческих границ и проникнуть в сферу чудесного и сверхъестественного!

Мы упомянули сейчас о Рафаэле. Кажется, его нельзя заподозрить в атеизме уже и за одну Сикстинскую мадонну, если б вся его художественная деятельность и не была посвящена религиозным сюжетам.

Да, такой картины скептик не написал бы на этот сюжет. Только из верующей души великого художника мог изойти на полотно этот идеал матери Бого-человека, и притом Девы. Здесь не было никакой лжи, никакой бездны между чувством человека и творца художника — никакого сомнения.

Рафаэль верил, что эта чистая Дева родила младенца Бога, и воплотил ее образ в искусстве, как он виделся ему в живом творческом сне. Ее непорочность, смирение и таинственный трепет великого счастья — вся душа необыкновенной Девы, рассказанная Евангелием, говорит ее лицом, сияет в ее глазах, в смиренной обворожительной позе, в какой она держит младенца.

Но зритель не вдруг увидит все эти черты. Прежде всего, при первом взгляде, его поражает эта живая, как бы выступающая из рамки женщина, с такими теплыми, чистыми, живыми девственными чертами лица, так ясно, но телесно глядящая на вас, что как будто робеешь ее взгляда. Потом уже зритель вглядывается и вдумывается в душу и в смысл этого лица. — И тогда он найдет, что Рафаэль инстинктом художника угадал и воплотил евангельский идеал Девы Марии — все же не божество, а идеал женщины, под наитием чистой думы, с кроткими лучами высокого блаженства в глазах. То же самое прочел бы в этом кротком лице и развитой мусульманин, и брамин; и даже атеист. Но Божью Матерь в ней признаёт только верующий христианин, знающий источник этих чувств на ее лице. Следовательно, и зритель должен носить в себе чувство веры, чтобы увидеть в картине Спасителя — не просто человека, а Бого-человека, или в Деве Марии — не просто мать, а Матерь Бога, чего неверующий никогда не увидит, с какою бы верою и с каким бы гениальным талантом ни писал живописец.

Но тот же Рафаэль в той же картине посягнул на изображение Бога в лице младенца и остался бессильным, придав ему зрелое, почти старческое выражение, желая, конечно, сделать мудрым — божеским, но сделал вместо того мудреную, неправдоподобную, неестественную для туловища ребенка голову. И на том же полотне только два ангела запечатлены тою классическою красотю детства, которую Рафаэль воплотил в своих младенцах Иисусах. И все его попытки нарисовать божество везде разрешались лишь таким же воплощением того, что есть самого чистого и нежного, и совершенного в человеческой натуре.

В других его Мадоннах, например, в Мадонне с цветами (в Луврской галерее) и в прочих знаменитых, везде в лице Божьей Матери является тип чистейшей и нежнейшей матери во всей ее материнской и только материнской красоте,

без примеси всякой другой любви, всякого другого земного чувства. Улыбка, взгляд, объятие, поза ее, поза младенца, поза каждого пальца обнимающей руки — все это — самая тонкая, самая грациозная и нежнейшая идеализация лучшего из человеческих чувств. Какою гармонией линий, красок и поз в фигурах, гармонией и смысла или лучей на лицах выражена таинственная и неразрывная связь этих двух существ между собою! Красота матери отражается на ребенке и красота ребенка на матери! Никакая профанация не способна отыскать другую красоту в этих, уже иногда созревших женских полных формах плеч, бюста и рук матери. Общей красоты — в том смысле, как мы требуем ее от женщин — у Рафаэлевских Мадонн нет нигде, как нигде и не бывает ее в матери над колыбелью, даже полураздетой, с обнаженной питающей грудью.

Красота матери переходит и в красоту младенца. Ни у кого, ни в чьих картинах не отражается светлее, чем у Рафаэля, так сказать, прозрачнее, чем у него, красота младенческая. Его младенцы Иисусы всегда как будто облиты лучами солнца. Так мягки, нежны, младенчески пухлы и теплы их формы под его кистью, что как будто нет у них контуров.

Красота его матерей и младенцев — всеобщая, всемирная красота, не имеющая национальности. Она во взгляде непорочности и неведения, чуждом всякой порчи и тени, она в улыбке, она в слезах, она, наконец, в этой младенческой грации движений, которой никогда не в силах нарушить ни один ребенок. Во всякой молодой матери, которая дышит одним чувством — любовью к ребенку — сквозит этот луч красоты мадонны, и все младенцы нежного возраста — более или менее Рафаэлевские младенцы, если природа или судьба не обидела их случайною уродливостью или болезнью.

И вот в чем заслуга Рафаэля — это в воплощении в Божией Матери и в младенце Иисусе не божества, а нежнейшей и тончайшей красоты матери, высказанной в любви к младенцу и в грации и непорочности вечной детской красоты.

Стало быть, спросят, изображение религиозных сюжетов доступно всякому художнику, и вера или безверие не имеют никакого влияния на творческое исполнение картины?

Нет, христианская вера имеет огромное и единственное влияние. Если она способна развиваться до фанатизма и давать героев и мучеников — то она, как стимул, имела и всемогущее влияние на творческую фантазию художника. Все почти гении искусства принадлежат христианству. Одно оно, поглотив древнюю цивилизацию и открыв человечеству бесконечную область духа — на фундаменте древней пластики воздвигло новые и вечные идеалы, к которым стремится и всегда будет стремиться человечество.

Что ни делай разрушители, скептики-философы, но они не уничтожат в человечестве религии, а с ней и стремления к идеалам. А чище и выше религии христианской — нет: это признал сам Ренан, противник божественности Христа — и нет другой цивилизации, кроме христианской. Все прочие религии не дают человечеству ничего, кроме мрака, невежества и путаницы. Повторяем, только под влиянием такого сильного стимула, как вера, фантазия художника могла произвести Сикстинскую Мадонну и другие чудеса искусства, конечно, при гениальном таланте.

Одна вера без таланта или с малым талантом произвела и производит бесконечное множество усердных, но слабых попыток искусства, которыми наполнены старые и новые музеи. Может быть, и сильный талант — не имея такого могучего стимула, как вера, нарисовав верно то или другое в картине, не дорисуется до тех живых и осязательных образов, какими они являются верующему зрителю в Евангелии. Мы повторим, что подобное Сикстинской Мадонне произведение могло быть совершено только верующим гениальным талантом: здесь одно помогало другому — вера таланту. Но для изображения правдивости явления, повторим также, нет надобности знать — верует или не верует художник.

Обратимся к картине г. Крамского и к его изображению Христа. Здесь мы встречаем немалое затруднение к выражению категорического мнения — ввиду тех воззрений, какие возникли в публике по поводу попыток художников внести некоторый реализм в сюжеты из Св. Писания. Критику почти приходится решать — вместе с вопросом о достоинствах и недостатках картины — вопрос и о том, верует ли художник или не верует. Зачем бы, казалось, критике общественного мнения мешаться не в свое дело и вносить

догматику веры туда, где ее не может быть — как, например, в картину?

Все те, которые в изображении Спасителя непременно требуют изящной живописности, мысленно представляют себе его — или в образе страдания, полуобнаженного, с терновым венцом на голове, как у Гвидо Рени — или в победительном образе Бого-человека, с благообразным лицом, светлым фосфорическим взглядом, в повелительной позе и с выражением славы в совокупности всех совершенств в чертах.

В воображении все можно представлять себе, тем более, что эта живая и подвижная способность в секунду, незаметно для сознания, даст три, четыре или более оттиска различных лиц и множества выражений, которым не мудрено слиться в впечатлении в одно лицо.

Не надо забывать ограниченных условий живописи, о которых сказано выше: о времени, о моменте и о невозможности слить на холсте чувственные проявления мысли, чувства, воли в одно совокупное выражение, которое передавало бы понятие о целом Христе, как Боге.

У всех, самых знаменитых художников Христос является везде человеком, нигде Богом, так как божественность его выразилась, как выше я напоминал, не в одном моменте, а в целой Его жизни, в Его учении, подвигах и страдании. В Христе Гвидо Рени является одна черта во взоре, обращенном к небу, — это сила страдания и того, для чего нет русского слова, — *résignation*. У Тицианова Христа, *Christ à la monnaie*, на прекрасном исхудалом, болезненном лице — проницательный, тонкий взгляд обличает лукавого иудея и вместе теплится кротостью и благостью, свойственной натуре этого лица. Другого ничего нет, ничего особенного, но эти живые черты ума и благости живой человеческой фигуры и составляют красоту картины и напоминают Христа.

Следовательно, художнику необходимо остановиться на какой-нибудь минуте: Христос прощает в храме грешницу, Христос обличает жестокосердие или лицемерие иудеев, Христос предстоит суду Пилата и т. д. Для живописи образ Спасителя разлагается на детали, на моменты, на те или другие его помыслы, чувства или деяния, и каждой кисти может быть доступен тот или другой момент. И каким бы блеском

ни сиял образ Христа в фантазии художника, последний должен всмотреться, вдуматься в этот образ и взять у него одну мысль, одно чувство, то есть один момент его жизни. И чем глубже и искреннее верит художник в Христа, как в Бого-человека, тем, конечно, полнее и яснее, и совершеннее должен являться ему в творческой фантазии тот луч и свет, которые он ищет для картины.

Крамской избрал не момент, а целый период: пост, молитву и пребывание в пустыне.

Таких моментов в сорокадневной пустынной молитве, конечно, было много.

На всей картине лежит будто тень, и с этой тенью сливается и фигура Христа — с первого раза, в нескольких шагах, мало заметная, едва отличающаяся от камней, от тона воздуха и фона дали. В двух-трех шагах только картина, когда взгляд погрузится в целую перспективу пустыни и потом, оглядев ее, остановится на лице — фигура отделится от полотна и вперит в зрителя живой и пристальный взгляд. И тогда каждая черта станет яснее и яснее — и чем более вы вглядываетесь, тем глубже картина втягивает вас в себя. Художник глубоко уводит вас в свою творческую бездну, где вы постепенно разгадываете, что он сам думал, когда писал это лицо, измученное постом и многотрудной молитвой, выстрадавшее столько мук и омывшее слезами грехи мира, но добывшее себе силу на подвиг.

Вся фигура как будто уменьшилась против натуральной величины, сжалась — не от голода, жажды и непогоды, а от внутренней нечеловеческой работы над своей мыслью и волей, в борьбе сил духа и плоти и, наконец, в добытом и готовом одолении.

Здесь нет праздничного, геройского, победительного величия: будущая судьба мира и всего живущего кроются в этом убогом маленьком существе, в нищем виде, под рубищем, в смиренной простоте, неразлучной с истинным величием и силой.

Если б зритель не на картине, а в действительности неожиданно на прогулке набрел на этот уголок и на это явление, он — кто бы он ни был — без истории, без предания, без Евангелия, поразился бы страхом перед этим измученным лицом и задумчиво-сильным, решительным и неодолимым взглядом.

Вот впечатление, которое произвело на нас это творческое изображение Христа в его смиренном, убогом виде, в уголке пустыни, на голых камнях Палестины.

Никакой обстановки, никакого вымысла и ничего кругом. Вдали в тумане едва виден смешанный пейзаж долины в полутоне ночи. Христос наедине с собой, с сжатыми на коленях руками и сильно опирающимися о землю ногами. Думаю, чувство высказывают и острый болящий взор, и осунувшиеся черты, и эти сжатые руки и ноги.

Вглядитесь в окрестность. Как красноречива эта темнота и все и в Христе, и кругом: здесь, кажется, вопиют и самые камни!

Компетентные знатоки лучше нас доскажут о техническом исполнении: о достоинствах рисунка Христа и окружающего пейзажа.

Стало быть — скажут — если нельзя изображать божественности, то и нет надежды, чтобы в искусстве возможно было повторение достоинств «Сикстинской мадонны» или «Снятия с креста» Рубенса в картинах религиозного содержания?

Почему же нет? Вера в Христа как в Бого-человека и гениальные таланты не выродились и, конечно, никогда не выродятся в человеке. Следовательно, явятся и художники, которые будут писать предмет и освещать его своим чувством веры. Художник пишет не один свой сюжет, а и тот тон, которым освещается этот сюжет в его фантазии.

Реализм, правду сказать, посягает отделаться от этого, но это ему не удастся. Он хочет добиться какой-то абсолютной, почти математической правды, но такой правды в искусстве не существует. В искусстве предмет является не сам собою, а в отражении фантазии, которая и придает ему тот образ, краски и тон, какой установил исторический взгляд и каким она сама его осветила. Художник и пишет не с самого предмета, которого уже нет, а с его отражения. Поэтому он и обязан подчиниться этому взгляду, если хочет быть верен, а если не подчинится, то он изменит исторической правде, то есть своему же реализму, давая свою собственную, выдуманную правду. От этого и выходит, что верующие в божественность Христа художники были ближе к настоящей правде, нежели неверующие. К сожалению, не у всех было столько силы таланта, как у *Рафаэля*, *Рубенса*, *Тициана*

и *Рембрандта*. Современным реалистам остается придерживаться одной исторической правды и ее одну освещать своею художественною фантазиею, что они и делают без примеси чувства веры, и от этого образы их будут, может быть, верны — выражая событие, но сухи и холодны, без тех лучей и тепла, которые дает чувство.

Поэтому им лучше бы воздержаться от изображения священных сюжетов, которые у них всегда выйдут нереальны, то есть неверны.

После этой картины мы вправе ожидать очень многого от Крамского.

На выставке есть несколько других достойных произведений, но сюжеты их, при всем своем значении, не имеют связи с этой картиной, о которой мы только и хотели сказать несколько слов.

II

ЗНАКОМЫЙ ГОНЧАРОВА ПОЭТ ЯКОВ ЩЕТКИН

Если пытаться составить справочник «Гончаров и его окружение», то едва ли он получится очень объемным. Автор «Обломова» всегда вел замкнутый образ жизни, у него было мало друзей, а общества коллег-литераторов он старался избегать, особенно в старости. Однако был период, когда круг его общения составляли в основном молодые, начинающие литераторы, журналисты, художники — когда во второй половине 1830-х — 1840-х годах Гончаров часто гостил в доме Майковых. Этот дом посещали по большей части творческие люди. Некоторым из них будет суждено остаться в истории русской культуры; другие канут в неизвестность. Но в биографии Гончарова все они так или иначе оставили след.

Ниже речь пойдет об одном из таких людей, молодом поэте, с которым будущий автор «Обломова» общался на рубеже 1830–1840-х годов, стихи которого, несомненно, читал и вместе с которым издавал рукописную газету. Звали его Яков Александрович Щеткин.

1

Он появился на свет 20 декабря 1817 года в столице Российской Империи на Петербургской стороне¹. Его отец, Александр Васильевич Щеткин, происходил из обер-офицерских детей и родился около 1784 года, по-видимому, в Ярославле. В возрасте тринадцати лет он поступил на службу в палату гражданского суда копиистом, в 1803 году получил чин коллежского регистратора, а в следующем — переехал в Петербург, куда был переведен на службу в общее собрание Правительствующего Сената. Затем судьба кидала его по

¹ РГИА, ф. 1343, оп. 34, ед. хр. 405, л. 7.

разным министерствам и ведомствам. К моменту рождения своего первенца он служил в чине титулярного советника по Департаменту горных и соляных дел Министерства финансов¹. Через два года у него родится еще один ребенок — сын Сергей.

21 июля 1829 года Александр Васильевич умирает «от приключившейся ему болезни» и оставляет обоих своих сыновей на руках у матери — Надежды Ивановны. По достижении нужного количества лет Надежда Ивановна определяет детей во Вторую Петербургскую гимназию, которая находилась на углу Казанской улицы и Демидовского переулка. Эта гимназия была основана в 1805 году и поначалу называлась Санкт-Петербургская губернская гимназия, а с 1831 года стала именоваться Второй Петербургской. Среди ее воспитанников были, в частности, П. А. Вяземский и П. Г. Ободовский.

Нам известно, что Сергей Щеткин был полупансионером этой гимназии с 1830 по 1834 год и плату за обучение в размере 250 рублей в год (что в то время было значительной суммой) за него вносила мать². Имя Якова встречается в списке учившихся в той же гимназии, но в списке закончивших его нет³. Тем не менее 16 июля 1836 года Щеткин подает прошение о зачислении его в Петербургский университет⁴. К экзамену он был допущен, выдержал его и в том же году был зачислен на юридический факультет студентом.

По отзыву современника, в то время «юридический факультет давал не только специальную подготовку в области права, но и более широкое общее образование: на нем читались лекции истории всеобщей и русской, а также

¹ Там же, л. 3 об.—5.

² ЦГИА (СПб), ф. 174, оп. 1, ед. хр. 374, л. 7. Не окончив гимназию, в 1835 году С. А. Щеткин поступил в Академию художеств (причем пансионером ведомства путей сообщения); впоследствии жил в Рязани, в 1862–1869 годах занимая должность губернского архитектора; см.: РГИА, ф. 200, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 2216 (дело о зачислении в Академию художеств, 1835 г.); РГИА, ф. 1293, оп. 76, ед. хр. 277 (дело о службе, 1869 г.). Ныне он считается одним из самых талантливых провинциальных архитекторов середины XIX века, в Рязани сохранился ряд его построек.

³ См.: *Круглый А. О., Курганович А. В.* Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии. СПб., 1894. Ч. 2 (1831–1880 г.). С. 429, 393.

⁴ ЦГИА (СПб), ф. 14, оп. 3, ед. хр. 6286, л. 308.

словесности; из главных факультетских предметов обширный курс энциклопедии права, читаемый П. Д. Калмыковым, вводил вообще знакомство с философией, а лекции даровитого В. С. Порошина по политической экономии не только излагали теорию этой науки, но и представляли историю развития разных экономических систем»¹. Словесность на факультете преподавал А. В. Никитенко, которому студенты были обязаны представлять свои литературные сочинения для публичного чтения и разбора².

Несомненно, что такая атмосфера благоприятствовала развитию в студентах творческого начала, будоражила их мысль, способствовала скорейшему самоосознанию и самораскрытию. И неудивительно, что именно в те годы на факультете учились люди, которые в недалеком будущем станут гордостью русской литературы. Сокурсниками Щеткина в разное время были А. Н. Майков, С. С. Дудышкин (поступили на факультет в 1837 году), В. Н. Майков (поступил в 1838 году), чуть позднее на факультет пришли М. В. Буташевич-Петрашевский, Г. П. Данилевский и А. Н. Плещеев. По-видимому, именно благодаря знакомству, а затем и дружбе с Майковыми в Щеткине раскрываются задатки стихотворца.

В 1839 году состоялся литературный дебют Щеткина: «Библиотека для чтения» напечатала его стихотворение «Чара»³. Вероятно, это произошло при содействии В. Андр. Солоницына, принимавшего участие в редактировании журнала. Стихотворение было замечено и высоко оценено университетским преподавателем Щеткина Никитенко; впрочем, он мог знать это стихотворение еще до публикации. Воспоминания современника сохранили для нас этот эпизод: «Руководствуясь, вероятно, желанием поощрять молодые таланты, добрейший профессор <Никитенко. — А. Б.> предсказывал некоторым из моих товарищей блистательную будущность на литературном поприще. Так,

¹ <Майков Л. Н.> Валериан Николаевич Майков: Материалы для его биографии и литературной характеристики // Пантеон литературы. 1890. № 11–12. С. XIV–XV.

² См. письмо А. Н. Майкова сыновьям Владимиру и Аполлону от 8 февраля 1888 г., частично приведенное Л. С. Гейро в комментариях к кн.: *Майков А. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 488–489.

³ Библиотека для чтения. 1839. № 5. Отд. I. С. 13–14.

восхищаясь стихотворением „Кубок“, он ставил его автора, студента *Щеткина*, чуть ли не на одну степень с первостепенными поэтами»¹.

В том же году в доме Майковых выпускается рукописный альманах «Лунные ночи. Собрание сочинений в стихах и прозе»², где помещено сразу пять стихотворений *Щеткина* (четыре из них будут вскоре напечатаны). Этот альманах явился продолжением также рукописного журнала «Подснежник», который издавался Майковыми ранее³. Тогда же *Щеткин* попадает и на страницы «Сына отечества»: в девятом томе журнала публикуется его стихотворение «Орел», уже увидевшее свет в «Лунных ночах»:

Роскошная высь голубым полушаром
Окинула землю, как брачной фатой,
И красное солнце огнистым пожаром
Зажглося в той выси над мирной землей.
Могучим полетом к небесному своду
Орел молодой веселясь полетел,
Раскинул крылами, как вихрь в непогоду,
Рванулся к пределу.... и где же предел?
Как облако дымное на небе бурном,
Он смело, он буйно на волю летит,
Он встретился с солнцем под сводом лазурным
И оком бесстрашным на солнце глядит.
<...>
Вот гений России! Могучий воитель,
Бесстрашный в дни страха, гроза исполин,
Громов всех разящих и молнии держитель,
Державный и моря и гор властелин!
В чертогах безгранных повитый снегами,
Он весел, как солнце в лазурной выси,
Торжественно черными плещет крылами
И мечет свой образ на знамя Руси.
И грозен тот образ вражде ядовитой,
И светел тот образ для верных сынов...

¹ А. Ч. <*Чумиков А. А.*> Петербургский университет полвека назад: Воспоминания бывшего студента // Русский архив. 1888. Кн. 3. С. 131. То, что в этом фрагменте идет речь именно о стихотворении «Чара», для нас сомнению не подлежит: мемуариста в данном случае вполне могла подвести память, так как в вышеупомянутом стихотворении *Щеткина* речь идет именно о *кубке*, сделанном из черепа князя Святослава.

² Ныне альманах хранится в ИРЛИ (№ 16496).

³ О рукописных изданиях дома Майковых, их датировке, круге авторов и пр. см.: I, 612–620; примеч. А. Г. Гродецкой.

О! как он прекрасен, короной покрытый —
Когда пред полками летит на врагов!¹

Об этом стихотворении обозреватель «Журнала Министерства народного просвещения» Ф. Н. Менцов писал, что оно полно «патриотических мыслей и чувств» и «обнаруживает в своем молодом авторе дарование и в то же время подражание стилю г. Бенедиктова»².

20 января 1840 года «Литературная газета» дала следующее объявление: «17 января вышла первая книжка „Маяка современного просвещения и образованности“, издаваемого книгопродавцем Поляковым, под редакцию П. А. Корсакова и С. О. Бурачка. В ней помещены сочинения гг. Бурачка, Корсакова, Кукольника, Новомлинского, Озерова, (В. А.) Остроградского, Щеткина и др. Вторая часть „Маяка“ выйдет в этом же месяце»³. Первый же номер «Маяка» открывался одноименным стихотворением Щеткина, которое, повествуя о спасении светом маяка гибнущего в бурю корабля, было своего рода стихотворным напутствием, аллегорической программой начавшегося издания:

Миг!....
.....и в бархате тумана
Искра чудная зажглась,
И сквозь бурю океана
До скитальца донеслась.
Будто око состраданья,
Будто милости зерно,
Озарилось сияньем
На утесное окно.
Это гений благодати!
С духом зла он в спор вступил;
Вот в бунтующие рати
Он стрелу свою пустил.
Он горит, не угасает;
Вихря хищного напор
Тщетно клочья тьмы кидает
На его огнистый взор.
Нет; он светел дивным светом,
Этот пламенник ночей,

¹ Сын отечества. 1839. Т. 9. № 5–6. С. 5–6.

² Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Ч. 23. Отд. VI. С. 285, 286.

³ Литературная газета. 1840. № 6. 20 янв. Стлб. 140.

Он блестит святым приветом
 Для страдальцев кораблей.
 Море воет под скалою,
 Вот рванулось на него;....
 Устоял!.... и вместо бою
 Бросил огненной тропюю
 Искры взора своего.
 И надеждой, и спасеньем
 Души трепетных пловцов
 Над гремячим треволненьем
 Оперились жизнью вновь.
 И корабль в пылу набега
 Снова грудью волны бьет,
 Пена их, белее снега,
 Бороздой за ним идет.
 Пусть бурлит пучина злая;
 Спорный вал он раздробил,
 И маяк благословляя,
 Тяжкий якорь уронил¹.

В этом же номере было помещено стихотворение «Развалины», уже знакомое читателям «Лунных ночей»:

Крушительным жалом могучие годы
 Вонзились в громадное зданье людей;
 Сломили колонны, раздвинули своды
 И скрыли твердыню под грудой камней.
 Безмолвно, угрюмо скелет истлевает,
 Кочующий вихорь останки дробит,
 И злобно в утробу земля их глотает,
 Железо крушится, и тает гранит.
 И плющ одинокий змеится кудрями,
 И рубищем ветхим раскинулся мох;
 Все тихо, давно не блистает огнями,
 Давно не пирует с гостями чертог.
 Безмолвна пустыня! Лишь только порою
 Бросаются волны на язвы руин,
 И вихорь качает могильной травой,
 В ущельях покоится мрак-исполин.
 Таинственный терем! могучее зданье!
 Маститый останок седой старины!
 Заветное слово немого преданья,
 Как страшно ты смотришь при блеске луны!
 А прежде, бывало, здесь ночи горели
 Торжественным блеском приветных огней,

¹ Маяк. 1840. Ч. 1. Гл. II. С. 1–2.

Толпа ликовала и песни гремели,
Заздравные песни веселых гостей.

<...>

Роскошно день светлый, весь мир озаряя,
И к грудам развалин отбросил привет;
Напрасно! Не спала печать вековая,
Не ожил красою угрюмый скелет...
Все также ужасен гигант раздробленный,
Сдавил он бесплодные перси земли;
Он клонится долу главой отягченной;
Он хочет исчезнуть в могильной пыли.
И жаждет минуты последней истленья,
Отрадного, грозного гибелью дня!
И просит у времени он разрушенья,
И ищет границ своего бытия!

Разумеется, выход первого номера нового журнала привлек внимание критики. «С истинным удовольствием прочли мы 1-й № этого журнала, — писал анонимный рецензент „Русского инвалида“, — коего статьи все без изъятия, как ученые, так и принадлежащие к изящной литературе, в стихах и в прозе, равно занимательны. Почему считаем излишним желать ему успеха; но смело предсказываем его г-м редакторам...»². Специальную рецензию поместили и «Отечественные записки», где читателей уверяли, что в «Маяке» они «найдут несколько прекрасных стихотворений», и высказывалось пожелание, «чтобы следующие части „Маяка“ были так же хороши, как и эта, первая»³. «Вот книга, в полном смысле дельная, основательная и занимательная, которая должна иметь место во всех библиотеках, — радовалась „Северная пчела“. — В этой книге и ученый, и литератор, и любитель легкого чтения, и человек любознательный найдут для себя обильную пищу». Далее, отметив пользу такого рода изданий и остановившись на некоторых материалах, автор рецензии, Ф. В. Булгарин, приступает к обзору словесности. «Мы не станем разбирать каждого стихотворения порознь, — пишет он, — но скажем вообще: стихов дурных здесь нет, а есть много хорошего». Скопом похвалив участвующих в номере стихотворцев, рецензент завершает

¹ Там же. С. 5.

² Русский инвалид. 1840. № 30. 8 февр. С. 122.

³ Отечественные записки. 1840. № 2. Отд. VI. С. 76–77.

свой разбор следующей фразой: «Стихотворения г. Щеткина также заключают в себе много хорошего»¹.

Одновременно Щеткин публикуется на страницах «Одесского альманаха на 1840 год» (Одесса, 1839), изданного в пользу бедных учеников одесского учебного округа². «В Одессе вышел „Одесский альманах“ на 1840 год, — констатировала 10 января „Литературная газета“. — Здесь он еще не получен. И на этот раз он украшен трудами многих известных литераторов»³. Среди этих «трудов» скромно поместилось стихотворение «Гранитные братья» — про статуи сфинксов на берегу Невы, также впервые увидевшее свет в майковском альманахе. Одесский же альманах достиг Петербурга, вероятно, лишь в феврале, потому что рецензии на него появились только в мартовской прессе. И рецензии эти были в целом положительны. «...Его содержание богато и ценно, — уверял в „Отечественных записках“ В. Г. Белинский. — Взглянем на него. <...> Стихотворная часть „Одесского альманаха“ особенно богата и разнообразна... <...> В первом ряду много хорошего, но мало превосходного или хоть чего-нибудь резкого, выдающегося. <...> Второй ряд очень интересен... <...> ...Во втором ряду стихотворений „Одесского альманаха“ особенно замечательны стишки гг. Степанова, Щеткина, Раича и Струйского»⁴. Рецензия М. Н. Каткова в «Литературной газете» Щеткина не называла, но давала общую характеристику поэзии в альманахе: «Начнем со стихотворений. Общий характер их всех порадовал нас. Конечно, между ними очень немного истинно-поэтических, но зато также очень немного и положительно дурных. Большая часть отличается по крайней мере внешнею отделкою, изяществом стиха и почти в каждом из большей части есть определенный смысл, что,

¹ Редакция *Северной пчелы*. <Булгарин Ф. В.> Русская литература. 26. Маяк современного просвещения и образованности. <...> Часть первая и вторая <...>. С. Петербург, <...> 1840 года // *Северная пчела*. 1840. № 46. 28 февр. С. 183. Атрибутировано на основании того, что в статье о второй части «Маяка», подписанной «Ф. В.», есть следующие строки: «С удовольствием повторим все, что сказано было нами при появлении первой части Маяка, о пользе сего издания» (Там же. № 89. 23 апр. С. 354).

² См.: *Северная пчела*. 1840. № 4. 5 янв. С. 13. Альманах издавался при ближайшем участии Н. И. Надеждина.

³ <Б. п.> *Петербургская хроника* // *Литературная газета*. 1840. № 3. 10 янв. Стлб. 69.

⁴ *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1978. Т. 3. С. 376–378.

к сожалению, редкость между уродливыми песнопениями наших лириков»¹.

1840-й год — период наивысшей активности Щеткина-поэта. В этом году он публикует десять стихотворений в «Маяке»² и одно — «К древнему мечу» — в «Сыне отечества»³. Кроме того, в «Маяке» печатается его перевод с немецкого — повесть «Ножка царевны Гермонтиды» (автор оригинала не указан). Молодой поэт пришелся ко двору в новом журнале, предлагая стихотворения на темы благонамеренные и вполне патриотические. Как характерный пример приведем фрагменты из стихотворения «Русское слово», переполненного общими поэтическими местами рубежа 1830–40-х годов:

Я люблю язык прекрасный
Чудной русской стороны;
Русской речи строй согласный,
Будто лепет сладкогласный
Перекаистой волны;
Будто звучный гром потока,
Эхо музыки живой,
Будто гимн певца востока,
Друга розы молодой.
С давних пор он в душу всеян,
Говор — звуков красота,
Сердцем русским возлелеян,
Вложен в русские уста.
<...>
Грусть ли на сердце занает,

¹ <Катков М. Н.> Одесский альманах на 1840 год... // Литературная газета. 1840. № 23. 20 марта. Стлб. 539. Позднейший исследователь считает, что эта рецензия «была переделана — и переделана радикально — не кем иным, как Белинским... <...> Вообще же часть рецензии, посвященная поэтическому отделу альманаха, имеет на себе явные признаки авторства Белинского и заметно выделяется из общего фона „экстатической статейки“ М. Н. Каткова» (Каплан Л. О рецензии на «Одесский альманах» // Литературное наследство. М., 1950. Т. 56. С. 69, 72). Ср. мнение А. А. Краевского об этой статье и об альманахе, высказанное им в письме Каткову от 12 апреля 1840 г.: «...вы немножко увлеклись доброжелательством в этой книжке. Чего шадить их? Душа моя не терпит этих нищих альманачников, которые ходят по дорогам, поют Лазаря и собирают статьи, а после печатают их — чорт знает для чего: книга не книга, журнал не журнал, а так что-то — пуф!» (Там же. С. 139).

² См.: Указатель статей, помещенных в «Маяке», и фамилии гг. сотрудников за пять лет. СПб., 1844.

³ Сын отечества. 1840. Т. 2. Кн. 3. С. 460–462.

Горе ль в душу западет,
 С сердца грусть оно омоет,
 И душа с ним отдохнет.
 Если ж радостью зажжется
 Утро жизни молодой,
 Уст багрянец засмеется,
 Вспыхнут очи светлотой:
 О! тогда весь жар кипучий
 В слово яркое войдет,
 И оно струей певучей
 Сбрызнет звуки в хор летучий,
 Мелкой трелью разобьет.
 Если ж молвит стройной речью
 Красной деве милый друг,
 Приклонясь к ее оплечью
 Про сердечный свой недуг,
 Страсти пламень, чувства море,
 Целый мир любви святой,
 В стройном русском разговоре
 Зазвучит пред красотой.
 И она ответит нежно,
 Будто птичка запоеет,
 И счастливца белоснежной
 Ручкой-дивом обовьет.

Вот каков язык державный,
 Царства русского орган,
 Голос Руси православной,
 Чудодейный талисман!
 Русью славен он и звучен,
 Русью пылок и могуч,
 Дух родимый в нем заучен,
 Он к сердечной двери ключ.
 Жрец его, я пламенею
 Жертвой чистою ему,
 В нем я думою моею
 И витаю, и живу¹.

В следующем году сотрудничество Щеткина с «Маяком» неожиданно прерывается, на долгое время он замолкает вообще. Только в ноябрьской книжке «Библиотеки для чтения» печатается большое стихотворение «Торжество раскаяния»². А еще через три месяца в том же журнале появляется

¹ Маяк. 1840. Ч. V. Гл. II. С. 3–4.

² Библиотека для чтения. 1841. № 11. Отд. I. С. 6–10.

последняя известная нам публикация Щеткина — стихотворение «Видение», с пометой: «Отрывок из поэмы „Великий князь Владимир“»¹.

Все эти годы Щеткин часто посещает дом Майковых, а 13 августа 1842 года, после дополнительного экзамена, заканчивает юридический факультет со званием действительного студента, имея в аттестате три «двойки», десять «троек», девять «четверок» и одну «пятерку» — по поведению². Впрочем, и та была оспорена ректором университета П. А. Плетневым, собственноручно вписавшим в аттестат Щеткина между слов «...при отличном поведении...» слово «хорошем»³.

2

19 августа 1842 года Аполлон Майков, получивший от Николая I пособие для путешествия за границу, и его отец покидают Петербург, отправляясь в долгое путешествие⁴. И сразу же между ними и оставшимися в России родными и друзьями завязывается оживленная переписка. Именно благодаря ей мы можем живо представить жизнь майковского дома в 1842–1843 годах, а также получить сведения о характере, манере поведения и даже внешности нашего героя.

Первое же письмо к мужу и сыну Евгения Петровна Майкова написала почти сразу после их отъезда, 22 августа. Из него выясняется, что Щеткин также присутствовал при проводах: «...проводивши вас, мы прибыли благополучно домой около семи часов; вам известно, что на нашем пароходе не давали кушать, и если б экипаж стал на мель, то мы бы умерли с голоду или прибегнули бы к страшному средству самоедов. Что бы тогда сделал Яша, неужели бы предложил свои услуги,

¹ Библиотека для чтения. 1842. № 2. Отд. I. С. 131–133.

² ЦГИА (СПб), ф. 14, оп. 3, ед. хр. 6286, л. 20. См. также: Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в первое пятидесятилетие своего существования. СПб., 1870. С. LXXX.

³ Там же, л. 309 об. Аттестат датирован 15 сентября 1842 г.

⁴ Дата указана в путевом дневнике А. Н. Майкова (см.: Майков А. Н. Путевой дневник 1842–1843 гг. Итальянская проза / Сост., подгот. текстов, статьи и коммент. О. В. Седелниковой. СПб., 2013. С. 5). В книге М. Л. Златковского «Аполлон Николаевич Майков. 1821–1897: Биограф. очерк» (2-е изд., значит. доп. СПб., 1898. С. 21) приводится ошибочная дата отъезда Майковых — 29 июня; она повторяется в большинстве последующих работ о Майкове.

Вспомнишь ли, как мы тогда жили! — Прощай,
 друг мой, и будь вовек со мной и твоим
 добрым, братом Стариком Кларком.

Вы спрашиваете, где же он? Он в Москве, в
 доме у князя Голицына, в том же доме, где
 и вы жили. Он в Москве, в доме у князя
 Голицына, в том же доме, где и вы жили.
 Он в Москве, в доме у князя Голицына, в том же
 доме, где и вы жили. Он в Москве, в доме у князя
 Голицына, в том же доме, где и вы жили.

Копию и посылку я передал...
 Старик мой, и будь вовек со мной и твоим
 добрым, братом Стариком Кларком.

Вспомнишь ли, как мы тогда жили! — Прощай,
 друг мой, и будь вовек со мной и твоим
 добрым, братом Стариком Кларком.

Страница коллективного письма к А. Н. и Н. А. Майковым от первых чисел октября 1842 г. Автографы Вл. Н. Майкова, И. А. Гончарова, К. А. Майкова и Я. А. Щеткина

как он обыкновенно это делает?»¹. «...С вашего отъезда во дворилась у нас в доме игра в откуп (игра в карты), — сообщает Евгения Петровна им же 15 сентября. — Юния, Солоницыны, Щеткин, Кобылятский, брат Костя всякий вечер приходят, и мы играем в деньги, я уже проиграла им рублей десять...»². Но уже в следующем письме говорится о том, что юные литераторы нашли себе подобающее занятие: «Валерьян со Щеткиным задумали издавать журнал (для нашего круга, разумеется) в роде *Guêpres Karra*³, выдумка замысловатая и очень забавная, они сами пояснят, в чем дело, и надеются, что ты пришьлешь что-нибудь для украшения журнала»⁴.

В начале октября к А. Н. и Н. А. Майковым отправляется большое коллективное письмо: его по очереди пишут Вл. Н. Майков, И. А. Гончаров, К. А. Майков, Я. А. Щеткин и Ю. Д. Гусятникова⁵. Эпистолярный стиль нашего героя

¹ ИРЛИ, № 17374, л. 1 об.

² Там же, л. 5 об. Для удобства приведем здесь встречающиеся в письмах сокращения имен и домашние прозвища семьи Майковых и их ближайшего окружения: Юния, Ю. Д. — Юния Дмитриевна Гусятникова (в замужестве Ефремова), племянница Е. П. Майковой; дядя Костя, брат Костя, принц Марс — Константин Аполлонович Майков, брат Н. А. Майкова, офицер лейб-гвардии Измайловского полка; Апка — Аполлон Николаевич Майков; Валериан, Варька — Валериан Николаевич Майков; Старик — Владимир Николаевич Майков; Бурька — Леонид Николаевич Майков; Е. П., королева Трузсонская — Евгения Петровна Майкова; Хрюша, Хрюшечка, Солик — Владимир Аполлонович Солоницын; Вл. А. — Владимир Андреевич Солоницын; И. А., Ив. Ал. — Иван Александрович Гончаров; Мишка — Михаил Парфенович Заблоцкий-Десятовский; Кобылятский — Иван Алексеевич Кобеляцкий, сокурсник Вал. Н. Майкова; принцесса Жемчужина — Елизавета Васильевна Толстая, впоследствии возлюбленная Гончарова и адресат его писем; королева Барбара — ее мать, Варвара Александровна Толстая.

³ «Les Guêpres» («Осы») — французский ежемесячный сатирический журнал, издаваемый с 1839 до 1849 года журналистом и писателем Жаном Батистом Альфонсом Карром (1808–1890). Этот журнал был широко известен в России; в частности, он послужил образцом Ф. В. Булгарину для создания книги фельетонов «Комары» (СПб., 1842).

⁴ ИРЛИ, № 17374, л. 42 об.

⁵ В авторитетной «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова» А. Д. Алексеева (М.; Л., 1960. С. 23) это письмо датировано концом августа 1843 года, что является ошибочным хотя бы потому, что в это время Щеткин уже покинул Петербург. Публикуя гончаровский фрагмент из этого письма, С. В. Друговейко исправила год, но не уточнила месяц (см.: Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 341). Прямое указание на время написания письма содержится в его тексте: оно написано через полтора месяца после отъезда А. Н. и Н. А. Майковых (см.: XV, 268; примеч. А. Г. Гродецкой).

весьма замысловат; приведем наиболее характерный фрагмент из его послания: «...прошло полтора месяца с тех пор, как пароход „Ольга“ увез нас от Гаврского парохода, на котором мы выпили с вами по последнему стакану, заменились последними поцелуями, уронили прощальные слезы, которые, однако, не были последними, — я плакал стоя у борта нашего возвращавшегося в Петербург опустелого парохода, плакал, посвящая воспоминанию о вас горячие страницы дневника моего и потом с удовольствием смотрел на слезы Чел<аевой>, <1 нрзб.>, Позд<еевой>, когда они слушали мои рассказы о нашем прощании. Я радовался за тебя по поводу всех этих слез, потому что они были неложным свидетельством всеобщей к тебе привязанности; все мы чувствовали лишение тебя как любезного члена нашего общества. Но время разлуки минует, мы снова обнимем друг друга¹, а из обильного дождя слез наших возникнет в твоём воспоминании радуга, которая не смоеется забвением; тебе отрадно будет обращаться к этой поре твоей жизни как к поре любви, потому что для человека с чувством любить и быть любимым это наслаждение, кажется, равносильное. — Извини меня, что я обратился к времени давно прошедшему, но по странному стечению обстоятельств Е.<вгения> П.<етровна> посылала к вам письма с таким секретом, что мне не удавалось до сих пор сказать тебе что хотелось со времени нашей разлуки»². Далее Щеткин сообщает, что они собираются «вести хронику всех замечательных событий» в доме Майковых.

Газета эта до нас не дошла; сохранилось лишь несколько фрагментов, посланных в письмах к А. Н. и Н. А. Майковым, которые позволяют судить о ее характере и о том, какими могли быть утраченные миниатюры Гончарова, предназначенные для нее. Закрывая недатированное коллективное

¹ Измененная цитата из стихотворения Н. В. Кукольника «Английский романс» («Сомнение»; 1838): «Минует печальное время, / Мы снова обнимем друг друга».

² Цит. по: XV, 45. В ответном письме от 6 ноября (24 октября) А. Н. Майков так отреагировал на это послание Щеткина: «Добродетельной Юние Дмитриевне самый пламенный поцелуй за ее дружеские строки; а ее попрошу, в знак моей благодарности Якову Александровичу за пигмейские письма, позволить ему поцеловать ее мизинчик; а также запретить писать так мелко, ибо чтобы прочесть его писулю, д.<олжно> б.<ыло> прибегать к увеличительному стеклу» (ИРЛИ, № 16994, л. 10).

письмо, Вал. Н. Майков и К. А. Майков приводят образцы своих статей¹:

Любезные друзья, Так как мне нечего сообщать вам серьезно о себе любопытного, то я займу вас лучше выписками из издаваемой Яшею газеты. —

Трузсония. — 4 числа у королевы Трузсонской был обеденный стол, украшенный присутствием королевы Барбары и августейших дочерей ее. Во время обеда возник спор между принцессою Жемчужиною (Лиза), принцем Сардонапалом (Гончаров) и принцем Валерием о прелестях принцессы Лилии. Достоверно известно, что принц Трузсонский, отступив, по причине значительного аппетита, от правил строгой политики, относился о знаменитой Флоридской принцессе неблагонамеренно. Весть об этом происшествии, гибельном для всей Трузсонии, не замедлила достигнуть до тонкого слуха принцесс Флоридских. Дальновидный Барон Острова Непостоянства, немедленно по получении им депешей от тайных агентов его при дворе королевы Новой Флориды (Институт), поспешил в Жемчужное Королевство, где в присутствии королевы Барбары заключил с принцессою Жемчужиною трактат следующего содержания:

«Во имя Светлой и Нераздельной Троицы, мы, принцесса Жемчужного Царства, Жемчужина, дочь Барбары, и Валерий, принц и вассал<?> Трузсонии, владетельный Барон Острова Непостоянства, заключили между собою следующий свободный, ненарушимый, из трех пунктов состоящий трактат:»

(Самого трактата не буду писать; это заняло бы много места: сущность же его заключается в том, что Лиза не должна говорить Челаевой того, что я об ней говорил, и наоборот.)

«К несчастью Высоких договор<ившихся?> сторон, трактат, положенный на хранение в рабочий ящик принцессы, похищен придворным псом ее Высочества и перехвачен недоброжелателями.

Новая Флорида. Литературные произведения Наследного принца Трузсонского Аполлона продолжают иметь большой успех у принцесс Новой Флориды. Некоторые принцы Архипелага недавно застали Принцессу Маргариту, погруженную в чтение одного из его стихотворений, которое Ее Высочество давно уже изволила выучить наизусть. Не хочет ли прекрасная принцесса доказать тем свое постоянство и отнять от находящихся налицо искателей всякую надежду на благосклонность с ее стороны? —

Это известие написано мною и помещено без подписи в 1^м №; а во втором я написал об этом, с подписью имени следующего: «Выходка против союзницы моей, знаменитой

¹ ИРЛИ, № 17370, л. 14–15 (вероятно, письмо написано в ноябре или декабре 1842 г.).

в летописях Союза, Флоридской Принцессы Маргариты, зла и достойна порицания. Непостоянство есть добродетель мужчины, который должен двигать и идти вперед. Напротив того, постоянный вкус в девушке обещает в будущем почитательный <sic!> мать и добродетельную супругу». — Вот образец слога принца Марса.

Остр<ов> Марса. Второго числа от высокого имени принца Марса был отдан войскам приказ быть им в совершенной готовности и по первому призыву двинуться к границе. Вследствие этого приказа военная администрация на операционной линии выставила военные запасы на несметное число дружин, а также и продовольствие, состоящее из бобов и гороху. Но какая же причина побудила к принятию этих мер? Недаром писали в одной из московских газет, что жители города Чепухи видели на небе огненное явление в виде Царь-Пушки, беспрестанно стрелявшей в воздух и направлявшей свои выстрелы к нам на Авер.

Наш корреспондент, находящийся при дворе принца Марса, сообщает нам, что эти приготовления делаются будто вследствие известия, полученного принцем из Трузонии по телеграфу. Это известие состояло в следующем: Принцессы Флоридские, Далия и Маргарита, послали к наследному принцу Аполлону, находящемуся за границей для преуспения в изящном, две большие ноты, которых содержание и цель составляют предмет многочисленных предположений. Принц Марс поспешил по этому случаю в Трузонию, в намерении разузнать дело подробно; но осторожная политика принца Валерия не позволила проникнуть в тайны их содержания, точно также и сама Королева Трузонская, через руки которой отправлялись депеши, хранила их в глубокой тайне до самого отправления с эстафетою. Есть слухи, что эти сношения, скрываемые от всех держав, имеют целью расторжение двух домов Флоридск<ого> и Трузонск<ого>. Говорят, что в этих двух посланных нотах заключаются упреки и выражения негодования и ненависти, к которым подал повод сам принц Аполлон, прислав некоторым из принцев союза известие на скверном латинском диалекте о своей новой любви к одной из француз<ких> принцесс, которая обещала ему доселе неслыханные у нас удовольствия. Такое положение дел в союзе любви и дружбы чрезвычайно запутанно. Не один принц Марс вступится за правое дело, и прочие князья Архипелага поднимут свои знамена на отмщение оскорбленной чести Новой Флориды. Должно ожидать войны кровопролитной.

Сию минуту мы получили известие, опровергающее все догадки недалевидных фелльетонистов: Принцессы двора Флоридского послали к наследному принцу Аполлону ноты, наполненные выражениями любви, преданности и сожаления о его отсутствии. «Ха, ха, ха! — сказал Марс, прочитав это известие, — как смешны эти господа со своими изве-

ствиями», — и отдал приказ двинуться моим <sic!> войскам к границам, для того только, чтобы помочь бабам выхолотить поля, засеянные бобами и горохом.

В другом письме К. А. Майков приводил образцы других своих миниатюр, не отличающихся благопристойностью, и так их комментировал:

Мы издаем газету Сплетню, в которой я ревностный сотрудник. Перо мое отличается множеством резких дергунов, при чтении которых Яша удаляется, а остальные закрывают рты платками. <...> Я решился действовать на любовь пепиньерок¹ системою дергунов, и опыт доказывает, что они удачнее Яшкиных комплиментов. <...> Журнал наш весьма забавен, и Щеткин издает его великолепно².

В письме мужу и сыну от 24 октября Е. П. Майкова опять упоминает о газете, сообщая, что Валериан «много переводит для Заблотского, а с Щеткиным и дядей Костей пишут для нашей домашней газеты, это очень выходит остроумно и забавно»³. В том же письме есть приписка Вл. Майкова, из которой видно, с какой серьезностью и ответственностью было поставлено у Майковых «газетное дело»:

В два дня у нас уже стала зима; снег такой большой, что вчера, возвращаясь из Труссонского королевства (так в Газете называется маменькина квартира), Иван Александрович и Хрюшечка насилу дошли до своих королевств, несмотря на то, что Хрюшечка тщательно работал ножками. Варька, в достоинстве цензора газеты, отправился теперь к Яшке; первое чтение будет происходить в королевстве Труссонии; Королева приказала тотчас после царского

¹ Пепиньерки — институтки, оканчивающие педагогические классы. Здесь имеются в виду воспитанницы Екатерининского института, располагавшегося на Фонтанке, рядом с Невским проспектом. В этом Институте служила инспектрисой Наталия Александровна Майкова (дочь поэта и журналиста А. Е. Измайлова), вдова одного из братьев Николая Аполлоновича (см.: *Ляцкий Е. А. Роман и жизнь: Развитие творческой личности И. А. Гончарова. Жизнь и быт. Прага, 1925. С. 114*). Майковы и близкие к ним люди кружка часто ходили в гости в Институт; шутивное описание этих посещений и самого Института содержится в юмористических очерках Гончарова «Хорошо или дурно жить на свете» и «Пепиньерка» (см.: I, 507–531).

² ИРЛИ, № 17374, л. 45–45 об. Послание К. А. Майкова является припиской к недатированному письму Е. П. Майковой, в котором та, в частности, писала: «От скуки наши придумали издавать газету, и Яша обещал прислать тебе образец его трудов, надо сознаться, что Яша за что возьмется, делает хорошо» (Там же, л. 44 об.).

³ Там же, л. 8.

обеденного стола начать заседание. Вот вам имена всех островов. 1., Корол<евство> Труссония, 2., Корол<евство> Новой Флориды (Инстит<ут>), 3. Вольный город Урания (Юния). 4 Ост<ров> Труда (Влад<имир> Андр<еевич> Солоницын>), 5 Остр<ов> Непрерывного Движения (Солик), 6 Остр<ов> Марса (Дядя Константин<ин>) 7 Ост<ров> Покоя (Ив<ан> Ал<ександрович>), 8. Остр<ов> Непостоянства (Валерка). <9> Остр<ов> Complimentов (Як<ов> Ал<ександрович>). Вообще газета приводит в деятельность всех¹.

Щеткин, судя по всему, был принят Майковыми как член семьи. Об этом свидетельствует, в частности, одно из писем Е. П. Майковой от 21 ноября: «В последнее воскресенье мы с Юнией, с Валерьяном, Бу<рь>кой и Щеткиным ездили в Сергиевскую пустынь к обедни, молились за вас, и славно прокатились в пошевнях, à la russe...»². Вряд ли на такую поездку был бы допущен посторонний человек.

Из переписки Майковых мы можем также судить и о внешности Щеткина. Вот фрагмент недатированного письма А. Н. Майкова из Парижа своим друзьям: «Яшенька! помнишь ли ты, что я, смотря на твои продолговатые ноги, малое туловище и прочие излишества и недостаточности твоей особы, называл тебя агрегатом человеческих членов, а не живым организмом; ты тогда сердился, но теперь должен утешиться, ибо подобных агрегатических существ я встречал и в Дании, и во Франции, и очень им благодарен, ибо они мне напомнили, или даже в лицах представили тебя; а вспомнить о тебе и видеть твое подобие — вдвойне приятно для человека, тебя любящего»³. В одном из писем к мужу, также недатированном, Е. П. Майкова называет Щеткина «златокудрым»⁴.

О характере Щеткина и об отношениях его со своими приятелями повествует нам письмо Вл. Ап. Солоницына А. Н. Майкову (без даты, судя по содержанию — осень 1842 г.): «Часто хожу к вашим и если встречаю Мишку, то предаюсь самым страшным спорам или, лучше, одному длинному-предлинному спору, который мы уже давно начали с ним по поводу некоторой мысли „Отечественных записок“ об односторонности человека наших времен. Потом

¹ Там же, л. 8 об. Ср.: I, 619–620.

² Там же, л. 12.

³ ИРЛИ, № 16994, л. 33 об.

⁴ ИРЛИ, № 17374, л. 20 об.

Яша важно садится на кресла и начинает читать нам с Валерушкой урок о светских приличиях, о том, в какое время и куда надо надеть фрак, когда сюртук и прочая. Валерка сердится и молчит, я ругаю Яшку, и спор кончается тем, что на другой же день учитель наш сделает какую-нибудь непристойность, какой и мы бы не сделали. „Что, Яшенька, что мой красавчик, мой длинненький“, говорю я ему, он бешется, называет нас мальчишками, детьми, и так проходит время в сообществе с Яшей, приятно и полезно»¹.

3

Вскоре в жизни Щеткина происходит событие, которое определило всю его дальнейшую судьбу. О нем говорит Е. П. Майкова в письме к мужу от 19 декабря 1842 года: «6 декабря у меня были гости, пили шампанское за твоё здоровье, читали газету преинтересную. Ив<ан> Алек<сандрович> и Яша чудо какие статьи пишут и много смешат нас. Эти господа так все меня и Варьку любят, [что] и тешат как нельзя более. Щеткин служит у Киселева, при комиссии составления Кадастра...»². Незадолго до этого вечера, 2 декабря, Щеткин поступил на службу в Министерство государственных имуществ, в Комиссию для устройства оброчной подати в чине губернского секретаря³.

Министерство государственных имуществ в 1842 году было еще совсем молодым. Оно было основано по инициативе графа П. Д. Киселева 26 декабря 1837 года «для управления государственными имуществами, для попечительства над свободными сельскими обывателями и для заведывания сельским хозяйством»⁴. «Действие министерства государственных имуществ открылось 1 января 1838 г. в составе совета, трех департаментов, канцелярии и ученого комитета. <...>

¹ ИРЛИ, № 17370, л. 11.

² ИРЛИ, № 17374, л. 10.

³ Формулярный список о службе исправляющего должность младшего члена Московской Комиссии уравнивания денежных сборов с государственных крестьян титулярного советника Щеткина. Составлен августа <пропущено> дня 1850 // РГИА, ф. 1349, оп. 5, ед. хр. 1452 (1850 г.), л. 79–84. Далее служебные перемещения Щеткина приводятся по этому источнику.

⁴ Полн. собр. законов Российской Империи. Т. 27. № 20597. Ст. 24. Цит. по: *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 110–111.

Ученый комитет учрежден был при 3-м департаменте для рассмотрения всех тех дел, которые, заключая в себе новые предположения по государственным имуществам и сельскому хозяйству, требовали сведений специальных и соображений ученых. Ученый комитет состоял из штатных членов под председательством директора третьего департамента и, по роду своих занятий, разделялся на три отделения: 1) сельского хозяйства; 2) лесное и 3) кадастра»¹. Составлению кадастра придавалось тогда очень важное значение, потому что без него было невозможно эффективно осуществлять деятельность нового министерства. «Всем вообще государственным имуществам должен быть составлен кадастр, то есть измерение, описание и оценка угодий»², — эта задача стояла перед Министерством государственных имуществ в первую очередь. Именно ее и осуществлял молодой поэт.

Мы остановились на деятельности Министерства государственных имуществ затем, чтобы обрисовать обстановку, в которой оказался Щеткин, поступив на службу. Министерство было молодым, перед ним стояли ответственные задачи, и, разумеется, служба в нем, особенно на такой должности, отнимала много сил у юного чиновника. И, видимо, вскоре после начала службы, предчувствуя скорое расставание с Майковыми, он отправляет своему другу Аполлону полное отчаяния письмо, которое выпишем целиком:

Редкое письмо мне было так приятно, любезный Аполлон, как то, которое мне вручила от тебя Евгения Петровна. Под разнообразные рулады самовара, стоявшего в то время в комнате королевы Трузонской, твоей родительницы, под странное мурчание М. Заблоц<кого>, ныне значительно обросшего мохом и пахнущего плесенью, я читал твои строки. Не знаю, сердился ли я на тебя, подобно Солику, что ты не отвечал мне ни строкой на посылаемые к тебе мною, но я понимал вполне, как было бы тяжело тебе эпистолировать более дюжины друзей, коротких с твоим семейством, а след<овательно>, и с тобою, или выписывать как поминанье наши имена одно за другим, что было бы довольно смешно, потому я с смирением надеялся, когда придет моя очередь, и покраснел от удовольствия, когда пришла она. — Общій всем нам конек есть самолюбие, но этот конек является иногда самым бешеным, рьяным конем, и особенно

¹ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. СПб., 1888. Ч. 1. С. 34, 35.

² Там же. С. 29.

тогда, когда наше пылкое внимание к кому-либо остается неоцененным, незамеченным. Кроме этого нестерпимого самолюбия в душу нашу вкрадывается печаль и о неудаче своего чувства, своей привязанности, и грустное предположение о скромности своих достоинств, и, если следствием всего этого бывает не охлаждение, то непременно недоверчивость. Вот почему у меня при мысли о моей, может быть скорой разлуке с вашим семейством невольно шевелится мысль, что все вы забудете обо мне очень скоро, как о собачке, над которою забавлялись, любили звать к себе в комнаты, смеяться ее фарсам, остротам, комплиентам, а между тем эта собачка не свыкнется уже с другими людьми, с другим двором; ей будет хотеться возвратиться к прежним господам своим, и цепь, которую захочет порвать она, будет слишком крепка для нее, а мысль, что о ней забыли, — тяжелее цепи.

Блаженствуй, Аполлон, в своей благословенной Италии в пыли развалин, на которых накинута яхонтовая полог неба; ты там свободен во всем широком значении этого слова: там от тебя не отходит очаровательная любовница — природа, а с нею и неперменные спутники ее: восторг, мысль и искусство. Счастья нет в настоящем, но когда твое настоящее станет для тебя прошедшим — каждая минута нынешнего твоего бытия прикатится в твою память золотым перлом и усладит твои тяжелые минуты, если они неизбежны в твоём будущем. Прости меня за мольный тон, до которого ты не охотник, но я к нему настроен в эту минуту потому, что чувствую всю тягость рабства, на которое обрек себя, вступив на службу: вчера я просидел целую ночь напролет за сухими вычислениями моего кадастра и сегодня по его же милости отобедал теперь в 8 часов вечера. Я никогда не дорожил жизнью, но увидев ее во всей красоте ее, узнав, что для поддержания ее нужно продать за ничтожную плату мысль, свободу, чувство, все, чем я бывал оживлен прежде, продать все это для того, чтобы выручить на хлеб себе каких-нибудь 1500 р. о! это невыносимо! Такую жизнь я бы продал, как негодную тряпку, первому ветошнику. И я плачу о днях, которые молниєю летят мимо меня, так что я не постигаю часто, каким образом наступил вечер, когда кажется не более получаса тому назад утро сыпало своим золотом, и в эту минуту воображение, как назло, начинает дразнить меня, выводит передо мною образы, нашептывает мне стихи, сулит богатые рифмы. Прочь! мне нужно злата, злата, злата¹ и отмахнув его рукою, я снова наполняю свою голову цифрами, словно крупною дресвою, которые пересыпаются как в калейдоскопе, но — бесцветные, холодные, жесткие, они колотятся о мозг мой, сушат ум, дают мысли, каменяют все человеческое во мне и делают меня машиною, которая едва имеет столько смысла, чтобы окончить это скучное для

¹ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824).

тебя, Аполлон, письмо и попросить, чтобы ты обнял за меня Ник<олая> Аполлон<овича>, о котором у меня с Бурькой был спор и едва не драка за то, кто лучше помнит папку: я или Бурька. Прощай! Целую тебя. Я. Щеткин¹.

Но беззаботному Майкову в солнечной Италии было трудно проникнуться подобными настроениями; что он отвечал Щеткину, и отвечал ли — нам неизвестно, но в также недатированном письме к близким Майков прокомментировал жалобы своего прежнего товарища весьма сухо, по-философски: «Плач Яшиньки на развалинах студенческой свободы так близок душе каждого из его товарищей, что должен быть всем понятен; впрочем, эти всеобщие ламентации молодого поколения на старый порядок вещей имеют значение более глубокое, нежели простое сетование на то, что нужно делать и оставить лень; если нынешнее молодое поколение состарится, не утратив в себе тех благородных качеств, которые в нем пробуждаются, то многое и многое должно измениться»².

Служба, по-видимому, отнимала у Щеткина почти все свободное время, и он стал появляться у Майковых реже. То, что она занимала теперь все его существо, отмечали даже знакомые: «Что до друзей наших мужеского пола, — пишет в конце февраля или начале марта А. Н. Майкову Вл. Ап. Солоницын, — то и сии не более утешительны: прежние добрые качества их потонули в чернилах. Добренький и длиненький Яша ходит к нам не иначе, как <со> своим департаментским портфелем, длинным и тощим сообразно его росту... Другие, прочие... Бог с ними...»³.

Творчество Щеткина этого периода нам неизвестно. Напомним, что последняя его публикация состоялась в феврале 1842 года. Правда, имя Якова Александровича было объявлено в числе сотрудников «Маяка» на 1843 год, но в самом журнале ни одно его произведение более не появилось (или он их не подписывал).

И вот в середине 1843 года тревожные предчувствия Щеткина сбылись: 14 июня он был «перемещен счетным

¹ ИРЛИ, № 16984, л. 1–2 об.

² ИРЛИ, № 16994, л. 35.

³ ИРЛИ, № 17370, л. 17 об. Письмо не подписано, дата на нем также не стоит. Атрибуцию и датировку (с цитатой другого фрагмента этого же письма) см. в кн.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 22.

чиновником при члене в Комиссию уравниения денежных сборов с государственных крестьян в Пензенской губернии» и между 23 и 29 июня прибыл на службу в Пензу¹. Далее мы можем только следовать за формулярным списком, ибо других источников информации о последующей жизни Щеткина у нас, к сожалению, нет. Итак: «Назначен в такую же должность в Комиссию уравниения денежных сборов с государственных крестьян в Тульской губернии» — 1 мая 1844 года; «Перемещен к таковой же должности в Комиссию уравниения денежных сборов с государственных крестьян в Курской губернии» — 28 марта 1845 года. Тогда же Щеткин был произведен в коллежские секретари, а 28 апреля 1848 года «назначен счетным чиновником в Комиссию уравниения денежных сборов с государственных крестьян в Московской губернии». Наконец после нескольких лет скитаний по провинциям он перебирается в одну из столиц: 1 мая 1849 года его назначают «исправляющим должность младшего члена Комиссии для уравниения денежных сборов с государственных крестьян в Московской губернии», а еще через два месяца (24 июля) присваивают чин титулярного советника. В 1849 же году его имя в первый раз попадает в «Адрес-календарь». Кроме того, мы знаем, что в 1850 году Щеткин гостил у своего брата в Рязани и был посаженным отцом его первой дочери Надежды, крещеной 26 апреля². Согласно формулярному списку, на тот момент он был холост.

Как мы говорили выше, о провинциальных годах жизни Щеткина нам ничего не известно. Были ли они ознаменованы новыми стихотворениями, или канцелярская рутинка полностью поглотила пыл и талант подававшего надежды юноши — едва ли мы об этом когда-нибудь узнаем. Нами были просмотрены подшивки неофициальных частей губернских ведомостей тех губерний, где служил Щеткин, в надежде найти его имя хотя бы под какой-нибудь статьей о себе картофеля или заметкой о местных обычаях — безрезультатно. Не отмечались и его дальнейшие перемещения; правда, скажем к слову, в Туле, например, местные губернские ведомости

¹ Прибавление к Пензенским губернским ведомостям. 1843. № 28. С. 123. Справедливости ради стоит отметить, что информация о прибытии Щеткина в Пензу была повторена и в № 30 того же печатного органа, причем там он значился как приехавший «между 7 и 13 июля».

² РГИА, ф. 1343, оп. 34, ед. хр. 405, л. 20.

отмечали только прибытия и убытия чинов военных. Но, как оказалось, поэтическую деятельность Щеткин продолжал, или, по крайней мере, навык стихотворца не утратил: 14 апреля 1849 года он вписывает в альбом Людмилы Петровны Корсаковой, вероятно, дочери одного из издателей «Маяка», два стихотворения — «Пусть поет соловей...» (явно ориентированное на поэтику Кольцова) и «Дума Петрарки»¹:

Пусть поет соловей
 Перед зоренькой!
 Пусть с душистых ветвей
 Сыплет трель свою!
 Как хрусталь с серебром
 Звуки песни той;
 Все безмолвно кругом, —
 Все заслушались.
 Пой, певец соловей!
 Пред тобою я
 Бедной песней моей
 Не промолвлюся!

Но теперь мне привет
 Сказан девицей:
 «Спой и ты мне, поэт, —
 Я послушаю!»
 И коснусь лиры я
 С думой сладкою; —
 Я счастливей тебя
 Голосистого!
 Ты замолкни ж с своей
 Песней милою!
 Дай мне спеть, соловей,
 Пред Людмилою!

ДУМА ПЕТРАРКИ

Взгляну ли я мечтательной порою
 На розы пышные, на снег и пурпур их
 В букете, собранном искусною рукою
 В золотой сосуд; — меня в цветах живых
 Не аромат, не краски восхищают:
 Мои игривые мечты
 Те розы чудно оживляют:

¹ РНБ, ф. 1000, оп. 2, ед. хр. 1603, л. 1–1 об.

Мне в них рисуются красавицы черты;
Оттенок розовый ее ланит пуховых,
Игра алмазная ее прекрасных глаз,
И локона извивистый атлас,
И изваянье плеч перловых.
И вспомню тот заветный миг,
Когда увидел я случайно
Ее волшебно-милый лик, —
И как с тех пор я ей молился тайно,
Замкнув в груди весь пламень чувств моих.

Мы знаем и домашний адрес Щеткина в Москве: «...у Адриана и Натальи, в 3-й Мещанской, д. Граве»¹. Имя Якова Александровича отмечается на страницах «Адрес-календарей» на 1850 и 1851 годы... И вдруг — как будто обрыв. Имя нашего героя исчезает со страниц адрес-календарей, справочников, указателей... Щеткин ушел в тень, в небытие, и прояснить хоть как-то его судьбу оказалось не в наших силах.

Дабы завершить жизнеописание нашего героя, вернемся в прошлое, в 1829 год. Ровно через месяц после смерти Александра Васильевича Щеткина, отца братьев Якова и Сергея, ему жалуются орден св. Анны 3-й степени, дававший право на потомственное дворянство. В 1855 году Сергей Щеткин вспоминает об этом и пишет в Департамент Герольдии следующее прошение: «Просит коллежский секретарь Сергей, Александров сын, Щеткин <...>. По Всемиловнейше пожалованному отцу моему титулярному советнику Александру Васильевичу Щеткину в 21 день августа 1829 года Ордену Святыя Анны 3-й степени, после его смерти бывшей Капитулу Российских орденов еще не известной, я <...> с братом моим родным титулярным советником Яковом Александровичем Щеткиным считаем себя в потомственном дворянском достоинстве...»². Прощение это не датировано, но на нём есть канцелярская помета: «Получено 5 августа 1855 г.». Это последнее по времени упоминание о Якове Александровиче Щеткине, которое нам известно, ибо ответ из Сената Сергею пришел положительный, а о Якове говорилось: «...что же касается до родного брата его титулярного советника

¹ *Нистрем К.М.* Адрес-календарь жителей Москвы. 1851. М., 1851. Ч. 1: Календарь чиновников служащих. С. 57.

² РГИА, ф. 1343, оп. 34, ед. хр. 405, л. 1–1 об.

Якова Александровича Щеткина, то как нынешним просителем не представлено доверенности от него для хождения по делу о признании его в дворянстве и сам он об этом не просит, Правительствующий Сенат ныне не может постановить заключения о правах его на потомственное дворянство, о чем для объявления просителю, коллежскому секретарю Сергею Александрову Щеткину, по жительство его <...> послан указ»¹.

Где умер Щеткин, когда это произошло — нам неизвестно. А пока можно признать свое поражение, отговариваясь тем, что, как правило, дата смерти устанавливается гораздо сложнее, чем дата рождения.

¹ Там же, л. 10 об.-11.

ГОНЧАРОВ — УЧИТЕЛЬ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ

Выпускник Словесного отделения Московского университета Иван Гончаров никогда официально не служил учителем, хотя некоторые его сокурсники выбрали педагогическую карьеру¹. Тем не менее, подобно многим необеспеченным столичным чиновникам, ему приходилось подрабатывать уроками, преподавая русский язык и словесность частным порядком. Известно, что в середине 1830-х годов учениками Гончарова были сыновья живописца Н. А. Майкова, которых он готовил к поступлению в университет; о других его учениках можно только догадываться².

В неоконченном романе «Эпизоды из жизни Райского» (при завершении получившем название «Обрыв») присутствует второстепенный персонаж, учитель Ельнин, в историю которого, несомненно, вплетены автобиографические мотивы. Ученица Ельнина Софья Николаевна Беловодова так рассказывала своему кузену Борису Райскому о его уроках: «Ельнин... учитель... прочел мне „Горе от ума“, Лермонтова, Пушкина — всё почти... хотел читать какого-то нового автора, но татапа узнала и запретила... <...> Ельнин продолжал читать со мной, хотел заставить и меня сочинять, но я понять не могла, как это делается, спросила

¹ Прежде всего стоит назвать его брата Николая (см.: *Трофимов Ж. А.* Брат романиста Николай Гончаров: Биогр. очерк. Ульяновск, 2008. С. 12–13) и ближайшего университетского товарища Е. Е. Барышева (ему в 1881 году Гончаров посвятил некролог, см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 219–222).

² А. Н. Майков писал в автобиографии, что «Гончаров <...> кончив курс в Московском университете, приехал на службу в Петербург и давал уроки русской литературы и истории в знатных домах» (РНБ, ф. 453, ед. хр. 1, л. 2 об.; с изменениями опубликовано: Русский художественный листок. 1858. № 7. Без pag.).

рара, он прочел мне стихи Ламартина и сказал, что так надо сочинять или никак... даже мама улыбнулась, и когда Ельнин пришел вечером, они шутили с ним и смеялись над сочинениями. С тех пор он не давал мне самой сочинять, а только всё читал мне, много читал, но я скоро забывала...»¹. Думается, этот фрагмент может дать некоторое представление о том, как проходили занятия у самого Гончарова. О важности для воспитания молодых людей именно уроков словесности он позднее писал одной из своих корреспонденток: «...в преподавание теории и истории языка и отечественной литературы входит до значительной степени преподавание, можно сказать, самой жизни. При разборе произведений литературы приходится касаться всех вопросов, интересов, понятий, страстей, словом всего, чем живет общество»². Подобные высказывания можно найти как в других письмах Гончарова, так и в мемуарах о нем. Впрочем, обобщающих работ о его педагогических взглядах не существует.

1

Биографам И. А. Гончарова давно известен факт, что в 1857 и 1858 годах, уже достигнув значительного продвижения по служебной лестнице и будучи вполне обеспеченным человеком, он давал уроки русского языка и словесности наследнику престола, великому князю Николаю Александровичу. Еще в 1914 году в приложениях к своей книге о Гончарове французский славист Андре Мазон опубликовал два документа, рассказывающих об этом. Первой шла выписка из двух дел архива Министерства императорского двора — о назначении Гончарова преподавателем русского языка к цесаревичу Николаю Александровичу и плате ему за полгода занятий в виде подарка (бриллиантовый перстень с рубином), ценой эквивалентного по 8-ми рублей серебром за урок. За ней был помещен документ объемом полторы страницы, озаглавленный Мазоном «*Extrait des archives de la famille Grote communiqué par K. Iak. Grote, directeur des*

¹ VIII, кн. 1, 37, 38 (впервые: Современник. 1860. № 2). В окончательном тексте романа «Обрыв» этот фрагмент отсутствует.

² Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 433; письмо от 26 ноября 1877 г. неустановленному лицу (Марии Михайловне).

Archives du Ministère de la Cour» («Экстракт из семейного архива Гротов, сообщенный К. Я. Гротом, директором архива Министерства императорского двора») и представляющий собой записку об истории преподавания Гончаровым русского языка цесаревичу:

В конце 1857 г., когда Я. К. Грот был очень занят по своей должности при Великих Князьях (особенно во время болезни В. П. Титова), а преподаватель русского языка Классовский уехал за границу с детьми Великой Княгини Марии Павловны <sic!>, Титов с помощью Я. К. Грота и П. А. Плетнева стал искать преподавателя русского языка.

Плетнев думал рекомендовать для Наследника А. Н. Майкова, но последний откровенно объяснил Я. К. Гроту, что он считает эту область (теоретич.) для себя чуждою, и со своей стороны рекомендовал своего бывшего преподавателя И. А. Гончарова как энтузиаста своего дела, внушившего ему большую любовь к литературе. Гончаров с большою скромностью выражал свои сомнения в том, чтобы он годился для предстоящей задачи, где нужно не столько увлечение, сколько мера, такт и гармония в преподавании. Но Титову он понравился — при личном свидании, и был назначен к наследнику Николаю Александровичу.

К младшим Великим Князьям был приглашен по чьей-то рекомендации Эвальд. Я. К. Грот присутствовал на двух первых уроках Гончарова. Первый был очень интересен, как бы вступительная лекция, и очень понравился Я. К. Второй менее его удовлетворил. Видно было, что недостает, для преподавания языка, положительной и отчетливой теоретической подготовки. Это сознавал и сам Гончаров, и вскоре весной 1858 г. стал отказываться от продолжения уроков по русскому языку, предлагая остаться, если угодно, для *чтений*, т. е. по литературе.

Тогда во власти был уже Гримм, сменивший Титова, принужденного уйти вследствие интриг первого. Когда Я. К. Грот передал Гримму то, что его просил Гончаров, Гримм сказал только: «значит, нам надо подумать о новом преподавателе».

Гончаров при уходе получил очень скудное вознаграждение, кажется, рублей по 7 за час, тогда как он справедливо ждал более значительной валовой суммы, и Я. К. Грот, по его просьбе, передавал воспитателям, что он желает вознаграждения не подарком, а деньгами.

Осенью 1858 г. — Опять пригласили Классовского, несмотря на представления Я. К. Грота, хорошо знавшего его отрицательные свойства. Но Классовский вскоре сильно заболел (более года), и снова возник вопрос о преподавателе. Гримм вновь пригласил для переговоров И. А. Гончарова, но принял его так неучтиво (растянувшись на диване), что Гончаров решил отказаться и по возвращении

домой написал Гримму письмо, что по обязанностям цензора не имеет возможности взять на себя преподавательскую должность¹.

Впоследствии в печати появилось несколько писем Гончарова и мемуаров с упоминанием о факте преподавания²; этой же темы сам писатель коснулся в «Необыкновенной истории», отвечая на упрёки в «искательстве» благосклонности двора³. Однако опубликованный Мазоном «экстракт» до сих пор оставался по сути единственным развернутым свидетельством об этом эпизоде биографии автора «Обломова». Несмотря на то, что он бесчисленное количество раз цитировался и пересказывался, статус и происхождение этого важнейшего документа не были понятны.

Обращение к архиву Я. К. Грота позволило прояснить, откуда его сын почерпнул сведения для «экстракта». Напомним, что филолог, впоследствии академик Яков Карлович Грот осенью 1852 года стал учителем великих князей, среди которых был будущий цесаревич Николай Александрович. По его просьбе с этого времени его жена Наталья Петровна стала вести подробный дневник, куда записывала рассказы мужа о процессе обучения цесаревича⁴. Закончив свою деятельность при дворе в конце 1859 года, Грот на основе этого дневника создал большую мемуарную записку, по сути — целую книгу, дополненную деталями, отсутству-

¹ См.: *Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1812–1891. Paris, 1914. P. 340–341.*

² Обзор свидетельств см. в преамбуле и примечаниях С. В. Друговой к публикации писем Гончарова к А. Н. Майкову (Литературное наследство. Т. 102. С. 339–340, 354–358).

³ «Искать я ничего не искал: напротив, все прятался, со страхом и трепетом принял приятное и лестное приглашение В. П. Титова заняться с покойным цесаревичем литературой (в ожидании, пока найдут другого учителя, вместо заболевшего) и потом испугался, оробел своей несостоятельности, по части знаний и педагогических способностей, а более дрожал за свою ответственность в этом важном деле — и с большой печалью удалился» (7, 388).

⁴ Записки, касающиеся службы мужа моего Я. К. Г. при Дворе и воспитания Августейших детей Государя: Наследника Цесаревича и В. К. Николая Александровича и В. К[няз]ей Александра Александровича, Владимира и Алексея Александровичей. Продолжение, часть III-я. С декабря 1857 года по конец 1858 года // СПбФ АРАН, ф. 137 (Я. К. Грот), оп. 2, ед. хр. 127; То же. С начала 1859 года. Писано со слов самого Грота // Там же, ед. хр. 128.

ющими в дневнике¹. По сути, присланный Мазону текст представляет собой краткий пересказ отдельных фрагментов этих документов.

В конце XIX — начале XX веков дневник Н. П. Грот был доступен историкам. Так, во многом на основании этого дневника Б. Б. Глинский написал очерк педагогической деятельности Я. К. Грота при дворе². С. С. Татищев неоднократно ссылается на дневник³ в своей книге о юности императора Александра III, опубликованной лишь в наши дни⁴.

¹ СПбФ АРАН, ф. 137, оп. 2, ед. хр. 132 (черновик и авторизованная копия записки, датированной 5 апреля 1860 г.).

² «...Мне удалось ознакомиться с некоторыми рукописными документами из богатейшего архива покойного академика. Документы эти, не подлежащие в ближайшем будущем опубликованию, заключаются преимущественно в воспоминаниях самого Якова Карловича или в записках его супруги, тщательно ведшей длинную летопись жизни своего мужа» (*Глинский Б. Б. Наставник царских детей // Исторический вестник. 1896. № 1. С. 232*).

³ Подлинники его выписок из дневника: РГИА, ф. 878, оп. 1, ед. хр. 23 (опубл. П. Е. Подделковой в кн.: *Философский век: Альманах. СПб.; Хельсинки, 2012. Вып. 38. С. 98–114*; имя Гончарова в этих выписках не упоминается). В архиве Татищева сохранились выписки и из других документов, касающихся обучения наследника. К примеру, историком отмечено, что 21 декабря 1857 года воспитателем царских детей Н. В. Зиновьевым был сделан доклад императору с информацией, что преподавателем русского языка к наследнику назначен Гончаров с платой по 8 рублей за урок (РГИА, ф. 878, оп. 1, ед. хр. 6, л. 28, со ссылкой на общий архив Министерства императорского двора, связка 3605, дело 40; к этому же делу позднее обращался Андре Мазон, см.: *Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. P. 339–340*; в части архива Министерства императорского двора, хранящейся в РГИА, этого документа обнаружить не удалось). Им был также скопированы «Журнал учебных занятий цесаревича Николая Александровича. 1858–1862» (Там же, л. 71–85; начинается с сентября 1858 г.) и «Краткая записка о занятиях наследника по русскому языку и русской истории», составленная Я. К. Гротом для нового воспитателя царских детей С. Г. Строганова (Там же, ед. хр. 17; датирована 4 ноября 1859 г.).

⁴ См.: *Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича / Подгот. текста С. С. Атапина, В. М. Лупановой; вступ. ст. Н. А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. М., 2002. С. 78 pass*. Приведенные в работе Татищева выписки из дневников Н. П. Грот были процитированы (с неверным указанием на источник цитирования) в кн.: *Вербицкая Т. Несостоявшийся император: Великий князь Николай Александрович (1843–1865). М., 2010*. На основе цитат из работ Мазона и Татищева несколько популярных статей написал В. И. Мельник; см.: *Мельник В. И.* 1) И. А. Гончаров как преподаватель цесаревича Николая Александровича Романова // *Социальное служение: традиционные и новые формы. XII Свято-Елизаветинские чтения. М., 2011. С. 55–62*; 2) И. А. Гончаров как преподаватель цесаревича // *Роман-журнал XXI век. 2016. № 4. С. 10–12*; и др.

Цесаревич Николай Александрович

В 1906 году К. Я. Грот привел две выдержки из материнских записей в публикации материалов об отношении вел. кн. Александра Александровича к своему отцу¹. С тех пор к этому важнейшему документу, по-видимому, никто не обращался.

Назначение Гончарова произошло в то время, когда росло недовольство императора учебным наставником цесаревича В. П. Титовым и когда разгорался конфликт между ним и воспитателем царских детей Н. В. Зиновьевым. Кроме

¹ См.: Император Александр III в отношениях своих к наставнику своей юности: (Несколько документов и современных свидетельств) / Сообщил К. Я. Грот // Старина и новизна. СПб., 1906. Кн. 11. С. 1–2.

того, в помощники Титову в марте 1858 года был назначен А. Ф. Гримм¹, несмотря на то, что их педагогические взгляды резко расходились. Все это привело к тому, что спустя два месяца Титов был вынужден уйти с должности, которую и занял Гримм, вытребовавший себе дополнительные полномочия и бóльшую независимость от Зиновьева². Эти и другие конфликты отразились в подробном дневнике Н. П. Грот, где восстанавливается исторический контекст и рассказывается о тех придворных интригах и конфликтах, свидетелем и отчасти участником которых невольно становился автор «Обломова». Особо обращает на себя внимание низкая оценка профессиональных и человеческих качеств В. И. Классовского³, о котором его гимназические ученики отзывались восторженно⁴. Кроме того, из дневника видно, что отсутствие опыта у Гончарова не позволило ему продолжать вести занятия и что его мнение о себе как о педагоге совпало с мнениями Грота и Титова.

Приведем фрагменты дневника, дающие несколько дополнительных штрихов к тем сведениям, что сообщил Мазону сын Грота, а также дополняющие Летопись жизни и творчества Гончарова.

17 декабря <1857>⁵

По переезде Двора в С. Петербург (24 ноября) муж мой был особенно много занят все это время. Болезнь Титова продолжалась недели две, что заставляло мужа ездить каждый день иногда даже после обеда. Классовский же, русский учитель, уехал за границу с детьми в <еликой> княгини Марии

¹ Н. П. Грот свидетельствует, что Гримм стал присутствовать при уроках вел. кн. Николая Александровича начиная с 12 марта (СПбФ АРАН, ф. 137, оп. 2, ед. хр. 127, л. 28 об.)

² Подробнее об этом см.: *Вербицкая Т.* Несостоявшийся император. С. 61–63; *Сидорова А. Н.* Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 213–229; *Мелентьев Ф. И.* Воспитание и образование наследника престола в проектах В. П. Титова 1856–1858 гг. // *Вестник ун-та Дмитрия Пожарского.* 2017. № 1 (5). С. 41–43.

³ Владимир Игнатьевич Классовский (1815–1877), филолог, педагог, издатель ряда учебных пособий и комментированных изданий классиков; много лет преподавал при дворе.

⁴ См., к примеру, воспоминания Ф. И. Буслаева (*Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 22–27) и П. А. Кропоткина (*Кропоткин П. А.* Записки революционера. СПб., 1906. Т. 1. С. 78–79).

⁵ Здесь и далее: СПбФ АРАН, ф. 137, оп. 2, ед. хр. 127; с указанием в скобках номера листа.

Николаевны¹ и вел<икие> князя остались без русского учителя. Муж должен бы был взять на себя на это время занятия русск<им> языком со всеми тремя в<еликими> князьями; но видя, как это обременительно, нарочно не вызывался заниматься даже с Николаем Алекс<андровичем>, так что Титов стал искать учителя и просил в этом содействия мужа и Плетнева. Но, верный своей мысли во всем отделять в<еликого> князя Николая А<лександровича>, он ищет вместе с тем младшим братьям его другого, особого преподавателя. Плетнев предложил сначала для наследника Майкова, который был прежде у мужа моего и в разговоре с ним откровенно сознался, что не может взять на себя преподавания, потому что это для него область совершенно незнакомая. Муж передал это Титову, который пожелал все-таки познакомиться с Майковым, и он провел у него вечер с мужем и Плетневым, и я также была звана в этот день. Майков рекомендовал своего бывшего преподавателя Гончарова — человека, который, по его мнению, был энтузиаст своего дела и внушил ему большую любовь к литературе. Тут было прочитано письмо Гончарова, с которым Майков уже объяснялся, и первый с скромностью и нерешительностью боялся взять за дело. Его ответ, в котором он говорил, что он, будучи энтузиастом, мог передавать свои сведения юношам, которым он желал сообщить свои увлечения, опасается взяться за дело там, где в воспитании должна быть соблюдена мера и такт, чтоб все было в гармонии и ничто не выдавалось и не преобладало на счет другого². Титов доказывал, что это забота излишняя, и что, напротив, каждый преподаватель должен стараться внушить любовь и страсть к своему предмету, и что стремления одного заставить преобладать свой предмет должны парализоваться стремлениями других к тому же. Кроме Гончарова, у Титова был еще и Галахов³, и Титов хотел по знакомству с обоими решить свой выбор⁴. После Гончаров провел вечер у него, и муж

¹ Мария Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская (1819–1876), сестра Александра II.

² Это письмо неизвестно.

³ Алексей Дмитриевич Галахов (1907–1892), историк литературы, педагог, составитель ряда широко известных хрестоматий.

⁴ Очевидно, этот вечер состоялся 30 ноября; сохранилось письмо Гончарова к А. Н. Майкову с отказом ехать к Титову: «А мне ехать с Вами сегодня к Т[итову] ни в каком случае было нельзя, если б я даже и решился принять предложение: что это за смотр и к чему он повел бы его? В полчаса он узнал бы, что ли, что я могу преподавать словесность? Ведь нет: он увидал бы только, что я прилично одет и прилично веду себя в комнате, да это он уже знает, потому что видел меня в двух весьма порядочных домах, куда неприличных людей не пускают. Во всяком случае ему нужно было еще спрашивать обо мне везде» (Литературное наследство. Т. 102. С. 357). После этого состоялся еще обмен письмами; в итоге, как видим, Майков уговорил Гончарова.

с Плетневым опять были приглашены. Гончаров очень понравился Титову и вследствие того был взят. <...>

Муж мой присутствовал на первых двух уроках Гончарова. Первый был хорош, потому что был, конечно, тщательно приготовлен и составлял род вступительной лекции. Второй не совсем ему понравился, потому что Гончарову явно недостает ясности и основательных положительных и отчетливых сведений. Его объяснения часто не совсем удовлетворительны. После урока Титов пустился с ним в длинные прения о преподавании его предмета, не спросив у мужа ни одного совета, ни одного мнения. Мужа часто поражает самонадеянность этого человека, имеющего так же мало глубины и основательности в знаниях, как и твердости в убеждениях. Между тем Зиновьев все брал мужа в сторону и говорил, что странно, как взят для преподавания человек, который не имеет никакой ученой степени, никакого диплома. Ответ мужа, что он известен своими литературными трудами и что это часто соответствует даже в глазах университетов и ученых сословий диплому, не удовлетворил его. Он все повторял: «Да, это все хорошо, но перед законом оно, как хотите, ничего не значит» (л. 2–3 об.).

1 апреля <1858>

<...> Сегодня муж, рассматривая занятия по приготовлению к Гончарову наследника, увидел, что он переводит какой-то психологический непереводаемый по своим утонченностям отрывок из Лабрюера о женщине — а в тетради его есть объяснения и определения, напр<имер>, разных родов истории, задачи истории и проч. до того неясные, неточные и даже вовсе неверные, и наконец довольно грубые орфографические ошибки. В разговоре об этом с Титовым муж откровенно сказал, что, по его мнению, во всяком деле необходима практика и опытность и что, как он ни уважает Гончарова как литератора и человека, но не может смотреть на него как на хорошего преподавателя. Титов не только согласился с этим, но сам стал рассказывать разные случаи, показывающие, что Гончаров для преподавания языка не годится и что он уже сам в этом убедился и говорил ему, что он не сможет остаться (л. 35 об.).

<Запись от 19 мая 1858>

Сегодня, 19 мая, Эвальд¹, учитель, избранный для русского языка к младшим в<еликим> князьям, начал уроки и с Алексеем. Гончаров же, чувствуя недостаточность своих теоретических знаний в языке, отказывается от преподавания рус<ского> языка наследнику, говоря, что может остаться, если угодно, для чтений, и просил мужа сказать

¹ Эдуард Федорович Эвальд (1833–1892), учитель русского языка и словесности в различных учебных заведениях Петербурга; преподавал при Дворе до 1868 г.

о том Титову. Но муж не желал мешать Титова в дела, до него уже не касающиеся, а сказал это Гримму, который отвечал: «Так значит, нам надо думать о новом русском преподавателе» (л. 60–60 об.).

12 июня <1858>

<...> На днях муж узнал от Гримма, что Классовского опять берут для русского языка. <...> Муж был возмущен этим выбором для наследника, — тем более, что Классовский теперь заменит Гончарова, человека такого талантливого, хотя и имеющего мало ученых сведений. Но тут, к сожалению, уже решительно ничего нет: кроме того, что Классовский имеет не весьма обширные и основательные познания, что он даже во многом дает объяснения неверные и произвольные, — он, главное, не имеет нравственных свойств порядочного человека: низкопоклонен до лести и унижения, угодлив с в<еликими> князьями и потворствует им: одним словом, принадлежит к числу таких людей, которых надо бы удалять от них, а не приближать к ним. Когда муж выразил свое удивление этому выбору, Гримм старался оправдать себя тем, что этот человек был уже тут прежде, что его рекомендуют императрице, и генералы¹ желают его и проч. (л. 69 об.).

4 февраля <1859>²

Сегодня Гримм сказал Якову Карловичу, что он решается, по совету его, взять для русской литературы Гончарова. Он будто бы разделяет мнение мужа, что наследнику надо проходить русскую литературу практически, в чтениях и наглядном знакомстве с писателями, начиная от Ломоносова. Муж давно говорил и повторял, что сухие литературные и теоретические объяснения надо делать именно при самых чтениях.

Незадолго же до того Гримм говорил мужу, что он опять приостановил было искать русского учителя, потому что Классовский писал, что он надеется быть на днях опять у в<еликого> князя на уроке. Но Обломьевский³, который лечит его, сказал, что надежда плоха (л. 16 об.–17).

7-го февраля <1859>

Сегодня Гримм объявил Якову Карловичу, что Гончаров отказывается от преподавания наследнику и решительно объявил, что за другими своими цензурными и литературными занятиями не может принять его предложения, не имея достаточно времени. Между тем еще недавно у Плетнева Гончаров говорил мужу, что он вполне согласен был бы *читать* с наследником, если б Яков Карлович согласился

¹ Воспитатели великих князей Н. В. Зиновьев и Г. Ф. Гогель.

² Здесь и далее: СПбФ АРАН, ф. 137, оп. 2, ед. хр. 128; с указанием в скобках номера листа.

³ Дмитрий Федорович Обломиевский (1804–1865), придворный медик, лейб-хирург.

преподавать теорию языка и словесности, прибавляя, что от Якова Карловича зависит устроить, чтоб он имел дело только с ним, а не с Гриммом, и тогда он согласен будет опять вступить. На это муж отвечал ему, что если б что-нибудь тут от него зависело, то многое, конечно, шло бы иначе и что он немало противодействовал назначению Классовского, поступив в этом случае даже против своих правил, ибо никогда не любит и не любил вредить другим и говорить что-либо, касающееся чужой личности. Но тут интерес к занятиям и ходу образования наследника заставил его сказать откровенное мнение о Классовском как преподавателе. Но это не помогло, и Гримм все-таки сделал по-своему. Очевидно, что если б теперь Гримм повел переговоры с Гончаровым через Якова Карловича, тот бы наверное согласился. Но Гримм сунулся сам, а ему непременно всякий порядочный человек русский откажет, так все у нас восстановлены против этого выбора иностранца — искателя приключений (л. 18–18 об.).

К другому упомянутому выше документу, записке Грота о преподавании наследнику, насколько нам известно, историки царской семьи не обращались. Хотя здесь Грот и следует за дневником жены, но дополняет свой текст некоторыми новыми деталями. «Шесть лет и 7 месяцев, т. е. от 3 февраля 1853 до 8-го сентября 1859 г., — начинает свою записку Грот, — участвовал я в воспитании сыновей императора Александра II-го. Все это время жена моя по моим рассказам терпеливо вела подробные записки о службе моей при Дворе. Теперь же, недавно оставив эту службу, я намерен написать более сжатый очерк того, что видел и испытал в этой сфере своей деятельности. Постараюсь быть вполне беспристрастным и правдивым. Рассказ мой будет, надеюсь, назидателен для многих»¹. Выпишем из этого текста фрагмент о преподавании русского языка и словесности наследнику в 1857–1858 годах:

Судьба устроила, как бы нарочно назло человеческим распоряжениям, что преподавание русской словесности несколько раз возвращалось в мои руки. Еще перед удалением Титова романист Гончаров, приглашенный им для занятий с наследником, чувствовал, что при всем своем таланте он не приготовлен для передачи положительных сведений, и стал отказываться от продолжения уроков. Вскоре после поступления Гримма он вышел, получив за свои труды весьма скудное вознаграждение: его разочли рублей по 7-и за час, тогда как он справедливо ожидал гораздо более значительной валовой суммы. Перед своим удалением он именно просил

¹ СПбФ АРАН, ф. 137, оп. 2, ед. хр. 132, л. 141.

меня устроить, чтоб ему заплатили не подарком, а деньгами. Я передал это воспитателям, но, конечно, не мог указать им размера вознаграждения¹. После удаления Гончарова преподавание рус<ской> литературы надолго остановилось. По возможности я пользовался свободными часами для чтения с наследником извлечений из книг и журналов, но никто меня не просил о том, и я делал это совершенно добровольно. Наконец, стали носиться слухи, что для русских уроков опять поступает Классовский, который летом 1858 возвратился из-за границы <...>. Итак, человек, который при Титове оказался не годным для преподавания, при Гримме опять делался годным. Гримм оправдывался тем, что сам он Классовского не знает, но что и императрица, и генералы желают его поступления; другими словами, он сознавался, что он не судья в этом деле. Осенью Классовский действительно поступил. Опять начались для наследника новые теоретические толкования о языке и словесности, которые приносились ему в записках, склеенных из разных заимствований <sic!>. Тут не было ничего своего, живого, самостоятельно прочувствованного или даже настоящим образом переваренного. Вместе с тем задавались упражнения и делались чтения из старинной литературы. Я часто присутствовал на этих уроках, и Классовский обращался ко мне за советами, просил моих указаний; но не получив ни от кого ни малейшего полномочия на это, я не мог деятельно руководить его уроками, тем более, что и Гримм, для вида, являлся на них. Занятия Классовского вскоре прерваны были болезнью его, которая продолжалась более полугода и едва не свела его в могилу. Когда она приняла опасный характер, стали думать о приискании другого преподавателя. Гримм писал к Гончарову и пригласил его к себе для переговоров, но принял его так неучтиво, растянувшись на диване (таков был обычай этого грубияна с учителями), что Гончаров решил отказаться и попросил времени на размышление; воротясь же домой, написал Гримму, что по обязанностям цензора не имеет возможности взять на себя предлагаемую должность. Тогда Гримм стал думать о других преподавателях, всё тайно от меня, и только на мой вопрос по этому делу открыл мне, что собирается ехать в какой-то частный дом слушать лекцию Галахова (издателя хрестоматий). Это открытие чрезвычайно позабавило меня, потому что я из разных случаев мог заметить, что Гримм очень плохо понимал по-русски: так иногда, находясь при каком-нибудь разговоре на этом языке, он очевидно не знал, какую мину взять — смеяться или остаться серьезным. После он рассказывал мне, что лекция Галахова, по своему теоретическому характеру, ему не понравилась! Прошло еще несколько времени. Наконец я услышал от него, что императрица, щадя Классовского

¹ 19 июля 1858 г. управляющий Петербургским учебным округом П. А. Плетнев вручил Гончарову высочайше пожалованный перстень (см.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 84).

и боясь нанести ему смертельный удар известием о поступлении на его место другого преподавателя, решила дожидаться его выздоровления. Около того же времени Гримм обратился ко мне с просьбой, чтоб я начал регулярно читать с Ник<олаем> Алек<андровичем> русских писателей от Ломоносова в хронологическом порядке. Так как я и без того продолжал, по возможности, свои русские чтения с наследником, то я не имел причины не согласиться на это. Вся разница была в том, что теперь я мог приступить к методическому чтению, тогда как до сих пор я читал то, что представлялось мне наиболее занимательным и нужным: так я прочел ему в Царском селе почти всего «Евгения Онегина» и многое из Державина. И то, и другое находило в нем живое сочувствие и, смею надеяться, принесло ему некоторую пользу, сообщив ему кое-какие положительные сведения, что я ко всему прилагал объяснения, и сверх того подвинул его в развитии эстетического чувства. Державин приводил его в изумление красотами, которых он вовсе не предполагал в ком-нибудь из старинных наших поэтов. Теперь познакомил я его с Кантемиром, Ломоносовым и Сумароковым, разнообразя чтение биографическими о них рассказами и критическими замечаниями. Наконец, весной 1859 года, уже в Царском селе, возвратился опять Классовский и стал продолжать чтение писателей по той же идее¹. Предоставляю судить каждому, в какой степени эти беспрестанные перемены лиц в преподавании одного из важнейших предметов учения могли быть благотворны для царственного питомца².

Учебные тетради цесаревича по словесности до нас не дошли: они не отмечены в описи фонда вел. кн. Николая Александровича в ГАРФ, их нет и в небольшой подборке его учебных работ, отложившихся в архиве Грота. Однако среди этих бумаг есть небольшое сочинение цесаревича, датированное 11 декабря 1857 года, то есть тем временем, когда ему начинал преподавать Гончаров. Возможно, он и подсказал своему ученику тему для этого сочинения (или дал иностранный оригинал для перевода):

Еслибы власть принадлежала красоте а не силе, павлин конечно был бы царем птиц; природа ни на кого не изливала своих сокровищ, с такою щедростью; высокий рост, гордая осанка, важная поступь, благородный вид, красивое и легкое тело, все что обличает существо особенное, было ему дано. Легкий, качающийся хохолок, во всех возможных цвета в <sic!>, украшает и возвышает его голову, не

¹ Список произведений, прочитанных Классовским с цесаревичем, см.: Буслев Ф. И. Мои воспоминания. С. 331–332.

² СПбФ АРАН, ф. 137, оп. 2, ед. хр. 132, л. 224 об.–226.

отягощая ее. Его чудные перья, по видимому соединяют в себе все что льстит нашим глазам в нежном и свежем <sic!> колорите, самых прекрасных цветов, все что ослепляет их в сверкающих отблесках драгоценных камней, все, что их поражает в величественном сиянии радуги¹.

В бумагах великого князя сохранилась книга, озаглавленная «Аттестации по урокам и экзаменам цесаревича Николая Александровича», которая велась с 1856 по 1859 год². К сожалению, за интересующий нас период времени записи в ней велись не слишком подробно: не указывалось, в какой день какие занятия проводились, а фиксировалось лишь их наличие или отсутствие и указывалась оценка (по 12-балльной шкале), иногда сопровождавшаяся краткими комментариями.

Согласно этой книге, первый урок Гончарова состоялся между 7 и 14 декабря 1857 года, здесь же стоит пометка: «Отметок еще не было»³. Затем занятия продолжаются каждую неделю до 31 января 1858 года, оценки колеблются от 8 («удовлетворительно») до 10 («хорошо»). За первую неделю февраля, с 1 по 9 число, ведомости нет (вероятно, это были своеобразные каникулы), далее уроки продолжаются с 10 февраля по 15 марта еженедельно; с 16 по 19 марта урока не было; с 20 марта по 19 апреля, затем следует перерыв до 26 апреля, и с этого дня по 14 июня уроки продолжаются еженедельно⁴. Затем, очевидно,

¹ СПбФ АРАН, ф. 137, оп. 2, ед. хр. 135, л. 28.

² ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ч. 2, ед. хр. 2486, ч. 1.

³ Там же, с. 122.

⁴ Приведем полный перечень дат, в которых проходили занятия, с указанием оценок: между 7 и 14 декабря 1857 г. (Там же, с. 121–122); между 14 и 21 декабря, оценка «9» (с. 123–124); между 21 и 28 декабря, оценка «8 Удовлетворительно» (с. 125–126); между 28 декабря 1857 г. и 4 января 1858 г., оценка «8» (с. 128–129); между 4 и 11 января, оценка «10» (с. 130–131); между 11 и 18 января, оценка «8» (с. 132–133); между 18 и 25 января, оценка «9» (с. 134–135); между 25 и 31 января, оценка «9» (с. 136–137), между 10 и 15 февраля, оценка «10» (с. 138–139); между 15 и 22 февраля, оценка «9» (с. 140–141); между 22 февраля и 1 марта, оценка «9» (с. 142–143); между 1 и 8 марта, оценка «10» (с. 144–145); между 8 и 15 марта, оценка «9» (с. 146–147); между 20 и 29 марта, оценка «8» (с. 150–151); между 29 марта и 5 апреля, оценка «10» (с. 152–153); между 5 и 12 апреля, оценка «9» (с. 154–155); между 12 и 19 апреля, оценка «10» (с. 156–157); между 26 апреля и 3 мая, оценка «9» (с. 158–159); между 3 и 10 мая, оценка «9» (с. 160–161); между 10 и 17 мая, оценка «9» (с. 162–163); между 17 и 24 мая, оценка «8» (с. 164–165); между 24 и 31 мая, оценка «9» (с. 166–167); между 31 мая и 7 июня, оценка «8» (с. 168–169); между 7 и 14 июня, оценка «10» (с. 169–170).

занятия прерываются на каникулы и снова начинаются в августе, но имени Гончарова в ведомостях уже не встречается.

Как видим из оценок, Николай Александрович не был прилежным учеником, во всяком случае, особого интереса к русской словесности он не проявлял. Об этом отчасти свидетельствуют и примечания. Так, на неделе между 4 и 11 января стоит оценка «10» и противоречащее ей примечание: «Неделя, за немногими исключениями, принадлежит к наилучшим. Кроме Русской Истории были Уроки по 12 бал <sic!>: в Законе Божиим и Русской словесности»¹; на неделе между 20 и 29 марта примечание: «Перевод хорош, повторение не удачно»²; на неделе между 17 и 24 мая: «Оценка 8 для русского языка относится не к прилежанию во время урока, но указывает, что домашние задания не приготовлены должным образом»³; и наконец, на неделе между 31 мая и 7 июня — оценка «8» с примечанием: «Оценка относится исключительно к заинтересованности, которую его высочество проявляет во время уроков. Выполнение домашних заданий оставляет желать много лучшего»⁴.

Как видим, преподавательская карьера Гончарова при дворе не была удачной. Однако спустя полтора десятка лет его пригласят учителем к другому «августейшему ученику», вел. кн. Константину Константиновичу, будущему поэту К. Р.

2

Впервые о том, что писатель некоторое время был учителем вел. кн. Константина Константиновича упомянул в 1960 году А. Д. Алексеев в составленной им «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова»⁵ со ссылкой на примечания Б. К. Ордина к письмам и запискам автора «Обломова» его родителям К. Ф. и С. А. Ординым, которые в 1920-х годах были им переданы в Государственную Публичную библиотеку⁶. Записка, в которой об этом шла речь, была напечатана в 1976 году

¹ Там же, с. 131.

² Там же, с. 151.

³ Там же, с. 165; подлинник по-французски.

⁴ Там же, с. 165; подлинник по-французски.

⁵ Под 1873 годом стоит запись: «Осень. Преподает русскую словесность детям вел. кн. Константина Николаевича в Мраморном дворце» (Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 205).

⁶ РНБ, ф. 209, ед. хр. 22. Об отношении Гончарова и Ординых см. наст. книгу, с. 236–269.

К. Е. Ивановым в составе большой подборки ранее не публиковавшихся писем Гончарова из собрания Публичной библиотеки, куда вошло и пять писем к Ординым¹.

25 октября 1873 года Гончаров писал С. А. Ординой: «...в пятницу и субботу я не свободен с 7 часов: в пятницу должен заниматься науками...»; последние слова пояснены так: «Гончаров преподавал литературу детям вел. кн. Константина Николаевича»². О том же Б. К. Ордин вспоминал и в мемуарном очерке о Гончарове (1924): «Помню, как меня самого удивляло и огорчало то чванное и мелочное удовольствие, с каким Гончаров рассказывал об интимных обедах у великого князя Константина Николаевича, в Мраморном дворце. Он был преподавателем русской словесности у его детей — Константина и Дмитрия Константиновичей и очень любил упоминать о их любезном и почтительном к нему отношении»³.

Лапидарное примечание Б. К. Ордина позволило позднейшим исследователям Гончарова прямо утверждать: «Личное знакомство прославленного писателя и юного Константина произошло, вероятно, осенью 1873 г., когда И. А. Гончаров был приглашен вел. кн. Константином Николаевичем преподавать русскую словесность его детям в Мраморный дворец»⁴. Эти сведения без отсылок и оговорок перешли и в популярную литературу об авторе «Обломова». В биографиях вел. кн. Константина Константиновича о том, что его учителем был Гончаров, упоминается глухо и вскользь⁵.

¹ Ранее четыре письма К. Ф. Ордину были напечатаны Р. Б. Заборовой (см.: Неизданные письма И. А. Гончарова / Публ. Р. Б. Заборовой // Труды Гос. Публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. Т. 11 (14). С. 158–161.

² *Иванов К. Е.* Неизданные письма И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: (Новые материалы о жизни и творчестве писателя). Ульяновск, 1976. С. 147. Отметим, что публикатор это примечание поместил как свое, без ссылки на Б. К. Ордина.

³ См. наст. книгу, с. 265.

⁴ *Демиховская Е. К., Демиховская О. А.* И. А. Гончаров и К. К. Романов // И. А. Гончаров и К. К. Романов: Неизданная переписка. К. Р. Стихотворения. Драма. Псков, 1993. С. 13 (то же: Переписка И. А. Гончарова: с Великим Князем Константином Константиновичем / Публ. Е. К. Демиховской, О. А. Демиховской // Российский архив. М., 1994. Вып. 5. С. 177).

⁵ См., например: *Матонина Э. Е., Говорушко Э. Л.* К. Р. М., 2010. С. 134. («Жизнь замечательных людей»); *Чернышова-Мельник Н. 1*) Баловень судьбы: История жизни Константина Романова. М., 2008. С. 112; 2) К. Р.: Баловень судьбы. СПб., 2015. С. 114; *Черников А. П.* Поэт рода царского: Судьба и творчество Константина Романова. Калуга, 2011. С. 9.

Многое могли бы прояснить дневники «августейшего поэта», который тот вел с 1870 года до самой смерти в 1915 году, но именно за интересующий нас период они отсутствуют¹.

Однако среди бумаг вел. кн. Константина Константиновича сохранились его ученические тетради по русскому языку и литературе за 1872–1873 годы², когда эти предметы ему преподавал Гончаров. Благодаря этим тетрадям мы можем не только уточнить хронологические рамки занятий, но и увидеть, как именно проходили уроки.

Всего сохранилось четыре тетради, которые в основном содержат разборы или изложения произведений Пушкина и Жуковского, есть также небольшое количество сочинений на другие темы; почти все они датированы. Первая тетрадь представляет собой переплетенные листы плотной писчей бумаги, сложенные вдвое; остальные три — обычные для того времени ученические тетради в линейку. На титульном листе первой (л. 1–40 об.) стоит: «Русский язык. Ст. Петербург. 1 октября 1872» (последняя запись — 13 января 1873 года), второй (л. 57–77 об.) — «Русский язык. Мраморный дворец 13 января 1873 г.» (последняя запись — 7 февраля 1873 года)³, третьей (л. 78–88 об.) — «Русский язык. Петербург. XXI марта 1873» (последняя запись — 14 апреля 1873 года); у четвертой тетради (л. 41–56 об.) титульного листа нет, записи в ней велись с 23 апреля по 5 июня 1873 года.

В дошедших до нас тетрадях отразился материал примерно сорока уроков, которые за полгода Гончаров успел дать своему августейшему ученику; принимая во внимание утрату как минимум одной тетради, всего их состоялось,

¹ Дневники ныне хранятся в ГАРФ (ф. 660, оп. 1); регулярно вел. кн. Константин Константинович стал вести дневник с начала 1874 года, в более ранних записях имеются лакуны (в частности, с августа 1872 по январь 1874 г.; подробнее о дневнике см.: *Сак К. В.* Дневники великого князя Константина Константиновича как памятник духовной культуры России второй половины XIX — начала XX в. // Актуальные проблемы исторических исследований. Взгляд молодых ученых: Сб. материалов I Всероссийской молодежной научной конференции. Новосибирск, 2011. С. 81–87).

² ГАРФ, ф. 660, оп. 2, ед. хр. 1049.

³ Судя по значительному перерыву в датах, до нас не дошла тетрадь, в которой велись записи во второй половине февраля — первой половине марта.

Великий князь Константин Константинович в детстве

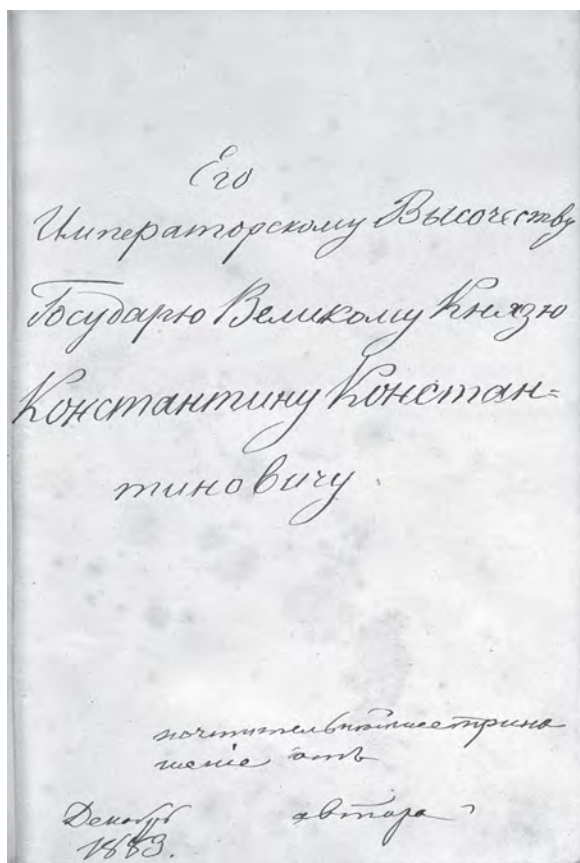
вероятно, около пятидесяти. Скорее всего, подобно урокам с цесаревичем Николаем Александровичем, они сводились к чтению и разбору образцовых произведений отечественной словесности, а потом вел. кн. Константин Константинович писал сочинение¹. Больше всего сочинений было задано по Пушкину: пять по «Евгению Онегину» («Описание русской

¹ Ср. мнение С. В. Друговойко, которая писала об уроках Гончарова цесаревичу Николаю Александровичу: «Преподавание, по-видимому, состояло в чтении и комментировании крупнейших произведений мировой литературы...» (Литературное наследство. Т. 102. С. 339); далее исследовательница цитирует письмо Гончарова к А. В. Дружинину от 22 июля того же года, где он сообщал, что прочел с наследником «от доски до доски» дружининский перевод «Короля Лира» Шекспира. В связи с этим отметим, что на обороте обложки одной из тетрадей вел. кн. Константина Константиновича есть карандашный портрет старика, похожего на статую Зевса, с подписью «King Lear» (ГАРФ, ф. 660, оп. 2, ед. хр. 1049, л. 77 об.).

деревни», «Наступление русской зимы», «Другое описание зимы в русской деревне», две «Весны» и «Въезд в Москву»), три по «Медному всаднику», два по «Полтаве», а также «Разбор баллады „Смерть Олега“» и «Содержание баллады Пушкина „Утопленник“». Из произведений Жуковского на уроках читались «Кубок», «Граф Гапсбургский», «Одиссея», но больше всего внимания было уделено поэме «Рустем и Зораб».

Учеником составлялись и описания. В основном это описания дома юного великого князя («Описание наружности Мраморного дворца», «Описание Красной Столовой комнаты в Мраморном Дворце», «Описание одного из кабинетов Мраморного Дворца», «Описание церкви Мраморного Дворца» и др.) и различных праздников («Описание того, что происходило в Гербовом Зале Зимнего Дворца во время Георгиевского Праздника, 26 ноября 1872 г.», «Описание большого парада 20 апреля 1873 года», «Описание въезда Императора Германского в Петербург 15 апреля 1873 г.», «Елка» — новогодний праздник в Мраморном дворце). Из этого ряда несколько выбиваются более привычные для педагогической практики описания цветка («Ландыш») и картины («Вознесение Борогодицы» Мурильо), а также небольшое грамматическое сочинение «О залоге», серьезно отредактированное и дописанное Гончаровым. Особняком стоит эссе «День на военном судне». Напомним, что вел. кн. Константина Константиновича измлада готовили к морской службе; очевидно, зная об этом, Гончаров попросил его поделиться впечатлением от плавания.

Иногда великий князь фиксировал вопросы к следующему занятию, по которым можно судить о том, какие темы разбирались на уроках. Так, перед одним из сочинений о «Полтаве» записан следующий план: «I. 3 сюжета поэмы „Полтава“ и краткое их содержание. / II. Общая развязка. — Полтавский бой». Сходен с ним план изложения одного из фрагментов «Евгения Онегина», написанный самим Гончаровым: «Разбор отрывка „[Осень и] Зима“ / 1. Разделена на части / 2. Какие чувства высказываются в описании / 3. Какие признаки подобрал поэт для описания осени?» Записи на некоторых листах свидетельствуют, что Гончаров пытался объяснять отдельные грамматические особенности, в частности, употребление буквы

*Дарственная надпись Гончарова
великому князю Константину Константиновичу
на издании романа «Обыкновенная история» 1883 г.*

«ять», а также начертания букв церковно-славянского алфавита.

Но наиболее любопытны те листы тетрадей, где есть рука автора «Обломова».

Так, первая тетрадь открывается выпиской из вступления к «Медному всаднику», за ним следует «Объяснение второй строфы „Медного всадника“», и уже здесь Гончаров начинает поправлять текст ученика. Вел. кн. Константин Константинович пишет: «Пушкин, чтоб изъяснить значение постройки Ст. Петербурга, вкладывает эту мысль в уста Петра I. Он представляет Россию зданием, окно, через которое входит свет,

которого есть Петербург»; учитель редактирует: «Пушкин, чтоб изъяснить значение для России построения Ст. Петербурга, вкладывает следующую мысль в уста Петра I. Россия сравнивается с зданием; Петербург с окном, чрез которое проходит свет в здание». Приведем другой пример подобной правки. Так, в сочинении о «Полтаве» осторожный Гончаров старается сгладить резкие суждения своего ученика:

Первоначальный текст К.К.

В этом сочинении заключаются три сюжета:

Первый есть борьба России с Швецией, Петра Великого с Карлом XII

Второй — это желание почти всех старейшин Малороссийских свергнуть ненавистное им владычество России.

Третий сюжет содержит рассказ о семейной жизни Кочубея.

Текст после исправлений Гончарова

В этом сочинении заключаются три сюжета: в Первом содержится описание борьбы России с Швецией, Петра Великого с Карлом XII.

Второй сюжет — это попытка некоторых старейшин Малороссийских, а преимущественно Гетмана Мазепы, отделить Малороссию от России.

Третий сюжет содержит рассказ о семейной жизни Кочубея.

Есть случаи, когда Гончаров по сути переосмысляет и дописывает суждения великого князя; вот фрагмент из разбора баллады Шиллера «Кубок» в переводе Жуковского:

Первоначальный текст К.К.

Первая особенность рыцаря средних веков есть богомольность.

Это доказывается тем, что юноша, бросаясь в явную гибель, призывает на помощь Спасителя Бога.

В наше время такая богомольность покажется весьма странною; но в древности каждый, бросаясь на смерть, ждал спасения — или значит — чуда.

Текст после исправлений Гончарова

Первая особенность рыцаря средних веков, насколько образ рыцаря отразился в балладе, есть благочестие; оно доказывается тем, что юноша, бросаясь на явную погибель, призывает на помощь Спасителя Бога.

В наше время такое ожидание от Бога чуда покажется весьма странною; юноша безрассудно кидается в пропасть и в то же время молит о спасении. Подобное ожидание от Бога чуда выразилось в средневековом учреждении — Божиим суде.

Такой же характер имеет редакция фрагмента из сочинения «Характер Навзикаи»:

Первоначальный текст К. К.

На речь Одиссея Навзикая очень хорошо ответила; она начала очень разумную речь, чтоб показать свои знания и уметь обращаться с людьми; потом призвала своих подруг и прочла им наставление, что стыдно пугаться при появлении человека. Но потом, когда Одиссей выкупался и оделся, Навзикая ему сказала, что когда они будут подъезжать к городу, он должен отстать от колесницы, чтоб не подумали, что Одиссей жених Навзикая.

Текст после исправлений Гончарова

На речь Одиссея Навзикая очень хорошо ответила; она начала очень разумную речь, чтоб показать свои знания и уметь обращаться с людьми; потом призвала своих подруг и прочла им наставление о том, что стыдно пугаться при неожиданном появлении человека, что боги посылают нам странника и гостя, и следует помочь ему. В том, что Навзикая помогла Одиссею, видна ее доброта и сострадательность. Затем в длинных <sic!> речи она пригласила его в дом своего отца, при этом прибавила, что когда они будут подъезжать к городу, он должен отстать от колесницы, чтоб не подумали, что Одиссей жених Навзикая.

По тетрадам великого князя заметно, как Гончаров остывал к занятиям: со временем поправок в сочинениях все меньше, их темы становятся более однообразными. Нет сомнения, что занятие 5 июня 1873 года было последним в этом учебном году. Про то, кому и как Гончаров преподавал следующей осенью, нам ничего не известно: тетрадей по русскому языку вел. кн. Константина Константиновича в его архиве больше нет. В дневнике 1874 года занятия по русскому языку не фиксируются (в отличие от уроков физики, английского языка и др.)¹, следовательно, и имя преподавателя не называется². Бумаги же трагически погибшего в 1919 году вел. кн. Дмитрия Константиновича до нас не дошли.

¹ В записи от 11 февраля 1874 года зафиксировано расписание занятий: «Опять началось совсем серьезное время, все уроки пошли по-прежнему. У меня уроки от 9–12. От 9–10 фортепиано, от 10–11 чистописание. <...> От 11–12 Закон Божий. От 12–12^{1/2} завтрак. От 12^{1/2}–2 — прогулка или катанье на коньках. От 2–5 опять уроки: от 2–3 английский, от 3–4 — французский, от 4–5 — русский. В 5 — гимнастика до ^{3/4}6» (ГАРФ, ф. 660, оп. 1, ед. хр. 4, л. 11).

² Известен, однако, экземпляр «Обломова» издания 1862 года с дарственной надписью Гончарова своему ученику, датированной ноябрем 1873 года (см.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 73).

**УЧЕНИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ
ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

Краткое описание

Ниже приводится краткая роспись содержания четырех ученических тетрадей вел. кн. Константина Константиновича по русскому языку (ГАРФ, ф. 660, оп. 2, ед. хр. 1049). Как правило, сочинения вел. кн. содержат небольшие поправки Гончарова, что специально не указывается; отмечается лишь наличие серьезной редактуры (в отдельных случаях поправки Гончарова описываются под строкой) и отсутствие поправок. Иногда приводятся наиболее интересные записи и сочинения. Даты унифицированы; в большинстве случаев они ставятся после сочинений, что специально не отмечается (так же, как и их отсутствие и наличие пометы «Мраморный дворец»). Редакторские пояснения и дополнения даются в угловых скобках. Незаполненные листы не указываются.

Тетрадь 1. Полукожаный переплет, темно-зеленый ледерин, кожаные уголки (на обороте обложки штамп переплетной мастерской: «Х. К. Кнох(?) и К. Невский пр. № 11. Ст. Петербург»). Переплетены обычные листы бумаги, без линовки.

Л. 1, титульный лист:

Русский Язык.

Ст. Петербург. 1 октября 1872.

Л. 2–2 об.:

Медный всадник.

Поэма А. С. Пушкина.

Вступление.

На берегу пустынных волн ~ И запируем на просторе.

Л. 3:

Объяснение II строфы «Медного всадника».

Пушкин, чтоб изъяснить значение¹ постройки² Ст. Петербурга, вкладывает эту мысль в уста Петра I. Он представляет Россию зданием, окно, через которое входит свет, которого есть Петербург.

¹ Вставлено: для России

² Исправлено на: построения

Этот свет есть ни что иное, как образование и науки, которые входят в Россию чрез Петербург¹.

Петербург оттого² может считаться окном России, потому, что он лежит при море, которое соединяет Россию с Западной Европой. Через Петербург науки гораздо легче проходят³ в Россию, чем через Архангельск, как было прежде.

Л. 3 об.-4:

<Объяснения особенностей употребления «ятей», «юсов» малых и больших и другие лингвистические заметки.>

Л. 4 об.-5 об.:

Объяснение I части поэмы А. Пушкина «Медный всадник».

Л. 6 об.:

Два характера из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник».

<Сочинение обрывается, далее недостает страницы.>

Л. 7: <С полуслова продолжается сочинение о «Полтаве»; потом, вероятно, записывается домашнее задание:>

Мысль, заключенная в отрывке «Была та смутная пора...»

I. Объяснить сравнение.

II. Приложить это сравнение к отдельным лицам.

III. Приложить данную мысль к целым государствам.

План описания *Полтавского боя* из «*Полтавы*».

Л. 7 об.-8:

Мысль, заключенная в отрывках из поэмы Пушкина «Полтава»: «Была та смутная пора...». 20 октября 1872.

Л. 8 об.-9:

План описания Полтавской битвы из «Полтавы» Пушкина. 24 октября 1872. <Серьезно отредактирован Гончаровым.>

¹ Фраза зачеркнута, сверху надписано: Россия сравнивается с зданием; Петербург с окном, чрез которое проходит свет в здание.

² Слово зачеркнуто.

³ Исправлено на: проходили

Л. 9 об.: <запись домашнего задания?:>

I. 3 сюжета поэмы «Полтава» и краткое их содержание.

II. Общая развязка. — Полтавский бой.

I. Основная мысль баллады.

II. Характеристика *Олега*.

Л. 10–11:

Разбор поэмы «Полтава». 7 ноября 1872.

В этом сочинении заключаются три сюжета:

Первый есть борьба России с Швецией, Петра Великого с Карлом XII. Второй — это желание почти всех старейшин Малороссийских свергнуть ненавистное им владычество России.

Третий сюжет содержит рассказ о семейной жизни Кочубея.

У Кочубея была дочь — Мария, крестница Мазепы. Последний полюбил ее и захотел на ней жениться. Ее родители, конечно, не позволяли этого; но честолюбивая Мария, не смотря на то, убежала. Тогда Кочубей из мести к Гетману послал на него донос Петру Великому, но Государь не поверил ему и выдал его Мазепе.

Полтавский же бой служит развязкой всех трех сюжетов. Им решается борьба Швеции с Россией.

Он же доказал справедливость доноса Кочубея; и разрушил все планы Мазепы, который с высоты своего прежнего величия пал на место последнего беглеца.

<После редакции Гончарова:>

В этом сочинении заключаются три сюжета: в Первом содержится описание борьбы России с Швецией, Петра Великого с Карлом XII. Второй сюжет — это попытка некоторых старейшин Малороссийских, а преимущественно Гетмана Мазепы, отделить Малороссию от России.

Третий сюжет содержит рассказ о семейной жизни Кочубея.

У Кочубея была дочь — Мария, крестница Мазепы. Последний полюбил ее и захотел на ней жениться. Ее родители, конечно, не позволяли этого; но честолюбивая Мария, не смотря на то, убежала к Мазепе. Тогда Кочубей из мести к Гетману послал на него донос Петру Великому, но

Государь не поверил ему и выдал Кочубея Мазепе, который казнил его.

Полтавский бой служит развязкой всех этих трех сюжетов. Им решается борьба Швеции с Россией.

Полтавский бой служит окончательною развязкою и семейной истории Кочубея. Он доказал справедливость доноса Кочубея и очистил память страдальца; с другой стороны, Мазепа, который до сих пор торжествовал, наказан именно на Полтавском бою; бой этот разрушил все планы Мазепы, который с высоты своего прежнего величия пал до положения жалкого беглеца.

Л. 11 об.—12:

Разбор Песни о Вещем Олеге. 10 ноября 1872.

Л. 12 об.—13:

Разбор баллады «Смерть Олега». 13 ноября 1872.

Основная мысль этого сочинения есть невозможность борьбы¹ человека с судьбой. Для доказательства² выбран человек с умом³ хитрым⁴, который даже⁵ у народа называется⁶ вещим⁷. Этот человек есть Олег⁸. У него характер воинственный⁹. Потом он любит и¹⁰ пировать¹¹, и тоже¹², как каждый древний человек, имеет большую привязанность к своему коню.

У Олега ум большой¹³; это видно из его разговора с волхвом. Во-первых, он просит кудесника открыть ему¹⁴ всю

¹ Слова: невозможность борьбы — исправлены на: языческое представление о борьбе

² Далее вставлено: этой мысли

³ Далее вставлено: обширным и

⁴ Далее вставлено: Князь Олег

⁵ Слово: даже — зачеркнуто.

⁶ Вставлено: даже

⁷ Вставлено: т. е. колдун

⁸ Фраза зачеркнута.

⁹ Далее вставлено: выше всего ценит он войну и военную славу

¹⁰ Слово: и — зачеркнуто.

¹¹ Далее вставлено: с верною дружиною

¹² Исправлено на: также

¹³ Далее вставлено: среди тьмы язычества и общей веры в волхвов он не доверяет волхвам и знает, что они обманщики и люди корыстолюбивые, по крайней мере очень мало уважения к волхвам слышно в словах: <очевидно, правка не доведена до конца>.

¹⁴ Слова: открыть ему — исправлены на: открой мне

правду¹, и «в награду возьмешь ты любого коня» прибавляет Олег². Тоже³ он не сразу верит предсказанию волхва: сначала улыбается, а все-таки из предосторожности слезает с коня.

<После редакции Гончарова:>

Основная мысль этого сочинения есть языческое представление о борьбе человека с судьбой. Для доказательства этой мысли выбран человек с умом обширным и хитрым, Князь Олег, который у народа называется даже вещим, т. е. колдун. У него характер воинственный, выше всего ценит он войну и военную славу. Потом он любит и пировать с верною дружиною, и также, как каждый древний человек, имеет большую привязанность к своему коню.

У Олега ум большой; среди тьмы язычества и общей веры в волхвов он не доверяет волхвам и знает, что они обманщики и люди корыстолюбивые, по крайней мере очень мало уважения к волхвам слышно в словах: «открой мне всю правду, не бойся меня: в награду возьмешь ты любого коня» прибавляет Олег. Также он не сразу верит предсказанию волхва: сначала улыбается, а все-таки из предосторожности слезает с коня.

Л. 13 об.–14 об.:

Содержание баллады Пушкина «Утопленник». 14 ноября 1872.

Л. 15 об.–16:

Описание⁴ Мраморного дворца.

Л. 16 об.–17 об.:

Описание наружности Петро-Павловского Собора. 22 ноября 1872.

Л. 18–18 об.:

Описание Красной Столовой комнаты в Мраморном Дворце.

Л. 19–20:

Описание того, что происходило в Гербовом зале Зимнего Дворца во время Георгиевского Праздника, 26 ноября 1872 г. <Вероятно, написано в тот же день; без поправок.>

¹ Далее вставлено: не бойся меня

² Слово: Олег — зачеркнуто.

³ Исправлено на: Также

⁴ Далее вставлено: наружности

В Гербовом зале, вдоль стены противоположной Георгиевской залы, в которой стоит Императорский Трон, стояли Знамена, представители Русской армии. С правого фланга я был ассистентом, а с левого — В. К. Петр Николаевич. В $1\frac{1}{2}$ 1-го скомандовали «на плечо» и «на караул»: Государь в сопровождении свиты обходил войска. Когда Государь появился в дверях Гербовой залы, музыка заиграла «*Боже Царя храни*». После этого двинулась процессия Георгиевских Кавалеров, а после них пошло к молебну духовенство.

Тогда меня и другого ассистента позвали в Георгиевскую залу, где служили молебен. Приложившись ко кресту, я опять воротился к знаменам. Митрополит после молебна вышел из Георгиевской залы и окропил войска и знамена. После этого парад кончился.

Л. 21 об.—22 об.:

Описание одного из кабинетов Мраморного Дворца. 1 декабря 1872.

Л. 22—24 об.:

Описание церкви Мраморного Дворца. 5 декабря 1872.

Л. 25 об.—26 об.:

Описание Большого Дворца в г. Павловске. 11 декабря 1872.

Л. 28 об.—29 об.:

Ландыш. 13 декабря 1872.

Л. 30 об.—31 об.:

День на военном судне. <Без даты и без правки.>

В июне, 1870 г. (не помню которого числа) фрегат «Громобой» снялся с якоря рано утром и вышел с большого Кронштадтского рейда под парами в кампанию. Прежде всего пошли мы в Транзунд, где встали на якоре около двух часов.

Обход на военных судах бывает обыкновенно в 12 ч. Если на судне Адмирал, то у него за обедом большей частью бывают приглашены капитан и офицеры. При снятии с якоря всегда вызывают всю команду наверх. При *становлении* на якорь тоже, и притом спускают шлюпки на воду.

Около 3^x или 4^x часов Адмирал съезжает на берег.

Так было и в день мною описываемый.

Съехали на один из островов и пошли гулять. Но эта прогулка продолжалась недолго, и скоро мы воротились на фрегат.

Только что солнце садится, спускают флаг, причем вся команда стоит во фрунте, а после спуска поют хором «Отче наш».

В 7 час. бывает ужин, а в 10 ч. обязательно всем ложиться спать.

Л. 32–33 об.:

Мои впечатления вида¹ реформатской церкви, после пожара 14 декабря 1872. 17 декабря 1872.

Л. 34–34 об.:

Картина Мурилло <«Вознесение Богородицы» в Эрмитаже; без даты.>

Л. 35–35 об.:

О залоге.

Залогов по форме 6:

средний залог, действительный, возвратный, взаимный, страдательный и общий.

Но по мысли залогов только 3: возвратный, взаимный и общий. Эти три залога все окончание «ся».

Возвратный залог это такая форма, в которой действие от лица действия переходит к нему же.

Во взаимном залоге мысль та, что действие от лица действия переходит на предмет действия, и наоборот: от предмета действия к лицу действия (бороться).

Общий залог включает в себе ту мысль, что предмета действия вовсе нет (кланяться).

Действительный залог требует винительного падежа.

Залог вообще есть причина от перехода действия на предмет действия.

<После редактуры Гончарова:>

Залогов по значению 6:

средний залог, действительный, возвратный, взаимный, страдательный и общий.

Но по форме залогов только 3: действительная (простая форма), страдательная (сложная) и возвратная (на «ся»).

¹ Исправлено на: при виде

Возвратный залог это такая форма, в которой действие лица переходит на него же.

Во взаимном залоге мысль та, что действие от лица действующего переходит на предмет действия, и наоборот: от предмета действия к лицу действующему (бороться).

Общий залог включает в себе ту мысль, что предмета действия вовсе нет (бояться); общий залог — тот же средний, с окончанием *ся*.

Действительный залог требует винительного падежа, другими словами, показывает действие переходное от лица действующего (субъекта) на предмет действия (объект).

<После текста вел. кн. текст Гончарова:>

Средний залог показывает состояние или действие непереходное; предмета и действия нет. Я гуляю, он манит.

Страдательный залог представляет действие исходящее от предмета на лице: отец любим сыном.

Залог вообще показывает отношение действия к предмету действия или объекту.

Л. 36 об.—37 об.:

Елка. <О праздновании новогодней Елки в 1872 году, без даты.>

Л. 38 об.—40 об.:

Описание русской деревни. (Из романа Пушкина «Евгений Онегин»). 12 января 1873.

Л. 41 об.: <Запись рукою Гончарова:>

Разбор отрывка [«Осень и» Зима»

1. Разделение на части
2. Какие чувства высказываются в описании
3. Какие признаки подобрал поэт для описания осени?

Тетради 2–4 — обычные, ученические, линованные, в мягкой обложке.

Тетрадь 2

Л. 57, титульный лист:

Русский Язык.

Мраморный дворец 13 января 1873 г.

<рисунки Христа>

Л. 58–60:

Наступление Русской зимы. (Из «Евгения Онегина», Пушкина). 13 января 1873.

Л. 60–60 об.:

Другое описание зимы в русской деревне. (Из «Евгения Онегина» Пушкина). 17 января 1873.

Л. 61 об.–62:

Весна. (Из «Евгения Онегина»). 19 января 1873.

Л. 62 об.–63:

Въезд в Москву. (Из «Евгения Онегина»). 23 января 1873.

Л. 63 об.–67:

Разбор баллады Шиллера в переводе Жуковского «Кубок» («Der Taucher»). 26 января 1873.

<окончание:> 28 января 1873.

Л. 67 об.–70:

Характер рыцаря в балладе «Кубок». 31 января 1873.

<продолжение:> 2 февраля 1873.

<Серьезно отредактирован Гончаровым; см. выше, с. 201.>

Л. 70 об.–74:

Разбор баллады Шиллера «Граф Габсбургский» («Der Graf von Habsburg»). 4 февраля 1873.

Продолжение разбора баллады. 7 февраля 1873.

Тетрадь 3. Загнуты небольшие поля, даты стоят на них, в конце текстов.

Л. 78, титульный лист:

Русский язык.

Петербург.

XXI марта 1873.

Л. 79–82 об.:

Содержание первых XII-ти песен Гомеровой «Одиссеи». 21 марта 1873.

<продолжение:> 23 марта 1873.

Л. 83–84 об.:

Содержание вторых XII песен Гомеровой «Одиссеи». 25 марта 1873.

Тетрадь 4, без титульного листа; загнуты небольшие поля, даты стоят на них, правка Гончарова минимальна.

Л. 41–42:

Описание большого парада 20 апреля 1873 года. 23 апреля 1873.

Л. 42 об.–44:

Описание въезда Императора Германского в Петербург 15 апр<еля> 1873 г. 28 апреля 1873.

Л. 44 об.–53 об.:

Рустем и Зораб. 30 апреля 1873.

<продолжение:> 1 мая 1873.

<продолжение:> 8 мая 1873.

<продолжение:> 25 мая 1873.

<продолжение:> 1 июня 1873.

<продолжение:> 5 июня 1873.

Л. 54 об.–55:

<Объяснение употребления буквы «ять» в именительном и предложном падежах, на л. 55 автограф Гончарова:>

Сравнительная степень

коротка<я>

полная

ѣе

ѣйший — айший

Окончание имен прилагательных

1. Твердое короткое

ъ, а, о

2. Твердое полное

ый — ая — ое

{ ий — ая — ое

{ ой — ая — ое

3. Мягкое короткое

ь — я — е

4. Мягкое полное

ий — яй — ее

ьи ая ое

Л. 56 об.:

<Карандашом, объяснение употребления «юсов» и рисунки.>

ГОНЧАРОВ И А. Н. МАЙКОВ

Заметки к теме

1. О ДАТИРОВКЕ ОДНОГО ИЗ ПИСЕМ ГОНЧАРОВА К МАЙКОВУ

В анналы русской цензуры вписано немало трагикомических казусов, которые потомками воспринимались лишь как забавные свидетельства казенной трусости и невежества. «Всемирно известны анекдоты о „вольном духе“, о „лжепророке“ и т. д.; но едва ли кто из теперешних людей может составить себе понятие о том, какому ежеминутному и повсеместному рабству подвергалась печатная мысль»¹, — когда в 1869 году И. С. Тургенев писал эти строки, он, конечно же, не знал, что всего за три года до этого имел место случай, который по своей абсурдности смело мог бы поспорить с упомянутыми им историями. Причем произошел он не с либеральным публицистом, не с поборником женской эмансипации или автором скандальных фельетонов, а с человеком вполне благонамеренным и благомыслящим, и более того — уже почти полтора десятка лет служившим по цензурному ведомству (правда, в комитете иностранной цензуры). Речь идет о поэте Аполлоне Майкове, которому пришлось столкнуться со своими коллегами по службе из-за казавшегося вполне невинным стихотворения «Пастух (Испанская легенда)».

Сюжет этого большого стихотворения не нов — он восходит к античным легендам: некий суровый король дон Педро спрашивает у находчивого юного пастуха: сколько капель в море, звезд на небе и времени у Бога; тот отвечает: пусть король сначала повелит не идти дождю, звездам сойти с неба, а времени — остановиться, и тогда он

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1983. Т. 11. С. 16.

немедленно все сочтет. Заканчивается история следующим образом:

«Молодец! — вскричал дон Педро,
Хохоча. — Да этот клоп
Всех вельмож моих умнее!..»
Те смеялись, морща лоб.

«Я возьму тебя. Ты будешь
Спать при мне, и есть, и пить,
И один, надеюсь, станешь
Смело правду говорить».

Гранды вовсе растерялись.
«Что он — плут или мудрец?
Грубиян!» — единодушно
Порешили наконец.

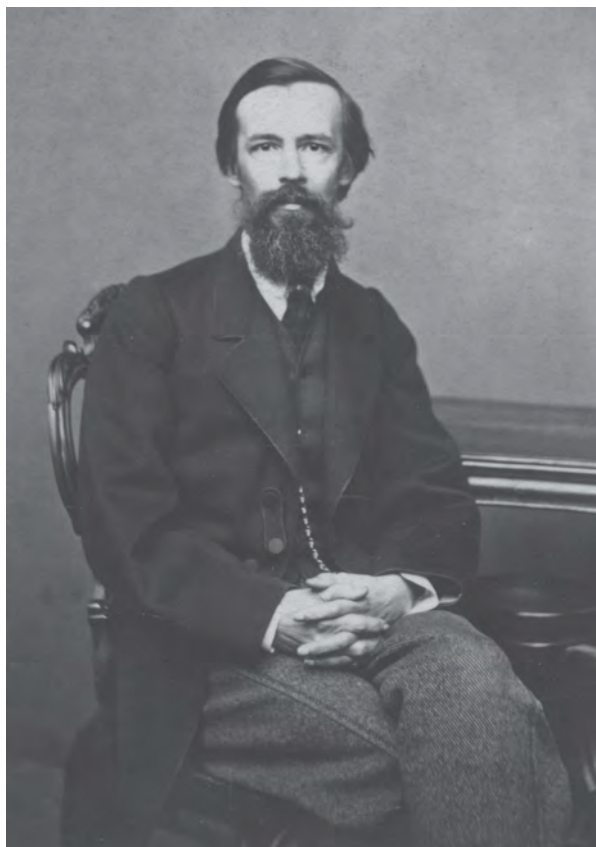
Но старались грубияну
Угодить хоть чем-нибудь...
Он же робко озирался,
Как бы в горы улизнуть.

Только дамы бескорыстно
Целовали мудреца,
В нем хваля глаза и розы
Загорелого лица¹.

На эту стихотворную шутку едва ли обратил бы внимание даже самый строгий цензор, но, к несчастью, она была написана в очень неудачное время и отдана для публикации в очень неудачное место.

4 апреля 1866 года произошло событие, серьезно повлиявшее на отношение власти к литературе: на набережной Невы около Летнего сада вольнослушатель Московского университета Д. В. Каракозов попытался выстрелить в императора Александра II. Этот выстрел обозначил, по сути, окончание эпохи «святых шестидесятых»: консерваторы торжествовали, требуя от правительства решительно уничтожить ростки нигилизма и вольномыслия. В ответ на это правительство приняло ряд самых жестких мер. Одной из них было создание особой комиссии под председательством П. П. Гагарина, представившей 23 мая 1866 года доклад,

¹ Майков А. Н. Стихотворения / Вступ. ст. Ф. Я. Приймы; Сост., подгот. текста и примеч. Л. С. Гейро. Л., 1977. С. 279–280. («Б-ка поэта». Большая сер.).

А. Н. Майков

следствием которого, в частности, стало закрытие журналов «Современник» и «Русское слово». Кроме того, на Главное управление по делам печати возлагалась обязанность «иметь особенное наблюдение за направлением „Искры“ <...> и других юмористических и сатирических повременных изданий с политипажамми, которые <...> способствуют развращению народа и распространению в нем вредных противоправительственных мыслей»¹. Одним из таких изданий был журнал «Будильник».

¹ Цит. по: *Ямпольский И. Г.* Сатирическая журналистика 1860-х годов: Журнал революционной сатиры «Искра» (1859–1873). М., 1964. С. 333. (Журнал заседаний Главного управления по делам печати от 30 мая 1866 г.).

«Будильник» появился вследствие финансового конфликта между редакторами «Искры» В. С. Курочкиным и Н. А. Степановым. Последний еще весной 1864 года обратился в цензурный комитет с ходатайством об издании нового журнала со сходной программой и получил разрешение¹. Степанов привлек к сотрудничеству ряд постоянных авторов «Искры», и начавший выходить с января 1865 года «Будильник» в скором времени стал не менее популярен, чем его ближайший конкурент. И так же, как «Искра», он в 1866 году стал объектом пристального интереса органов надзора за печатью.

Степанов был старинным другом семьи Майковых, заведующий литературным отделом «Будильника» П. И. Вейнберг также пользовался расположением Аполлона Николаевича, поэтому нет ничего необычного в том, что осенью того же рокового года одно из своих новых стихотворений поэт отдал именно в их журнал. О том, что произошло в дальнейшем, мы можем узнать из письма Майкова, которое сохранилось среди его бумаг:

Вот, почтеннейший друг, в чем дело. Взяв на цензуру какие-то французские стихотворения, нашел я в них одну испанскую легенду, которая мне понравилась, я и рассказал ее по-русски. Отдал *Вейнбергу* в «Будильник»; так вещица, просто миленькая шутка. Теперь цензор задерживает, и требует:

1). Чтобы не было *короля* (дело идет об известном *Петре Жестоком* Арагонском) — если нельзя короля арагонского, то как же пропускают Грозного?

2). Чтоб не было *двора* и *придворных*.

Прочтите прилагаемую корректуру — и улыбнитесь; а улыбнувшись, вероятно, внесете в Совет для выдачи паспорта несчастной песке. Убедительно прошу Вас об этом, да и цензор не будет на меня сердиться, напротив, будет рад, ибо, говорит, мы (т. е. цензора) потеряли всякую руководящую нить и с ума сошли.

Весь Ваш А. Майков².

Заступничество неизвестного покровителя возымело действие: стихотворение Майкова было опубликовано без изменений³. В следующем году оно было перепечатано в первой

¹ Подробнее см.: *Ямпольский И. Г.* Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., 1973. С. 93–95.

² ИРЛИ, № 17380, л. 65.

³ Будильник. 1866. № 85–86. 11 нояб. С. 338–339; подпись: М. (ценз. разр. номера — 10 ноября); ср. черновой автограф: ИРЛИ, № 17561.

части литературного сборника «На несколько часов»¹, видимо, тогда же было выпущено отдельной листовкой², а впоследствии Майков без переработки включил его в цикл «Века и народы» итогового собрания стихотворений³, которое несколько раз переиздавал. Таким образом, этот анекдотический конфликт был счастливо разрешен и не стал достоянием ни мемуаристов-современников, ни историков цензуры. Но кто же поспособствовал его разрешению? Кто был адресатом майковского письма?

Очевидно, это был человек, благодаря своему служебному положению имевший право отдать цензору распоряжение пропустить стихотворение без изменений, взяв ответственность на себя. Помимо председателя Петербургского цензурного комитета, такими полномочиями обладали члены Совета по делам книгопечатания при министре внутренних дел. В 1866 году его составляли Н. В. Медем, О. А. Пржецлавский, А. В. Никитенко, А. Н. Тихомандрицкий, Н. В. Вардинов и И. А. Гончаров⁴. Из этих лиц лишь Никитенко и Гончаров были близкими знакомыми Майкова, и только к последнему из них поэт мог обратиться со словами «почтеннейший друг» и с просьбой о покровительстве.

К тому времени Майкова и Гончарова связывала более чем тридцатилетняя дружба, которая «никогда ничем не омрачалась, не охлаждалась и была всегда тепла, чиста и светла...»⁵. Одинокий Гончаров находил в семье Майковых уют домашнего очага, дружескую откровенность и близких по духу собеседников. У нас нет свидетельств того, что автор «Обломова» когда-либо оказывал цензурные протекции

¹ См.: На несколько часов: Литературный сб. СПб., 1867. Вып. 1. С. 67–70.

² Единственный известный нам экземпляр хранится в архиве Майкова: ИРЛИ, № 16632. На листовке помечено: «Из сатирического журнала „Будильник“ за 1866 год, № 85–86» и «Типография департамента уделов».

³ Впервые в изд.: Стихотворения А. Н. Майкова. Изд. 3-е. СПб., 1872. Ч. 2. С. 384–388.

⁴ См.: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц... на 1865–1866 год. СПб., [б. г.]. Ч. I. Стлб. 301.

⁵ Письмо И. А. Гончарова к А. Н. Майкову от 30 апреля 1888 г. (Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 500). Сводку данных об истории отношений писателей см. в предисловии и примечаниях С. В. Друговейко к публикации писем Гончарова к Майкову (Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 336–372).

своему младшему другу, но едва ли он отказал бы ему в подобной просьбе. Если же мы пролистаем сохранившиеся письма Гончарова к Майкову, то найдем письмо, без сомнения, являющееся ответом на приведенное нами выше. Вот оно:

Я сделал, что мог, любезнейший Аполлон Николаевич, и стихотворение Ваше, вероятно, будет возвращено Вам в его надлежащем, т. е. в своем виде прямо от цензора, которому взял передать его г<осподин> председатель Ценсурн<ого> комитета.

Кланяюсь дружески Вам и Анне Ивановне.

Ваш И. Гончаров

1 ноября¹.

На подлиннике год не указан, контекст письма неясен, и поэтому датировка его неизменно вызывала затруднения. Составитель «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова» А. Д. Алексеев предложил широкую датировку, отнеся его к 1856–1859 годам — времени службы писателя в Петербургском цензурном комитете². Опубликовавшая письмо С. В. Друговейко предположила 1857 год, связав это с тем, что «в октябре 1857 г. Гончаров занимался рассмотрением рукописи первого тома стихотворений Майкова, которая и была им одобрена к печати 29 октября 1857 г. без каких бы то ни было замечаний <...>. Возможно, что в публикуемом письме речь идет об изменениях, которые Майков намеревался сделать в рукописи. Это позволяет отнести его к 1857 г.»³. Думается, теперь найдены более весомые аргументы в пользу иной его датировки — 1 ноября 1866 года.

Косвенно ее можно подтвердить еще и тем, что на письме, хранящемся ныне в фонде Н. П. Барсукова в РГБ, имеется сделанная его рукой помета: «1867, 19 февр<аля>. И. А. Гончаров»⁴. Вероятно, собиратель автографов Барсуков обратился к Майкову с просьбой об автографе Гончарова, и тот ему отдал недавнюю записку, которой не дорожил. Показательно, что среди почти двух десятков сохранившихся писем Гончарова к Майкову нет ни одной случайной, бытовой записки,

¹ Литературное наследство. Т. 102. С. 354.

² См.: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 103.

³ Литературное наследство. Т. 102. С. 354.

⁴ Там же.

подобной этой, хотя их не могло не быть, учитывая характер отношений и частоту общения писателей. Очевидно, Майков такие записки просто не берег.

Случайно же дошедший до нас клочок бумаги с торопливо набросанными строками позволил теперь дополнить и уточнить будущий комментарий к эпистолярным томам Полного собрания сочинений и писем Гончарова, а заодно обогатить историю русской цензуры небольшим, но достаточно характерным штрихом.

2. ПИСЬМО МАЙКОВА К СЫНОВЬЯМ С ВОСПОМИНАНИЯМИ О ГОНЧАРОВЕ

В 1835 году приехавший в Петербург Гончаров через своего сослуживца по Департаменту внешней торговли Министерства финансов, литератора Владимира Андреевича Солоницына был приглашен готовить к поступлению в университет двух старших сыновей художника Н. А. Майкова — Валериана и Аполлона. Молодой филолог, недавний выпускник Московского университета, Гончаров, очевидно, произвел большое впечатление на талантливых юношей и оказал на них заметное влияние. «И. А. Гончаров, без сомнения, много способствовал развитию эстетического вкуса в Аполлоне Майкове», — писал в своих мемуарах И. И. Панаев¹; сам же поэт говорил впоследствии, что Гончаров «внушил ему большую любовь к литературе»². К 1835 году относятся и первые поэтические опыты Майкова³; в том же году в доме Майковых начал выпускаться рукописный журнал «Подснежник», на страницах которого помещали свои произведения не только сами Майковы, но и профессиональные литераторы, близкие к их кругу. Именно в «Подснежнике» появились

¹ Панаев И. И. Литературные воспоминания. [Л.], 1950. С. 106. Вл. Соловьев в статье о Майкове для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона еще при жизни поэта писал, что он «первоначальным своим развитием обязан <...> И. А. Гончарову, преподававшему ему русскую литературу» (цит. по: Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 549). Не исключено, что эти сведения идут от самого Майкова, с которым Соловьев был знаком.

² См.: Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1812–1891. Paris, 1914. P. 340.

³ Об этом он писал в автобиографии (см.: Баевский В. С. Майков Аполлон Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 453).

и первые известные нам оригинальные литературные опыты Гончарова¹.

Об этом времени и вспоминает Майков в публикуемом ниже письме². Оно не имеет ни даты, ни обращения, ни подписи и, по-видимому, так и не было окончено и отправлено. Тем не менее время создания и адресат его устанавливаются без труда. Оно было написано вечером либо 17, либо 18 сентября 1891 года и адресовано сыновьям Владимиру (1861–?) и Аполлону (1867–?)³, находившимся тогда в Константинополе⁴.

В архиве Майкова сохранилось большое количество его писем к сыновьям; в основном они относятся к последним годам жизни поэта. Фрагменты из них, посвященные Пушкину и Достоевскому, а также содержащие автобиографические признания и автокомментарии, публиковались и цитировались в разные годы И. Г. Ямпольским⁵ и Л. С. Гейро⁶.

¹ О «Подснежнике» подробнее см.: I, 612–619; примеч. А. Г. Гродецкой и В. А. Туниманова. См. также наст. книгу, с. 9–13.

² ИРЛИ, № 17380, л. 79–80 об.

³ Даты рождения сыновей Майкова заимствованы из его формулярного списка (РГИА, ф. 779, оп. 1, ед. хр. 14, л. 233).

⁴ В 1891 году В. А. Майков служил драгоманом (т. е. переводчиком) в русском посольстве в Константинополе (см.: Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц <...> на 1891 г. СПб., 1891. Ч. 1. Стлб. 272), А. А. Майков жил вместе с братом. А. Н. Майков побывал в гостях у своих сыновей в 1887 году; 16 сентября того же года он писал А. А. Краевскому из Константинополя: «Вы, может быть, удивитесь, прочтя в начале моего письма слово: Константинополь, и у Вас возникнет вопрос, как я сюда попал? — А более или менее поневоле. Второй мой сын, Владимир, нынешний год отправлен сюда в драгоманы (он — ориенталист) на службу; этим я воспользовался, чтобы отправить с ним и третьего, который страдает с 12 лет — теперь ему 19 — воспалением наkostной плевы, выдержал две операции, резекцию локтя <...>; к болезни руки присоединилось еще то же самое на ноге, и вот в надежде, что теплый климат ему поможет, мы отпустили его с братом. Но как климат Константинополя сам по себе не особенно хорош, то поместились они на берегу Мраморного моря против Принцевых островов, на остром мысу. Место отменно здоровое, морской воздух, в Константинополь частые пароходы, так что устроились хорошо» (РНБ, ф. 73, ед. хр. 1192, л. 1 об.–2).

⁵ См.: *Ямпольский И. Г.* 1) Неизданные стихотворения и письма А. Н. Майкова о Пушкине // *Временник Пушкинской комиссии.* 1975. Л., 1979. С. 43–44; 2) Из неизданных писем А. Н. Майкова о Достоевском // *Достоевский: Материалы и исследования.* Л., 1980. Т. 4. С. 280–281. Фрагменты из этих писем цитировались исследователем и в примечаниях к другим его публикациям.

⁶ В примечаниях к изд.: *Майков А. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1984.

Изредка в этих письмах упоминается и фамилия Гончарова, который к тому времени был уже стар и болен, редко покидал свою квартиру и поэтому регулярного общения с Майковым поддерживать уже не мог. Но тем не менее даже эти эпизодические упоминания могут добавить к биографии Гончарова несколько дополнительных фактов. Так, в письме от 15 февраля 1888 года Майков пишет: «Вчера <...> был Гончаров, получивший 2 письма от Катер<ины> Павл<овны>¹. Она в Новороссийске в бедственном положении. Пишет ему, очевидно, имея в виду, что письмо <sic!> покажется нам; сильные слова раскаяния, просьбы прощения, ссылки на Евангелье. Цель — чтоб опять ее приняли. Да ведь ее никто не прогонял. Сама ушла. Тот, у кого могла бы просить прощение, — в могиле. Еще, пожалуй, у детей — но тут и загвоздка: как взяться нам за это посредничество? И к кому ей поместиться? И что из этого выйдет? Я, признаюсь, не могу *in foro interno*² решить, как тут поступить... Мы ничем перед ней не виноваты. Если б встретились, встретились бы как знакомые, и больше ничего, как приличие бы и благовоспитанность требовали бы. Но активно — что сделать? — так чтобы сам был, в себе, доволен? Послать денег, чтоб приезжала. Ну, приедет. К кому? С кем жить ей? Признаюсь, чувствую беспокойствие. Доводы ума и — христианский долг. Не

¹ Имеется в виду Екатерина Павловна Майкова (урожд. Калита; 1836–1920), с 1852 по 1866 год жена младшего брата Майкова, Владимира Николаевича (1826–1885). В 1866 году она порвала с мужем, бросив троих детей, ушла к разночинцу Ф. В. Любимову и уехала на Северный Кавказ. Сохранилось 10 писем Гончарова к Майковой за 1858–1869 годы (опubl.: Литературное наследство. Т. 102. С. 378–406; публ. В. К. Лебедева и Л. Н. Морозенко); письма Майковой к Гончарову не сохранились. Подробнее см.: *Чемена О. М.* Создание двух романов: Гончаров и шестидесятица Е. П. Майкова. М., 1966; Из неизданной книги Ф. Д. Батюшкова «Около талантов» / Публ. П. Р. Заборова // *Русская литература*. 2000. № 3. С. 180–181; *Лобкарева А. В.* К истории отношений И. А. Гончарова и Е. П. Майковой // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвящ. 190-летию со дня рожд. И. А. Гончарова. Ульяновск, 2003. С. 357–360; *Ненарушаемая связь: К истории романа И. А. Гончарова «Обрыв»*. Воспоминания о Е. П. Майковой. Письма / Сост., подгот. текстов, примеч. Т. В. Соколовой. М., 2009; *Соколова Т. В.* Суженый для мадемуазель Катрин: Автобиографическая повесть Е. П. Майковой в контексте истории романа И. А. Гончарова «Обрыв» // *Наше наследие*. 2012. № 102. С. 93–95.

² *Здесь: в узком кругу (лат.).*

послать ли ей, через Гончарова или Емилию Фед<оровну>, рублей 50, сколько можем, и сказать, что не нам ее судить и прощать»¹. Мы не знаем, как Майков ответил на просьбы своей бывшей невестки; согласно позднему свидетельству Ф. Д. Батюшкова, она «вернулась в Петербург много позже, виделась с сыновьями и даже одно время поселилась с младшим из них, Владимиром (уже после смерти Валерьяна)»². В том же 1888 году Майкова продает доставшееся ей по наследству от отца небольшое имение и уезжает в Сочи³, где живет до самой смерти. Упомянутый выше эпизод не нашел отражения в переписке Гончарова; ни письма Майковой, ни его возможный ответ до нас не дошли.

В письме от 30 октября 1888 года мы находим свидетельство о взаимоотношениях Гончарова и великого князя Константина Константиновича; это письмо интересно еще и тем, что в нем Майков формулирует свое поэтическое credo и вспоминает об отношении современников к его поэзии: «...царю стихи на 17^е октября⁴ послал по городской почте. Поутру сходил в Изм<айловские> казармы, спросить Конст<антина> Конст<антинови>ча⁵. Был очень рад, меня увидев, и одобрил послать. Сказал мне, что собирается мне прислать приготовляемое им к печати издание своих стихов, 2^й том⁶; что посылал уже его к Гончарову — но, говорит,

¹ ИРЛИ, № 17892а, л. 38–38 об.

² Из неизданной книги Ф. Д. Батюшкова «Около талантов». С. 181; Валерьян Владимирович Майков скончался в 1899 г.

³ См.: *Чемена О. М.* Создание двух романов. С. 122.

⁴ Имеется в виду стихотворение «На событие 17-го октября» (опубл.: *Русский вестник*. 1888. № 11. С. 1–2), посвященное спасению царской семьи при крушении императорского поезда недалеко от ст. Борки. Майков послал это стихотворение Константину Константиновичу 27 октября (см.: *К. Р.* Избранная переписка. СПб., 1999. С. 187–188).

⁵ В то время вел. кн. Константин Константинович был командиром роты лейб-гвардии Измайловского полка.

⁶ Речь идет о рукописи книги: *К. Р.* Новые стихотворения. 1886–1888. СПб., 1889. 17 ноября 1888 года Майков писал сыновьям: «Сейчас в<еликий> к<нязь> прислал мне, при письме, собрание, для второго томика, своих стихотворений с письмом Гончарова, которому отдавал стихи прежде, и с пометками Фета, прося меня быть верховным третейским судьей над ним и их суждениями. Ужо вечером будем читать их вместе с Кутузовым <А. А. Голенищевым-Кутузовым>» (ИРЛИ, № 17892б, л. 57). 21 ноября Майков посетил Константина Константиновича, отдал ему рукопись и беседовал о его стихах (см.: Там же, л. 60).

усумнился в суждении прозаиков о поэзии; он, Гончаров, обо многих чисто лирических стихотворениях написал ему, что они бессодержательны¹. „Они, говорит, всегда требуют от стихотворения ясной, определенной мысли, которую бы можно было сформулировать, тогда как тут все в чувстве и освещении. Некоторые пьесы посылал Фету, но со многими его отзывами несогласен“. Мне хотел прислать на след<ующей> неделе вместе с этими отзывами. Что он о прозаиках говорил, это я давно знаю, и никогда не любил читать им, да и не читал, и Гончарову в том числе. Да насчет моих стихов вообще скажу, что они не вполне отвечали требованиям и теориям моих современников, писателей в прозе. У одного Тургенева был более тонко развитой вкус, но и ему я редко приходился по вкусу². Тургенев, Боткин — эта партия искала в поэзии чего-то туманного, неопределенного, в роде музыки, а их голос был решительный в кружке. И в стихах Фета и Полонского они находили, как в переливающихся цветах бриллианта, более искор истинной поэзии. Впрочем, у них было кое-что и правда, чем я в свое время и воспользовался. Поэты более меня ценили, и простые читатели, без тонкого

¹ Упоминается следующий фрагмент из письма Гончарова к вел. кн. Константину Константиновичу от 12 октября 1888 г.: «Есть несколько и бессодержательных стихотворений (отмеченных мною черточкой в заглавии): как первые опыты — они очень милы, местами звучны, но при известной зрелости поэта позволительно пожелать большего веса в содержании и тщательной отделки в форме. Желательно, чтобы вместе с чувством или ощущением присутствовала душа, мысль» (цит. по: *К. Р. Избранная переписка*. С. 160–161). О своем несогласии с гончаровскими суждениями Константин Константинович писал Майкову 16 ноября 1888 г. (см.: Там же. С. 188–189) и А. А. Фету 20 октября 1888 г. (Там же. С. 302), а также отмечал в своем дневнике 15 октября (см.: Загадка К. Р.: Из дневников Великого Князя К. К. Романова / Публ., вступит. ст. и примеч. Э. Е. Матониной // Москва. 1994. № 1. С. 172).

² Майков всегда высоко ценил поэтический вкус Тургенева; «...теперь издаю я <...> свои стихотворения, — писал он ему 8 февраля 1858 года, — ну кто бы помог выбор сделать! <...> А на кого положиться? У всякого свой конек, своя теория: подходишь под нее — ладно, нет — так дрянь, и невольно чувствуешь протест в душе на эти приговоры, и чувствуешь, что положился бы только на Вас, да и Вас-то только и осмелился бы так деспотически завербовать и заставить заняться делом для вас посторонним, делом другой личности...» (Письма А. Н. Майкова к Тургеневу / Публ. И. Г. Ямпольского // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 166).

образования¹. Тург<енев> и Боткин, кроме того, искали в поэте последнего слова современной человеческой личности, личности отвлеченного обще-человека, страдающего недугами века и подавленного бременем сомнений и несоответствия существующих условий общественной жизни с тем идеалом, к которому стремится якобы это обще-человечество. На эту мерку у них вымерен и Лермонтов, и вот почему, по-нашему его плохие, по-нашему, стихотворения („И скучно и грустно...“, „Печально я гляжу на наше поколенье...“ и пр.) у него сочтены за наилучшие, и эти струны в „Герое наш<его> врем<ени>“ приняты в сурьоз, а моего известного вам взгляда на „Героя“ тогда ни у кого не было, т. е. что Лермонтов, имея в себе все черты (подлые) Печорина, карал их в своем герое, противопоставя ему простые натуры (Максим Максимыч и др.) и даже сделал пародию на Печорина в Грушницком»².

Последний известный нам факт общения давних друзей — приветственное письмо Гончарова по поводу 50-летнего юбилея литературной деятельности Майкова. Это письмо было прочитано на чествовании поэта 30 апреля 1888 года Я. П. Полонским; сам же Гончаров не присутствовал из-за плохого самочувствия. Как вспоминал один из современников, «поднялась буря рукоплесканий, долго не смолкавших, едва только чтец произнес: „Письмо Ивана Александровича Гончарова“. Рукоплескания усилились, когда было окончено чтение письма...»³.

Вполне возможно, что в последующие годы Гончаров и Майков так и не увиделись. Гончаров умер в воскресенье, 15 сентября 1891 года, в двенадцатом часу дня. В тот же вечер на его квартире была совершена первая панихида, на которой «присутствовали душеприказчики профессор Полотебнов,

¹ Майков болезненно относился к недооценке значения своего творчества в среде литераторов; так, 19 июня 1880 года он писал жене: «...годы, долгие годы, с Крымской войны, годы ругательств, оскорблений, умолчаний о моем существовании <...> Гонение многих этих годов не заставило меня петь под общую дудку, я не покорился и понимаю, что заслужил казнь и терплю ее. Уст своих не замарал бранью или каким бы то ни было ответом. И во всем этом совесть моя спокойна. Но во мне развилось чувство *отчуждения*. Когда нахожусь в обществе литераторов, инстинктивно чувствую, что нахожусь между врагами...» (Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 508).

² ИРЛИ, № 178926, л. 44–44 об.

³ Бибилов В. И. И. А. Гончаров // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 228.

М. М. Стасюлевич, обер-прокурор А. Ф. Кони, В. Д. Спасович и много других»¹. Майкова же среди близких покойного писателя не было — о смерти Гончарова он узнал лишь на следующий день из газет: «Сегодня в газетах прочел о кончине Гончарова, — писал он сыновьям 16 сентября, — 80 лет прожил — хороший куш. Но, Боже, как печальна была его жизнь за эти годы! Одиночество, хилость. Сколько романов в жизни он пережил — любил — но не жертвовал собой — не посвятил себя тому, кого любил, и тому, что оттого должно было произойти... Какой был идеал его жизни? к чему стремился, что истинно-то любил, т. е. какую идею?.. Не знаю — и боюсь судить, чужая душа — потемки. Теперь уж это совсем старейший из моих сверстников, отходящий из мира... Невольно напрашивается вопрос — кто теперь на очереди? Если моя очередь, то я уйду не так мрачно: что любил, чему служил — положено в вас троих² — а может быть, сообщено и кой-кому из встречных в жизни... Помочь, похлопотать за кого — Гончаров всегда готов был — но это не наполняло жизни — и в последние годы всегда жаль было его!»³. В следующем письме сыновьям, от 19 сентября, Майков лишь вскользь упомянул о похоронах Гончарова, хотя о его присутствии на них написали едва ли не все газеты: «Сегодня хоронили Гончарова; был в<еликий> к<нязь> Конст<антин> Конст<антинович>. Я просил его сказать от меня несколько слов греч<еской> королеве, потерявшей дочь»⁴.

Мы не знаем, почему Майков так и не отправил публикуемое ниже письмо. Возможно, он посчитал его слишком личным или же неинтересным для своих сыновей. Но через три месяца, в письме к ним же от 26 декабря, он вернулся к теме своего литературного воспитания, рассказывая об этом почти теми же словами: «Обращаясь к моему детству, я припоминаю —

¹ Сын отечества. 1891. № 248. 16 (28) сент.

² Кроме сыновей Владимира и Аполлона, у Майкова был еще сын Николай (1853–?), в 1891 году — инспектор Ремесленного училища Цесаревича Николая (см.: Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц <...> на 1891 г. Ч. 1. Стлб. 515), а также дочь Вера, умершая в детском возрасте.

³ ИРЛИ, № 17892г, л. 136 об.-136 <sic!>.

⁴ Там же, л. 138 об. Имеется в виду сестра Константина Константиновича Ольга Константиновна, бывшая замужем за греческим королем Георгом I (Майков был лично с ней знаком); ее дочь Александра Георгиевна, жена вел. кн. Павла Александровича, скончалась 12 сентября 1891 года после преждевременных родов.

Гончаров на смертном одре. Рисунок С. А. Пырсиной.
16 сентября 1891г.

какие были книги стихов, которые я тогда читал? И ответ вот какой: одна книга — это тогдашняя хрестоматия, сост<авлен-ная> Гречем в 1820 году, из Пушкина там только отрывок из „Руслана и Людмилы“ в отделе эпической поэзии, а главное место занимают Державин и Ломоносов. Другая — сочинения Батюшкова — это когда мне было 13, 14, 15 лет; Пушкина вкусил уже по 16-му году, а из него главное привлекали меня творения самой последней эпохи („Чертог сиял, гремели хоры“ и пр.), под влиянием коей я написал тогда, в 1-м курсе, „Венеру Медицейскую“, а рядом с нею „Гнев божий“ — Державинского духа, а за сим антологические по урокам Батюшкова»¹.

¹ Цит. по: Ямпольский И. Г. Неизданные стихотворения и письма А. Н. Майкова о Пушкине. С. 43.

Как видим, Майков оценил Пушкина только после увлечения поэзией предыдущего времени¹. В отличие от своего ученика, Гончаров с самых ранних лет ставил Пушкина выше всех других писателей. Свидетельств тому в его сочинениях, письмах и мемуарах о нем можно найти множество. «...Я <...> жаркий и неизменный поклонник Александра Сергеевича, — признавался писатель в письме к М. А. Языкову 15 (27) декабря 1853 года. — Он с детства был моим идолом, и — только один он» (XV, 204); еще более подробно он высказывается в одной из автобиографий: «Живее и глубже всех поэтов поражен и увлечен был Гончаров поэзией Пушкина в самую свежую и блистательную пору силы и развития великого поэта и в поклонении своем остался верен ему навсегда, несмотря на позднейшее тесное знакомство с корифеями французской, немецкой и английской литератур» (7, 218). Гончаров не был знаком с Пушкиным, но несколько раз видел его и оставил свидетельства об этих встречах², а кроме того интересовался и его биографией: «...я <...> изучал Пушкина и все подробности и мелочи его жизни...», — писал он В. П. Авенариусу 28 февраля 1888 года³.

* * *

В день похорон Гончарова одна из газет написала следующее: «...во всех <...> „рассказах“ и „воспоминаниях“ <О Гончарове. — А. Б.>, которые теперь преподносятся публике, более чем наполовину вранья. „Правду“ о Гончарове нам могли бы рассказать только очень немногие из его близких приятелей и знакомых, и в том числе в особенности М. М. Стасюлевич, А. Н. Майков и кн. Цертелев»⁴. В отличие от Стасюлевича и Цертелева, Майков не оставил нам воспоминаний о своем учителе и старшем друге, но публикуемое ниже письмо отчасти восполняет этот пробел.

¹ Об отношении Майкова к Пушкину см. также: *Гапоненко П. А.* А. Н. Майков об А. С. Пушкине: По неопубликованным материалам // Русская словесность. 1998. № 2. С. 13–15.

² См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2-е. Л., 1988. С. 112–113.

³ И. А. Гончаров и И. С. Тургенев: По неизданным материалам Пушкинского Дома. Пб., 1923. С. 105; дата уточнена по подлиннику: ИРЛИ, № 10214.

⁴ Петербургская газета. 1891. № 257. 19 сент.

Приложение

А. Н. МАЙКОВ — В. А. и А. А. МАЙКОВЫМ

17 или 18 сентября 1891 г.

Сейчас мы с мамой^{1*} вернулись с панихиды по Гончарову, с его квартиры. Панихида в 8 ч<асов> в<ечера>^{2*}. Небольшие две низенькие комнаты были уже набиты публикой, преимущ<ественно> так называемой учащейся молодежью, обоего пола. Это меня поразило неприятно: ожидал встретить знакомых, общих с покойным, а тут — улица, мода. Я уверен, что большинство даже «Фрегата „Паллады“» в гимназии не читали. Всё так, для общего дела. Какое право она имеет врывать в дом к незнакомому человеку? Все близкие оттеснены, их не видать, да им и продвинуться в толпе некуда. Но мало-помалу я начинаю мириться с этой толпой: я очутился около кучки медицинских студентов — и, вижу, они крестятся, некоторые подпевают, и крестятся при словах об упокоении души, о прощении прегрешения вольного же и невольного, о предстоянии перед Престолом Света Вечного и о Страшном Суде. Крестятся при этих словах, следов<ательно> у них есть общее со мной, не обезьяна, хотя и медики и курсистки. — Ну, слава Богу, мода модой, а все же и образ на них Божий.

Невольно перешел к вопросу, чем я обязан Гончарову, — и припомнил его уроки. Гораздо уже позже понял я то раздвоение, которое было в его понятиях о литературе, когда он нам преподавал. Это было ведь в 1834, 35, 36^м годах^{3*}. Гончаров тогда [вышел] был питомец Пушкинской эпохи, но Пушкин еще не имел того значения в истории словесности нашей, как после смерти своей, и на кафедрах еще царили классики. Специальной обязанностью Гончарова было приготовить меня к университетскому вступительному экзамену, и потому он должен был познакомить меня не с текущей, пушкинской литературой и эстетикой, а с классической эпохой. Очевидно, он исполнял это как бы против себя, как бы насилуя себя, между тем на меня, я помню, те образцы, которые он читал, а мы учили наизусть, производили пленительное впечатление. У нас тогда была и хрестоматия (Греча)^{4*}, в которую чуть-чуть вошел Пушкин, кажется, только отрывки из «Руслана и Людмилы»^{5*}, а всё были Державин, Ломоносов, Батюшков,

[и их] Озеров, Мерзляков, Шаховской и пр. Первые трое мне нравились больше всего, величавостью образов, могуществом языка, шириною размаха. Узнайте-ко, чьи это стихи:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год и т. д.

Уж никак не догадаетесь, что Ломоносова^{6*}. Из Державина вспоминаю:

Ударь во серебряный, священный,
Далеко-звонкий, Валка, щит (Валка = Валкирия)
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит.
Встают. Сто арф звучат струнами,
Пред ними сто дубов горят,
От чаши круговой зарями
Седые чела в тьме блестят^{7*}.

Или:

С белыми Борей власами
И с седою бородой
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой^{8*}.

Дальше не помню. Забирали ужасно и эти стихи:

О Росс! о род великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполин царю послушный!
Когда и где ты досягнуть
Не мог тебя достойной славы! и пр.^{9*}

Я потому все это передумал теперь, что Гончаров тогда это проходил с нами по обязанности, что в Унив<ерсите>те это будут спрашивать, сам же давно отошел *et nageait en plein romantisme*^{10*}, а я в сурьоз увлекался. Вот эта хрестоматия Греча, да том стихов Батюшкова — вот мой источник^{11*}. Пушкина оценил позже, уже в Университете, и прямо Пушкина [вто<рой>] последней эпохи, а не романтической. Знаете что: это старая хрестоматия, может быть, и смешна теперь, но сравнительно с теми, которые были у вас в руках, сии последние кажутся ужасно жидки! Впрочем, и там в «легком роде» ужасно много вздору, à la Карамзин стихи, особенно

любовные. Женщину как идеал — поставил Пушкин, и поставил ее выше всех европ<ейских> поэтов, — «благоговевя богомольно Перед святыней красоты»^{12*}; но Пушкин тогда был «текущая литература», и об ней в учебных заведениях, как и теперь, говорить и спрашивать не полагалось. Поэтому и Гончаров с нами ее не касался.

Я так привык на даче жить в самом себе, впечатлениями, которыми и наполнял свои письма к вам, что и теперь еще нахожусь в том же расположении духа, и хоть это и не особенно для вас интересно, куда ни шло, пишу вам! У меня же всегда при всякой смерти, всегда хочется свести свои счета с покойником и по возможности помянуть его добром. Да и задаю невольно вопрос всегда: не виноват ли в чем перед ним?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анна Ивановна Майкова (урожд. Штеммер; 1830–1911), жена Майкова; их венчание состоялось 12 ноября 1852 г. в церкви Морского госпиталя.

² Панихиды на квартире Гончарова были отслужены 17 и 18 сентября (в каждый из дней — в 2 часа дня и 8 часов вечера); но на вечерней панихиде 17 сентября случилось скандальное происшествие, описанное одним из репортеров: «Вот картинка, характеризующая поклонников и поклонниц таланта, обыкновенно пристегивающих себя к ним в экстренных случаях. Вчера, вечером, у гроба почившего И. А. Гончарова, после панихиды, один из присутствовавших, убеленный сединами офицер, обратился к публике со словами: „Пред нами в гробу великий человек, девизом которого во всю его жизнь было добро. Чем же нам почтить память его, как не добрым делом. Теперь люди голодают... и если мы здесь у гроба Ив. Ал. внесем свою лепту в пользу голодающих, сделаем такое дело, которое доставило бы ему удовольствие, если бы он был жив среди нас“. При этом офицер вынул из бумажника 20 рублей. Вы думаете его примеру последовали? Как бы не так! Помилуйте, он пьян, его нужно вывести, — раздались голоса. Однако, оказалось, что трезвого, заслуженного, увещанного боевыми отличиями полковника вывести было нельзя. На это никто не решился, но никто не решился предложить и копейки» (Сын отечества. 1891. № 250. 18 (30) сент.). Поскольку об этом инциденте Майков в своем письме не упоминает, можно предположить, что он был на панихиде 18 сентября.

³ Неточность Майкова: знакомство с Гончаровым состоялось в 1835 году; в университет он поступил в 1837 году.

⁴ Имеется в виду «Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности» (СПб., 1819–1822. Ч. 1–4; далее — *Греч*). Отношение Гончарова к Гречу было неизменно негативным. Так, в письме к М. М. Стасюлевичу от 5 ноября 1869 года писатель ставит его в ряд «фальшивых или бездарных литературных авторитетов» (8, 373); подобные же отзывы см. в его письме К. Д. Кавелину от 25 марта 1874 г. (8, 415) и в главе «Через двадцать лет» из «Фрегата „Паллада“» (II, 723). Хрестоматию Греча Гончаров упоминает в мемуарном очерке «Слуги старого века. I. Валентин» (1888), действие которого относится к первым годам пребывания писателя в Петербурге.

⁵ В третьей части указанной выше книги (СПб., 1820. С. 308–318) был напечатан фрагмент из третьей песни «Руслана и Людмилы» (со ст. 30 и до конца), а в четвертой помещена краткая биографическая справка о Пушкине (см.: Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827 / Под ред. В. Э. Вацуро и С. А. Фомичева. СПб., 2001. С. 475).

⁶ Цитируются начальные строки «Оды на день восшествия на престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года» (1748; *Греч*. Ч. 3. С. 66). Майков относился к Ломоносову с неизменным уважением; согласно семейному преданию, его дед по линии матери, купец, «был из поколения, возросшего под влиянием Ломоносова: его сочинения попались ему, они заставили молодого купчика учиться, поехать в германский университет, потом в Англию. Величество божие стал он понимать из оды Ломоносова <...>, высокое сознание себя русским, сыном страны своей — из его же од, любовь к наукам — из его же стихов...» (из письма О. Ф. Миллеру от 3 ноября 1871 г. — *Майков А. Н. Письма* / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 179). Ниже в том же письме он пишет, что Ломоносов «первый, словом увлекший к идеалу современников, пробудивший в них чувства добрые, высокие, выведший их из тьмы бессознания» (Там же. С. 180). В 1865 году Майков был одним из организаторов широко отмечавшегося Ломоносовского юбилея, прочел на нем свое стихотворение «Ломоносов» и затем опубликовал статью «Несколько слов по поводу столетней памяти Ломоносова». И роль поэта в организации юбилея, и его стихотворение были оценены современниками неоднозначно (см. примеч. Л. С. Гейро в кн.: *Майков А. Н. Соч.* Т. 1. С. 556). Гончаров также высоко ценил Ломоносова: «...он <...> начинатель великого дела просвещения в России, <...> гений-самородок,

открывший собственными силами русскому духу и уму доступ в область знания и мысли и т. д.» (8, 15).

⁷ Начальные строки оды Г. Р. Державина «На победы над французами в Италии, одержанные фельдмаршалом гр. Суворовым-Рымникским, 1799 года» (1799; см.: *Греч.* Ч. 3. С. 120). В молодости Гончаров высоко ценил поэзию Державина; по собственному признанию, сочинения его «он и переписывал и учил наизусть» (7, 217). В письмах же он высказывался о поэте сдержаннее. «Державина — никто теперь не читает, а в школах приводят стихи для примера, но никто не наслаждается», — писал Гончаров Е. А. и С. А. Никитенко 24 июня (6 июля) 1860 года (Литературный архив. Л., 1951. Т. 4. С. 131). Через год он в письме к неустановленному лицу от 11 ноября 1861 года утверждал, что «Державин был поэт с огромным талантом, но новых и сильных элементов в литературу не внес и такой жизни, как те <Ломоносов, Карамзин и Пушкин. — А. Б.>, в ней не возбудил...» (8, 309). Процитированное четверостишие с его ритмическим разбором записано на полях ученической тетради Майкова (ИРЛИ, № 17307, л. 21 об.).

⁸ Начальные строки «Стихов на рождение в Севере порфирородного отрока...» (1779; см.: *Греч.* Ч. 3. С. 130). Эти строки Державина Гончаров перефразировал в письме к А. В. Никитенко от 5 (17) июня 1869 года («Дует такой ветер, что... если это *борей*, с белыми *власами*, то он выходит подлец, несмотря на свои седины»). — Русская старина. 1914. № 4. С. 53) и цитировал в письме к А. Ф. Кони от 5 апреля 1887 года (см.: Литературное наследство. Т. 102. С. 503).

⁹ Начальные строки второй строфы «Песни лирической росу по взятии Измаила» (1791; см.: *Греч.* Ч. 3. С. 98).

¹⁰ и купался в романтизме (*фр.*)

¹¹ Ранее в письме к брату поэта П. Н. Батюшкову Майков писал: «Сочинения Константина Николаевича Батюшкова для меня особенно дороги: я помню, что в юношестве моем, когда я начал писать стихи, его произведения <...> имели главное и решающее влияние на образование моего слуха и стиха. Пушкинское влияние уже легло на эту почву» (Русская старина. 1887. № 11. С. 561).

¹² Заключительные строки пушкинского стихотворения «Красавица» (1832; опублик. 1835). В письме вел. кн. Константину Константиновичу от 10 ноября 1889 года Майков привел эти стихи как образец «красоты русского стиха» (см.: *К. Р. Избранная переписка.* С. 195). Характерно, что другую строку из этого же стихотворения («...выше мира и страстей...») цитирует и Гончаров, характеризуя в «Обрыве» (ч. I, гл. IV; см.: VII, 37) холодную светскую красавицу.

ГОНЧАРОВ И СЕМЬЯ ОРДИНЫХ

Начало 1870-х годов — самый малодокументированный период биографии Гончарова после его возвращения из кругосветного плавания. В 1869 году в «Вестнике Европы» публикуется роман «Обрыв», который не получил ни одной положительной рецензии в журналах¹, выпущенное в следующем году самим писателем отдельное издание романа постигает коммерческая неудача². Гончаров это списывает на происки Тургенева, обостряется душевная болезнь писателя, которая вскоре приведет к созданию «Необыкновенной истории» — удивительного рассказа о том, как его всю жизнь якобы преследовал и преследует менее талантливый, но более ловкий и удачливый конкурент. Гончаров замыкается в себе, обрывает почти все литературные связи, более-менее регулярное общение поддерживает лишь с редактором «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичем. Круг его знакомств в эти годы составляют в основном чиновники, к которым принадлежал Кесарь Филиппович Ордин (1836–1892)³.

¹ См. подробнее: *Гуськов С. Н.* 1) Полемика, которой не было (из истории критики романа «Обрыв») // *Русская литература*. 2012. № 2. С. 80–89; 2) О некоторых мотивах критики «Обрыва» // *Bibliotheca Slavica Savariensis*. Schombathely, 2012. Т. XIII: Гончаров: живая перспектива прозы. С. 397–404.

² См. об этом: *Вдовин А. В.* Гончаров и деньги (по материалам писем 1861–1891 гг.) // *Гончаров после «Обломова»: Сб. статей*. СПб., 2015. С. 314–315.

³ О нем см.: *А. В. Ордин Кесарь Филиппович* // *Русский биографический словарь*. СПб., 1905. Т. [12:] Обезьянинов–Очкин. С. 280–281; *Барышников В. Н.* 1) Кесарь Филиппович Ордин — первый отечественный исследователь российско-финляндских отношений // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четырнадцатой ежегодной международной научной конференции (11–12 апреля 2012 г.)*. СПб., 2013. С. 12–24; 2) Балтийский вопрос и его изучение в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // *Journal of modern russian history and historiography*. 2014. № 7. P. 109–110.

Ордин был младше Гончарова почти на четверть века. К моменту знакомства с писателем¹ он служил начальником отделения канцелярии военного генерал-губернатора, через несколько лет стал правителем дел Попечительного Совета учреждений общественного призрения в Санкт-Петербурге; впоследствии им была издана книга по истории этого совета², которую сочувственно отрецензировал Гончаров³. В начале 1870-х годов Ордину был пожалован чин действительного статского советника, тогда же он стал камергером Высочайшего двора. По словам современного историка, «это означало, что он уже переходил в касту российского чиновничества, которое, как считалось, могло определять курс политики государства»⁴.

О дружбе Гончарова с четой Ординых нам известно из материалов их сына, Бориса Кесаревича Ордина (1866 —

¹ По свидетельству Б. К. Ордина, его отец был знаком с Гончаровым уже к 1863 году; в его незавершенной биографической книге об отце (о ней см. ниже) читаем: «Записка <К. Ф. Ордина к будущим жене и теще. — А. Б.>, помеченная 13 мая (1863 г.), дает нам хронологическое указание на то, что Иван Александрович Гончаров, знаменитый писатель, в то время уже был хорошо знаком с семьей Андреевых. Записка эта содержит следующие строки: „На карточке Гончарова ничего нет, из чего можно было бы заключить, где толстый образ его отражался в фотографическом аппарате“. В другой записке, относящейся уже к 1864 году (поставлено 17-ое число, но месяц не означен), Кесарь Филиппович пишет Софье Павловне и Софье Алексеевне: „Mesdames, представьте себе всю скорбь души моей: не был у Вас сегодня, не могу быть и завтра... Я отозван на бал к... Ивану Александровичу, к нему, дорогому предмету одной близкой мне особы (Софье Павловны). Он, бедный, болен телом, как я духом. Мы оба страдаем от диаметрально противоположных причин: он от простуды, я — от жара, меня сжигающего. Поэтому мы сходимся как в поклонении одним и тем же личностям, так и в сочувствиях; и поэтому я у него буду завтра“» (ИРЛИ, р. I, оп. 21, ед. хр. 164, л. 92–92 об.). Вероятно, в первой записке упомянут фотографический портрет Гончарова 1860-х годов без указания на паспорт владельца фотоателе (см.: Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1959. Вып. 5: И. А. Гончаров; Ф. М. Достоевский. С. 37. № 208), а вторую записку, возможно, следует датировать мартом, так как именно в середине марта Гончаров был болен (см. его письмо О. А. Новиковой от 29 марта 1869 г. — Русская литература. 1992. № 2. С. 106).

² См.: Ордин К. Ф. Попечительный совет заведений общественного призрения в С.-Петербурге: Очерк деятельности за пятьдесят лет 1828–1878. СПб., 1878.

³ Голос. 1878. № 67. 8 марта (без подписи); атрибутировано Гончарову А. Мазоном на основании его писем к А. А. Краевскому (см.: Русская старина. 1912. № 6. С. 505–506; далее перепечатан текст рецензии).

⁴ Барышников В. Н. Кесарь Филиппович Ордин — первый отечественный исследователь российско-финляндских отношений. С. 17.

К. Ф. Ордин

после 1935)¹, который был столь же незаурядной личностью, как и его отец. В письме в Центральную Комиссию по проверке Советского аппарата от 6 сентября 1929 года он сообщал о себе: «По окончании с *золотой* медалью курса бывшей 3^{ей} Петербургской гимназии², я прошел курс историко-филологического факультета здешнего <Санкт-Петербургского. — А. Б.> университета <...>. Экзамены по всем предметам

¹ Биографические сведения о нем см.: *Шилов Л.А.* Ордин Борис Кесаревич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 476–478.

² О ней он опубликовал мемуарный очерк; см.: *Ордин Б.К.* Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии // За сто лет: Воспоминания, статьи и материалы / Петербургская б. Третья гимназия, ныне 13-я Советская Трудовая школа. Пг., 1923. С. 115–125.

в государственной испытательной комиссии мною *сданы были с высшими отметками*, а по отзыву проф. В. Г. Васильевского я *был награжден золотой медалью* за сочинение на предложенную факультетом тему „Осада и взятие Константинополя в 1453 г.“»¹. Однако научная карьера не прельстила Ордина-младшего, и фактически он пошел по стопам отца: служил в Российском обществе Красного Креста, в Министерстве Императорского Двора и уделов, в Канцелярии Императрицы Александры Федоровны — в должности гофмейстера; дослужился до чина действительного статского советника², был награжден многими орденами. После 1917 года его жизнь резко переменилась. О мытарствах Ордина после крушения самодержавия и прихода к власти большевиков красноречиво свидетельствует цитированное выше письмо:

Будучи лишь скромным работником, сперва делопроизводителем, а потом помощником заведующего канцелярией, я работал по делам всякой помощи бедным и обездоленным, и благодаря жалованию по министерству двора мог работать *безвозмездно* во многих учреждениях на помощь нуждавшимся. <...>

В *политическом отношении* мое поведение всегда было вполне корректно. Ни к каким партиям я не принадлежал. Поняв все историческое значение революции, я не только сразу подчинился Советской власти, но, уверенный в чистоте моей деятельности в дореволюционное время, с 1917 года работал в Советских учреждениях и, несмотря на опасность, сопряженную с бывшим придворным званием, сознательно оставался все время в Ленинграде, где я родился и прожил всю мою жизнь, и *никогда ничего из своего прошлого не скрывал*.

Когда в 1917 г. я был приглашен на работу в Публичную библиотеку, все лица, от которых зависел мой прием на службу, знали мое прошлое, но ценили мою образованность.

В 1918 г., при ликвидации бывшего Общества Красного Креста, где я много работал, я был арестован «в целях изоляции», как мне потом объяснили.

Наведя справки о моей деятельности, покойный председатель ЧК Феликс Дзержинский приказал меня освободить на 5-ый день ареста, и я больше органами ГПУ арестован не был.

<...> Я всегда жил на трудовой заработок и никогда ни капиталами, ни домами, ни доходными имениями не обладал и решительно никого никогда не эксплуатировал и не угнетал.

<...> Наконец, не желая сколько-нибудь вызывать подозрение властей, я сознательно отказался от всякой

¹ РНБ, ф. 585, оп. 1, ед. хр. 3728, л. 6.

² См.: РНБ, ф. 1000, оп. 2, ед. хр. 1010.

руководящей или направляющей работы и все десять лет усердно трудился в Советских учреждениях, исполняя самые скромные обязанности, претерпевая большие лишения, т. к. получал 25–40 р. в месяц, и утешался только сознанием пользы, приносимой мною. Мне скоро 63 года и я ни на какие карьеры не рассчитываю. Ищу лишь возможности в области моих знаний, все более редких, могущих быть полезными не в одной лишь византийской комиссии¹.

С 1918 по 1924 год Ордин работал в Публичной библиотеке, в отделе «Россика», где его ценили как выдающегося специалиста. Однако и оттуда он был изгнан и почти десять лет бедствовал, перебиваясь случайными заработками и продавая вещи. В 1935 году, несмотря на свой возраст и болезненное состояние, Ордин был выслан из Ленинграда, и дальнейшая его судьба неизвестна.

До того как исчезнуть в ссылках, Ордин успел передать на государственное хранение (или, вероятнее, продать) некоторые документы из своего архива. Так, в 1926 году в Пушкинский Дом от него поступила фотография Гончарова начала 1870-х годов работы К. И. Бергамаско². И хотя на ней нет дарственной надписи, не вызывает сомнения, что автор «Обломова» сам подарил ее супругам Ординым. Возможно, в это же время Ордин передал в Публичную библиотеку письма Гончарова к своим родителям, сопроводив их краткой биографической справкой об отце и его отношениях с писателем, а также примечаниями. Характер этих текстов говорит о том, что письма готовились к печати, но по каким-то причинам эта публикация не состоялась. Всего сохранилось 13 писем и записок Гончарова к Ординым за 1866–1878 годы. И гончаровские письма, и примечания Ордина впервые были введены в научный оборот А. Д. Алексеевым, который учел их в своей «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова» (М.; Л., 1960). Сейчас эти письма по большей части напечатаны³, в примечаниях к публикациям достаточно полно учтены материалы Ордина. Однако

¹ РНБ, ф. 585, оп. 1, ед. хр. 3728, л. 5, 7 об.–8 об.

² См.: Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского Дома. Вып. 5. С. 39. № 219.

³ См.: Незданные письма И. А. Гончарова / Публ. Р. Б. Заборовей // Труды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1963. Т. 11 (14). С. 158–161; *Иванов К. Е.* Незданные письма И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: (Новые материалы о жизни и творчестве писателя). Ульяновск, 1976. С. 146–149.

и в неизданной их части остаются важные свидетельства как о нравственном облике К. Ф. Ордина, так и об отношениях его с Гончаровым. Разумеется, читать эти материалы нужно под определенным углом зрения, так как Ордин-сын буквально боготворил своего отца¹. Однако, несмотря на неизбежные ошибки памяти, они имеют важное значение для биографов писателя. Особенно это касается преамбулы к письмам, которую публикуем ниже с небольшими сокращениями:

Кесарь Филиппович Ордин и жена его София Алексеевна, рожденная Андреева, пользовались большим расположением И. А. Гончарова и были в самых дружеских с ним отношениях, несмотря на большую разницу лет — К. Ф. Ордин был его моложе на 24 года, а С. А. Ордина — на 31 год.

Расположение Гончарова к Ординым объясняется прежде всего тем, что он познакомился с ними и встречался в симпатичных ему домах их родных: в доме очень умной и замечательно литературно образованной старшей сестры Софии Алексеевны, Екатерины Алексеевны Богушевич, муж которой Юрий Михайлович служил по управлению по делам печати, и у матери Софии и Екатерины Алексеевны — Софии Павловны Андреевой. Ее муж, долгие годы бывший воспитателем Училища правоведения, за свою нравственность и редкую справедливость и твердость пользовался большим уважением у старых правоведов. У Богушевичей часто собирались писатели, литераторы, беседовали на интересовавшие их литературные темы и читали свои произведения. Там бывали, кроме И. А. Гончарова, Г. П. Данилевский, Ф. Н. Берг², К. К. Случевский, Ф. М. Достоевский, Н. Лесков и другие.

У С. П. Андреевой, жившей очень близко от Гончарова по Моховой улице в д. № 20/12, принадлежавшем тогда фабриканту Кнопю, близ угла Пантелеймоновской, бывали лишь члены ее довольно многочисленной семьи и их друзья, правивш^{ие} Гончарову оживлением молодости, а главное, что его туда привлекало, было радушие редкое доброй и приветливой Софии Павловны, которая сама была отличная хозяйка и имела превосходную кухарку Арину, которая очень долго у нее жила и готовила превкусно русские блюда и булочки чаю, до которых И. А. Гончаров был большой охотник.

Завязавшиеся в этих домах дружественные отношения с К. Ф. Ординым и С. А. Ординой, вступившими в брак 23 января 1866³ г., стали прочными и длились до кончины

¹ В другом месте младший Ордин писал, что его отец был «умный, высоко образованный, самоотверженно преданный служебному долгу, чрезвычайно честный, даровитый и трудолюбивый, стойкий, очень вежливый и благообразный» человек (РНБ, ф. 756, ед. хр. 27, л. 2).

² В автографе ошибочно: Ф. Ф. Берг

³ В автографе ошибочно: 1865

И. А. Гончарова, несомненно вследствие большой даровитости, ума, образованности и привлекательности К. Ф. Ордина и горячо его любившей жены его, Софии Алексеевны, очень тоже умной, живой, веселой, любительницы чтения, отзывчиво интересовавшейся беллетристикой. Кесарь Филиппович Ордин, отлично кончивший курс наук по физико-математическому факультету С. Петербургского университета, пополнил университетское образование частью путешествиями, частью самообразованием, и к годам зрелости был редко и многосторонне образованным человеком. Он знаком был с древними языками, из новых владел свободно французским и немецким, говорил по-английски и мог хорошо читать по-итальянски и по-шведски. Он превосходно владел пером, прекрасно рисовал масляными красками и, обладая приятным баритоном, умел петь и себе аккомпанировать. Он прекрасно знал математику и, как показала его деятельность, был отличным администратором, строителем и выдающимся историческим писателем. <...> Исторические труды по истории покорения и управления Финляндией, поставившие К. Ф. Ордина во главу русской школы писателей по финляндскому вопросу, выдвинули его имя уже в конце жизни И. А. Гончарова. <...> В года же, к которым относятся печатаемые письма Гончарова, К. Ф. Ордин был в разгаре своей гуманитарно-административной деятельности. В течение 21 года, до 1886 года, он был управляющим делами и деятельнейшим членом Попечительного Совета заведений общественного призрения в Петербурге и, по официальному отзыву¹, был главным помощником высоко стоявших в тогдашнем обществе председателей названного Совета, во главе которого стояли при нем сперва генерал-адъютант, позже граф П. Н. Игнатьев и в течение долгого ряда лет генерал-адъютант светлейший князь А. А. Суворов. Суворов постоянно обращался к К. Ф. Ордину за советами, любил и уважал его, о чем свидетельствует громадное количество сохранившихся его писем². Вместе со званием Члена Совета К. Ф. Ордин много лет нес тяжелые обязанности попечителя многих больниц и заведений, из которых особенно много ему обязаны Обуховские мужская и женская больницы, дом для душевнобольных во имя Св. Николая Чудотворца, на углу рр. Мойки и Пряжки... <...> Им был написан и изящно издан, по поручению Совета, исторический очерк деятельности Совета за пятьдесят лет его существования, <...> и на торжественном юбилейном собрании Совета К. Ф. Ординым была произнесена речь, также отпечатанная.

Еще совершенно молодым человеком, в 1867 г. К. Ф. Ордин стал лично известен тогдашнему наследнику престола, Императору Александру Александровичу, будучи назначен

¹ Далее начато и зачеркнуто: представленному Императору Александру III

² Эти письма в 1927 году были переданы Б. К. Ординым в Публичную библиотеку.

делопроизводителем Комиссии, образованной под председательством наследника цесаревича «по случаю неурожая хлебов»¹.

К. Ф. Ордин, отличавшийся особенно редкою среди русских стойкостью и шедшим до самоотвержения бескорыстием, приобрел глубокое уважение Императора Александра III, который, по словам близкого к нему министра Двора графа И. И. Воронцова-Дашкова, высоко ставил его рыцарское благородство и кристальную честность его души. В те годы его блестящая и самоотверженная деятельность была отмечена, казалось, обещавшими ему успешную карьеру наградами: в 1871 году, т. е. тридцати пяти лет от роду, он был уже камергером и действительным статским советником.

Но его прямота, непоколебимая верность своим убеждениям, ненависть к бюрократическим компромиссам и открыто русская точка зрения, особенно ярко выразившаяся в трудах по финляндскому вопросу, совершенно разбили его карьеру, а усиленные труды, огорчения и неприязности, усугубленные травлей финляндских шовинистов и их русских покровителей, <...> совершенно разбили его здоровье, сокрушили силы, и он скончался от разрыва сосудов мозга 5 июня 1892 г. Он до конца жизни был попечителем богадельни в память цесаревича Николая Александровича и состоял гофмейстером высочайшего двора².

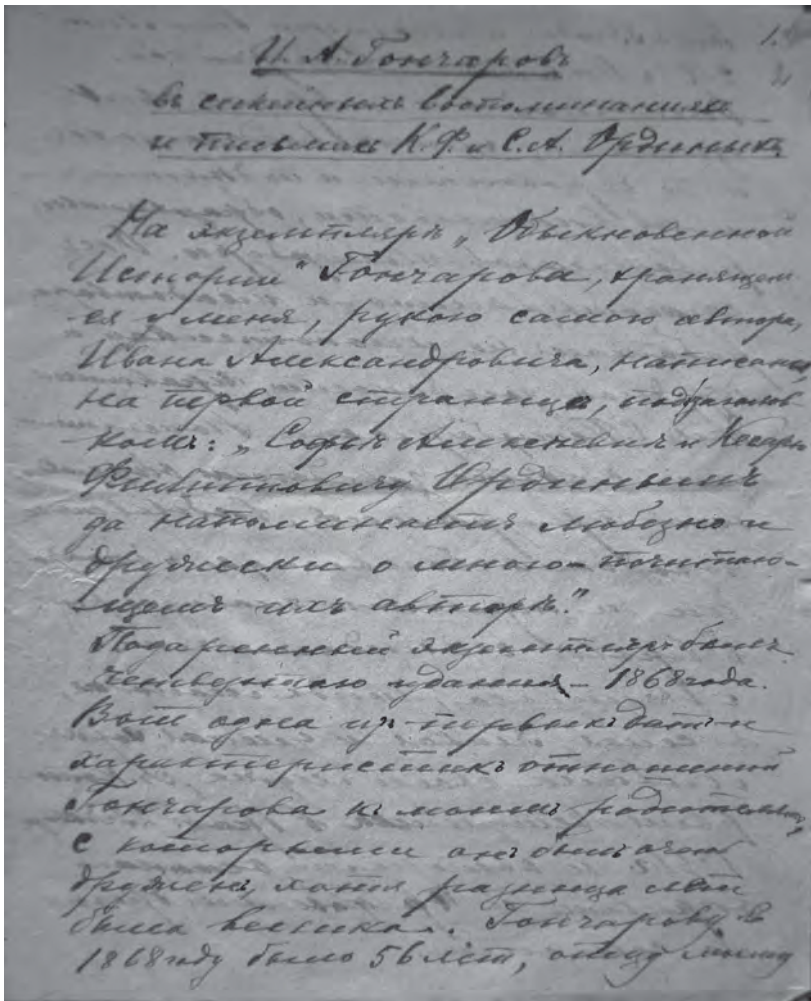
В те же годы Б. К. Ордин пишет мемуарный очерк «И. А. Гончаров в семейных воспоминаниях и письмах К. Ф. и С. А. Ординых»³ и биографию своего отца, которая обрывается на главе «Путешествие за границу с И. А. Гончаровым в 1872 году»⁴. Обе они ныне хранятся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, и до последнего времени не попадали в поле зрения гончароведов. Первая рукопись, состоящая из 24 листов тетрадного формата, датирована 9 февраля 1924 года, в Пушкинский Дом поступила в 1948 году; во второй около 250 листов, она не датирована,

¹ Ср.: «К. Ф. Ордин имел счастье быть лично известным императорам Александру II и Александру III. Еще в 1868 г. он был производителем дел в „комиссии доставления пособия жителям России, пострадавшим от неурожая хлеба“, председателем которой был наследник цесаревич, впоследствии император Александр III» (*Ордин Б. К.* От издателя // Ордин К. Ф. Соб. соч. по финляндскому вопросу. СПб., 1908. Т. 1: Исследования, статьи, записки и письма. С. IV).

² РНБ, ф. 209, ед. хр. 22, II пачка, л. 2–4 (листы нумерованы в неправильном порядке).

³ ИРЛИ, р. I, оп. 5, ед. хр. 366.

⁴ ИРЛИ, р. I, оп. 21, ед. хр. 164. Эта глава в сокращении недавно опубликована нами (см.: *Балакин А. Ю.* И. А. Гончаров в письмах К. Ф. Ордина к жене (1872) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3: Май–июнь. С. 115–137).

Первая страница очерка Б. К. Ордина «И. А. Гончаров
в семейных воспоминаниях и письмах К. Ф. и С. А. Ординых»

но, вероятно, писалась ранее первой, а поступила на хранение по архивным меркам совсем недавно — в 2008 году.

Мемуарный очерк делится на три части. Первая часть — это краткая история семей родителей Ордина и детские воспоминания о Гончарове самого Бориса Кесаревича. Читая их, следует помнить, что это, во-первых, взгляд ребенка, которому было в то время около шести лет, а во-вторых, что он вспоминает о событиях, происходивших более полувека

назад. Он ясно помнит свои эмоции, ощущения, фрагменты фраз, но допускает невольные смещения во времени и анахронизмы. Вторая часть очерка, его смысловое ядро — это выписки из писем Кесаря Филипповича к жене Софье Алексеевне из заграничного путешествия, в которое он отправился вместе с Гончаровым летом 1872 года, с небольшими вставками и комментариями автора. В заключительной части Ордин со слов матери рассказывает о двух эпизодах той поездки.

Глава книги Б. К. Ордина о зарубежном путешествии его отца с Гончаровым основана на том же самом эпистолярии, однако извлечения из писем сделаны гораздо более обширные, чем в статье. Подлинники их пропали, и поэтому эти выписки приобретают характер первоисточника, хотя они сделаны не с дипломатической точностью: тексты в очерке и в книге иногда незначительно расходятся, и не всегда понятно, где именно допущена ошибка.

Сами письма, несомненно, занимают уникальное место в небогатой мемуарной литературе о Гончарове. Прежде всего, они многое могут добавить к новой «Летописи жизни и творчества Гончарова»: это сведения о перемещениях писателя, о посещениях им музеев и театров, о встречах с отдыхающими в Мариенбаде соотечественниками, даже забавный анекдот о происшествии в табачной лавке во Франкфурте. Но самое ценное — они доносят до нас характер и настроения Гончарова, то, что не могут отразить самые подробные, честные и добросовестные мемуары. Создается замечательная «иллюзия присутствия», что возможно только благодаря отсутствию временной дистанции между фактом и документальной фиксацией его на бумаге. Это едва ли не единственный случай, когда живущий бок о бок с автором «Обломова» его близкий приятель оставляет регулярные записи о беседах с ним, о его настроении, об их совместном времяпрепровождении.

По письмам видно, как с течением времени меняется отношение Ордина к своему спутнику: если первоначально он сочувствует ему и его настроению, то под конец дело доходит едва ли не до ссор и скандалов. У Гончарова был сложный, тяжелый характер, он сам понимал это, поэтому первоначально старался уклониться от предложения Ордина поехать с ним за границу. 6 июня 1872 года он писал: «Я думал, думал — боролся с собою, ехать или не ехать — и наконец вижу, что не могу. Пусть назовут это обломовщиной: оно неправда, да нужды нет!

Я знаю только, что я душевно болен (вероятно, и Вы заметили это) и эта болезнь духа мешает мне во всем вообще, в путешествии в особенности. С первого шага я буду ждать неприятностей, огорчений, и „тонких“, и толстых — всяких! Буду, конечно, бояться их и дома, но там, за границей, я чувствую себя вдвое беззащитнее и вдвое больнее, нежели здесь. Так чувствовал я себя почти во всех поездках — и вместо того, чтоб поправиться и окрепнуть — я возвращался более расстроенный и больной!»¹.

¹ Труды Гос. Публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. Т. 11 (14). С. 160. Год на подлиннике не проставлен; Б. К. Ординым это письмо датировано предположительно 1875-м годом (см.: РНБ, ф. 209, ед. хр. 22, II пачка, л. 5 об.), что, безусловно, ошибочно: едва ли после поездки 1872 года К. Ф. Ордин захотел бы путешествовать вместе с Гончаровым еще раз, к тому же о его последующих поездках за границу сведений нет. К слову, среди неопубликованных и недатированных записок Гончарова к К. Ф. Ордину есть одна, несомненно написанная в 1872 году в Мариенбаде:

«Суббота.

Вот Вам письмо к Кригеру — Кесарь Филиппович: не знаю, годится ли? Je suis au tout de mon allemande. Хотел было написать по-французски — да чтоб путаницы у них не вышло. А этот образчик моего немецкого хотя и плох с литтер<атурной> точки, но зато логично ясен.

Благоволите передать Крохе и нашим любезным спутникам, что я, к крайнему сожалению, к обеду не поспею, ибо с половины третьего — у доктора Отта начинается прием — и я пойду, ибо рука беспокоит меня. Встретил Франкля, да тот ничего не знает.

К картам, если могу, постараюсь поспеть — а до меня Вы на прогулку уходить не можете.

До свидания, И. Г.» (РНБ, ф. 209, ед. хр. 22, I пачка, л. 4–5).

В этой записке названы следующие лица: Йозеф Адам Франкл (Frankl, 1803–1877), самый авторитетный курортный врач, постоянно живший в Мариенбаде (см.: *Jagielski A. V. On Marienbad spa and the diseases curable by its waters and baths.* London, 1873. P. 176), старый знакомый Гончарова еще с конца 1850-х годов. Его имя неоднократно встречается в гончаровских письмах из Мариенбада; две его брошюры, подаренные автором, находились в библиотеке писателя (см.: И. А. Гончаров. Дар в Симбирскую Карамзинскую общественную библиотеку: Каталог. Ульяновск, 2012. С. 142–143. № 360–361). Адольф Отт (Ott, 1835–1920), мариенбадский доктор с 1868 года; впоследствии почетный гражданин Мариенбада, получивший это звание за выдающиеся заслуги в деле развития и популяризации курорта, автор мемуаров. Во время пребывания Гончарова и Ордина в Мариенбаде (с 17 / 29 июня по 17 / 29 июля) суббота приходилась на 24 июня / 6 июля, 1 / 13, 8 / 20 и 15 / 26 июля. Наиболее вероятной представляется дата 8 / 20 июля по следующей причине: в записке Гончаров жалуется на боль в руке, а в письме к М. М. Стасюлевичу от 15 / 26 июля пишет, что боль отпустила («Здесь со мной случилось что-то странное, правая рука вдруг стала немеет, будто по ней ходят мурашки, а потом немного отяжелела и стала не похожа на левую. Я думал, не удар ли хочет прихлопнуть, <...> но вчера немного стало полегче — и вот видите, как проворно царапаю пером!» — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 120) — маловероятно, чтоб рука беспокоила писателя более двух недель. Кто такие упомянутые в записке Кригер, Кроха и «любезные спутники», установить не удалось.

Однако Ордину, впервые едущему за рубеж, нужен был опытный спутник, и он уговорил автора «Обломова», о чем впоследствии, судя по письмам, пожалел. И хотя Б. К. Ордин вспоминает об этой ситуации иначе, свидетельство самого Гончарова в данном случае достовернее.

Ниже впервые публикуется текст очерка Б. К. Ордина о Гончарове. Поскольку, как было сказано выше, в книге об Ордине-старшем выписки из его писем к жене гораздо пространнее, чем в очерке, и существенно дополняют картину происходящего, в ряде случаев они дополнены текстами писем из книги (эти интерполяции отмечены фигурными скобками). В квадратных скобках помещаются дополнения Ордина-сына (как это сделано в рукописи), его же примечания даются под строкой.

Приложение

Б. К. Ордин

И. А. ГОНЧАРОВ В СЕМЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ И ПИСЬМАХ К. Ф. И С. А. ОРДИНЫХ

На экземпляре «Обыкновенной истории» Гончарова, хранящемся у меня, рукою самого автора, Ивана Александровича, написано на первой странице под заголовком: «Софье Алексеевне и Кесарю Филипповичу Ординым да напоминается любезно и дружески о много-почитающем их авторе»^{1*}.

Подаренный экземпляр был четвертого издания — 1868 года. Вот одна из первых дат и характеристик отношений Гончарова к моим родителям, с которыми он был очень дружен, хотя разница лет была велика. Гончарову в 1868 году было 56 лет, отцу моему было 33 года, а матери всего лишь 24. Мне шел второй год. Отец мой в то время был одним из выдающихся и по дарованиям, и по деятельности, и по внешности, образованных работников Петербурга. Он самоотверженно и плодотворно работал на хлопотливой и трудной должности правителя дел С. Петербургского Попечительного совета заведений общественного призрения, ведавшего городские больницы и богадельни и

игравшего главную роль в борьбе с эпидемиями. Матушка, тогда молодая, веселая, живая и умная, горячо любила своего мужа, с которым вступила в брак 23 января 1866 г. и которому осталась верным и преданным другом до смерти.

Знакомство моих родителей с Гончаровым началось еще в доме родителей матушки моей, Алексея Семеновича и Софии Павловны Андреевых. Дядя мой, как и бабушка, очень любили литературу и врацались в обществе образованных людей того времени. Дед, в молодости морской офицер, а позже один из наиболее уважавшихся молодежью строгих воспитателей училища Правоведения, встречался у общих знакомых с Пушкиным, с которым, к ужасу бабушки, часто вступал в горячие споры^{2*}; был близок с некоторыми декабристами и запросто бывал у умного и честного графа Е. Ф. Канкрин, бывшего одно время министром финансов, с которым был на ты^{3*}. Где именно дед и бабушка встретились впервые с Гончаровым, я не знаю; но еще до моего рождения Гончаров, живший на Моховой улице, в доме Устинова, № 3, часто заживал к бабушке Софье Павловне, жившей тоже на Моховой, в угловом доме Кюпа, на углу Пантелеймонской (№ 20/12) в первом этаже, в первой квартире налево от подъезда, с Моховой. Бабушка была не только любезная и радушная женщина, но и очень хлебо-сольная. Несмотря на скромные средства, она умела хорошо угостить добрых знакомых. Ее кухарка Арина превосходно и соп амоге готовила какие-то особенно вкусные русские блюда — сочни, поросенка под хреном, особые битки со сметаню, какой-то необычайный квас и многое другое, о чем я лишь слышал, но что очень влекло к ней любившего покусать Гончарова и великолепного лейб-медика Арендта^{4*}, заезжавшего по пути, в виц-мундире при звездах и в белом галстухе, как тогда делали свои визиты своим важным пациентам знаменитые сановные врачи. А так как бабушка, кроме того, умела отлично наливать чай, до которого сама была большая охотница, да при чае подавала еще превкусные сдобные булочки и сухарики, то Иван Александрович любил бывать у нее запросто то к обеду, то к вечернему чаю. Моя матушка тогда была совсем молоденькой девушкой, а отец, часто бывавший у них, с 1865 года стал женихом моей матери.

Мои личные воспоминания начинаются с первых встреч с Иваном Александровичем. Моя мать, как я уже сказал,

живая и веселая, была скоро на реплику, и Гончаров любил вести с ней споры и поддразнивать ее. Очень часто они спорили о любви, о назначении человека, о семейной жизни, на литературные темы. Иван Александрович подсмеивался над ее обожанием мужа, в котором она видела идеал духовной и физической красоты. Она, в свою очередь, смеялась над слабостями и капризами старого холостяка. Когда я и брат мой, годами моложе меня, Сережа, которому было тогда лет 5–6, были представлены ему, он обошелся с нами ласково, но как-то неумело, как не привыкший к детям, и стал укорять моих родителей за то, что они дали нам какие-то причудливые имена. Тогда уже был на свете младший мой брат Георгий, родившийся 16 мая 1872 года¹.

Мне живо видится плотная фигура Гончарова в темно-серой визитке с искрой, его мягкое по очертаниям лицо с короткими бачками, его серые, шутливо улыбающиеся глаза и слышатся его медлительно произносимые слова, дразнящие матушку и тем задевавшие нас: «Ну, к чему вы дали такие имена? Boris, Serge, Georges!» (Он, чтобы поддразнивать матушку, произносил эти имена, как произносят их французы, — тогда ведь французский язык был очень распространен в обществе.) Моя мать живо протестовала, говоря, что это прекрасные простые русские имена, чего же лучше?! «Ну, а как же, по-вашему, следовало назвать моих сыновей?» — спрашивала она. Он с деланною серьезностью отвечал: «Я бы назвал старшего Прохором, а второго Никанором. Вот настоящие русские имена. Помните, семь дьяконов: Прохор, Никанор, Степан и Пармен и т. д.^{5*}» И с тех пор при каждой встрече он смущал нас, тогда маленьких и робких, вопросом о том, кто из нас Прохорушка, а кто Никанорушка.

В 1880 году мы с братом Сергеем поступили в 3^{бю} классическую гимназию, помещавшуюся на Гагаринской улице, а И. А. Гончаров жил все в том же доме, № 3, Устинова, по Моховой улице. Около трех часов дня, когда кончались классные занятия, и гимназисты возвращались по домам, Гончаров в сопровождении своей любимой собачки «Мимишки»^{6*} шел сам за булками в булочную, кажется, Бётца, помещавшуюся в том самом магазине в доме № 14, по Пантелеймонской

¹ Он преждевременно, в цвете сил, скончался 2 апреля 1914 г. вследствие неудачной несложной операции, вызвавшей заражение крови.

улице, где теперь булочная Лора. В статском пальто, в форменной фуражке с черным бархатным околышем, заложив назад руки и держа в них бумажный пакетик с купленными булками, медленным шагом возвращался он домой. «Мимишка», а часто и другие собаки, с величайшим любопытством, привскакивая, обнюхивали соблазнительное содержимое пакета и видимо наслаждались ароматом горячего хлеба и сливочных сухариков, которые он очень любил.

Обладая хорошим зрением, я издали узнавал грузную фигуру Гончарова, и не раз мы с братом поспешно переходили на другую сторону улицы, чтобы избежать стереотипного вопроса: «А, здравствуйте! Как здоровье ваших родителей? Ведь это вы, кажется, Прохорушка, а вы — Никанорушка?» Помню разговоры о том, как горевал Гончаров, когда умерла его «Мимишка». Он так скорбел, точно он потерял любимого ребенка. Он заказал ей гробик и похоронил ее во дворе, закопав под большим развесистым вязом или кленом, который в то время возвышался среди двора. Под деревом стояла скамейка, на которой он сживал и вздыхал об утраченной привязанности. Позже дом перестроили, выстроили корпус во дворе, и старое дерево вместе с мимишкиной могилкой «общей не ушли судьбы»^{7*}, т. е. исчезли с лица земли. Мне приходилось иногда, по поручению матушки или отца, заходить к нему на Моховую. Как-то неуютно была обставлена его холостяцкая жизнь. Начиная с входа к нему. Приходилось входить из-под полутемной подворотни. Две-три ступеньки приводили в его небольшую квартиру, состоявшую из трех-четырёх маленьких комнаток. Всюду было как-то не вполне светло и как-то не то пыльно, не то неприбрано. Слуга его^{8*}, живший с семьей своей в его квартире, более заботился о себе, чем о барине. Небритый, в довольно поношенном и засаленном пиджаке, он производил впечатление человека, всегда недовольного Гончаровым, который точно не исполнял его требований. Иван Александрович баловал дочку этого лакея^{9*}, девочку довольно неказистую и несимпатичную по виду, а отец ее без конца эксплуатировал доброту или слабость Гончарова. Обстановка, в которой жил Гончаров, не могла содействовать бодрости и радости настроения, она точно обволакивала входившего и, конечно, жившего в ней, скукою, тоскою, угнетала душу самым видом запущенности.

Весною 1872 года отец мой, по настоянию врачей и по совету Гончарова, не раз бывавшего ранее за границую, решился поехать лечиться в Мариенбад, а кстати взглянуть на Германию и Францию.

Гончаров выразил желание ехать вместе, и отец, несмотря на отсоветования матушки, опасавшейся неудобств для него путешествия с капризным и малоподвижным Иваном Александровичем, согласился.

Во время путешествия Кесарь Филиппович по два и по три раза в неделю отсылал Софье Алексеевне, находившейся тогда с детьми в деревне, в Лужском уезде, на даче, в имении Колице, — все виденное и пережитое. Благодаря тому, что она благоговейно хранила эти письма после кончины мужа, последовавшей 5 июня 1892 года, до самой своей смерти — 9 февраля/27 января 1919 года¹ — мы имеем подробности упомянутого выше путешествия.

Приехав в Берлин 23/11 июня 1872 года, Кесарь Филиппович спешит рассказать жене о совершенном переезде.

«Поместились мы в особом купе, устроенном благодаря знакомству И. А. (Гончарова) с чиновниками и чиновницами почтового ведомства...

Он находил, что я не довольно восторгаюсь нашим помещением отдельно. „Точно, говорит, балованный лягавый пес, который слопал в два глотка поданный ему великолепный кус ростбифа, чавкнул и равнодушно отошел в сторону“.

Сравнение это {удивительно} мне понравилось своею картинностью, и я передаю Тебе его отчасти как характеристику наших объяснений с моим приятелем.

Ехали мы до вечера большею частью все в разговорах, или, вернее, в слушании одним того, что говорил другой (читай И. А.). Темы были разные; но в начале преобладала тема на известный минорный тон, повторенная не раз и не два^{10*}. В дальнейшем я уже перестал выражать даже какое-нибудь сочувствие этой теме, и она как-то поспладилась, уступив место другим. Впрочем, менялись и впечатления, особенно перевалившись за границу. Затем, вечером, т. е. после обеда, спали, ели, пили (в русской земле; в прусской плохо)...

¹ С. А. Ордина скончалась после тяжелой болезни, явившейся последствием голода, холода и лишений в ужасном 1919 году.

Ночевали в купе своем не особенно важно, впрочем И. А. лучше, чем я. Он немножко капризен в пути, вероятно, тоже и в жизни вообще; поэтому я постарался предоставить ему удобнеее помещение...

В половине первого, днем, в субботу, мы переехали через границу. Мне не хватает слов, или {нужно} долго рассказывать, какая тоска, отчуждение будто бы от всего дорогого защемило сердце, когда я переезжал нейтральную полосу, передвигаясь от русского вокзала к немецкому. {Впрочем, слезы у меня нынче как-то наготове.}

Вечером, подъезжая, кажется, к Бромбергу, т. е. часов в 10, мы с компаньоном замолчали на несколько секунд; я думал задремать. И что же, в тишине, почти не нарушаемой ровным, хотя и весьма быстрым ходом поезда, я слышу напевание, плохим голосом, но с полным чувством известных Тебе стихов:

Сердце пусто, празден ум
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум...^{11*}

Мне стало так больно, так скорбно, так тяжело за моего доброго, любящего соседа, который, отдавшись мыслям, выливал тоску свою в простых, но трогательных звуках. {Я рад, что он не увидел моих слез, которых я не мог удержать при всем желании.} И сегодня (воскресенье) за обедней (в Берлинской посольской церкви) он стоял подле, мы молились усердно, и мне стало жутко, и волнение, меня охватившее, трудно мне было скрыть...

.....
Два дня как-то удавалось оберегать его от излишних волнений; я выслушивал все эти жалобы, сетования, колебания с терпением... Мне жаль его, капризы его выношу безропотно, но упадок нерв действует на меня невозможно гадко».

Описав свои личные впечатления и все виденное в Берлине без Гончарова, Кесарь Филиппович продолжает: «наконец, пообедал с И. А. у Гиллера — это Берлинский Борель [т. е. первоклассный ресторан]. Прекрасный обед из 6^{ти} блюд с фруктами, кофе, полубутылкою шампанского, и все это обошлось с Frickgeld'ом по 2 талера 5 грошей на брата, т. е. по 2 р. 35 коп. Сравнительно с нашими чрезвычайно дешево. Но зато table d'hôte в гостинице, где мы стояли, невозможный:

это какая-то подлость, а не кушанье — можно решительно себе расстроить желудок».

В другом письме о том же столе он писал: «Мы только что пообедали: 6 блюд, в которые вошла, кажется, вся аптека, так в них много разной москатели».

26/14 июня 1872 г. наши путешественники уже на берегу Эльбы, в Дрездене, в «лучшей гостинице „Belle-vue“. Окно открыто, воздух хороший, пред глазами часть сада, идет дождь».

{После нескольких строк сердечных излияний Кесарь Филиппович продолжает: «Мы приехали в Дрезден сегодня в 12 часов ночи. И. А. телеграфировал в свой знакомый отель, чтобы приготовили комнаты и выслали экипаж. Приезжаем — нет экипажа. Берем знаменитые „Droschki“ и едем в знакомый моему товарищу „Stadt Франкфурт“^{12*}. На пути извозчик слезает с козел и объявляет, что такого уже нет, что хозяин обанкрутился. И. А., который уже начал волноваться оттого, что нет кареты, заволновался пуще. Предстояло бродить по городу и искать, где главу преклонить». Эти поиски, кончившиеся тем, что пришлось остановиться в крошечных комнатухах в гостинице «Belle-vue», до того расстроили Гончарова^{13*}, что Кесарь Филиппович близок был к тому, чтобы как-нибудь развязаться с ним, «как-нибудь отделаться» от него. «Он просто взвыл, завопил, замахал руками и ногами, и пошла истории».

В Дрездене путешественники провели два дня. Кесарь Филиппович «был два раза в знаменитой галерее, любовался и удивлялся тем сокровищам, которые любовь к искусству собрала там». Гончаров, мало понимавший в живописи, мешал своему спутнику. «Если бы я был один, — пишет последний, — быть может, был бы довольнее этими осмотрами и имел бы возможность посвятить им чуть не все время».

Большой любитель цветов, Кесарь Филиппович восхищался в Дрездене прелестными цветниками. С грустью и удивлением отмечает он: «К сожалению, для моего спутника цветы почти не существуют». Из Дрездена наши путешественники выехали при отличной погоде рано утром, в 4 часа. «И. А.-у очень не хотелось, при его апатии, ехать с этим поездом, так как нужно было вставать в 2¹/₂ часа. Однако я пересилил, и он был потом рад... Мы безостановочно со Schnellzug'ом^{14*} приехали прямо в Мариенбад в 4^м часу дня (17/29 июня 1872 г.) и даже в тот же день нашли квартиру, что теперь трудно».

«Поместились сперва, до приискания, в одной комнате, а потом и вовсе разлучились (чем я не особенно огорчен, сказать в скобках). Он поместился в „Sans-Souci“, а я в „Belvedere“^{15*}. По Мариенбаду это довольно далекое расстояние, но, само по себе, оно не более 6–7 минут ходьбы».

Описывая жизнь Мариенбада, Кесарь Филиппович говорил: {«.....К 10^{ти} часам, и даже к 9^{ти} все спят; зато} встают в 5. Я тоже поднялся сегодня в 5, хотя проснулся в 4, совершил свой туалет и без $\frac{1}{4}$ в 6 был приветствован сперва каким-то церковным гимном, а потом всем нам известным персидским маршем, под который и пошел в 6 часов к источнику, где нашел уже большую толпу в сборе».

{Курс лечения должен был состоять из питья упомянутых вод и из ванн, грязевых и минеральных. Погода была худая: «Тот же Петербург в дурную погоду», — шел дождь и было холодно, так как дул сильный северный ветер. Свой образ жизни Кесарь Филиппович описывал так: «... прозябаю как некое плохое растение; жизнью это назвать нельзя. Встаю в 5 часов, исполняю свой туалет и пр., под музыку иду к источнику. Для непривычного человека это очень странно: утренняя свежесть, чуть ни мороз, — не успела еще хоть сколько-нибудь смягчиться солнцем, которое из-за окрестных шаршавых гор выглядывает поздно, а между тем большой бульвар наполнен пестрою толпою, гремит музыка, движение, жизнь, открываются лавки, — все как бы среди дня, после завтрака нашего и между обедом. Дам много нарядных: туалеты утренние особо, среди дня другие, вечером на музыку опять иные, хотя, разумеется, не у всех. Есть много недурных лиц, довольно много с еврейским впечатком, но полнота, от которой и приезжают отделяваться, уничтожает благоприятное впечатление лица.

К крапам с водою, над которыми сделана крытая галерея и ротонды, подходят между решетками, в 3 ряда, делая длинные queues¹. У каждого свой стакан; из него затем он и попивает, выходя из ротонды, — в хорошую погоду на широкий бульвар, в дурную — в покрытую галерею. Вода Kreuzbrunnen, которую я и большинство пьет, портит зубы и имеет чернильный вкус, содержа железо; поэтому некоторые дамы тянут из стаканов воду в рот чрез стеклянные трубочки».

¹ queues = хвосты, очереди

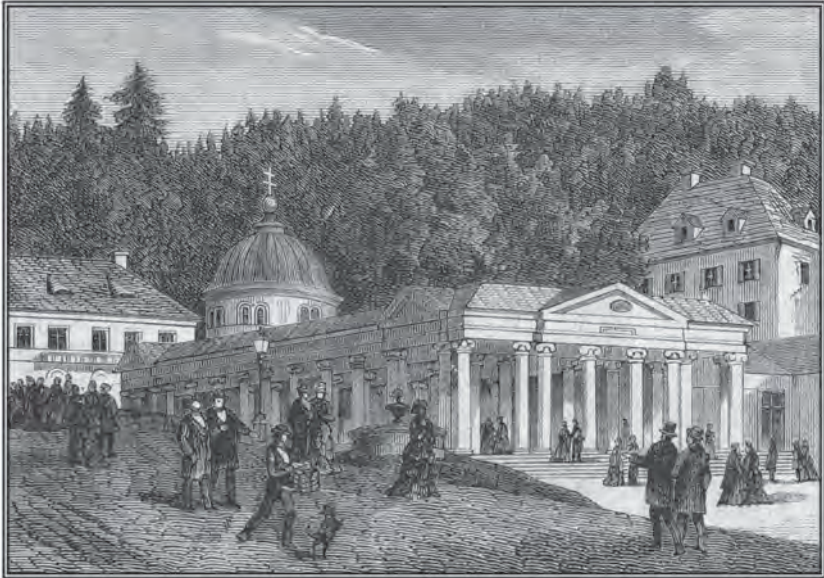

Мариенбад, отель «Sans-Souci». Открытка начала XX в.

Дав описание примитивного устройства некоторых учреждений, имеющих для пьющих воды значение, ввиду особого действия Мариенбадских вод, Кесарь Филиппович замечает: «Нашего комфорта нигде нет»^{16*}.

«После вод и прогулки я иду завтракать. После завтрака опять немножко хожу, затем кое-чем занимаюсь, потом ванны, потом обед, — думаю с сегодня обедать в „Belle-vue“, — очень хороший стол, только несколько далеко, по-здешнему, и притом надо накануне заказывать; затем опять прогулка с И. А. (Гончаровым), музыка, вечерний чай или ужин и на боковую часов около 10^{ти}».)

Иванов день, 24 июня / 6 июля, день именин Гончарова, Кесарь Филиппович отмечает как день, когда он получил долгожданное письмо от жены: «Даже И. А. на минуту вострепнулся и с оживлением пожал мою руку, увидев мое счастье». О нем он пишет Софье Алексеевне: «Почтеннейший И. А. усугубляет тяжесть удаления от Тебя своим нравственным состоянием. Он так расстроен нервами, что при всем моем к нему сочувствии, я скоро решительно не буду в состоянии быть с ним. Очевидно, что ему воды и ванны, которыми он пользуется без врача, по собственному усмотрению, принесут более вреда, чем пользы. Даже не думает

Мариенбад, источник Kreuzbrunnen. Гравюра 1877 г.

ли он отправиться в обратный путь, не дожидая ничего далее. Я был бы не прочь остаться один, даже очень. Могу даже сказать, что он вредит моему лечению... Мои нервы, чувствую это, падают от частых сношений с ним и от убийственной его раздражительности, неопределенной, противоречивой, основанной на каких-то галлюцинациях. Да, Ты, как всегда, была права, выражая желание, чтобы он не ехал за границу со мною. {Отчасти и мои догадки предсказывали это, но я хотел думать, что ошибаюсь и что могу способствовать восстановлению его сил. Сначала будто бы на это было похоже, но потом так, ни с того ни с сего, de but en blanc^{17*}, только под гору и все хуже и хуже.} Я уже свел к тому, что живем мы врознь, теперь и обедаем розно, и среди дня не видимся; но остается утро на promenade'e, куда он приходит позже меня и задерживается, и вечером, с 4^x часов; когда мы ходим вместе на окружающие холмы и в прекрасные леса. Речи его, жалобы, сетования, галлюцинации — ужасны, — но леса прелестны...» {При письме приложен был вид Мариенбада — фотографическая карточка, — на которой были отмечены дома, где жили Кесарь Филиппович и Иван Александрович. Говоря с восхищением, как любитель красот

Мариенбад, источник Kreuzbrunnen. Фотография 1894 г.

природы, о прекрасных лесах, Кесарь Филиппович пишет: «Если мой компаньон не очень уж меня душит, то эти вечерние прогулки прелестны. Великолепные, чистые леса, хорошие дороги, благорастворенный воздух, — от времени до времени далекий вид, — все это действует успокоительно и, вероятно, сколько-нибудь полезно для здоровья. Леса эти, как Ты видела на фотографии, облегают Мариенбад».

{С наступлением тепла и хорошей погоды И. А. Гончаров ожил и даже шутит и пускается на шалости. То он «пилит» Кесаря Филипповича «до бесконечности» за то, что он носит ботинки, а не сапоги с голенищами, страмит <sic!> его перед «стариком» Утиным^{18*} и шутит с двумя 60^{ти}летними генералами¹, которые очень льнули к Гончарову и Кесарю Филипповичу.

«Теперь — пишет Кесарь Филиппович Софье Алексеевне 2 / 14 июля 1872 г., — когда пошла третья неделя нашего пребывания в Мариенбаде, мы каждый день пересчитываем,

¹ Один из генералов был Толстой^{19*}, имени другого выяснить не удалось^{20*}; «старик» Утин — вероятно, отец известного позже банкира Якова Исааковича Утина.

Мариенбад, кафе «Belle-vue». Открытка конца XIX в.

сколько мне еще осталось каких ванн, сколько дней на то и на другое, сколько денег нужно и пр. Не думай, впрочем, что все разговоры наши на этом только и вертятся: иногда предметы бывают более серьезные и даже совсем серьезные. Но иногда, когда оба мы случаемся в духе и, сидя вечером на promenade'e, смотрим, как собирается публика на музыку — когда музыка начинает играть, «мы» обыкновенно уходим в лес, находя, что музыка «c'est un bruit plus en mains desagreille»¹, — тогда, говорю я, смеху не бывает конца от обоюдной передачи своих замечаний и мнений, впрочем, совершенно безобидных.} А между тем Ваш муж одержал какую-то победу... Attention! Иван Александрович говорит: „Я только четыре строчки напишу Софье Алексеевне:

А он, забыв любовь и слезы,
Своей подруги молодой,
Рвет на чужбине счастья розы...
(Не помню последнего стиха)“^{21*}.

Сегодня, только что вернулся с promenade'ы утром и стал кипятить себе воду для чая, как стук-стук в дверь. „Herein!“ Входит Marie, девушка из одной лавки, где мы с И. А. кое-что покупаем, и подает мне прекрасный букет из роз с резедой, в кружевной обложке, все как бы должно. Откуда это? Вы, вероятно, ошиблись, у меня нет никого знакомых здесь! „Nein, mein Herr, ich weiss nichts davon; ich weiss

¹ «Это шум, более или менее неприятный».

nur dass zwei sehr schöne israelitische Damen empfehlen sich Ihnen und schiken dies Bouquet!“¹. Можешь себе представить! Да кто такие? „Ich weiss nicht — zwei schöne israelitische Damen“². Каково? А? Israelitische... Недаром, верно, в прошедшем письме я похвалил тебе евреек отчасти... Ну, что же, пуцай себе стоит букет! Двадцать полураспустившихся роз да резеда наполняют комнату „благоуфанием“, как говорит Никитенко... И. А. восклицает: „Шлю Софье Алексеевне телеграмму самую лаконическую: «Спасайте, на краю гибели, хочет даже переменить христианскую веру...»“ и тому подобный вздор... NB. Оказалось, что с букетом подшутил И. А., о чем я и догадывался».

Ровно через месяц пребывания в Мариенбаде Кесарь Филиппович вместе с Иваном Александровичем к 18/30 июля 1872 г. приехали во Франкфурт на Майне.

Приехав туда, наши путешественники, «благодаря упорству, совершенно глупому», Гончарова, остановились на шумной улице Zeil'я в большой, но очень не понравившейся Кесарю Филипповичу гостинице «„Zum Römischen Kaiser“^{22*}, где нашлись комнаты лишь в четвертом этаже, на припеке».

По пути во Франкфурт они приостановились в городке Эгере, отмеченном в истории смертью в нем знаменитого Валленштейна.

Описав красоты видов и природы, виденной из окон вагона во время переезда и упомянув о высоком уровне сельского хозяйства в Баварии и по пути к Франкфурту, Кесарь Филиппович рассказывает о большой прогулке, совершенной им вместе с И. А. Гончаровым 30/18 июля после обеда «по городу и за город в так называемый „Palmengarten“. Прогулка, особенно возвращение, были прелестны, хотя и приустила ноги. Дорога лежала по прекраснейшей тенистой улице „Vockenheimenlandsshrasse“, сплошь усаженной вековыми каштанами и застроенной прелестными виллами, что называют французы „entre cour et jardin“^{23*}».

Уделив ряд строк на описание красоты и вкуса восхитивших его садов и цветов, Кесарь Филиппович продолжает:

¹ «Нет, сударь, я ничего об этом не знаю; я знаю только, что две очень красивые дамы-еврейки кланяются Вам и посылают этот букет».

² «Я не знаю, две красивые дамы еврейки».

«К сожалению, в спутнике я не встретил никакого сочувствия^{24*}. Собирались тучи, и он все обозревал горизонты. Послушав немного музыку, мы около 9^{ти} часов вечера пошли домой, и я в первый раз в жизни, кажется, вдыхал вечерний воздух этот, теплый, мягкий, не сырой, настолько не сырой, что несколько времени я шел с открытой головой».

Из Франкфурта Кесарь Филиппович и Иван Александрович съездили почти на целый день в Гомбург, а 1го августа, по старому календарю 20 июля, в Ильин день, в 4^{1/2} часа со скорым поездом из Франкфурта выехали в Париж.

Поездка в Париж их и манила, и пугала. Ведь это было тревожное время, вскоре после франко-прусской войны, коммуны и падения империи Наполеона III. Накануне отъезда из Франкфурта Кесарь Филиппович писал жене об опасениях того времени про Париж: «Он мятежный, не знаешь, что будет завтра, и не придется ли оттуда бежать стремглав, если, впрочем, пустят бежать. К разным неудобствам присоединялось еще то немалое, что теперь во Франции наплодили бумажных денег, которые вне ее не имеют хода».

Итак, поехали прямо со скорым поездом: «У нас решено было ехать прямо, не останавливаясь в Кёльне, а он (И. А. Гончаров), проехав по Рейну, стал томиться до невозможности: „Вот, в Кёльне, лучше бы ночку-то проспать хорошенько в *hôtel'e*; да у меня что-то руки начинают побаливать“, да „приедем мы завтра совсем изломанные“, да „вот чайку бы тогда хорошенько напились“ и пр., и пр. все в этом же роде».

В таких случаях Кесарь Филиппович взял себе за правило упорно молчать. Гончаров охал: «„Ну, вот, мы опаздываем, мы очень опаздываем; тот поезд наверное уж уйдет, а не то так едва успеем место занять; где же тут поесть и чаю попить!?!...“ — причитывал он.

Наконец, приехали в Кёльн. Суматоха, беготня, множество поездов, едва светло от фонарей (11ый час вечера).

„Долго ли остаемся?“ — „Paar Minuten“.

Я складываю свои пожитки, вылезая и бегу искать „Wo ist der Zug nach Paris?“ Нашел; водворяюсь; за мной и Иван Александрович — кряхтит, бранится, весь — гнев и досада; к тому же мы не вдвоем: с нами третий господин. Однако ему, т. е. Ивану Александровичу, необходимо удалиться, и он, оставив меня настороже, бежит.

Я жду, стою, сижу, похаживаю; проходит малая толика времени, начинают запирать вагоны. Вдруг Иван Александрович, весь сияющий: „А я ведь успел, — говорит он, веселый и радостный, — и чайку выпить, и все, и вот, смотрите-ка еще, что добыл: это нам на дорогу ужин. Каков цыпленок!? А?! Один восторг! А вот и хлеб, pain de famille, и соль есть, все. Поедим всласть! Уж придется руками рвать, ну да ничего...“ и т. д., и т. д. Вот Тебе один из тысячи более или менее похожих один на другой эпизодов».

«Друзья сердечные» прибыли в Париж в 10^{1/4} часов утра.

Въезд во Францию и в Париж сопровождался неприятными впечатлениями. На франко-бельгийской границе в «Feumont некая баба, помощница что ли досмотрщика, в моем маленьком саквояже перерыла все и, разумеется, ничего не нашла, потому что я не курю.

Но еще более возмутили меня объяснения в Париже, при досмотре большого багажа, только не моего, а Ивана Александровича. В моем чемодане порылись, и все тут. Я объявил фунт чаю. „Vous pouvez garder votre thé“^{25*}. Но с сигарами Ивана Александровича это целая история. Его перебуравили всего, отыскивая сигары, которых, впрочем, он объявил 75 штук. Он, по непрактичности своей, стал с ними объясняться, заявлять права на доверие, на то, чтобы его не беспокоили, что он пятнадцатый раз в Париж приезжает, и прочее, и прочее.

До сих пор не могу вспомнить хладнокровно, как они насмехались над его довольно наивными заявлениями прав на доверие, когда все десять раз менялось с революцией, коммуною, немцами и проч. и когда нет, действительно, никакой возможности помнить, что из миллионов приезжающих ежегодно был когда-то „un monsieur Comte Scharoff“, как они его, между прочим, окрестили. Меня возмущало не исполнение обязанностей, а грубость и насмешки, с которыми это делалось.

Остановились в маленьком hôtel d'orient^{26*}, весьма знакомом Ивану Александровичу, „Rue neuve St Augustin“, совсем близко от Rue de la Paix и от бульваров. Отель очень миленький, и, разумеется, я не желал бы променять его на какой-нибудь „Grand Hôtel“, где 900 с чем-то номеров и человек перестает быть M^r un tell^{27*}, и делается только №-ром. Я имею во дворе, по-здешнему во 2^м, по нашему в 3^м этаже

две комнатки, очень милостивые, хотя несколько fanées^{28*}, salon и спальня. У И. А^{ча} то же самое этажом пониже и понаряднее. Цена та же, 6 фр. в день. Обедаю за table d'hôte в этой же гостинице, очень мило». 4 августа / 23 июля 1872 г. Кесарь Филиппович продолжает: «Я был прерван Иваном Александровичем, который пришел ко мне и потащил меня ходить по городу и делать покупки.

.....

Итак, мы ходили; часа полтора провел в огромном и прекрасном „Magasin de la Paix“. Он очень хорош, но дешевле несколько „Compagnie Lyonnaise“, где за посещение чуть не тысяча франков. Затем дождь (холод и здесь меня преследует, и в Петербурге)... Потом опять пошли по некоторым улицам, а затем взяли извозчика и проехали в Notre Dame de Paris; я осмотрел этот собор бегло внутри и снаружи; далее проехали мимо „Marque“ и „Hôtel Dieu“ (новая больница, великолепная, начата была давно Наполеоном), в Jardin des Plantes, откуда опять выгнал дождь; потом на площадь Бастилии, где Июльская колонна — её теперь чинят, так как пробита коммунистами, — по многолюдным бульварам — Beaumarchais и др. и потом с бульвара Pissonnière прошли пешком, осмотрев по дороге недостроенную еще прелестную „Nouvel Opera“. Забыл сказать, что перед тем уже мы осматривали развалины „Tuileries“, „Palais Roial'a“, „Hôtel de ville“ и остатки Вандомской колонны. Если бы Ты могла себе вообразить то тяжелое чувство, которое давит, глядя на эти свежие развалины, на это отвратительное варварство! И везде эти политические хлыщии поспешили написать на видных местах „Propriété nationale“, „liberté, égalité, fraternité“^{29*}. Мы обедаем в 6 часов. В 8 отправились в Comédie Française, где посредственно исполнена была „Valéria“^{30*} и великолепно „Le goudre de Mr Poirier“^{31*}, где Got^{32*} и давно известный Петербургу Bressant^{33*} меня восхитили».

Непрекращавшаяся дурная погода, истощение взятого с собою денежного запаса, а, главное, желание скорее вернуться к жене и детям и пожить еще несколько с семьей в деревенской тиши, побудили Кесаря Филипповича {отказаться от намечавшейся ранее поездки в Булонь и} спешить домой.

«Нет, решительно, еду домой, — написал он 5 августа/24 июля Софье Алексеевне, — хотя достопочтеннейший И. А. и Бог весть как меня ругает, вчера так даже мы совсем

с ним поссорились. Он мне наговорил дерзостей, я его назвал деспотом, и мы разошлись часа на два. За table d'hôte'ом, впрочем, мы опять были друзьями. Но, ах, как он тяжел для житья с ним более или менее близкого! Нервам успокоиться не на чем, сказать нечего. Впрочем, Бог с ним; я ему очень много обязан за сопутничество, за некоторые советы, многие указания и т. п., притом он очень добрый человек.

.....
Иван Александрович, когда застаёт меня за письмом, все подсмеивается: „Вы о чувствах что ли пишете?!“ Да, теперь ему уже трудно усвоить понятие о необходимости в жизни такой привязанности, какую я к Тебе счастлив. У него какие-то свои, полустарческие, холостяцкие теории. Но об этом на словах много и много поговорим».

Отъезд из Парижа был назначен 9 августа/28 июля, и письмо от 5 августа/25 июля было последним. «Пора домой, очень душа просит», — писал Кесарь Филиппович жене и заканчивал письмо словами: «Когда Ты получишь это письмо, я буду уже в дороге, может быть, даже в Берлине».

В дополнение к приведенным мною строкам из писем отца сообщу еще то, что я слышал из его уст и от матери о той слабости авторского самомнения и горделивости, которые порою обуревали Гончарова. Я живо помню два эпизода — один произошел, кажется, во Франкфурте на Майне, другой в Париже. И. А. Гончаров, которому тогда было уже 60 лет, любил плакаться и говорить о том, как в России его мало ценят, как мало вообще интересуются литературой. Русским невежеству и нелюбознательности он противопоставлял немецкие культурность и литературную образованность. Разговорившись как-то на эту тему, Гончаров повел моего отца в табачный магазин, говоря, что он своими глазами и ушами убедится в том, как его знают и чтут даже лавочники-немцы за его литературные заслуги.

Входят в магазин. Пожилой сухопарый приказчик вежливо им кланяется — и спрашивает, что им угодно. Но никаких признаков радости от лицезрения великого Гончарова не проявляет. Иван Александрович — и так, и сяк. Ничего не выходит. Начав с расспросов о табаке и сигарах, Гончаров наводит разговор на литературные темы. Но лавочник не догадывается. Наконец, теряя терпенье и конфузясь перед

спутником, Гончаров называет имевший в Германии успех свой роман «Обломов». Немец, чувствующий, что он что-то должен признать в собеседнике, с радостью восклицает: «Ah, Herr Obmoloff, Herr Obmoloff!» — с ударением на первом слове <sic!> и с перестановкою букв «л» и «м».

Раздосадованный и смущенный Гончаров разъясняет ему его ошибку и недовольный уходит из магазина, сетуя на немецкую тупость^{34*}.

Другой подобный же случай произошел в Париже. Гончаров уверил отца, что о гостинице беспокоиться нечего, что он телеграфировал заблаговременно и что там за ним ухаживают самым предупредительным образом.

Приехали в Париж; со станции взяли карету-фиакр. Приближаясь к гостинице, Гончаров начинает любопытствовать, выглядывает в окно и не без торжества обращает внимание спутника на необычайные приготовления. На ступенях подъезда раскинут великолепный ковер, поставлены живописные экзотические растения — пальмы и латании, — нарядная прислуга суетится и сам владелец отеля нервно прохаживается в цилиндре, во фраке и белом галстуке. Гончаров, весьма польщенный, не без гордости толкает в бок Кесаря Филипповича и обращает его внимание на весь этот парад.

Экипаж останавливается, они выходят... И что же? Не только никто не приветствует знаменитого клиента, но даже, по-видимому, на обоих приезжих смотрят как на причиняющих доuku, и директор отеля торопит слуг, чтобы они скорее уносили их вещи и уводили их в контору для выбора номеров.

Тогда удивленный и недоумевающий Гончаров говорит директору, что номера должны быть оставлены, так как он заранее телеграфировал, и кстати спрашивает, что же значат эти приготовления и ожидания. Тот, спеша отбояриться от него, скороговоркою объясняет, что они ждут с минуты на минуту приезда канцлера князя Горчакова, который им телеграфировал с пути о приготовлении ему помещения. В то время имя светлейшего князя Горчакова в Париже могло служить великолепною рекламою для гостиницы. Живо можно себе представить все разочарование легковерного хозяина отеля, когда выяснилось, что его восторги ожидания вызвал телеграфист, искаживший фамилию и сделавший из Гончаро-

ва — Горчакова. Искажения русских фамилий, имен и названий, как известно, как-то особенно свойственны французам^{35*}.

С годами талант Гончарова заметно, для знавших и ценивших его, все более и более гложнул и иссыкал, все более огонь дарования задыхался в тумане нервозной его подозрительности, ненависти к Тургеневу и в болезненном самолюбии.

Я помню, как восхищавшиеся первыми романами Гончарова родители мои были удивлены и смущены «Миллионом терзаний»^{36*}, который Гончаров сам читал в их присутствии в доме сестры моей матери, Екатерины Алексеевны Богушевич^{37*}, как-то вяло и скучно. «Слуги»^{38*} произвели на них еще более удручающее впечатление. Помню, как меня самого удивляло и огорчало то чванное и мелочное удовольствие, с каким Гончаров рассказывал об интимных обедах у великого князя Константина Николаевича, в Мраморном дворце. Он был преподавателем русской словесности у его детей — Константина и Дмитрия Константиновичей^{39*} и очень любил упоминать о их любезном и почтительном к нему отношении.

За много лет до смерти — он скончался 15 сентября 1891 года, всего за восемь месяцев и двадцать дней до смерти своего молодого спутника 1872 года, Кесаря Филипповича, — Гончаров поблек и душою, и телом, потускнел и завял. Его скучная и ему самому тяжелая жизнь догорала в тоске одиночества, в брюзжании на русское общество, не сумевшее проявить ему достаточного, по его мнению, признания, в ревнивой досаде на более счастливых писателей.

9 февраля 1924 года

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нынешнее местонахождение этого экземпляра неизвестно. Четвертое издание романа «Обыкновенная история» вышло в свет в марте 1868 г., Гончаров подарил его Ординым в ноябре того же года (см.: Неизданные письма И. А. Гончарова / Публ. Р. Б. Заборовой // Труды Гос. Публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. Т. 11 (14). С. 158).

² Алексей Симонович Андреев (1792–1863) преподавал математику в Училище правоведения в 1825–1850 годах и был «один из самых любимых людей во всем училище...» (Стасов В. В. Училище Правоведения сорок лет тому назад. В 1836–1842 гг. //

Русская старина. 1881. № 3. С. 417). Его единственная встреча с Пушкиным произошла в конце мая 1827 года: Андреев на Невском случайно встретил Дельвига и Пушкина, и они вместе посетили выставку Общества поощрения художников в доме Таля (ныне Невский просп., д. 20), где экспонировалась картина К. П. Брюллова «Итальянское утро» (см.: *Ашукин Н.* Пушкин перед картиной Брюллова: (Из бумаг А. С. Андреева) // *Звенья.* М.; Л., 1933. Т. 2. С. 235–241). Знакомство Пушкина с его женой Софьей Павловной (1805–1883) маловероятно.

³ Егор Францевич Канкрин (1774–1845) был министром финансов с 1823 по 1844 год.

⁴ Николай Федорович Арендт (1785–1859), лейб-медик с 1829 по 1839 год.

⁵ Среди первых семи диаконов, избранных апостолами (Деян. 6: 1–6), были действительно Прохор, Никанор, Стефан и Пармен.

⁶ Мимишка — любимая собачка Гончарова, подаренная ему племянником в конце 1850-х годов; околела 17 февраля 1872 года, за восемь лет до описываемых событий. См. наст. книгу, с. 292–294.

⁷ Измененная цитата из последнего стихотворения Державина.

⁸ Карл-Людвиг Трейгут (ум. 1878), слуга Гончарова с 1869 года.

⁹ Александра Карловна Трейгут (в замуж. Резвцова, 1869–1928), старшая дочь К.-Л. Трейгута, любимица Гончарова. Кроме нее у Трейгутов были дочь Елена и сын Василий. См.: Письма И. А. Гончарова к А. К. Трейгут / Публ. А. В. Романовой // *Русская литература.* 2016. № 2. С. 91–99 (здесь же в преамбуле и примечаниях указана основная литература вопроса об отношении Гончарова к А. К. Трейгут).

¹⁰ Имеются в виду маниакальные подозрения Гончарова, которые спустя три года легли в основу «Необыкновенной истории».

¹¹ Цитата из пушкинского стихотворения «Дар напрасный, дар случайный...» (1828), до 1870-х годов несколько раз положенного на музыку (см.: Пушкин в музыке: Справочник / Сост. Н. Г. Винокур и Р. А. Каган. М., 1974. С. 44).

¹² В этом отеле Гончаров останавливался в 1870 году.

¹³ Реакция Гончарова не совсем понятна; двумя годами ранее он писал М. М. Стасюлевичу: «Если Вы придете в Дрезден, то рекомендую Вам *Hôtel Belle-vue* — она над Эльбой — вся в зелени, с террасами на Эльбу» (письмо от 7 (19) июля 1870 года. — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 102; далее — *Стасюлевич*).

¹⁴ скорый поезд (*нем.*)

¹⁵ Согласно курлистам (см.: *Marienbader Curliste.* 1872. № 68. 2 jul.) 28 июня в Мариенбад прибыл «Herr Johann von

Gontscharoff, kais. russ. Wirklicher Staatsrath aus Petersburg», поселившийся в модном отеле Sanssouci, где останавливались знатные особы. Спустя два дня в отеле Belvedere зарегистрировался и К. Ф. Ордин (см.: Marienbader Curliste. 1872. № 70. 3 jul.; в рукописи ошибочно: Belle-vue).

¹⁶ Имеются в виду уборные. Об «особом действии Мариенбадских вод» Гончаров писал, в частности, Евг. П. и Н. А. Майковым 7 (19) июля 1859 года: «Встречаясь друг с другом на променаде, на музыке, знакомые говорят не о политике, а с участием спрашивают друг друга: „Действует ли вода?“ „Да, порядочно“. „Сколько раз“ и т. д. следует <sic!> подробности о том, как действует, когда и прочее. Иной любезничает с дамой, да вдруг остановится сначала как вкопанный, потом убежит на полуслове» (ИРЛИ, ф. 166, оп. 4, ед. хр. 35, л. 35). Ср. также письмо к И. И. Льховскому от 15 (27) июля 1857 года (Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 114).

¹⁷ *Здесь*: ни с того, ни с сего (*фр.*).

¹⁸ Исаак Осипович Утин (1812—1876), купец первой гильдии, отец Л. И. Стасюлевич и ее многочисленных братьев, приехавший в Мариенбад 16 июня (см.: Marienbader Curliste. 1872. № 53. 18 jun.). О нем Гончаров писал М. М. и Л. И. Стасюлевич 15 (27) июля 1872 года: «Был здесь Ваш Тятенька — и уехал — таким же здоровым, как был, но в новых ботинках» (*Стасюлевич*. С. 120).

¹⁹ Генерал-лейтенант Илья Андреевич Толстой (1813—1879), брат хорошей знакомой и корреспондентки Гончарова Александры Андреевны Толстой; согласно курлистам (см.: Marienbader Curliste. 1872. № 98. 25 jul.), приехал в Мариенбад 22 июля.

²⁰ Возможно, генерал-лейтенант Эрнст Карлович Петерс (1813—1891), приехавший 5 июля (см.: Marienbader Curliste. 1872. № 77. 7 jul.)

²¹ Неточная цитата из стихотворения К. Н. Батюшкова «Разлука» (последняя строка «С красавицей другой»).

²² В этом отеле Гончаров останавливался в 1868 и 1871 годах (см.: *Стасюлевич*. С. 30, 104, 106; Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 414).

²³ «между двором и садом» (*фр.*)

²⁴ Ср. с впечатлениями Гончарова из письма к М. М. Стасюлевичу от 6 (18) июля 1871 года: «Вчера был в Palmergarten: нарочито гнусно! Карикатура неудачная на Parc Monceaux!» (*Стасюлевич*. С. 105).

²⁵ «Можете оставить свой чай» (*фр.*).

²⁶ В этом отеле Гончаров неоднократно останавливался в 1860-х годах.

²⁷ *Здесь*: кем-то, личностью (фр.).

²⁸ потрепанные (фр.)

²⁹ Ср. с впечатлениями Гончарова из письма к Стасюлевичу от 24 июля (5 августа): «Париж так велик, что следы пожаров почти незаметны, кроме как в Тюльери, от которого осталась только наружная декорация да Hôtel de Ville и Министерство финансов представляют вид развалин, а все прочее перестроено и замазано. Удивительно то, что эта сволочь жгла не одни только монархические памятники, но и свои народные, даже памятники революции. Например, они подвели в канал под Июльскую колонну целую лодку петроля и хотели тоже ее разрушить! Или — сожгли еще так называемый *grenier d'abondance* громаднейший запасный хлебный магазин: зачем это все? Какой принцип, какие идеи и чувства управляли разрушителями? Впрочем, каких принципов, идей и чувств можно ожидать от выпущенного из клеток зверинца? О, сукины дети, сукины дети! Жгут памятники, музеи, библиотеки, хлебные запасные магазины, убивают — и смеют говорить о свободе и цивилизации! Везде понаписали: *propriété nationale*, всюду — *égalité, fraternité et liberté!* Черта с два!» (Стасюлевич. С. 122).

³⁰ «Валери», прозаическая комедия в трех актах Эжена Скриба (Scribe) и Мельвиля (Mélesville); премьера состоялась 21 декабря 1822 года в Комеди Франсез.

³¹ «Зять господина Пуарье», прозаическая комедия в четырех актах Эмиля Ожье (Augier) и Жюля Сандо (Sandeau) (преьера 8 апреля 1854 года в Театр Жимназ), пользовавшаяся огромной популярностью и многократно ставившаяся в различных театрах (в 1933 году по ней был снят художественный фильм).

³² Эдмон Гот (1822–1901), французский актер, член товарищества Comédie Française (дебютировал на сцене этого театра в 1847 году); по словам современника, «талант его обладает гибкостью и разнообразием, которые уже давно не нуждаются в доказательствах» (см.: *d'Heilly G. Foyers et coulisses: Histoire anecdotique des théâtres de Paris. Comédie-Française. Paris, 1873. T. 2. P. 107*).

³³ Проспер Брессан (1815–1886), французский актер, член товарищества Comédie Française; с 1838 по 1846 годы играл в Михайловском театре в Петербурге. В рукописи ошибочно: Bressaux.

³⁴ В книге о своем отце Б. К. Ордин рассказывает об этом происшествии несколько по-иному: «Как известно, Гончаров очень ревниво относился к своей литературной славе, кичился ею и преувеличивал свою известность. Как-то во время пребывания в Германии он расхваливал немецкую образованность и, в подтверждение этого, приводил будто бы несомненный факт

почитания его даже мелкими лавочниками. Желая показать это Кесарю Филипповичу на примере, он повел его, во Франкфурте на Майне, в табачную лавочку, где они очень любезно были встречены хозяином. Иван Александрович сейчас же дал понять Кесарю Филипповичу, что это один из почитателей его литературного таланта, и стал вызывать признание лавочника. Табакоторговец долго не мог сообразить, в чем дело, и, когда, после долгих наводящих разговоров, Гончаров открыл ему, что он и есть автор „Обломова“, то немец с радостью воскликнул „Ach! Herr Oblomoff“, чем, к великому неудовольствию Ивана Александровича, обнаружил, что ни Гончаров, ни Обломов не запечатлелись в его памяти» (цит. по: Балакин А. Ю. И. А. Гончаров в письмах К. Ф. Ордина к жене (1872) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 128).

³⁵ Это происшествие случилось четырьмя годами ранее; ср. в письме Гончарова к Стасюлевичу от 19 (31) июля 1868 г.: «Сюда я приехал под именем Горчакова; ведь иностранному уху это звучит все равно. В Висбадене, больше от праздности, так как я рано до поезда приехал, послал я сюда телеграмму в свою отель, чтобы оставили мне мою комнату. Они уже знают какую. Приезжаю, а они и не думали. „Что же? а депешу получили?“ „Так это — вы?“ с вытянутым лицом говорят они. (Можете себе представить, каким оскорбительным тоном сказано было: *C'est Vous!* <...>). Это была первая минута, когда мне сделалось не то что весело, а смешно, потому что хозяева, кажется, уж и танцоров со щетками пригласили гладить полы в большой квартире» (*Стасюлевич*. С. 37).

³⁶ Статья «„Мильон терзаний“» появилась в 1872 году (*Вестник Европы*. 1872. № 3, подпись: И. Г.), незадолго до совместного путешествия Гончарова и Ордина.

³⁷ Екатерина Алексеевна Богусевич (ок. 1837–1877) — сестра С. А. Ординой, жена сослуживца Гончарова по газете «Северная почта» Ю. М. Богусевича.

³⁸ Очерк «Слуги» появился в 1888 году в журнале «Нива» (№ 1, 2, 3, 18).

³⁹ Гончаров давал уроки словесности великому князю Константину Константиновичу с октября 1872 по июнь 1873 года (см. наст. книгу, с. 195–213). О его уроках великому князю Дмитрию Константиновичу сведений нет. Ср. примечание Б. К. Ордина к одному из писем: «И. А. Гончаров преподавал русскую литературу детям Великого Князя Константина Николаевича — в Мраморном дворце — куда его в восьмидесятых годах довольно часто приглашали обедать, о чем он рассказывал всегда с удовольствием» (РНБ, ф. 209, ед. хр. 22, II пачка, л. 5 об.–6).

ГОНЧАРОВ И А. Ф. КОНИ

Заметки к теме

1. ГОНЧАРОВ И КОНИ ЛЕТОМ 1887 ГОДА

О последних годах жизни Гончарова документальных свидетельств сохранилось немного. Это неудивительно: больной и мнительный писатель ограничил круг общения, почти не принимал гостей и сам покидал дом только для прогулок. «Мне совестно перед всеми, что я как будто кроюсь от людей, — признавался он в одном из писем, — что отчасти и справедливо и чему причиной старость и недуги — что делать: я устал, истомился, изжился и физически и морально»¹. Гончаров никогда не был женат, и его семьей под конец жизни фактически стала семья его слуги К. Л. Трейгута, умершего в 1878 году, — вдова Александра Ивановна Трейгут и ее дети.

Одним из самых близких друзей автора «Обломова» в 1880-е годы был юрист А. Ф. Кони. Тридцатилетняя разница в возрасте не мешала этой дружбе, чему свидетельствуют девять десятков писем Гончарова к нему, где одинокий старый писатель делится радостями и сомнениями, рассказывает о домашних делах, приглашает на чтение своих новых сочинений, спрашивает юридического совета. Кони часто посещал Гончарова в его квартире на Моховой улице, а также виделся с ним на побережье Балтийского моря, где автор «Обломова» снимал дачу — в 1880, 1883 и 1885 годах в Дуббельне, а в 1887 году в Гунгербурге (ныне Усть-Нарва)².

В 1887 году Гончаров испытал последний творческий подъем. Еще в начале года он завершает начатый два десятка лет назад очерк «Из университетских воспоминаний», который

¹ Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 505 (из письма к А. Ф. Кони от 25 апреля 1887 г.).

² См. об этом: *Меймре А.* Топография культуры: Деятели русской культуры — дачники в Эстонии. М., 2011. С. 109–112 (глава «И. А. Гончаров в Гунгербурге»).

публикует в «Вестнике Европы» (1887. № 4), и вскоре приступает к работе над полубеллетристическим-полумемуарным циклом очерков о своих слугах. 7 мая он сообщает Кони, что читал написанное редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу и своей старой знакомой и помощнице С. А. Никитенко: «...оба они одобряют, но мне нужен и Ваш голос, который и был бы решающим. Если б и он был в пользу мою, тогда бы я мог сдать кое-что в журнал и теперь взять гонорар, ибо лето, по-видимому, уже напирает, надо решить, что делать, куда деваться. И в этом отношении я хотел бы Вашего мнения и совета»¹. Голос Кони также был в пользу очерков, хотя Гончаров не без обычного кокетства уверял того, что «он более дружеский, чем строгий и беспристрастный»².

Одобрение старых друзей придало автору «Обломова» уверенности, и он решился взять у редактора журнала «Нива» А. Ф. Маркса аванс, который позволил ему и А. И. Трейгут с детьми снять дачу в Гунгербурге. Друзья писателя предлагали отдать будущие очерки в «Вестник Европы», но финансовый вопрос оказался решающим. «Никакой журнал конкурировать с „Нивой“ не в состоянии, — объяснял Гончаров Кони в том же письме. — Я и сам хотел бы лучше в наш „Вестник“ — но, к сожалению, пренебрегать тысячами не могу»³. Гонорар Маркс предложил действительно едва ли не рекордный. Только аванс за первые два очерка составил 2000 рублей⁴, полистная же плата поразила воображение современников: «Встретил Плещеева, который сообщил мне, что Гончаров написал повесть и продал ее в „Ниву“ по 1000 рублей за лист, всего за 6000 р., — записывает 28 сентября 1887 года в своем дневнике В. П. Гаевский. — Такой платы до сих пор не было»⁵. Для сравнения, гонорар за полуторалистовой очерк «Из университетских воспоминаний» составил всего 544 рубля⁶.

¹ Литературное наследство. Т. 102. С. 506.

² Там же. С. 507 (из письма к Кони от 13 мая).

³ Там же.

⁴ См.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 283.

⁵ РНБ, ф. 171, ед. хр. 1, л. 54 об. Эта запись с неверным указанием года (1885) приведена в кн.: *Динерштейн Е. А.* «Фабрикант» читателей А. Ф. Маркс. М., 1986. С. 125.

⁶ См.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 283.

А. Ф. Кони

Перед отъездом из Петербурга в Гунгербург Гончаров писал 29 мая жене М. М. Стасюлевича Любови Исаковне, что заходил к нему за советом: «...поговорить <...> о моих надеждах поработать летом на даче и может быть, — если удастся, пописать, приготовить что-нибудь к январю для „Вестн. Европы“. Я хотел рассказать, какие у меня есть сюжеты в голове и спросить, который из них был бы желателен для него. Для *Нивы* у меня уже все кончено, стало быть — я летом свободен. Не знаю только, станет ли здоровья, сил и охоты: впрочем — надеюсь»¹. Редактор «Вестника Европы» откликнулся на желание своего постоянного автора обсудить возможные сюжеты

¹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 190.

статей для журнала и на следующий день посетил его. «Сегодня <...> я заехал к Гончарову (он всё возится с „Нивой“ и теперь, по-видимому, покончил), — писал он Кони 30 мая. — На будущей неделе в четверг он едет в Ваш Гунгербург, а „няня“ его уезжает во вторник с детьми; при старике остается одна его помощница, с которою он отправится на морской берег»¹. По всей видимости, Гончаров договорился со Стасюлевичем о том, какой материал был бы наиболее интересен «Вестнику Европы»; в письме к Кони от 3 июня он уже напрямую пишет о своих творческих планах: «Мне хотелось бы <...> если мне будет покойно и удобно в Гунгербурге, вызвать из прошлого некоторые воспоминания в другом уже роде и — если явится доброе расположение, при хорошей погоде, приготовить что-нибудь и для „Вест<ника> Европы“ — к январю. Вот тут-то было бы мне дорого Ваше присутствие! Для этой же цели обещала приехать туда и С. А. Никит<енко>, погостить, отдохнуть и полечиться теплыми морскими ваннами и морским воздухом. Здоровье ее вообще, и нервы особенно, очень расстроены и требуют отдыха и успокоения»². К слову, Гончаров звал Никитенку в Гунгербург не только потому, что заботился о ее здоровье: ему был нужен человек, который бы помогал приводить в порядок его черновики, а Никитенко выполняла подобную работу уже не раз, переписав, в частности, три последние части романа «Обрыв». «Вот она и разберет мою тарабарщину...» — писал Гончаров М. М. Стасюлевичу 27 июня уже из Гунгербурга³. Впрочем, и Кони ему нужен был не только как друг: писатель рассчитывал, что тот выступит в роли своеобразного ангела-хранителя: «У меня на Вас, если Вы приедете туда, еще вот какая надежда: Вы постараетесь защищать меня от знакомых вообще, и старых, и новых — т. е. отклонять их ходить ко мне и стараться „побеседовать“ со мной где-нибудь на берегу, в парке, в курхаузе и т. д. Они развлекут и отвлекут меня от дела, не дадут работать. А я и без работы отвык уже от людей — и больше тягочусь „беседой“. Кроме того, с тех пор, как мой катар обратился в хронический, мне тяжело говорить, меня потом бьет кашель. Им можно говорить эту причину, не говоря о том, что я пишу, или просто сказать, что я на просторе

¹ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 3294, л. 118–118 об.

² Литературное наследство. Т. 102. С. 508–509.

³ М. М. Стасюевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 192.

разбираю свой домашний архив и ищу нет ли там чего, вроде „Университетских> воспоминаний“, чтоб они мне не мешали»¹. Кони не мог отказать своему старшему другу и в начале июля приехал в Гунгербург, где провел почти месяц.

О своих встречах с Гончаровым тем летом Кони рассказывал в письмах к друзьям. Ближайшим же его другом в 1880-е годы была Л. Г. Гогель.

Согласно «Русской родословной книге» А. Б. Лобанова-Ростовского, Любовь Григорьевна Гогель (урожд. Баженова) — жена юриста Григория Григорьевича Гогеля². Его отец Григорий Федорович Гогель одно время состоял воспитателем великих князей Николая, Александра и Владимира Александровичей, а с 1865 года занимал должность управляющего Царскосельским дворцовым управлением и Царским Селом³; в научной литературе можно встретить ошибочное утверждение, что Л. Г. Гогель — его дочь⁴. Кони познакомился с Л. Г. Гогель в конце 1881 или начале 1882 года. Это знакомство было предопределено, так как Кони часто сталкивался по служебным делам с ее мужем. Постепенно между ним и Гогель возникла тесная душевная связь, которая, однако, никогда не переходила границы светских условностей и приличий⁵. В годы особенной близости Кони писал ей несколько раз в неделю: этих писем до нас дошло свыше трехсот⁶; ответные, увы, не сохранились.

Гогель была лично знакома с Гончаровым; есть также свидетельства, что время от времени они обменивались пись-

¹ Литературное наследство. Т. 102. С. 509.

² См.: *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. Изд. 2-е. СПб., 1895. Т. 1. С. 144. Экземпляр из библиотеки ИРЛИ (шифр Г / Л-68) с исправлениями Б. Л. Модзалевского.

³ О нем см.: *Татищев С. С.* Детство и юность Великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. М., 2002. С. 54 (и указатель имен, с. 687).

⁴ См.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 325; И. А. Гончаров в кругу современников: Неизданная переписка. Псков, 1997. С. 123; примеч. Е. К. Демиховской и О. А. Демиховской.

⁵ Об отношениях Кони и Гогель см.: *Высоцкий С. А.* Кони. М., 1988. С. 222–223, 227–233, 238–241. («Жизнь замечательных людей»).

⁶ Из них полностью опубликовано только четыре (см.: *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 79–80, 85–88); подлинники хранятся: ИРЛИ, ф. 134, оп. 2, ед. хр. 11 (письмо от 7 августа 1887 г.) и 12 (далее цитируются в тексте статьи с указанием листов); небольшая часть писем за 1885–1886 гг. отложилась в ГАРФ (ф. 564, оп. 1, ед. хр. 800).

Л. Г. Гогель

мами. «В Новый Год написала мне очень милую, добрую записку Любовь Григ<орьевна> Гогель, — сообщал Гончаров Кони 11 января 1887 года, — с каким удовольствием я ответил бы ей — но она адреса своего не обозначила, а я забыл № ее дома, и даже не помню хорошенько — на Знаменской или на Надеждинской улице она живет»¹. Через полтора года, 30 июля 1888 года сам Кони в письме из Мюнхена благодарит Гогель за письмо, сообщает, что на обратном пути в Россию собирается заехать в Дуббельн навестить Гончарова, и спрашивает, получила ли она его письма. Ни одно из упомянутых писем до нас не дошло.

¹ Литературное наследство. Т. 102. С. 502.

Итак, в начале июля 1887 года Кони приезжает в Гунгербург и 7 июля пишет Гогель: «Я видел уже Гончарова. Он по возможности процветает, но его Ал<ексан>дра Ивановна приняла вполне и бесповоротно аллюры властной и капризной барыни — и совсем подчинила себе старика, который подетски осчастливлен тем, что в<еликий> к<нязь> Конст<антин> Конст<антинович> телеграфировал ему о рождении сына Гавриила. Вот судьба старых холостяков — даже выдающихся, подобно Гончарову. Принадлежать (и даже не взаимно и обоюдно) вульгарной бабе, которая с апломбом вчера говорит мне при нем: „Помилуйте, А<натолий> Ф<едорович>, да ведь Вера Петровна (одна из старых слабостей старика — московская, довольно изящная, дама) известная сплетница, — это *естественный факт!*“» (л. 209–209 об.)¹.

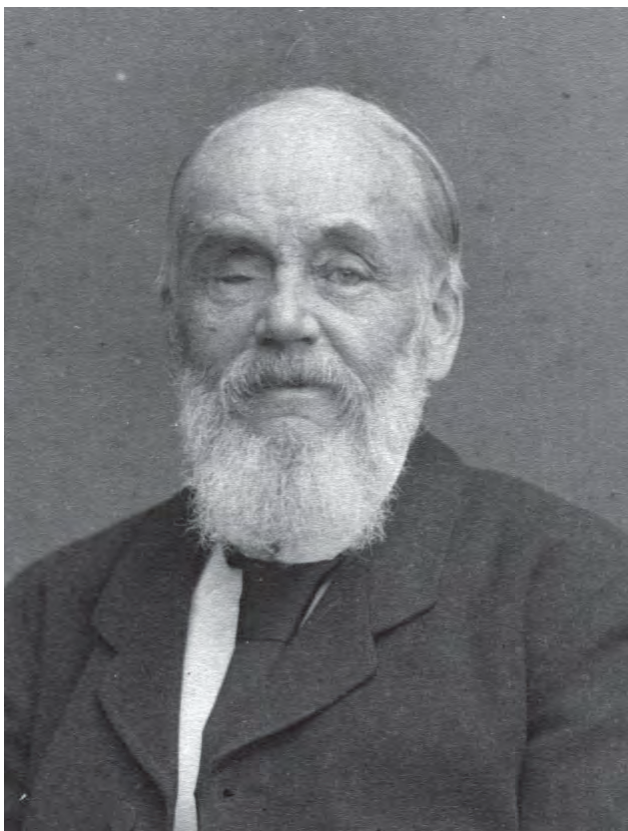
К упомянутой в письме «вульгарное бабе» Александре Ивановне Трейгут немногие друзья Гончарова, в том числе и Кони, относились резко негативно, отмечая ее жадность, глупость и неумеренный апломб². Совсем по-иному относился Кони к также упомянутой в письме В. П. Веденисовой, их общей знакомой еще по Дуббельну; в письме Гончарову от 7 августа 1880 года он называл ее «хорошенькой» и «неглупой» женщиной³.

Следующее письмо к Гогель Кони посылает 10 июля: «На берегу ежедневно вижу старца Гончарова. Боже! ужели и я в его годы <...> буду таким отчужденным и — в большинстве случаев недоброежелательным ко всему живому — брюзгою?! — У него гостит старая дева (лет 50) Никитенко, дочь известного академика. Она очень интересна — много видела — и мы с нею упиваемся воспоминаниями об Италии (она прожила 3 года во Флоренц<ии>)» (л. 211). Те же мотивы сквозят и в письме к Стасюлевичу, отправленному на следующий день: «Трудно себе представить, до какой степени он состарился. И грустно

¹ В тот же день он пишет и другому корреспонденту: «Жизнь здесь устроена на заграничный манер и довольно регулярно. Есть маленький литературный кружок — Гончаров, очень ободрившийся у моря, — Леонид Полонский (я не люблю этого хитрого полячишку), Вейнберг, Морозов...» (ИРЛИ, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 4, л. 3).

² См.: Стасюлевич М. М., Кони А. Ф. По поводу «Воспоминаний об И. А. Гончарове» // Вестник Европы. 1907. № 11. С. 435–437; ср. также письмо Стасюлевича к Кони от 29 сентября 1891 года (И. А. Гончаров в кругу современников. С. 410–411; наст. кн., с. 303).

³ См.: Литературное наследство. Т. 102. С. 452.

И. А. Гончаров. Фотография 1886 г.

и неприятно видеть. Ни на что живое у него нет уже отголоска, а, напротив, плохо скрываемое враждебное отношение. И потом эта бесконечная болтовня все об одном и том же, тридцать раз — эти ламентации по поводу воспитываемых детей (которые, кстати, все воспитываются на счет в<еликих> к<нязей> или казны), это недостойное „осчастливливание“ самого себя при каждой милостивой улыбке, без разбору, от кого именно из группы „милостивцев“ она исходит, — это вечное стремление, даже на пороге гроба, „казаться“, а не „быть“... — все это чрезвычайно скучно, чтобы не сказать более»¹.

Но спустя некоторое время с Гончаровым происходит перемена. Видимо, ежедневное общение с младшим другом

¹ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 93.

действует на него благотворно; он начинает работать над обещанными Стасюлевичу воспоминаниями, читая готовые фрагменты Кони и Никитенко. «Гончаров каждый вечер совершает длинные прогулки по берегу, — пишет Кони своей постоянной корреспондентке в письме от 13 июля. — Он видимо ободрился. Очень Вас благодарит за поклон и просит передать таковой же» (л. 213 об.). И в следующем письме, от 14 июля, он уже сообщает о чтении Гончаровым написанных фрагментов: «Гончаров очаровывает меня, когда читает мне свои новые вещи (это большой секрет!) — действительно живые и глубоко талантливые — и раздражает меня, когда, гуляя по берегу, брюзжит на все и на всех старческой завистью и подозрительностью. Я ему передал Ваш поклон. Он просил передать Вам таковой же и прибавить, что он целует Вашу „белую, прекрасную руку“ — и припомнил, что мы с ним, когда-то, уходя от Вас, взяли обе Ваши руки и оба их одновременно поцеловали (было ли это? я что-то не помню)» (л. 224 об.). Здесь обращает на себя внимание высокая оценка, которую дает Кони «новым вещам» Гончарова, потому что примыкающий к ним очерк «Из университетских воспоминаний» не вызвал у него интереса; посылая 22 февраля 1887 года корректурные листы этого произведения Гогель, он добавлял: «Может быть, оно Вас поинтересует, хотя, в существе своем, довольно бесцветно» (л. 170).

Следующий раз о Гончарове Кони упоминает в письме от 1 августа: «С И. А. Гончаровым <...> свершилась перемена. Под влиянием смягчающего пребывания его старой приятельницы Никитенко и хорошего действия на него теплых морских ванн — он совсем преобразился. Стал бодр, жив и блестящим умом, как редким алмазом в старинной, потускневшей оправе. Кстати: Никитенко (умная и развитая женщина) — пришла вчера проститься (она сегодня уехала) и после долгих колебаний, краснея и потупляя заблиставшие слезами глаза, сказала мне: „Простите меня, — я была предубеждена против вас, я дурно относилась об вас, — я вас не знала, я вижу, как я ошибалась, как была несправедлива, — простите меня, — мне так больно...“ Точно то же я выслушал от одной чистой душою женщины три года назад в Киссингене... Странные люди! Не зная, не видя человека, они относятся к нему слепо и враждебно много лет — и потом думают, что достаточно испросить прощения, сознаться в ошибках — и раны его души, которую

Гунгербург. Открытка начала XX в.

они терзали в ряду прочих, которую оскорбляли и озлобляли, — сразу будут залечены. Уж молчали бы, по крайней мере, и оставляли в человеке гордое сознание *переносимой* несправедливости. Какое вообще гигантское недоразумение вся наша жизнь! Все-то в ней недоговорено, все не прилажено!» (л. 219–219 об.). И наконец, последнее письмо из Гунгербурга Кони посылает Гогель 7 августа, перед своим отъездом в Петербург: «Старик Гончаров совсем мною завладел, — требует „критического“ слушания своих новых произведений, — захватывает меня в свои руки на берегу (т. е. буквально берет под руку и не отпускает целый вечер), а чтобы иметь меня и днем, соблазняет раками и миногами в небольших записочках, в роде сейчас полученной и при сем прилагаемой. В нем соединение старческой эгоистичности с трогательною подчас сердечностью»¹. Сохранилось три записки Гончарова к Кони, где он приглашает его на чтение воспоминаний, искушая различными кулинарными изысками². Гончаров их помечал лишь днями недели, и поэтому при публикации они датировались гипотетически; сопоставление их с письмами Кони к Гогель позволяет сделать это точнее. Так, в последнем

¹ ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 11, л. 2–2 об. (частично процитировано: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 285).

² Опул.: Литературное наследство. Т. 102. С. 511–513.

цитированном письме Кони отзывается о романе Э. Золя «Земля», который публиковался в газете «Gil Blas»¹; в записке же Гончарова с пометой «Суббота» читаем: «Посылаю франц<узскую> газету. Zola дошел до Геркулесовых столбов поэзии хлева и свинства. С его талантом и отвагой возможно, что он пойдет далее и откроет еще какую-нибудь Америку скотской пакости». Следовательно, эту записку нужно датировать не 8, а 1 августа, так как она не могла быть написана позднее письма Кони. На неделю назад нужно перенести датировку и предыдущей записки, помеченной «Среда» — с 5 августа на 29 июля: в ней Гончаров сообщает, что у него будет С. А. Никитенко, а она уехала из Гунгербурга 1 августа. Соответственно, предыдущая записка, также с пометой «Среда», должна датироваться не 29 июля, а 15 или 22 июля — последняя дата кажется предпочтительней.

Кони покинул Гунгербург 10 августа², Гончаров оставался там еще десять дней. Уже в Петербурге он заканчивает свои воспоминания, получившие заглавие «На родине», и в конце сентября отдает их Стасюлевичу; последний в письме к жене от 26 сентября характеризует их как «милую вещь и весьма симпатичную»³. Эти воспоминания публикуются в первых двух номерах «Вестника Европы» за 1888 год, и уже 2 февраля Гончаров посылает их оттиск Кони, в дарственной надписи с полным правом называя своего друга «восприемником сего писания на морском берегу Усть-Нарвы»⁴.

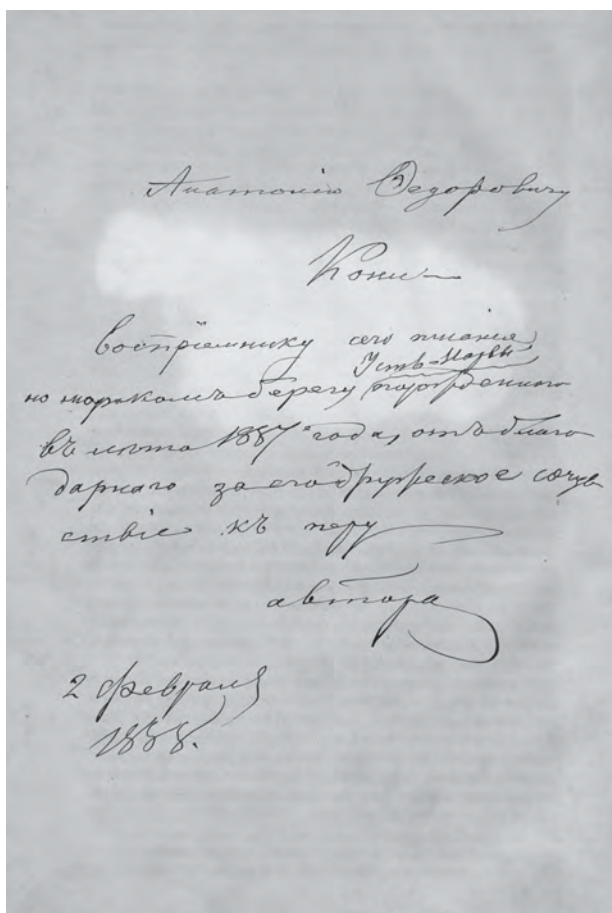
Уже на склоне лет Кони вернулся к дням, проведенным им в Гунгербурге в компании Гончарова, и начал набрасывать статью об очерках, которые престарелый писатель читал ему летом 1887 года. Не очень понятно, идет здесь речь о «На родине» или «Слугах старого века»; вероятно, Кони воспринимал эти очерки как единый цикл:

¹ «Мне принесли № Gil-Blas'a, где помещено продолжение La Terre, Zola, запрещенное (к счастью) у нас. Дальше этого бесплодный цинизм в общедоступных произведениях еще не шел!» (л. 2 об.).

² См.: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 285. Здесь эта дата основана на письме Гончарова к В. В. Салову от 9 августа («А. Ф. Кони уезжает завтра совсем». — И. А. Гончаров в кругу современников. С. 309), хотя сам Кони писал 7 августа Гогель: «После завтра я уезжаю...» (ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 11, л. 1).

³ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 194.

⁴ Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1959. Вып. V: И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский. С. 31.

Дарственная надпись Гончарова А. Ф. Кони
на отдельном оттиске очерка «На родине»

К этому своему произведению Гончаров относился с большою любовью. Оно, очевидно, созрело в его душе в последние годы его одинокого существования. Когда жизнь начинает клониться к закату и чем дальше, тем быстрее, друзья одиночества в молодости — мечты и воображение — покидают человека. Обманчивость сладости первых давно изведена и отравлена в самом корне горечью сомнения, а воображение отказывается «метать свой пестрый фараон», по образному выражению Пушкина¹. Их место заступает другой спутник жизни — воспоминание. Оно всегда эгоично и редко развертывает в памяти картины и события, в которых человек не

¹ Цитата из «Евгения Онегина» (гл. VIII, строфа XXXVII).

принимал так или иначе непосредственного участия. Но зато мелкие подробности жизни и всё, что имело живое и близкое соприкосновение с прожитыми годами, выступает, лишь только раздумье, которому уже нечего искать в будущем — обращается к прошлому — с особой силой и яркостью. Эта яркость и отчетливость при том пропорциональны прошедшему времени: чем больше оно — тем резче и определеннее они. Таково странное свойство старческой памяти. В преклонные годы трудно, а иногда и совершенно невозможно припомнить, что делал вчера, с кем виделся, где был, и в то же время какого-нибудь звука, яркого солнечного освещения или надвигающихся сумерек достаточно, чтобы воскресить с поразительной выпуклостью и во всех мельчайших подробностях картину того, что случилось 30–40 лет назад, если только ему присущ был хотя бы в очень малой степени элемент эгоизма. Между такими личными воспоминаниями у стариков играют роль воспоминания о *спутниках* и сотрудиниках жизни и там, где она прошла *одинок*о, без семейной ласки и участия, без семейных драм и гордиевых узлов, а вылилось в *одиночество*, там невольно выступают на видный план *товарищи* и помощники ежедневного существования, т. е. сослуживцы или слуги. Несомненно, что и Гончаров не раз возвращался в своих воспоминаниях к своим *homines domestici*¹, и они проходили перед ним, образ за образом, как в панораме, пока наконец не сложились окончательно в том виде, в каком он их изобразил в своих очерках. Не стану оценивать их огромных литературных достоинств. Широкая и сочная кисть старого *художника* не дрогнула в его слабеющей руке, и житейская действительность была им воплощена с глубокою *художественной* объективностью и свойственным ему расположением светотени. В них чувствовалась и сквозила та любовь к предмету, с которою они были написаны. Это отражалось и в чтении Гончарова. Я никогда не слышал его читающим публично или в обществе. Но эти проведенные в Гунгербурге часы остались навсегда в моей памяти. До тех пор мне случалось (и не раз) присутствовать при его критических или житейских рассуждениях и выносить из них всегда сильное впечатление, присутствуя, так сказать, при самом процессе творческой деятельности его мысли. Он начинал обыкновенно как бы нехотя, отрывисто и с паузами, затем разгорался и, согрев слушателей своим внутренним огнем, умолкал в раздумье. «Вот набросок Ивана Александровича о картине Крамского, — писала мне 12-го мая 1899 года С. А. Никитенко. — Читая его, я опять перенеслась в то незабвенное время, когда, сидя в углу моего маленького диванчика и поджав под себя одну ногу, Иван Александрович, делясь своими впечатлениями, вдруг оживлялся и раздражался блестящей импровизацией, которая точно раздвигала стены комнаты и уносила в мир идеальных

¹ домочадцам (*лат.*)

помыслов и стремлений»¹. То же было и в слышанном мною чтении. Начав лениво и с оговорками, усталым голосом, Гончаров вскоре оживлялся и начинал оттенять действующих лиц. Легкое волнение начинало окрашивать его старческие щеки, единственный глаз блистал, и на нем по временам навертывались слезы. Это чтение, однако, не было игрою, как у Писемского и Островского, где из-за чтеца быстро проступал актер. Нет! Это был лишь прочувствованный рассказ очевидца, глубоко схоронившего в своей душе живые и говорящие образы тех, кто ему встретился на его жизненном пути. Окончив чтение, Гончаров, очевидно, до нового сеанса расставался с вызванными им из области прошлого фигурами и переходил к злобе дня. Его не тревожили и не волновали больше тени прошлого².

Воспоминания Гончарова, несомненно, повлияли на мемуарное творчество самого Кони. Влияние это прослеживается на самых разных уровнях, от эстетического до нравственного. Заметнее всего гончаровский опыт отразился в мемуарном цикле Кони «Житейские встречи», один из очерков которого своим названием отсылает к Гончарову — «За-границей и на родине», а следующий, озаглавленный «Домочадцы», начинается следующим образом: «Дерзновенно следуя примеру И. А. Гончарова, решаюсь припомнить о встреченных мною на жизненном пути ближайших спутниках и свидетелях нашей домашней и частной жизни, между которыми так часто встречаются интересные личности, заслуживающие серьезного внимания и даже изучения»³. «Пример Гончарова» — это, конечно, «Слуги старого века», причем Кони решил следовать этому примеру до конца, опубликовав свой очерк в том же самом журнале⁴. И едва ли можно сомневаться, что, создавая свои «Житейские встречи», он не раз вспоминал часы, которые провел вместе со знаменитым писателем в Гунгербурге летом 1887 года.

¹ Это письмо сохранилось (не полностью) в бумагах Кони: ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 73 (опубл.: И. А. Гончаров в кругу современников. С. 418–419); в нем упоминается статья Гончарова «Христос в пустыне. Картина г. Крамского» (см. выше, с. 136).

² ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 50, л. 17–20; далее следует рассказ о чтении в 1865 году А. Ф. Писемским его драмы «Бывшие соколы», в иной редакции вошедший в очерк «А. Ф. Писемский» (см.: Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 6. С. 243–246), и выписки из писем Гончарова к Кони от 13 мая и 26 июня 1887 года (см.: Литературное наследство. Т. 102. С. 507, 510–511).

³ Кони А. Ф. На жизненном пути. Ревель; Берлин, [1922]. Т. 3. Ч. 1. С. 306.

⁴ Ежемесячные литературные и популярно-научные прибавления к журналу «Нива». 1910. № 11–12.

2. НЕНАПИСАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ КОНИ О ГОНЧАРОВЕ

Попытка реконструкции

Стоящий выше заголовок требует пояснения. Если открыть сборник «И. А. Гончаров в воспоминаниях современников», то на почетном последнем месте можно увидеть очерк Кони «Иван Александрович Гончаров». Впервые опубликованный в конце 1911 года¹, этот очерк многократно переиздавался как в книгах самого Кони, так и в различных сборниках статей о Гончарове, и справедливо считается одним из лучших в небогатой мемуарной литературе об авторе «Обломова». В предисловии к упомянутому сборнику воспоминаний о Гончарове А. Д. Алексеев писал: «Помимо высоких художественных достоинств, исключительно тепло написанный очерк А. Ф. Кони отличается психологической глубиной и всесторонним охватом личности Гончарова как писателя и человека»². Исследователю вторят В. И. Мельник и Т. И. Орнатская в предисловии к публикации писем Гончарова к Кони: «Среди мемуарной литературы о Гончарове воспоминания Кони, пожалуй, одни из наиболее интересных и содержательных»³. С этими словами нельзя не согласиться. Но все же по сравнению с другими мемуарными очерками Кони (о Тургеневе, Некрасове, Достоевском), значительными по объему и богатыми мелкими, но подчас весьма характерными деталями, его очерк о Гончарове написан в совершенно иной манере. Строго говоря, это не мемуары, а литературный этюд, анализирующий основные мотивы и характер творчества Гончарова, с гомеопатическими вкраплениями личных воспоминаний. Даже сам Кони не относил его к мемуарам: формируя второй том своей книги «На жизненном пути» (СПб., 1912), он включил его не в раздел «Из воспоминаний», а в раздел «Публичные чтения», где собрал речи и статьи, имеющие гораздо более официальный характер. Многолетний друг Гончарова, Кони не считал нужным поделиться житейскими воспоминаниями о нем, рассказать о многочисленных беседах со знаменитым писателем, почти не упомянул о его личной жизни, бедах и заботах — подобно

¹ Русское слово. 1911. № 295. 23 дек.

² Алексеев А. Д. И. А. Гончаров в воспоминаниях современников // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 12.

³ Литературное наследство. Т. 102. С. 437.

тому, как он рассказал о людях, с которыми был гораздо менее близок.

Это тем более удивительно, что к созданию подробного мемуарного очерка Кони готовился долго и тщательно. Свидетельства тому остались в его архиве. В одной из папок хранятся многочисленные материалы для несостоявшихся мемуаров: выписки из романов и статей Гончарова, конспекты его писем, фрагментарные записи и наброски. Среди этих набросков есть план мемуарного очерка о Гончарове¹, который свидетельствует о том, что первоначально Кони собирался писать его в совершенно иной манере. Более того, судя по характеру рукописи, этот очерк должен был составить часть книги или цикла мемуаров о писателях (подобного знаменитому циклу «Тургенев. — Достоевский. — Некрасов. — Апухтин. — Писемский»), поскольку соседствует с планами статей о Некрасове и Тургеневе и имеет номер «VII».

Можно попытаться определить приблизительную дату создания этого текста. Здесь приходит на помощь переписка Кони с историком литературы Е. А. Ляцким, который изучал биографию и творчество Гончарова.

27 ноября 1903 года Ляцкий обратился к Кони с просьбой о встрече для беседы о писателе: «Дело в том, что теперь заходит речь об издании моих старых и последних статей о Гончарове в виде отдельной книги, и мне было бы в высшей степени желательно поговорить с Вами в этом направлении»².

¹ ИРЛИ, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 47, л. 85.

² ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 1003, л. 1 об. Упомянутая книга Ляцкого — «Иван Александрович Гончаров: Критические очерки» (СПб., 1904); сохранился экземпляр, подаренный им Кони, с инскриптом: «Глубокоуважаемому Анатолию Федоровичу Кони от искренне признательного Ев. Ляцкого» (Библиотека ИРЛИ, шифр 1936к/2010) и немногочисленными пометами владельца на полях; книга разрезана не полностью. Позднее Ляцкий подарил Кони и второе издание книги — «Гончаров: Жизнь, личность, творчество. Критико-биографические очерки» (СПб., 1912), с инскриптом: «Анатолию Федоровичу Кони с особым уважением и признательностью. 10. V. 913. Ев. Ляцкий» (Библиотека ИРЛИ, шифр 1936к/2018). О работе Ляцкого Кони, вероятно, был невысокого мнения; так, в ответ на присылку Стасюлевым оттиска его статьи «Чужая жизнь в произведениях И. А. Гончарова» (Вестник Европы. 1903. № 7; вошла в качестве гл. XXV–XXXVII в первое издание книги Ляцкого, другие фрагменты книги также публиковались в «Вестнике Европы»), Кони сообщал: «...я не писал Вам ничего о „Гончарове“ потому, что хотелось сначала прочесть любезно присланную Вами вырезку. Нахожу, что за исключением прекрасных двух страничек конца — остальное довольно бледно» (ИРЛИ, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 4, л. 11).

Кони ответил согласием, что стало началом активного сотрудничества двух неравнодушных к автору «Обломова» людей. Кони знакомил Ляцкого с письмами Гончарова, а Ляцкий уговаривал его приняться за воспоминания о писателе: «Право, Анатолий Федорович, сделайте это — не для себя, для Ив<ана> Ал<ександровича>, для Вест<ника> Европы и для всей России»¹.

Кони передавал Ляцкому письма Гончарова на протяжении всего 1905 года. 19 мая он писал: «Я нашел у себя еще два прилагаемых письма И. А. Гончарова — одно, касающееся моего назначения обер-прокурором после долгих лет опалы и вынужденного пребывания в несвойственной мне сфере гражданского суда, вызванных тем, что по известному делу Засулич — я был *слугою* правосудия вместо того, чтобы быть *лакеем* правосудия; — и другое, в ответ на посланную ему книгу мою „Судебные речи“ в первом ее издании. Оба письма характерны — и очень мне дороги»², — здесь упомянуты гончаровские письма от 2 января 1885 года и от 25 апреля 1888 года. «Сердечно благодарю Вас за сообщение писем Гончарова, переданных мне вчера Михаилом Матвеевичем <Стасюлевичем>, — отвечал Ляцкий 22 мая. — Они драгоценны вдвойне — и по отношению к автору, и по отношению к корреспонденту, и я читал их с чувством бережного и застенчивого умиления... Я присоединю их к полученной ранее пачке <...> и отдам в переплет, со всяческими гарантиями их сохранности. Я уже начал делать из них незначительные выписки, которые, вместе с экземпляром писем, представлю на Ваше усмотрение. Буду очень счастлив, если это послужит для Вас хотя слабым поводом приступить к выполнению Вашего прекрасного намерения написать воспоминания о Гончарове»³. Еще два гончаровских письма Кони отправил Ляцкому 19 сентября: «Посылаю Вам еще два письма И. А. Г. Одно имеет характер так сказать хронологический, а другое написано по поводу представленной мною записки о вредном направлении судебно-административных органов в борьбе с политическим движением, представленной Александру III, тогда еще наследнику. Если самая записка Вас

¹ ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 1003, л. 6 (письмо от 18 декабря 1906 г.).

² ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, ед. хр. 247, л. 5–5 об.

³ ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 62, л. 1–1 об.

поинтересует, я могу дать ее Вам прочесть. Письмо очень интересно — это своего рода микрокосм душевного строя Гончарова»¹, — первое из упомянутых писем идентифицировать невозможно, второе — от 19 августа 1880 года.

В октябре переплет был уже готов, и Ляцкий передал его Кони. 13 октября последний писал: «Простите, что до сих пор не поблагодарил Вас за Ваш милый и изящный подарок, в виде переплетенных писем И. А. Гончарова и за сопровождавшие его строчки. <...> Книжечка с письмами Гончарова чрезвычайно „вкусна“. Надеюсь, что Вы из нее извлекли, со свойственным Вам умением, любовью и талантом весь мед². Вошло ли в нее последнее письмо И. А. Г., препровожденное мною Вам чрез Михаила Матвеевича?»³. Ляцкий ответил в тот же день: «Ваш вопрос относительно последнего письма (вернее 2-х) Гончарова возбуждает во мне сомнение, получили ли Вы мое письмо, где я благодарю

¹ ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, ед. хр. 247, л. 13–14.

² К слову сказать, гончаровскими письмами к Кони Ляцкий не воспользовался, мотивировав впоследствии это так: «Заметим попутно, что многое из переписки Гончарова с ближайшими к нему лицами нам было известно еще до появления первого издания нашей книги. Мы не считали возможным пользоваться письмами по разным соображениям, из которых первым являлся писательский запрет, в то время еще никем не оспоренный, не подвергнутый сомнению в смысле его обязательности при том или ином толковании. Письма эти, при всем их безотносительном интересе, имели для нас второстепенное, узко-биографическое значение. Они, несомненно, увеличивали количество подлинных гончаровских документов, но качественно, по существу, вносили мало новых черт в понимание Гончарова не только как художника, но и как человека. Склад гончаровской личности — строй его мыслей и чувств — сказался в письмах гораздо бледнее, чем в его сочинениях, и тот высокий лиризм, который одухотворял лучшие страницы его романов, ни в одном из известных нам писем не поднялся над уровнем приветливой доброты старика, недовольного всем миром и только для ближайших друзей сберегающего маленький оазис в своей душе. В письмах своих, капризных по тону, то меланхолических и ворчливых, то светски любезных и остроумных, Гончаров был не более субъективен (или объективен, по терминологии старой критики), чем в своих романах; нигде не показались нам они тою исповедью души, которая знаменует собой горячее и непосредственное излияние переполнившего душу чувства. Каждое из них производило на нас впечатление скорее художественного произведения по своей законченности и красивой меткости выражения, чем невольного отражения души, чем отблеска мысли, не отточенной размышлением и навыком» (Ляцкий Е. А. Гончаров. Жизнь, личность, творчество: Критико-биографические очерки. СПб., 1912. С. 55–56).

³ ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, ед. хр. 247, л. 7–7 об.

Вас за их сообщение. Они не успели попасть в переплет, но в нем, т. е. в альбоме Гончаровских писем, оставлены нарочно места — для перемещений и дополнений. Так как и то и другое может сделать только опытный мастер, то я еще раз попрошу у Вас как-нибудь на 2–3 дня этот альбом и возвращу уже в настоящем виде, тем более, что там в конце помещена группа писем без дат, и размещение их возможно лишь по Вашим указаниям»¹. И сейчас большинство писем Гончарова к Кони находятся в этом переплете, где они расположены в хронологическом порядке². Однако Кони передал Ляцкому не все письма: возможно, какие-то он вовремя не нашел в своих бумагах, а другие были им подарены близким людям: к настоящему моменту известно 7 писем Гончарова к Кони, которые не попали в «переплет Ляцкого».

Кони перечитывал гончаровские письма: на полях делались отчеркивания, некоторые письма нумеровались — очевидно, он подбирал материал для мемуарного очерка. Но нумерация расположена не в соответствии с датами писем: из этого можно сделать вывод, что они просматривались еще до того, как были переплетены и расположены в хронологическом порядке, — иначе было бы невозможно допустить сбои в нумерации. Следовательно, публикуемый ниже план мемуарного очерка был сделан до 1905 года; возможно — после первого разговора Ляцкого с Кони в 1903 году. Отметим также, что в «переплете Ляцкого» отсутствуют письма за №№ 2, 3, 13 (поэтому возможны самые неожиданные находки), а № 8 проставлен на двух письмах.

Так почему же воспоминания о Гончарове не вылились из-под пера Кони в таком виде, как он их задумывал? Кажется, причиной тому стало то, что именно в 1911 году Кони разочаровался в личности покойного друга, испытал к нему резкое охлаждение. Вот что писал он великому князю Константину Константиновичу 10 апреля того же года: «Я воспользовался несколькими днями сравнительной свободы <...>, чтобы заняться нашим другом Гончаровым и перечитать его огромную переписку с М. М. Стасюлевичем и семейством академика Никитенко, предоставленную в полное мое

¹ ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, ед. хр. 62, л. 6–6 об.

² ИРЛИ, № 4909.

распоряжение¹. Не скрою, что я вынес из этой работы крайне тягостное впечатление, омрачающее образ Ивана Александровича во многих отношениях. Мне больно было читать эти мелко исписанные страницы, развертывающие картину крайнего, почти чудовищного самолюбия, зависти, чревоугодничества и эгоизма, картину недружелюбия к людям (главным образом к Тургеневу), доходящего до галлюцинаций, до мании преследования, до настоящей клинической картины безумия. Я искал чего-либо положительного для будущих „поминок“ о нем — и нашел *одно* отрицательное, о котором, конечно, в его настоящем виде, и помину быть не может. Остается l'œuvre <творчество> — и надо осторожно обойти l'homme <человека>. А так хотелось бы, чтобы оба они были в гармоническом сочетании!»².

По сути, в своем опубликованном очерке о Гончарове Кони исполняет программу, заявленную в этом письме: говорит в основном о характере его творчества и очень мало — о человеке. Отметим также, что Кони цитирует только одно письмо писателя к себе (№ 14 по его нумерации, от 30 июня 1886 г.), хотя обильно приводит фрагменты из еще не опубликованных к тому времени писем и к Стасюлевичу, и к С. А. Никитенко, и к великому князю Константину

¹ Ранее, 17 февраля 1907 года великий князь Константин Константинович писал Кони: «...как не сочувствовать вашей мысли о чествовании столетия со дня рождения покойного нашего друга И. А. Гончарова торжественным заседанием в Академии наук. Было бы очень хорошо, если бы вы взяли на себя труд произнесения речи в память Ивана Александровича. Ввиду нескромностей, которые вопреки определенной воле покойного позволил себе г. Военский, предав гласности некоторые письма И<вана> А<лександровича> и выставив его в непривлекательном и ложном свете, полагаю, что его друзьям и почитателям необходимо всеми мерами восстановить истину; если для этого понадобится почерпать эти и другие подробности из находящихся в нашем распоряжении писем И<вана> А<лександровича>, то, полагаю, и сам дорогой наш покойный одобрил бы такое нарушение его завета, направленное на его защиту. Знакомые вам письма И<вана> А<лександровича> ко мне по первому востребованию будут вам доставлены. Целиком они не могут быть напечатаны ни теперь, ни даже через много лет <...> Мне кажется, извлечениями из писем можно и даже должно пользоваться, но лишь поскольку они послужат опровержению недобросовестных обвинений покойного, но и в этом пользовании надо соблюдать всевозможную осторожность» (Новый мир. 1994. № 4. С. 203).

² И. А. Гончаров в кругу современников: Неизданная переписка / Сост., подгот. текста и коммент. Е. К. Демиховской и О. А. Демиховской. Псков, 1997. С. 425.

Константиновичу. Почти нет в нем и тех любопытных мелочей, о которых Кони собирался рассказать поначалу, почти не слышен гончаровский голос. Но все же кажется, что эти ненаписанные воспоминания можно попытаться реконструировать, подобно тому, как палеонтологи по отдельным разбросанным костям воссоздают скелеты давно вымерших животных.

Ниже печатается план очерка Кони, вслед за ним — фрагменты из статей, мемуаров, писем¹, по которым можно хоть отчасти восстановить его предполагавшийся текст. Упомянутые имена не аннотируются.

* * *

VII. Гончаров. Первое знакомство у отца. Отношение к отцу. Наружность. — Встречи в 1874 году. «Как кнотом бьет». Собачка (1872 г.) и потребность любви. Встреча у Стасюлевичей. Манера себя держать. Руки. — Возвращение вместе в Моховую. В этой улице — Ал<ександра> Ив<ановна> и дети. История их. Темные стороны в намеках Г<ончарова> на благодеяние. № 7 — синее. — Темные стороны А<лександр> И<вановны>. — Дуббельн в 1883 г. — Любовь Гончарова к побережью. Дубб<ельн> 1880 г. — Заранние сборы. — Дача на Гончаровской улице. День — прогулки, церковь. Общее уважение. Чрезвычайная подозрительность и щепетильность. № 8. № 12. № 14. Малое число любимых людей (Посьет, в<еликий> к<нязь> К<онстантин> К<онстантинович>, Стасюл<евич> и я) и ненависть к Г<ригоровичу> и Т<ургеневу> — (не читал Достоевского). «Чичас, чичас!» Весть о † Тургенева. Предл<ожение> издать свои сочинения. № 15. — † Тург<енева> действует успокоительно. № 9. Мое письмо. Царедворческое направление. № 11. Боязнь юбилея. История завещания (Ал<ександра> Ив<ановна> «вдова велик<ого> писателя», — Полотебнов, деньги С. А. Никитенко. Демократич<еское> равенство на счет бедной труженицы). Усть-Нарва. Чтение сочинений. № 2, 3, 4. № 5, 6. Последние дни. № 8. Отрывки из писем. Боязнь судьбы. Слова Пушкина. № 1 — № 10. Житейск<ая> философия. № 16 (женщины). Взгляд на деятельность. № 17.

¹ Письма Гончарова к Кони цитируются по изд.: Литературное наследство. Т. 102.

На полях:

Рассказы из «Фрег<ата> „Паллады“».

Сложная личность. И трагическая.

Закат солнца, воспом<инание> о Пушкине.

Первое знакомство у отца. — Гончарова «я видел и слышал в первый раз еще вскоре по возвращении его из кругосветного плавания» [Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 6. С. 279].

Наружность. <...> Манера себя держать. Руки. — «Гончаров, спокойный и уравновешенный, с несколько флегматическим видом, напоминал собой мудреца, давно познавшего жизнь и усталым взором следящего со стороны за ее шумным и подчас бурным потоком. Не возвышая голоса и не волнуясь, вел он беседу, отчетливо рисуя в художественных образах то и тех, о чем и о ком он говорил. Облокотившись на стол и подняв сложенные вместе красивые кисти рук, он увлекательно передавал не нашедшие себе места в печати воспоминания о своих странствиях или излагал свои взгляды на искусство и на разнородных его представителей. Благосклонное отношение к большинству встреченных на жизненном пути людей и, быть может, несколько презрительное снисхождение к недостаткам и слабостям их ярко выступали в его беседе, полной утонченной вежливости и любезности» [Кони А. Ф. «Вестник Европы» // Собр. соч. Т. 7. С. 233–234]; «...иное впечатление производила речь Гончарова, напоминавшая картины Рубенса, написанные опытной в своей работе рукою, сочными и густыми красками, с одинаковою тщательностью изображающею и широкие очертания целого и мелкие подробности частных» [Кони А. Ф. Лев Николаевич Толстой // Собр. соч. Т. 6. С. 470].

Встречи в 1874 году. — «В начале семидесятых годов я снова встретился с ним и, сойдясь довольно близко, пользовался его неизменным дружеским расположением в течение последних пятнадцати лет его жизни» [Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч. Т. 6. С. 279].

«Как кнотом бьет». — Гончаров — М. М. Стасюлевичу, 7 (19) июня 1868 г.: «Напрасно я ждал, чтоб кто-нибудь

понял, успокоил, обласкал меня; напрасно обращался к женщинам — они не понимали этого и наносили беспощадные удары, не подозревая, что это все равно, что бить слепого или ребенка. От этих ударов и злобного, грубого смеха у меня останутся неизгладимые следы» [М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 16]. Гончаров — Стасюлевичу, 19 (31) июля 1868 г.: «Что же я такое? А вот попробуйте угадать! <...> Тогда, в ярости, что ничего понять не можете, Вы хватаете, что попало — и как извозчик — бедную клячу, давай хлестать с плеча: „вот я, мол, тебе дам, вот я тебя — ты, должно быть, смеешься надо мной! Я тебя“. Изобьете, измучаете, а когда казните этого ребенка-женщину (т. е. меня), опугаете мои движения, не дадитедохнуть, загасите и ту силу, которой теперь восхищаетесь, т. е. талант, — тогда спросите себя: „что это я наделал и зачем?“» [Там же. С. 40].

Собачка (1872 г.) и потребность любви. — «Иногда у него за пазухой пальто сидит любимая им собачка» [Кони А. Ф. Петербург. Воспоминания старожилы // Собр. соч. Т. 7. С. 38]. Со слов родственников Гончарова М. Ф. Суперанский писал, что «Мимишка — небольшая собачка, которую случайно у уличных мальчиков купил Виктор Михайлович <Кирмалов, племянник Гончарова> и подарил дяде. Тот очень к ней привязался, и когда она околела <...> — даже плакал» [Суперанский М. Ф. Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии // Вестник Европы. 1908. № 12. С. 432]. Гончаров — родственникам, 25 февраля 1863 г.: «Мимишка здоровствует и каждый день гуляет со мной по саду, а когда не возьму, то воеет на всю квартиру. <...> Я ей купил золотой с бахромой ошейник» [Там же. С. 431–432, с неверной датой]; им же, 22 апреля 1863 г.: «...если Мимишка сильно захворает, я думаю, в тот день и газета <„Северная почта“, редактором которой был Гончаров> не выйдет, а если бы она околела, я все продам и уеду за границу...» [Там же. С. 432, с неверной датой].

Ср. в воспоминаниях Р. М. Сементковского: «Я забыл упомянуть, что Гончаров приводил к Лъховским неизменно свою собачку. Это был не то мохнатый пинчер, не то шпиц (я плохо тогда различал породы собак), во всяком случае, собака небольшая, мохнатая, чистенькая, с умными глазами.

Мимишка, собака Гончарова. Рисунок И. Н. Крамского. 1873 г.

Она ни на шаг не отходила от своего хозяина, стояла около него, когда он стоял, ложилась, когда он садился, свертывалась калачиком, когда он вел продолжительную беседу; в кабинете у Льховского, когда дверь открывалась, я видел ее всегда мирно спавшую у ног своего хозяина, в гостиной она всегда была начеку, хотя признаков какого-нибудь беспокойства никогда не проявляла.

Когда Гончаров в это воскресенье вошел в гостиную, Елизавета Тимофеевна, лукаво взглянув на него исподлобья, спросила:

— Ой, не пора ли? Ведь и опоздать можно.

Разговор, очевидно, касался темы, уже раньше между ними затронутой.

Улыбка, игравшая на подбородке Гончарова, исчезла, красивые его глаза стали печальными.

— Давно опоздал, Елизавета Тимофеевна, — ответил он.

— Мне, как женщине, виднее, — возразила Льховская, — но терять времени не следует.

По лицу Гончарова пробежала такая густая тень, что Елизавета Тимофеевна была озадачена — я это ясно видел, — а мне стало как-то жутко. Тень быстро сменилась печальной улыбкою, и Гончаров сказал, указывая на свою собачку:

— Вот верный друг! Он не изменит... не обидит» [И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 83–84].

Гончаров — М. М. Стасюлевичу, 18 февраля 1872 г.: «Вчера, 17 февраля, после непродолжительных, но тяжких страданий, в 7 ¹/₄ часов по полудни, кончил жизнь прекрасный, нежно любимый мною и любивший меня друг, *Миха Трезорвна*. Извещая об этом <...>, надеюсь, что Вы поймете всю тяжесть постигшей меня потери и вместе со мною оплачете мое горе. <...> О Миха! Ее уже нет! Вот одно что наполняет теперь сердце!» [М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 114, 115].

В этой улице — Ал<ександра> Ив<ановна Трейгут> и дети. История их. — «Многие из нас еще помнят, что у творца и живого воплощения Обломова в конце 60-х годов был слуга Т<рейгу>т и что после его внезапной смерти Иван Александрович Гончаров, соболезнуя положению его вдовы с тремя малолетними детьми, оставил ее *служить* у себя, предоставив ей маленькое помещение через площадку лестницы своей квартиры, и заменил ею умершего ее мужа в домашнем услужении при своем маленьком хозяйстве старого холостяка. С годами, когда стали подрастать дети, сердце Ивана Александровича откликнулось на их чистую ласку, и он привязался к ним, и особенно к старшей девочке, глубоко и трогательно. Его заботам, просьбам, материальным жертвам, ходатайствам — письменным и словесным — эти дети были обязаны своим воспитанием и образованием в средних учебных заведениях, за чем он следил с исключительным вниманием. Возможность дать им средства, чтобы подышать чистым воздухом и укрепить свои силы где-нибудь на даче или на берегу моря сердечно радовала старика, которому в этом нередко помогали дочери его старого друга А. В. Никитенко. Давно замкнувшись в своей маленькой квартире на Моховой и ограничив свой круг знакомых лишь немногими друзьями, Гончаров, не имея непосредственно-близких родственников и почти не видаясь с более отдаленными, сроднился с мыслью об обеспечении любимым им *чужим* детям

*А. И. Трейгут с детьми (слева направо) Леной, Васей и Сашей.
Конец 1870-х гг.*

безбедного существования. С этой целью он оставил все свое нажитое литературным трудом состояние — в размере около сорока тысяч рублей — сыну и двум дочерям — „находившегося у меня в услужении Курляндского уроженца Карла Т<рейгу>т и оставшейся на моем призрении вдове означенного Т<рейгу>т“ (подлинные слова завещания), выделив последней, как матери этих детей, около шести тысяч рублей по понятным соображениям деликатности» [Стасюлевич М. М., Кони А. Ф. По поводу «Воспоминаний о И. А. Гончарове» // Вестник Европы. 1907. № 11. С. 435–436].

Темные стороны в намеках Г. на благодеяние. № 7 — синее. — № 7 — письмо от 2 сентября 1881 г., помета Кони синим карандашом: «Дуббельн»; отчеркнуты, в частности, следующие фрагменты: «Кстати о них <детях>. Они водворены в свои места: *Саня* <А. К. Трейгут> в гимназию, *Старик-генерал* <В. К. Трейгут> в свою школу. Он получил похвальный лист, за что мною произведена была ему выдача целого рубля. „Несу крест!“ Вы правду сказали: и не знаю, сбуду ли его когда-нибудь, но мне бывает невыносимо тяжело в настоящем, а в будущем ничего не вижу, кроме X<риста?>. Такие положения разрешаются, как гордиевы узлы — силою вещей, — а сознательного и обдуманного решения нет, ключа никак не подберешь! Больную женщину, и еще больную не какую-нибудь болезнью, которую назвать можно, а просто так называемым <неврозом> (*neurosis*), такую больную сбывать некуда и нельзя, а отделить ее куда-нибудь и обставить себя другими лицами — нет средств; с детьми чужими возиться не хватает никаких сил и способов — и вот *шею* мне давит точно роковая петля! А еще хуже то, что если бы какая-нибудь благодетельная волшебница смогла избавить меня, взять у меня куда-нибудь все это с глаз долой — я заскучал бы и не знал, как и куда употребить свой досуг и силы: положение безвыходное!»

Темные стороны А<лександр> И<вановны> — Дуббельн в 1883 г. — «В 1883 году в Дуббельне в разгар лета, когда он так любил и умел наслаждаться скудными дарами северной природы, он внезапно заявил мне, что должен вернуться в пыльный и душный, раскаленный Петербург, потому что нервы его экономки <А. И. Трейгут> не выносят шума морского прибоя. На мое замечание, что в Рижском заливе ни о каком морском прибое и речи быть не может, а дача его находится в полуверсте от моря, и что лучше предложить ей уехать в Петербург, взявши, если хочет, и детей, результатом чего, без сомнения, будет излечение от капризной чуткости к несуществующему прибою, он грустно взглянул на меня и с дрожью в голосе сказал: „Я не могу этого сделать: а вдруг она увезет детей? Да я без Саши <А. К. Трейгут> так затоскую, что и недели на свете не проживу“. Пришлось припомнить любимое изречение Стасюлевича: ни одно доброе дело не остается без наказания — и прибегнуть

к некоторым дипломатическим приемам, чтобы обеспечить бедному старику безмятежное пребывание на любимом им морском побережье» [Русская литература. 2012. № 2. С. 98]. О «дипломатических приемах» Кони рассказал впоследствии жене Ляцкого Вере Александровне; его рассказ сохранился в ее записи: «К словам „дипломатической хитрости“ Анатолий Федорович добавлял:

Для этого, зная, когда Иван Александрович выходит из дому, я зашел к Трейгульгт.

— Ну что, Александра Ивановна, как вы себя чувствуете здесь?

— Плохо, ваше превосходительство, плохо, думаем уезжать отсюда...

— Что же так?

— Нервы совсем расстроились, не переношу морского прибоя.

— Да вы дома все сидите, вам и скучно, оттого и кажется вам, что нервы у вас расстроены. Вы бы пошли гулять, развлекли бы себя немного, вот и почувствовали бы себя лучше...

Она замахала руками.

— Нет, куда же, положение мое странное: с Иваном Александровичем неудобно, а одна — как же я пойду?

— Да вот пойдемте со мной сейчас, одевайтесь, пойдем.

Она сразу не поверила.

— Ваше превосходительство, да разве вы пойдете со мной.

— Отчего же? С удовольствием... одевайтесь.

Она быстро нацепила на себя шляпку с лентами и перьями, и мы вышли. Я предложил ей руку, и мы совершили длинную прогулку по пляжу. Она была весела, говорила без умолку и вернулась домой в прекрасном настроении духа.

На следующий день сажу дома, в Hôtel'e. Стук-стук-стук!... Иван Александрович. Улыбается, сияет.

— Маг и волшебник, что вы сделали с Александрой Ивановной?

— Ничего особенного, прошелся с ней по пляжу, побеседовал. А что?

— Да она совсем преобразилась, и нервы поправились, и прибой не беспокоит, так что мы не собираемся уезжать из Дуббельна» [Там же. С. 101–102].

Дубб<ельн> 1880 г. — «Летом 1880 года в Дуббельне, за обедом, покойный И. А. Гончаров отдался своим студенческим воспоминаниям тридцатых годов...» [Кони А. Ф. Из лет юности и старости // Собр. соч. Т. 7. С. 97].

№ 8. — Письмо от 5 июля 1881 г.; отчеркнут текст: «Я, по обыкновению, страдаю скукой и нелюдимостью, чем и приобретаю себе, кажется, общее нерасположение: это всегда и везде. Блуждаю одиноко, а Вас, близкого и дорогого мне лица и спасителя от моего одиночества нет, я и хожу, уделяя встречным кому поклон, кому „пару слов“ — и иду далее. Ходил раз пяток по взморью с Верой Петровной <Веденисовой>, но скоро увидел, что это не удовлетворяет ни ее, ни меня, и перестал. Словом, хоть пропадай».

№ 12. — Письмо от 11 января 1887 г., помета Кони: «Жизнь № 12»; отчеркнуто начало абзаца: «Еще маленькая просьба: завтра, в Татьянин день, Вы вероятно будете (если только здоровы) на Московск<ом> университетском обеде: по Вашей дружеской инициативе там упоминалось и мое имя и мне посылалась телеграмма. На этот раз, когда я так ослабел — я просил бы Вас (если б Вы вспомнили, и другие тоже) не напоминать обо мне старым и молодым моим сотоварищам по университету — потому что и приятное волнение тревожит мои нервы, притом и выражение моей благодарности через газету затруднило бы меня».

№ 14. — Письмо от 30 июня 1886 г.; помета Кони: «Жизнь», отчеркнут текст: «Вы пишете, что „меня, будто, любят“ — ах, нет: терпеть никто не может, и я это вполне заслуживаю своею нелюдимостью и нетерпимостью. А теперь, на 75-летнем возрасте — я окончательно стал старым брюзгой, почти как барон Вольф. Этот маленький, чем-то озлобленный старичок в одиночку бегаёт по лесу и притворяется, что голос пропал от бронхита, чтоб с ним не заговаривали. А я просто махаю знакомым рукой, иногда и палкой, чтоб шли прочь».

(не читал Достоевского) — Из воспоминаний Д. Н. Цертелева: «Он не любил встречаться с Достоевским, про которого говорил, что он не столько разговаривает, сколько вещает; сочинений его он почти никогда не читал, так как

утверждал, что после них он по ночам кричит» [И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. С. 186]. По словам И. И. Ясинского, Гончаров говорил ему: «...я не понимаю восторженных криков, вызываемых Достоевским. По-моему, это совершенная бездарность или, вернее, грамотный сумасшедший. Все сумасшедшие похожи на талантливых людей. Сколько раз я ни пробовал читать Достоевского, бросал с первых же глав; не могу и не могу!» [*Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний. М., 2010. Т. 2. С. 65].

«*Чичас, чичас*» — Эти слова произносит персонаж повести Тургенева «Степной король Лир» «некто Бычков, с молодых ногтей прозванный Сувениром и так уже оставшийся Сувениром для всех, даже для слуг, которые, правда, величали его Сувениром Тимофеичем». И далее: «Сувенир то и дело твердил: „Я вот, позвольте, я чичас, чичас“. — „Да что чичас?“ — с досадой спросит его матушка. Он мгновенно откинёт руки назад, струсит и лепечет: „Как прикажете-с!“» [*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 8. С. 165, 166]. «Степной король Лир» впервые был опубликован в журнале «Вестник Европы» (1870. № 10), и уже 5 ноября того же года Гончаров в письме к Н. Н. Теплову пишет: «Извините, я *чичас чичас* пойду в постель и попытаюсь заснуть: уже 7 часов утра» [И. А. Гончаров в кругу современников. С. 264]. Очевидно, в этом месте должен был быть рассказан следующий эпизод, который находим в воспоминаниях М. С. Королицкого о Кони: «...в другой раз, А. Ф. вошел в кабинет к Гончарову, где за рабочим столом, в обычной позе, в халате, с сигарой во рту, за чашкой чая, невозмутимо сидел писатель, совершенно как бы забыв, что они накануне условились с А. Ф. вместе в этот день обедать у знакомых. Предстояло пройти расстояние с версту, а времени, чтоб поспеть к назначенному часу, оставалось мало. А. Ф. напомнил Гончарову и, когда тот удалился за ширму и принялся со спокойной медлительностью приводить в должный вид свой туалет, снова стал поторапливать его. Замешкавшийся Гончаров поспешнее стал одеваться, при этом повторяя: „чичас, чичас...“ Когда уже вышли на дорогу, А. Ф. обратился к Гончарову: „Иван Александрович! Ведь вот вы говорили, что не читаете Тургенева; между тем слова, произнесенные вами за ширмой, — из рассказа Тургенева

«Несчастливая»<sic!>“. Гончаров, смутившись, отвечал: „Да, видите ли, принесли из лавочки покупки, завернутые в корректуру; я поинтересовался; да, недурно, недурно!“» [Королицкий М. С. А. Ф. Кони: Странички воспоминаний. Л., 1928. С. 13–14].

Весть о † Тургенева.— Из воспоминаний М. С. Королицкого: «Я живо помню рассказ А. Ф. о том, как, находясь вместе с Гончаровым в Дуббельне, в момент смерти Тургенева, он тотчас же вывесил в курзале депешу, уведомлявшую об этой потрясшей всех пришедшей из Буживаля вести, сообщив о ней и Гончарову, при чем тот, всю жизнь, как известно, до болезненности враждовавший с Тургеневым, ответил: „Не верьте: притворяется!“» [Королицкий М. С. А. Ф. Кони: Странички воспоминаний. С. 12–13]. Из воспоминаний К. И. Чуковского: «Подведя меня к портрету Гончарова, он тут же рассказал несколько эпизодов из жизни писателя и, между прочим, припомнил, что Иван Александрович, получив известие о смерти Тургенева, которого он, как известно, считал хитрецом, недоверчиво произнес:

— Притворяется!

При этом он даже изобразил Гончарова: губы его мрачно искривились, глаза стали смотреть исподлобья, лицо выразило тяжелую мнительность, но это длилось не больше секунды...» [цит. по: Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 15–16].

Предл<ожение> издать свои сочинения. <...> † Тург<енева> действует успокоительно. — «...В Дуббельне, ссылаясь на трудность приобретения и дороговизну ставшего редкостью „Обломова“, я уговаривал его издать полное собрание своих сочинений. „Такой совет мне мог бы дать, — сказал мне, мрачно потупясь, Гончаров, — лишь недруг: разве вы хотите, чтобы меня стали обвинять в том, что я обокрал Тургенева?!“ <...> После смерти Тургенева эта болезненная мнительность прошла. Гончаров перестал иносказательно говорить о Тургеневе и в отзывах стал отдавать ему справедливость» [Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч. Т. 6. С. 292–293].

№ 15. — Письмо от 30 июня 1886 г.; отчеркнут, в частности, текст: «Вон Вы еще читаете *Фрегат Палладу* — да, это, верно, шутка? А я так не могу даже выносить имени

этого сочинителя Гончарова, у которого только одно и хорошо, что он Вас помнит, любит и обижает».

№ 9. — Письмо от 7 сентября 1883 г.; отчеркнут текст: «Да едва ли он <М. М. Стасюлевич> будет по причине тургеневской вакханалии <похорон Тургенева>: тут его давно караулит Григорович, чтобы его руками таскать каштаны из печки. О суета! о гадость!».

Мое письмо. — Очевидно, письмо Кони к Гончарову от 8 ноября 1882 г., где тот, в частности, писал: «Я взял с собою „Обломова“. Давно не был он у меня в руках. (Мой экземпляр зачитал какой-то негодник, которого я, впрочем, вполне понимаю.) <...> Я чувствую себя способным зачитать книгу Плетневой, ибо купить Обломова ни за какие деньги нельзя... Нет! Вы должны издать Ваши сочинения. Вы не имеете права лишать молодое поколение Вашей родины возможности наслаждаться этими облагораживающими строками. Вы не можете отнимать у людей, измученных жизнью, возможность забыться над Вашею книгою и освежить свою душу высоким художественным наслаждением. Если бы я был государем (жажду знать подробности Вашего у него пребывания), я бы Вам „высочайше повелел“ издать Ваши сочинения — и этот акт самовластия, я уверен, приветствовался бы всеми партиями без различия» [*Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 53, 54*].

№ 11. — Письмо от 11 ноября 1882 г., помета Кони: «Печатание книг, № 11»; отчеркнут в том числе следующий текст: «Благодарю Вас, любезный и добрый друг, за Ваше искреннее ко мне участие. На Ваш вопрос о Гатчине с радостью могу сказать, что я до сих пор еще нахожусь под обаянием благосклонного приема <у императора Александра III>. К счастью, нас всего было человек пять — и я удостоен был приема наедине и нескольких минут доброго, ласкового разговора. Я вышел совершенно очарованный: мне как будто подвязали крылья. Вы как будто угадали, говоря в письме, что мне надо бы „повелеть“ издать мои книги: хотя повеления не было, или если было, то в форме вопроса: „печатаю ли я свои сочинения?“ Я, конечно, поспешил отвечать утвердительно и даже испросил позволения сам лично представить их, когда они будут готовы. Вследствие этого, неделю тому

назад, я подписал контракт, которым уступаю мое авторское право на все сочинения Глазунову, так что Вам нет надобности зачитывать чужой экз<емпляр> Обломова».

Боязнь юбилея. — «Когда возникла мысль о его литературном юбилее, Гончаров пришел в болезненное волнение, убедительно и настойчиво отговаривая всех, кто мог быть прикосновенен к организации этого празднования, оставить всякую мысль об этом, угрожая, в нарушение своего сложившегося житейского обихода, покинуть среди зимы Петербург и уехать, „куда глаза глядят“, оставив юбилейное чествование без виновника торжества. Только после неоднократных попыток и с большим трудом удалось уговорить его принять самый тесный кружок его друзей по „Вестнику Европы“, поднесших ему мраморные столовые часы с бронзовым изображением Марфиньки из „Обрыва“ и воздержавшихся, щадя старика, от всяких приветственных речей» [*Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч. Т. 6. С. 296*].

История завещания <...> деньги С.А. Никитенко. — Рассказ Кони в записи В. А. Ляцкой: «Однажды, лет за столько-то до смерти, Иван Александрович обратился ко мне с просьбой помочь ему в составлении духовного завещания. Свое состояние он оставлял семье Трейгульт, выделив из него пять тысяч рублей в пользу С. А. Никитенко. Эти 5000 заключались в бумагах, которые Иван Александрович хотел непременно перечислить, отметив их №№. Я возражал и указывал, что впоследствии это может создать неудобства, т. к. банк, где они были на хранении, мог заменить одни №№ другими, и тогда при распределении наследства произойдут недоразумения. Но Гончарова убедить было трудно. Он все хотел сделать по-своему, и даже моя компетентность в составлении завещания вызывала у него сомнения. <...>

Я снова повторял Ивану Александровичу все разъяснения и убеждал его поступить так, как я ему много раз уже говорил: выразить свои желания по существу, а формальную сторону предоставить мне. Но Гончаров начинал качать головой и недоверчиво повторял.

— Да, конечно... вам, Анатолий Федорович, это лучше знать, а только все-таки еще бы расспросить знающих людей... Не произошло бы ничего неожиданного...

Я, наконец, рассердился и махнул рукой: „ну, делайте, как хотите“... И перестал говорить с ним о завещании.

Гончаров сделал все по-своему, перечислил №№ бумаг, и когда пришлось реализовать завещание, возник спор именно из-за этих 5.000, так что Софья Александровна отказалась от их получения» [Русская литература. 2012. № 2. С. 102].

Ал<ександра> Ив<ановна> «вдова велик<ого> писателя», — Полотебнов... — М. М. Стасюлевич писал Кони 29 сентября 1891 г.: «Я имел в виду Вас развлечь рассказами о моих скверных похождениях в звании душеприказчика Гончарова¹. Верно, уже такая моя судьба: при смерти Тургенева мне пришлось иметь дело с тургеневской Виардо, но я никак не ожидал, что придется еще встретить гончаровскую Виардо, и уж, конечно, сортом, да и не одним сортом, а многими — пониже. Эта „Трейгуг“ устроила при мне при описи имущества такую сцену, что я мог смело утверждать, что я не в квартире покойного Г<ончарова>, а в кабаке! <...> Одним словом, она изображала собою „вдову знаменитого писателя“, а на деле, конечно, была просто свиньей, посаженной за стол. Я, разумеется, плюнул на все это и передал дело <А. Г.> Полотебнову» [И. А. Гончаров в кругу современников. С. 411].

Усть-Нарва. Чтение сочинений. — «Я никогда не слышал его читающим публично или в обществе. Но эти проведенные в Гунгербурге <Усть-Нарве> часы остались навсегда в моей памяти. До тех пор мне случалось (и не раз) присутствовать при его критических или житейских рассуждениях и выносить из них всегда сильное впечатление, присутствуя, так сказать, при самом процессе творческой деятельности его мысли. Он начинал обыкновенно как бы нехотя, отрывисто и с паузами, затем разгорался и, согрев слушателей своим внутренним огнем, умолкал в раздумье. <...> Начав лениво, с оговорками и усталым голосом, Гончаров вскоре оживлялся и начинал оттенять действующих лиц. Легкое волнение

¹ Ср. записку Гончарова: «В случае смерти моей сим извещаю, что духовное завещание мое хранится у одного из моих душеприказчиков, и именно у Д<ействительного> С<татского> С<оветника> Михайлы Матвеевича Стасюлевича, жителяствующего в Галерной улице, № 20. 18 июня 1888. И. Гончаров»; на обороте: «На случай моей смерти» (РГАЛИ, ф. 135, оп. 1, ед. хр. 4).

начинало окрашивать его старческие щеки, единственный глаз блистал, и на нем по временам навертывались слезы. Это чтение, однако, не было игрою, как у Писемского и Островского, где из-за чтеца быстро проступал актер. Нет! Это был лишь прочувствованный рассказ очевидца, глубоко схоронившего в своей душе живые и говорящие образы тех, кто ему встретился на его жизненном пути. Окончив чтение, Гончаров, очевидно, до нового сеанса расставался с вызванными им из области прошлого фигурами и переходил к злобе дня. Его не тревожили и не волновали большие тени прошлого» [см. выше, с. 282–283].

№ 2, 3, 4. — Письма под №№ 2 и 3 не выявлены; № 4 («4» переправлено из «3») — письмо от 3 июня 1887 г.; отчеркнуты следующие фрагменты: «...я еще премного уповаю на Ваше присутствие ради успешности моих новых литер<атурных> работ. Как бы Вы прищпоривали меня и с каким удовольствием я прочел бы Вам все остальное написанное, пользуюсь Вашими верными, дорогими замечаниями и советами! Я кончил все: кроме прочитанного Вам, написано еще листа два печатных. <...> Он <издатель А. Ф. Маркс> просил меня только, а я Вас дружески прошу, *не разглашать заранее*, что я пишу, и особенно, *о чем я пишу*, ибо-де журналы, т. е. газетчики, подслушают и заранее разболтают и задолго до напечатания, а это, по многим причинам, неудобно. И я Вас повторительно прошу сохранить это в секрете. <...> У меня на Вас, если Вы приедете туда, еще вот какая надежда: Вы постараетесь защищать меня от знакомых вообще, и старых, и новых — т. е. отклонять их ходить ко мне и стараться „побеседовать“ со мной где-нибудь на берегу, в парке, в курхаузе и т. д. Они развлекут и отвлекут меня от дела, не дадут работать. А я и без работы отвык уже от людей — и больше тягочусь „беседой“. Кроме того, с тех пор, как мой катар обратился в хронический, мне тяжело говорить, меня потом бьет кашель. Им можно говорить эту причину, не говоря о том, что я пишу, или просто сказать, что я на просторе разбираю свой домашний архив и ищу, нет ли там чего, вроде „Университ<етских> воспоминаний“, чтоб они мне не мешали. Я полагаю, что, творя молитву „Отче наш“, я буду в конце к „избави меня от лукавого“ прибавлять и от „знакового“!»

№ 5, 6. — Письмо № 5 — от 20 августа 1880 г.; отчеркнут текст: «Мне кажется, как будто все сговорилось против меня, даже земля отказывается и носить меня на себе, и принять в свои недра! Зачем, ну зачем Вы лишили себя еще трех драгоценных продуктов тропической табачной флоры! Вам настоящая пора наслаждаться, а мне отречься от чревоугодия!»; письмо № 6 — от 22 июня 1890 г.; отчеркнуты фрагменты: «Очень радуюсь, что в этом городе Вам и Михайле Матв<еевичу> Стасюлевичу> посчастливилось найти удобство, покой и выздоровление, необходимое для восстановления Ваших сил! Вы очень впечатлительны, живы, в Вас гнездятся два существа — писатель-художник и судья, но более писатель!» и «Я ослабел и едва держусь на ногах. Если б не Александра Ив<ановна>, то мне пришлось бы очень плохо. Но беда та, что и она еле ходит или вернее еле бегаёт сверху вниз и обратно! Дети ее подрастают, но пока она еще действует. Свернись она, — я останусь беспомощным сиротой! На родственников плоха надежда: один дурной и болтун <...> другие так себе: кто спился, кто нигилизму предан и все норовят попользоваться от меня».

Последние дни. <...> *Боязь судьбы.* — «Я посетил его за два дня до смерти, и, при выражении мною надежды, что он еще поправится, он посмотрел на меня уцелевшим глазом, в котором еще мерцала и вспыхивала жизнь, и сказал твердым голосом: „Нет! Я умру! Сегодня ночью я видел Христа, и он меня простил“...» [Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч. Т. 6. С. 300]. Кони — С. В. Максимова, 23 сентября 1891 г.: «Старик <Гончаров> отошел тихо и с верою. „Что такое смерть? — допрашивал он меня (я бывал у него каждый день). — Как ее объяснить? Мне вот казалось ночью, что ко мне подходили две большие собаки и больно меня кусали — ужели это смерть?“ Ему еще хотелось жить (а было 80 лет). „Авось и на этот раз, — говорил он, — меня Господь помилует...“ Но после причастия он вполне примирился со смертью. Последнее, что я от него услышал, было: „Я знаю, что умру, ну что ж, пожалуй, я ведь спокоен. Я видел сегодня во сне Христа — *«он меня простил»*“...» [И. А. Гончаров в кругу современников. С. 415].

№ 8. — Письмо от 1 февраля 1889 г., написанное после перенесенного удара (рукой А. К. Трейгут); отчеркнут текст: «Надеюсь, что Вы засвидетельствуете мое почтение г. министру финансов Ивану Алексеевичу Вышнеградскому, и вместе с ним, хотя вы только гласный, но Вы, конечно, постараетесь, чтобы сохранить для сирот 4500 р., которые не обогатят казны, но я не смею обременять Государя новыми издержками».

Слова Пушкина. — «Он называл не раз жизнь тяжелым испытанием и часто цитировал по этому поводу слова Пушкина о „мучительных снах“, повторяя: „И всюду страсти роковые, и от судеб спасенья нет“». [Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч. Т. 6. С. 298]; Кони — М. М. Стасюлевичу, 13 июля 1903 г.: «...он не раз при мне с любовью цитировал слова Пушкина, в „Цыганах“: «но счастья нет и между вами — природы бедные сыны — и под издранными шатрами — живут мучительные сны, — и всюду страсти роковые, и от судеб спасенья нет!» [ИРЛИ, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 4, л. 11 об.].

№ 16 (женщины). — Письмо от 11 июля 1888 г.; помета Кони: «любовь»; начато отчеркивание абзаца: «Впечатлительные нервные натуры нередки у того и другого пола. Я заговорил об этом потому, что Вы мне в этом же приснопамятном 1880-м году рассказали одну свою подобную драму, выражаясь так, что она (женщина) разнесла или „поразила всю Вашу жизнь жестоким ударом...“ и т. д.».

Взгляд на деятельность. № 17. — Письмо от 25 апреля 1888 г.; отчеркнуты фрагменты: «Все это мимолетное, навеванное данным моментом чувство. Моряк (все моряки скажут это) после бурного, долгого и опасного плавания с радостным чувством приветствует берег, счастливый, что под ногами у него твердая почва, упивается запахом и видом зелени, весело гуляет в толпе... А через несколько дней этого берегового „отдыха“, он задумывается, скучает, грустит — его тянет на волны, он смотрит на морскую даль и — возвращается опять бороться, преодолевать ветры и бури, открывать и изучать новое и т. д. „Житейское море волнами обуревается“... везде, и в провинции тоже, только тут Вы испытывали бы бури — в стакане воды, а терпели бы от

них так же, как в океане! Да, непременно так: жизнь везде — жизнь. Достойно ли Вас — с Вашими силами, плавать в стакане воды! Я нет-нет, да и загляну в Вашу книгу (дорогой подарок!) и всякий раз что-нибудь извлеку из нее, поучусь чему-нибудь!» и «Петербург — арена, школа, омут интересов и страстей, где только и могут разрабатываться и закаливаться великие силы ума и дарований! Не ропщите же, ибо жить только *в себе самом* нельзя и не должно, „кому много дано“, и *для себя лишь жить* — тоже не годится, Вы это знаете лучше меня. Я замечал на своем веку, что те, которые избирали себе эту, мнимо „благую часть“ — жить в себе и лишь для себя — рано или поздно выводимы были судьбою насильственно из мешка, в который зашивались; швы лопались и волей-неволей приходилось работать за других и на других».

Рассказы из «Фрегата» „Паллады“. — «И этот же, как он сам себя называл, „угрюмый нелюдим“ бывал жив, остроумен и даже весел, когда оставался вдвоем или в самом небольшом кружке. Таким я помню его во время долгих прогулок по берегу моря на Рижском штранде и в Усть-Нарове, когда прелесть его ярких воспоминаний и рассказов заставляла его спутника забывать свою усталость. Между этими воспоминаниями было много таких, которые не вошли во „Фрегат «Палладу»“. Особенно помнится мне его рассказ о наших матросиках, которые покатывались со смеху, указывая пальцами на голые колена двух неподвижно стоявших у одного из лондонских дворцов часовых в шотландском костюме, красных от гнева, но покорных дисциплине. „Что вы тут делаете? — спросил их Гончаров. — Чему смеетесь?“ — „Да ты посмотри, ваше благородие, королева-то им штанов не дала!“ Или другой рассказ о том, как в окрестностях Капштадта, подойдя к кучке матросов, что-то любопытно разглядывавших, он увидел на ладони одного из них огромного скорпиона, тщетно силившегося пробить ядовитым хвостом толстый сплошной мозоль на руке, привыкшей лазить по вантам. „Что ты? Брось, брось! — воскликнул Гончаров. — Он тебя до смерти укусит!“ — „Укусит? — недоверчиво спросил матрос, презрительно скосив глаза на скорпиона. — Этакая-то сволочь?! Тьфу!“ И он бросил скорпиона на землю, раздавив его небутой для прохлады ногой. Был между

этими рассказами один, который, кажется, не оставил следа в истории Крымской войны по скромности и сдержанности участников. Когда в далеком Японском море адмиралом Путятиным было получено на „Палладе“ известие об объявленной России Францией и Англией войне, он позвал к себе в каюту Посыета (командира фрегата) и, сколько мне помнится, Лесовского (старшего офицера) и, в присутствии Гончарова, связав их обязательством хранить тайну, объявил им, что, зная о невозможности для парусного фрегата успешно сразиться с винтовыми железными кораблями неприятеля или уйти от последнего, он решил сцепиться с ним вплотную и взорваться...» [*Кони А. Ф.* Иван Александрович Гончаров // *И. А. Гончаров в воспоминаниях современников.* С. 257; ср.: *Кони А. Ф.* Собр. соч. Т. 6. С. 297].

Закат солнца... — Кони — Е. П. Летковой-Султановой, 11 июня 1898 г.: «„Вот так же медленно и тихо догорю и я“, — говаривал он <Гончаров> мне, указывая на садившееся в далекое море багровое солнце...» [Русская литература. 1969. № 1. С. 170].

...воспом<инание> о Пушкине. — «Вот как описывал мне в 1880 году, в одну из долгих вечерних прогулок по морскому берегу в Дуббельне, впечатление, произведенное на него смертью Пушкина, покойный Иван Александрович Гончаров: „Пушкина я увидел впервые в Москве, в церкви Никитского монастыря. Я только что начинал читать его — и смотрел на него более с любопытством, чем с другим чувством. Чрез несколько лет, живя в Петербурге, я встретил его у Смирдина, книгопродавца. Он говорил с ним серьезно, не улыбаясь, с деловым видом. Лицо его — матовое, суженное книзу, с русыми бакенами и обильными кудрями волос — врезалось в мою память и доказало мне впоследствии, как верно изобразил его Кипренский на известном портрете. Пушкин был в это время для молодежи все. Все ее упования, сокровенные чувства, честнейшие побуждения, все гармонические струны души, вся поэзия мыслей и ощущений — все сводилось к нему, все исходило от него... Я помню известие о его кончине. Я был маленьким чиновником, «переводчиком» при министерстве финансов. Работы было немного — и я для себя, без всяких целей, писал, сочинял, переводил, изучал

поэтов и эстетиков. Особенно меня интересовал Винкельман. Но над всем господствовал *он*. В моей скромной небольшой комнате, на полочке, на первом месте, стояли его сочинения, где все было изучено, где всякая строка была прочувствована, продумана... И вдруг пришли и сказали, что он убит, что его более нет... Это было в департаменте. Я вышел из канцелярии в коридор — и горько, не владея собой, отвернувшись к стене и закрывая лицо руками, заплакал. Тоска ножом резала сердце — и слезы лились в то время, когда все еще не хотелось верить, что его уж нет, что Пушкина нет! Я не мог понять, чтобы тот, пред кем я склонял мысленно колена, лежал бездыханным... И я плакал горько и неутешно, как плачут по получении известия о смерти любимой женщины... Нет, это не верно, — о смерти матери, — да, матери. Через три дня появился портрет Пушкина с подписью: «Погас огонь на алтаре...», но цензура и полиция поспешили его запретить и уничтожить...» [Кони А. Ф. Нравственный облик Пушкина // Собр. соч. Т. 6. С. 57–58].

ГОНЧАРОВ И А. В. ЖИРКЕВИЧ

Во второй половине апреля 1890 года в Петербурге вышла из печати большая, двухсотстраничная поэма «Картинки детства», объемом свыше 7500 строк. Автором ее значился А. Нивин.

Этот псевдоним взял себе военный юрист Александр Владимирович Жиркевич¹. Он родился в 1857 году в Витебской губернии, учился в гимназии и в юнкерском училище в Вильно, затем служил в 108-м Саратовском пехотном полку. С 1885 по 1888 годы он жил в Петербурге, где учился в Военно-юридической академии. За эти годы он познакомился со столичными литераторами и художниками и стал посетителем так называемого «репинского кружка»². Хотя Жиркевич начал печататься еще во время службы в Саратове, «Картинки детства» были первой его книгой и вообще первой крупной публикацией, благодаря которой он, конечно, надеялся создать себе имя в литературе.

Забегая вперед, скажем, что «Картинки детства» получили неплохую прессу. Анонимный рецензент «Северного вестника» находил у автора поэмы «искусство рисовать картины и портреты, выхваченные прямо из жизни, не одними стереотипными чертами, но живыми, яркими красками и в достаточной мере рельефно», а местами встречал «и кое-какие поэтические черточки, и намеки на одушевление или теплоту», отмечая, впрочем, что ему недостает «чувства

¹ Биографические сведения о нем заимствованы из следующих источников: *Жиркевич-Подлесских Н. Г., Хмелевская Н. А.* Жиркевич Александр Владимирович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 269–271; *Жиркевич-Подлесских Н. Г.* «Спешите делать добро»: (Об А. В. Жиркевиче и еще раз о Толстом) // Жиркевич А. В. Встречи с Толстым: Дневники. Письма. Тула, 2009. С. 15–50.

² См.: *Сапожков С. К.* М. Фофанов и репинский кружок писателей: Статья первая // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 195.

меры; он слишком многоречив; по-видимому, он очень рад, что стихи ему даются легко и ему ничего не стоит наговорить с три короба там, где достаточно было бы нескольких стихов»¹. «С большим удовольствием» прочел «Картинки детства» и неизвестный обозреватель «Русской мысли», который хотя и почувствовал, что «от нее веет свежестью и искренностью поэтических вдохновений», но отметил несколько «шероховатостей и неловкостей, свидетельствующих о том, что автор не достаточно поработал над своим произведением»².

Со своими коллегами был согласен и тяжеловес тогдашнего критического цеха А. М. Скабичевский, который также прочел поэму Жиркевича «без скуки, а местами и с удовольствием, что очень редко бывает, когда вы имеете дело со стихами начинающего поэта», отметив «прежде всего его легкий, звучный, гибкий стих, которым он владеет в совершенстве». Попеняв на «кое-какие неровности, шероховатости и погрешности», похвалив «чисто русский склад ума, ясного, простого, чуждого всяких романтических туманностей и вычурностей», критик заметил, что «хотя автор озаглавил свою книгу громким и отпугивающим словом *поэма*, но <...> никакой тут поэмы нет, а просто-напросто вы найдете здесь ряд портретов разных лиц, оставшихся у автора в памяти от детских лет, детских игр, забав, шалостей и пр., и пр.; все это не связано никаким сюжетом, а распадается на отдельные части, из которых каждая имеет свое собственное содержание, живет сама по себе и для себя». Приведя несколько цитат из поэмы, Скабичевский в заключение разбора высказал, возможно, неожиданное для автора поэмы, но вполне характерное для себя суждение: «Все это прекрасно, но, принимая в расчет именно эту склонность г. Нивина к детальной изобразительности, преобладание микроскопической наблюдательности в его таланте, невольно как-то приходите вы к вопросу, читая его книгу, правильно ли он поступает, излагая все это стихами? <...> Не желаем и не претендуем навязывать г. Нивину какие-либо советы и требовать, чтобы впредь он писал по нашей указке, но сдается нам, что при микроскопичности своей жанровой поэзии он и сам впоследствии перейдет к прозе; надоест ему возиться с рифмами и весь век

¹ Северный вестник. 1890. № 6. Отд. II. С. 102–103.

² Русская мысль. 1890. № 8. С. 358–359; 2-я паг.

А. В. Жиркевич

ходить в колодках, захочется большего простора, особенно, когда масса наблюдений возрастет у него настолько, что ни в какие тесные рамки стихотворных размеров не уляжется»¹.

Жиркевич был доволен отзывом Скабичевского и послал его Репину, с которым находился в активной переписке. Репин отвечал ему 7 сентября: «Спасибо Вам за вырезку из „Новостей“. Я с удовольствием прочитал этот беспристрастный отзыв присяжного критика. А еще с большим удовольствием прочитываю выдержки из Вашей поэмы. Знаете, Ваши стихи имеют способность все больше нравиться впоследствии. Да, это признак талантливости, настоящей, неподдельной и неиспор-

¹ Скабичевский А. Литературная хроника // Новости и биржевая газета. 1890. № 238. 30 авг. (11 сент.). С. 2.

ченной»¹. В следующем письме, от 10 октября, он сообщал, что «недавно тут на одном литер[атурном] обеде сидел около Скабичевского и напомнил ему, что с удовольствием читал его отзыв о „Нивине“, кот[орый] мне понравился. Он сейчас пристал ко мне с расспросами об авторе: кто, каких лет, какого образования и т. д. и т. д. Все время мы говорили о Вас. Он очень хорошего мнения о Вас, на словах еще больше, чем писал в разборе. <...> Он кладет на Вас надежды большие. Много вспоминал с большим удовольствием из Вашей поэмы, говорит, что Вы хороший живописец в слове; он очень добродушен»².

Немного позднее, 10 января 1891 года, Репин сообщал Жиркевичу, что рецензию на «Картинки детства» планировал поместить в газете «День» и К. М. Фофанов и что она «очень тепло и хорошо написана»³. Однако эта публикация не состоялась: как сообщают комментаторы репинской переписки, редакция газеты отвергла статью из-за того, что имя автора поэмы не было им известно⁴.

Но честолюбивому Жиркевичу хотелось узнать мнение о своей поэме признанных мэтров, «литературных генералов», и поэтому он осуществил, как мы сказали бы сейчас, ее верную рассылку. Экземпляры «Картинок детства» получили, в частности, Толстой, Апухтин, Полонский, Фет, позднее к ним прибавились Лесков и Чехов⁵. Также следует упомянуть, что с юности Жиркевич был страстным коллекционером. Собирал он, в частности, и автографы знаменитых людей, поэтому посылая для отзыва свою поэму выдающимся писателям, он, несомненно, рассчитывал пополнить свою коллекцию⁶.

Расчеты Жиркевича частично оправдались: большинство адресатов ему ответило. Однако безусловно положительно о «Картинках детства» отозвался только Репин, знакомый с поэмой

¹ Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям. 1880–1929. М., 1950. С. 66.

² Там же. С. 66–67.

³ Там же. С. 70.

⁴ См.: Там же. С. 217 (примеч. В. А. Жданова).

⁵ Жиркевич посылал свою книгу не только литераторам; так, «Картинки детства» были переданы И. К. Айвазовскому, который в ответном письме не упомянул о поэме, но при встрече наговорил о ней «кучу общих мест» (из дневника Жиркевича, запись от 7 октября 1890 года — цит. по: Жиркевич-Подлесских Н. В гостях у Айвазовского... // Третьяковская галерея. 2010. № 2. С. 39).

⁶ Впоследствии свою коллекцию автографов Жиркевич передал в Государственный музей Толстого, где она и хранится ныне.

еще в авторском чтении¹. Отзывы остальных были либо отрицательными², либо наряду с положительной оценкой поэмы в целом содержали критические замечания³; другие уклонились от прямого ответа или были максимально лапидарны⁴.

¹ См.: Там же. С. 54. Подробно о многолетних отношениях Репина и Жиркевича см.: *Жиркевич А. В. Встречи с Репиным: (Страницы из дневника 1887–1902 гг.) / Вступ. И. Грабаря; предисл. и примеч В. А. Жданова // Художественное наследство. М.; Л., 1949. Т. 2: Репин. П. С. 119–178.*

² Наиболее резко отозвался о поэме Толстой. «Совет мой тот, чтобы оставили литературные занятия, — писал он Жиркевичу 30 июня, — в особенности в такой неестественной форме, как стихотворная. <...> Книжка ваша не может никого увлечь и никому ни на что не может быть нужна. А между тем, она стоила вам, очевидно, большого и продолжительного труда. Вы спрашиваете: есть ли у вас то, что называется талантом? По-моему — нет. Продолжать ли вам писать? Нет, если мотивы, побуждающие вас писать, будут такие же, как и те, кот<орые> побудили вас написать эту книгу» (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 65. С. 120*). Краткий отрицательный отзыв о «Картинках детства» оставил Фет в письме к С. А. Толстой от 21 декабря 1890 года (см.: *Литературное наследство. М., 2011. Т. 103: А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. С. 212*).

³ Это можно сказать о Я. П. Полонском, который подробно разобрал «Картинки детства» в двух письмах Жиркевичу от 10 и 17 мая 1890 года и предъявил немало претензий формального характера (см.: *Письма Я. П. Полонского к А. В. Жиркевичу / Публ. И. А. Покровской // Русская литература. 1970. № 2. С. 128–130*). Сходные замечания высказал и А. Н. Апухтин в письме автору поэмы от 18 мая того же года: «Главные ее недостатки — растянута и многословие. <...> Вывод мой такой: книгу печатать не следовало, но местами в ней попадает много наблюдательности, много теплоты чувства, а потому в таланте Вашем я не сомневаюсь». Любопытно, что в одном эстетик Апухтин неожиданно солидаризовался с утилитаристом Скабичевским: «Прочитав 200 страниц Ваших ямбов, между которыми можно набрать полсотни поэтических стихов, я невольно подумал: отчего все это не рассказано прозой? Вышло бы несколько прелестных очерков — более полных, так как Вы бы не были стеснены ни размером, ни рифмой» (*Новые материалы об А. Н. Апухтине из архива А. В. Жиркевича / Публ. Н. Г. Подлесских-Жиркевич; примеч. Н. Г. Подлесских-Жиркевич и Л. М. Маричевой // Русская литература. 1999. № 3. С. 128*).

⁴ Например, А. П. Чехов, писавший Жиркевичу 10 марта 1895 года: «...написать откровенно свое мнение о Вашей поэме, написать так, как бы Вы желали, — мне решительно не под силу. То есть я могу много наговорить Вам, но всё это будет околесица, на которую Вы только рукой махнете. Стихи не моя область, их я никогда не писал, мой мозг отказывается удерживать их в памяти, и их, точно так же, как музыку, я только чувствую, но сказать определенно, почему я испытываю наслаждение или скуку, я не могу. В прежнее время я пытался переписываться с поэтами и высказывать свое мнение, но ничего у меня не выходило, и я скоро надоедал, как человек, который, быть может, и хорошо чувствует, но неинтересно и неопределенно излагает свои мысли. Теперь я обыкновенно ограничиваюсь только тем, что пишу: „нравится“ или „не нравится“. Ваша поэма мне понравилась» (*Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1978. Т. 6. С. 35*).

Получил «Картинки детства» и Гончаров. Сопроводительное письмо Жиркевича к нему не сохранилось, но едва ли автор поэмы утруждал себя разнообразием формулировок. Приведем почти целиком его письмо к Толстому от 1 мая 1890 года; нет сомнения, Гончаров получил схожий текст и написанный если не в тот же день, то двумя-тремя днями раньше или позднее:

Года 3 как я печатаю мои стихотворения в разных толстых журналах под различными буквами. Теперь я выпустил в свет под фамилией Нивина мою поэму — «Картинки детства», поэму отчасти автобиографическую. Сам чувствую все ее недостатки. Но тем не менее не могу отказать себе в удовольствии поднести ее Вам в знак моей благодарности за ту массу наслаждений, которую мне дали и дают Ваши произведения. Как начинающий автор прошу Ваших указаний на недостатки этой поэмы и Вашего о ней мнения.

Поэма слишком субъективна, в ней не всякий сразу отыщет общую мысль или, скорее, чувство, проникающее ее всю, — любовь ребенка к жизни и любовное отношение жизни к ребенку. Нового я моей поэмой не вношу ничего. Писал ее искренно, не думая ни о публике, ни о критике, а удовлетворяя личную потребность — творить по воспоминаниям о дорогой для меня поре жизни.

Взгляды на искусство теперь страшно спутались и затемнились... Вот почему моя поэма, быть может, и грешит против общепринятых взглядов об искусстве. Взглядов этих я не имел в виду: по моему мнению, все эти шаблонные рамки погубили не один талант на Руси. Надо писать так, как думается и чувствуется, — вот, по моему мнению, естественное указание всякому пишущему, особенно из начинающих. Но так ли я думаю? Не ошибаюсь ли? Вы, великий художник, не улыбаетесь ли на эти строки?!

Итак, если труд мой придется Вам по душе, напишите мне несколько слов, дорогой Лев Николаевич!

<...>

Простите за смелость, с которой прошу Вас ответить на мое письмо¹.

Напомним, что примерно за год до получения поэмы и письма с просьбой о ней отозваться Гончаров напечатал статью «Нарушение воли», причиной создания которой послужил, вероятнее всего, факт обнародования в печати некоторых его частных писем². Нет сомнения, что в письме Жиркевича он почувствовал азарт охотника за автографами

¹ Жиркевич А. В. Встречи с Толстым. С. 485–486.

² См.: Романова А. В. История публикации эпистолярного наследия Гончарова // XV, 22–24.

знаменитостей. К тому же Гончаров не мог быть уверен, что его ответ не выйдет за границы частной переписки и не будет в той или иной форме обнародован. Думается, именно поэтому автор «Обломова» ответил автору «Картинок детства» в третьем лице и не подписался. Как многие другие письма последних лет жизни, оно было написано не им самим, а продиктовано кому-то из домашних. Но окончательный текст Гончаров прочитал сам, сделал небольшие поправки, а в конце вместо подписи поставил загогулину.

И. А. Г. благодарит г. Жиркевича за присланную поэму «*Картинки детства*» и за его доверие к критическому его такту.

К сожалению, с ослаблением зрения и по преклонности лет он, Г., давно ничего не читает и диктует то немногое, что ему приходится сказать, между прочим и эти строки.

Но он просил других прочесть ему всю книгу «*Картинки детства*» и находит, что автор вдаётся в словоохотливость, до излишества. Надо сократить, хотя он *владеет свободно стихом*.

Но не это качество стихотворной формы, дающееся многим, обличает в авторе значительный творческий талант, а фигуры *Корнея, маиора*, его дочери *Веры*, также другого *Деньщика*.

Фигуры *Матери* и *Бабушки* вышли слабы и бледны, и отчасти сентиментальны.

Совет его — читать все, что попадется под руку — одно это делает человека образованным.

Надо, кроме образцовых произведений иностранных литератур, *изучать* Пушкина, Жуковского, Батюшкова, Лермонтова и *читать* Фета, Майкова и других.

В фельетоне газеты «Новое время», 11-го мая, Суворин умно и дельно говорит о современных поэтах. С этим нельзя не согласиться. Мой совет — прочесть внимательно этот фельетон

15ое мая
1890¹

¹ ГМТ, ф. 22, инв. № 62173, л. 1–2. На конверте: «Виленской губернии. Г. Вильно. Его Высокоблагородию Александру Владимировичу Жиркевичу. В Военно-окружном Суде» (Там же, л. 3). Петербургский почтовый штемпель — 16 мая 1890 года; Виленский почтовый штемпель без даты. На л. 1 помета Жиркевича: «Ответ на посылку моей книги — от Ив. Алекс. Гончарова. Получено 21 мая 1890 г.».

Жиркевич отреагировал на это письмо очень болезненно. Его задела и сама форма письма, и отсутствие подписи, и снисходительный менторский тон Гончарова. Однако еще больше он мог быть раздражен рекомендацией «прочитать внимательно» суворинский фельетон: в нем редактор «Нового времени» не только отрицательно отзывался о недавно появившейся «повести в стихах» Д. С. Мережковского «Вера», но делал и обобщающие выводы, которые не могли не уязвить автора поэмы сходного эпического размаха: «Вы скажете: да стоит ли говорить о какой-нибудь „Вере“? В мире, как и в литературе, все относительно, а в фельетоне, который занимается текущею журналистикой, каждая вещь еще относительно. „Вера“ такая же повесть в стихах, каких множество в прозе. И отличие ее только в форме, да в отступлениях, по примеру романтических поэм. Это в существе дела вовсе не поэма, а та же беллетристика, только в стихах, иногда недурных, иногда тяжелых, насильственно склеенных, в которых нет и признака свободного вдохновения»¹.

Вскоре Жиркевич ответил престарелому писателю. Этот ответ до нас не дошел, но о нем мы можем судить по переписке, который адресат Гончарова приложил к его письмам, формируя свой архив:

...я между прочим писал, что Гончаров, видимо, считает меня за полубразованного человека, если советует *изучать* Пушкина, Лермонтова, Батюшкого <sic!> и *читать* Майкова и др.; что, видимо, Гончаров боится даже довериться мне, если присылает письмо, написанное чужой рукою в 3-м лице, и где вместо подписи стоит крючок. Я удовлетворился бы, если бы к письму была приложена хоть визитная карточка. Далее я писал, что считаю себя человеком, получившим все-таки известное образование, так как я окончил Военно-Юридическую Академию, и затем я считаю себя настолько благовоспитанным, что не злоупотребил бы письмом г. Гончарова, не делал бы его гласным, а мог вернуть даже его обратно. — На основании всего изложенного я могу думать, что г. Гончаров, узнав теперь, что я человек с образованием, а не полу-образованный самородок, весьма естественно изменит и свое мнение о поэме. — Но во всяком случае я благодарю его за лестный отзыв о моей книге, недостатки которой вижу и я сам, хоть не знаю, он ли,

¹ Суворин А. Критические очерки. Наша поэзия и беллетристика // Новое время. 1890. № 5099. 11 (23) мая. С. 2.

Гончаров, писал его, так как под буквами И. А. Г. может скрываться другой мой знакомый¹.

Судя по всему, Гончаров, в свою очередь, был сильно задет ответом Жиркевича. Он понял, что начинающий поэт заподозрил его в нежелании раздавать автографы и прямо высказывать свою точку зрения из опасений, что она будет обнаружена. Заметим к слову, что в данном случае подозрения мнительного писателя не были безосновательны: Жиркевич не стал делать секрет из гончаровских писем и не только излагал содержащиеся в них суждения другим своим корреспондентам², но даже приводил цитаты, хотя и неточные³. Гончаров счел нужным ответить Жиркевичу — и сделал это уже по всем правилам этикета. Второе письмо было также продиктовано, но уже другому человеку, и в его конце писатель расписался сам — таким образом, Жиркевич автограф автора «Обломова» все-таки получил:

Милостивый Государь,
Александр Владимирович!

Посылая поэму свою мне *Картинки детства* под псевдонимом *Нивина*, Вы, помнится, сказали, что это сочинение начинающего автора: поэтому я и позволил себе сделать некоторые замечания.

Но я теперь на даче⁴, а письмо осталось в городе, следовательно, поверить с подлинным не могу. Мне остается просто извиниться, что я не так понял Вас.

Но об этом теперь нет и речи. Я могу только спросить, зачем Вам понадобилось мое мнение, если Вы, как говорите теперь, сами в состоянии решить, какое место сочинение Ваше должно занять в кругу литературных произведений?

От мнения своего я не отрекусь: Вы обнаружили недюжинный талант, создав несколько мужских и одну женскую фигуру.

Но, как все начинающие писатели, Вы очень пространно изложили обстоятельства Вашего *детства*: надо сократить.

¹ ГМТ, ф. 22, инв. № 62174, л. 3–3 об.

² Так, Жиркевич рассказал о первом гончаровском письме Репину, который писал ему 25–26 мая 1890 года: «С письмом Ив[ана] Ал[ександровича] Гончарова поздравляю Вас — это *нечто*» (*Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям*. С. 57).

³ См. письмо Жиркевича к Толстому от 14 июля 1890 года (*Жиркевич А. В. Встречи с Толстым*. С. 493).

⁴ 24 мая Гончаров переехал на дачу в Старый Петергоф (см.: *Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова*. М.; Л., 1960. С. 303).

Прибавлю еще, что эта поэма имеет слишком личный характер.

Что касается до писания стихов, то это искусство дается многим: надо быть Пушкиным или Лермонтовым, чтобы одним этим заявить о себе.

Подписываю это мнение полным своим именем, представляя Вам делать из этого моего письма какое Вам угодно употребление. Если бы Вы и напечатали его, то я большой в этом беды не вижу. Но я болен, все это знают здесь, и извините меня, если в дальнейшую переписку входить не буду.

Примите уверение в совершенном моем почтении.

И. Гончаров.

19^е июня
1890¹

Нам неизвестно, ответил ли на это письмо Жиркевич, но Гончаров выполнил свое обещание: больше никаких писем он автору «Картинок детства» не писал.

Прошло немногим более года. 15 сентября 1891 года Гончаров скончался, и сразу после его смерти во многих газетах и журналах поднялась полемика о том, как надо понимать распоряжение, высказанное им в статье «Нарушение воли» — буквально или с оговорками. Вот это распоряжение: «Завещаю и прошу и прямых и не прямых моих наследников, и всех корреспондентов и корреспонденток, также издателей журналов и сборников всего старого и прошлого не печатать ничего, что я не напечатал или на что не передал права издания и что не напечатаю при жизни сам, конечно, между прочим, и писем. Пусть письма мои остаются собственностью тех, кому они писаны, и не переходят в другие руки, а потом предадутся уничтожению» (8, 184). Одни журналисты придерживались мнения, что этому желанию Гончарова надо следовать буквально, другие с ними не соглашались. Не остался в стороне от этих споров и Жиркевич, опубликовавший в газете «Неделя» следующую заметку:

Вопрос о «нарушении воли», поднятый И. А. Гончаровым еще при жизни, остается до сих пор открытым; а между тем от разрешения его зависит знакомство русского общества с наследством, которое оставил после себя покойный писатель в переписке и бумагах. Вот почему всякий, у кого есть документ, разъясняющий этот вопрос, не вправе держать его под спудом.

¹ ГМТ, ф. 22, инв. № 62174, л. 1–2 об.

Когда в прошлом году я издал мою поэму «Картинки детства», то послал один экземпляр ее Гончарову. В мае получил я и ответ, продиктованный Иваном Александровичем, но изложенный в третьем лице, от имени «И. А. Г.», и на котором не было подписи.

Удивленный такой странной формой, которая притом не гармонировала со слишком лестным для моей поэмы и интересным содержанием, и под которой невольно чувствовалось как бы недоверие, я решился о впечатлении, произведенном на меня письмом, откровенно сообщить Гончарову.

В ответе, помеченном 19-м июня и тоже продиктованном, Гончаров, между прочим, пишет: «...От своего мнения я не отрекусь»... и далее, через несколько строк: «Подписываю это мнение полным своим именем, предоставляя вам делать из этого письма какое вам угодно употребление. *Если б вы его напечатали, то я большой в этом беды не вижу*».

Пользуясь разрешением Гончарова, я и решаюсь теперь же предать гласности приведенную выше выдержку из его письма. Полагаю, что она прямо указывает на то, что Иван Александрович никогда не думал безусловно запрещать всякое пользование его перепиской.

Впрочем, и статья его о «нарушении воли» слишком ясно направлена против того рода господ, которые, иногда над не закрывшейся еще могилой писателя, начинают бесцеремонно рыться в его частной, интимной жизни.

В заключение долгом считаю оговориться: если я позволил себе сослаться на отзыв Гончарова о моей книге, то только в виду того, что без этой вставки последняя фраза его письма была бы непонятна¹.

Напоследок нужно сказать, что в 1900 году Жиркевич предпринял второе, переработанное издание своей поэмы², к которому критика не была уже столь благосклонна, как раньше³. Гончаровские же письма, насколько нам известно, он не делал попыток напечатать, и до последнего времени они хранились в его архиве, не учтенные исследователями жизни и творчества автора «Обломова».

¹ Нивин А. О «нарушении воли»: (Письмо в редакцию) // Неделя. 1891. № 44. 3 нояб. Стлб. 1401.

² Жиркевич А. В. (Нивин А.) Картинки детства: Поэма. Вильна, 1900 (на обложке: «Издание 2-е, значительно переделанное и исправленное»).

³ Анонимный автор краткой рецензии в «Русской мысли» резюмировал: «Ложно-классический стиль, бледность и расплывчатость образов и невольные перепевы с чужого голоса — вот все, что можно сказать про эту поэму, растянутую на 250 страниц» (Русская мысль. 1900. № 8. С. 277).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Фронтиспис. И. А. Гончаров. Портрет работы И. Н. Крамского. 1865. Соус, холст. *Всероссийский музей А. С. Пушкина.*
- Стр. 15. «Нимфодора Ивановна». Первый лист рукописи. *Рукописный отдел ИРЛИ.*
- Стр. 54. М. М. Стасюлевич. Фотография К. И. Бергамаско. Начало 1870-х гг. *Музей ИРЛИ.*
- Стр. 68. «Обрыв». Первая страница публикации в журнале «Вестник Европы».
- Стр. 72. «Обрыв». Титульный лист издания 1870 г.
- Стр. 76. И. А. Гончаров. Фотография С. Л. Левицкого. 1884. *Музей ИРЛИ.*
- Стр. 83. «Обрыв». Титульный лист издания 1883 г.
- Стр. 105. «Обыкновенная история». Титульный лист издания 1868 г.
- Стр. 122. «Обыкновенная история». Титульный лист издания 1883 г.
- Стр. 134. Страница копии статьи «По поводу картины Крамского „Христос в пустыне“» с поправкой С. А. Никитенко. *Рукописный отдел ИРЛИ.*
- Стр. 166. Страница коллективного письма к А. Н. и Н. А. Майковым от первых чисел октября 1842 г. Автографы Вл. Н. Майкова, И. А. Гончарова, К. А. Майкова и Я. А. Щеткина. *Рукописный отдел ИРЛИ.*
- Стр. 186. Цесаревич Николай Александрович. Фотография Н. Laurent. Начало 1860-х гг. *Музей ИРЛИ.*
- Стр. 198. Великий князь Константин Константинович в детстве. Фотография Г. Денъера. 1865. *Музей ИРЛИ.*
- Стр. 200. Дарственная надпись Гончарова великому князю Константину Константиновичу на издании романа «Обыкновенная история» 1883 г. *Библиотека ИРЛИ.*
- Стр. 212. Страница ученической тетради великого князя Константина Константиновича с исправлениями Гончарова. *ГАРФ.*
- Стр. 216. А. Н. Майков. Фотография неизвестных годов. *Музей ИРЛИ.*
- Стр. 218. Письмо А. Н. Майкова к Гончарову от конца октября 1866 г. *Рукописный отдел ИРЛИ.*
- Стр. 228. Гончаров на смертном одре. Рисунок С. А. Пырзина. 16 сентября 1891 г. Карандаш. *Музей ИРЛИ.*
- Стр. 231. Первая страница письма А. Н. Майкова к сыновьям от 17 или 18 сентября 1891 г. *Рукописный отдел ИРЛИ.*

- Стр. 238. К. Ф. Ордин. Фотография, приложенная к книге: *Ордин К. Ф.* Собр. соч. по финляндскому вопросу. Т. 1: Исследования, статьи, записки и письма. С последним портретом автора. СПб., 1908.
- Стр. 244. Первая страница очерка Б. К. Ордина «И. А. Гончаров в семейных воспоминаниях и письмах К. Ф. и С. А. Ординых». *Рукописный отдел ИРЛИ.*
- Стр. 255. Мариенбад, отель «Sans-Souci». Открытка начала XX в. *Собрание автора книги.*
- Стр. 256. Мариенбад, источник Kreuzbrunnen. Гравюра 1877 г.
- Стр. 257. Мариенбад, источник Kreuzbrunnen. Фотография 1894 г.
- Стр. 258. Мариенбад, кафе «Belle-vue». Открытка конца XIX в. *Собрание автора книги.*
- Стр. 272. А. Ф. Кони. Фотография К. А. Шапиро. *Музей ИРЛИ.*
- Стр. 275. Л. Г. Гогель. Фотография А. Пазетти. 1880-е гг. Принадлежала А. Ф. Кони. *Музей ИРЛИ.*
- Стр. 277. И. А. Гончаров. Фотография А. И. Деньера. 1886. *Музей ИРЛИ.*
- Стр. 279. Гунгербург. Открытка начала XX в.
- Стр. 281. Дарственная надпись Гончарова А. Ф. Кони на отдельном оттиске очерка «На родине». *Библиотека ИРЛИ.*
- Стр. 293. Мимишка, собака Гончарова. Рисунок работы И. Н. Крамского. 1873. Фотокопия. *Музей ИРЛИ.*
- Стр. 295. А. И. Трейгут с детьми (слева направо) Леной, Васей и Сашей. Фотография К. А. Шапиро. Конец 1870-х гг. Принадлежала Гончарову. *Музей ИРЛИ.*
- Стр. 312. А. В. Жиркевич. Фотография И. Горбунова. 1900-е гг. *Музей ИРЛИ.*

СПИСОК РАБОТ АВТОРА О ГОНЧАРОВЕ (1997–2017)¹

- Неизвестный очерк И. А. Гончарова «Пепиньерка» // Русская литература. 1997. № 3. С. 114–136 (совместно с А. Г. Гродецкой).
- [«Иван Савич Поджабрин», подготовка текста, текстологическая часть преамбулы; «Пепиньерка», подготовка текста, примечания (совместно с А. Г. Гродецкой)] // *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 657–658, 811–820.
- Ранняя редакция очерка «Заметки о личности Белинского» // И. А. Гончаров: Материалы международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 234–260.
- [«Фрегат „Паллада“», реальный комментарий к гл. VII–IX тома II; «По Восточной Сибири», реальный комментарий] // *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2000. Т. 3. С. 749–781, 810–823.
- * К вопросу об авторстве фельетона «Выбранные места из приятельских писем» // Некрасовский сборник. СПб., 2001. Т. 13. С. 109–114.
- * О проблеме выбора основного источника текста романа И. А. Гончарова «Обрыв» // Русская литература. 2002. № 3. С. 70–88.
- Иван Александрович Гончаров // Пушкинский Дом: Книга-альбом. М., 2003. С. 148–149.
- * Письмо А. Н. Майкова к сыновьям с воспоминаниями о И. А. Гончарове // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 215–223.
- * Был ли Гончаров автором повести «Нимфодора Ивановна»? // И. А. Гончаров: Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2003. С. 277–290.
- О дате первого приезда И. А. Гончарова в Петербург // Русская литература. 2004. № 3. С. 132–133.
- Пушкинские мотивы в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // «...Он видит Новгород великой...»: Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». Великий Новгород, 31 мая — 4 июня 2004 г. СПб.; Великий Новгород, 2004. С. 192–197.

¹ Звездочками отмечены публикации, материалы которых вошли в настоящую книгу.

- * Несколько замечаний о тексте последних прижизненных изданий романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история» // И. А. Гончаров: Материалы Международной научной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2008. С. 267–286.
- Коллективные коммерческие сборники середины XIX века как источник текста (к издательской истории очерка И. А. Гончарова «Иван Савич Поджабрин») // Русская литература. 2008. № 2. С. 114–121.
- * Русская цензура против испанского короля: (К издательской истории стихотворения А. Н. Майкова «Пастух») // Sub specie tolerantiae. Памяти В. А. Туниманова. СПб., 2008. С. 552–557.
- К истории создания и публикации статьи И. А. Гончарова «„Миллион терзаний“» // А. С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Смоленск, 2010. Вып. 10. С. 111–118.
- Обломовская энциклопедия // Вестник РГНФ. 2010. № 4 (61). С. 77–84 (совместно с С. Н. Гуськовым и А. Г. Гродецкой).
- * Одним летом в Гунгербурге: (К творческой истории очерка И. А. Гончарова «На родине») // Седьмая международная летняя школа по русской литературе: Сб. статей. СПб., 2011. С. 3–12 (изд. 2-е, испр. и доп.: СПб., 2012).
- * Обломов до «Обломова» // Обломов: Константы и переменные. СПб., 2011. С. 119–123.
- Неизвестные страницы воспоминаний А. Ф. Кони о Гончарове // Русская литература. 2012. № 2. С. 97–104.
- * К истории завершения романа «Обрыв» // Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2012. С. 270–278.
- «Избегал фактической стороны...»: (Еще раз о проблеме документальной достоверности книги И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“») // Гончаров: Живая перспектива прозы. Szombathely, 2012. С. 477–487.
- * Новый источник текста статьи И. А. Гончарова о И. Н. Крамском // Русская литература. 2013. № 2. С. 128–136.
- * Ненаписанные воспоминания А. Ф. Кони о Гончарове: Попытка реконструкции // Десятая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. Цвелодубово Ленинградской области, 2014. С. 3–24.
- * Два письма Гончарова к А. В. Жиркевичу // Гончаров после «Обрыва»: Сборник статей. СПб.; Тверь, 2015. С. 275–286.
- * Из разысканий о литературном окружении молодого Гончарова: Поэт Яков Щеткин // Летняя школа по русской литературе. 2016. № 2. С. 130–153.
- И. А. Гончаров в неизданных письмах А. Ф. Кони к М. М. Стасюлевичу // Русская литература. 2016. № 4. С. 113–117.
- * Иван Гончаров — учитель цесаревича Николая Александровича (новые материалы) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 95–107.

- * И. А. Гончаров — учитель великого князя Константина Константиновича (новые материалы) // Русская литература. 2017. № 4. С. 162–165.
- * Был ли Гончаров автором повести «Красный человек»? // И. А. Гончаров: Материалы международной научной конференции, посвященной 210-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2017. С. 206–211.
- * И. А. Гончаров в письмах К. Ф. Ордина к жене (1872) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 115–137.
- * Гончаров и семья Ординых (новые материалы) // Летняя школа по русской литературе. 2017. № 4. С. 306–317.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- А. В. 236
- Авенариус Василий Петрович 229
- Айвазовский Иван Константинович 313
- Айзеншток Иеремия Яковлевич 93, 94
- Аккерман Рудольф 30, 31
- Александр II 47, 185, 186, 187, 188, 191, 208, 215, 243
- Александр III 74, 120, 184, 185, 186, 242, 243, 274, 286, 301
- Александр Александрович, великий князь *см.* Александр III
- Александра Георгиевна, великая княгиня 227
- Александра Федоровна, императрица, жена Николая I 47
- Александра Федоровна, императрица, жена Николая II 239
- Алексеев Анатолий Дмитриевич 16, 73, 79, 167, 176, 192, 195, 220, 240, 271, 274, 279, 280, 284, 318
- Алексеев Михаил Павлович 67
- Алексей Александрович, великий князь 184, 189
- Альтман Мойсей Семенович 45
- Андреев Алексей Семенович (Симонович) 237, 241, 248, 265, 266
- Андреева София Павловна 237, 241, 248, 265, 266
- Андреевский Сергей Аркадьевич 79
- Анненков Павел Васильевич 53, 54, 55, 61
- Апухтин Алексей Николаевич 285, 313, 314
- Арендт Николай Федорович 248, 266
- Арина, кухарка Андреевых 241, 248
- Атапин Сергей Степанович 185
- Ауэрбах Бертольд 71
- Ашукин Николай Сергеевич 266
- Баевский Вадим Соломонович 221
- Балакин Алексей Юрьевич 10, 79, 127, 243, 269
- Барсуков Николай Платонович 220
- Барышев Ефрем Ефремович 181
- Барышников Владимир Николаевич 236, 237
- Батюшков Помпей Николаевич 235
- Батюшков Федор Дмитриевич 223, 224
- Батюшков Константин Николаевич 228, 230, 232, 235, 267, 316, 317
- Башуцкий Александр Павлович (псевд. Новомлинский) 159
- Безобразов Владимир Павлович 60
- Белинский Виссарион Григорьевич 19, 37, 38, 133, 162, 163
- Бенедиктов Владимир Григорьевич 12, 159
- Берг Федор Николаевич 241

¹ Составили И. О. Игнатьева и В. В. Шипунова.

- Бергамаско Карл Иванович 240
Берков Павел Наумович 20, 27, 65
Бётц, владелец булочной 249
Бибиков Виктор Иванович 226
Блинчевская Минна Яковлевна 56
Блэквуд Уильям 31
Боград Владимир Эммануилович 34
Богушевич Екатерина Алексеевна 241, 265, 269
Богушевич Юрий Михайлович 241, 269
Борель, владелец ресторана 252
Бороздна Иван Петрович 12
Боткин Василий Петрович 57, 58, 61, 225, 226
Брессан Проспер 262, 268
Брокгауз Фридрих Арнольд 221
Бронникова Елена Владимировна 74
Брюллов Карл Павлович 266
Булаховский Леонид Арсеньевич 26
Булгарин Фаддей Венедиктович 38, 161, 162, 167
Бурачок Степан Онисимович 159
Буслаев Федор Иванович 187, 193
Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич 157
Быков Петр Васильевич 34
Валленштейн Альбрехт Венцель Эусебиус фон 259
Валуев Петр Александрович 43
Варадинов Николай Васильевич 219
Васильевский Василий Григорьевич 239
Вацуро Вадим Эразмович 14, 66, 93, 234
Вдовин Алексей Владимирович 69, 236
Веденисова Вера Петровна 276, 298
Вейнберг Петр Исаевич 217, 276
Венгеров Семен Афанасьевич 34
Вербицкая Татьяна 185, 187
Веронез Поль (Паоло Веронезе) 144
Виардо Полина 303
Вильгельм I Фридрих Людвиг 199, 213
Винкельман Иоганн Иоахим 9, 309
Виноградов Виктор Владимирович 19, 86
Винокур Надежда Григорьевна 266
Владимир Александрович, великий князь 184, 274
Военский Константин Адамович 289
Войводич Ясмина 40
Вольф, барон 298
Воронцов-Дашков Илларион Иванович 243
Воротников Александр Васильевич 48
Высоцкий Сергей Александрович 274
Вышнеградский Иван Алексеевич 306
Вяземский Петр Андреевич 156
Гавриил Константинович, князь императорской крови 276
Гагарин Павел Павлович 215
Гаевский Виктор Павлович 271
Гайнцева Эрна Геннадьевна 10, 102, 128
Галахов Алексей Дмитриевич 188, 192
Ганзен Петр Готфридович 73, 122
Гапоненко Петр Абрамович 229
Ге Николай Николаевич 129, 139, 140, 141, 142, 143
Гейро Людмила Семеновна 16, 45, 49, 55, 70, 73, 77, 94, 100, 120, 130, 137, 157, 215, 222, 234
Георг I 227
Гербель Николай Васильевич 11

- Герцен Александр Иванович 86
 Гете Иоганн Вольфганг 9
 Гиллельсон Максим Исаакович 93
 Гиллер, владелец ресторана 252
 Глазунов Илья Иванович 74, 75, 79, 92, 97, 100, 120, 302
 Глебов Александр Николаевич 14
 Глебов Ипполит Николаевич 14
 Глинка Михаил Иванович 23
 Глинский Борис Борисович 185
 Говорушко Эдуард Лукич 196
 Гогель Григорий Григорьевич 274
 Гогель Григорий Федорович 190, 274
 Гогель (урожд. Баженова) Любовь Григорьевна 274, 275, 276, 278, 279, 280
 Гоголь Николай Васильевич 19, 67, 91
 Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич 224
 Гомер 211
 Гончаров Александр Николаевич 78
 Гончаров Николай Александрович 75, 181
 Гончарова Авдотья Матвеевна 18
 Гончарова Елизавета Александровна 78, 96
 Горчаков Александр Михайлович 264, 265, 269
 Гот Эдмон 262, 268
 Гофман Эрнст Теодор Амадей 67
 Грабарь Игорь Эммануилович 314
 Гревс Иван Михайлович 130
 Греч Николай Иванович 11, 228, 230, 232, 234, 235
 Григорович Дмитрий Васильевич 38, 290, 301
 Григорьев Василий Васильевич 165
 Григорьев Петр Григорьевич 48
 Гримм Август Федорович (Август-Теодор) 183, 187, 190, 191, 192, 193
 Гришунин Андрей Леопольдович 27, 92
 Гродецкая Анна Глебовна 10, 12, 13, 17, 29, 31, 157, 167, 222
 Грот Константин Яковлевич 182, 183, 184, 186, 187
 Грот Наталья Петровна 184, 185, 186, 187, 191
 Грот Яков Карлович 87, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 193
 Груздев Александр Иванович 10
 Гурский Конрад 66
 Гуськов Сергей Николаевич 102, 236
 Даль Владимир Иванович 98, 118
 Данилевский Григорий Петрович 157, 241
 Данилов Сергей Сергеевич 23
 Дельвиг Антон Антонович 266
 Демиховская Елена Константиновна 14, 73, 196, 274, 289
 Демиховская (Марфина-Демиховская) Ольга Аверьяновна 14, 15, 16, 17, 18, 19, 27, 73, 108, 196, 274, 289
 Денисенко Сергей Викторович 46
 Державин Гавриил Романович 193, 228, 230, 232, 235, 266
 Деркач Самуил Самуилович 12
 Джулиани Юлий Иванович 32, 33
 Дзержинский Феликс Эдмундович 239
 Динерштейн Ефим Абрамович 271
 Дмитриева Екатерина Евгеньевна 67
 Дмитрий Константинович, великий князь 196, 202, 265, 269
 Достоевский Федор Михайлович 45, 222, 237, 241, 280, 284, 285, 290, 298, 299
 Друговойко-Должанская Светлана Викторовна 167, 184, 198, 219, 220

- Дружинин Андрей Васильевич 198
Дудышкин Степан Семенович 157
Евгеньев-Максимов Владислав Евгеньевич 37, 40
Елизавета Петровна, императрица 234
Елистратов Владимир Станиславович 46
Ермоленко Георгий Владимирович 27
Ершов Петр Павлович 12, 17
Ефремова Юлия Дмитриевна 123, 167, 168, 172
Ефрон Илья Абрамович 221
Жданов Владимир Александрович 313, 314
Жданова Маргарита Борисовна 74
Жиркевич Александр Владимирович (псевд. А. Нивин) 310–320
Жиркевич-Подлеских Наталья Григорьевна 310, 313, 314
Жуковский Василий Андреевич 35, 197, 199, 201, 211, 316
Заблоцкий-Десятковский Михаил Парфенович 167, 171, 174
Заборов Петр Романович 223
Забонова Роза Борисовна 196, 240, 265
Зайончковский Петр Андреевич 173
Замятнин А. 32, 33
Засулич Вера Ивановна 286
Захаркин Андрей Федорович 16
Зиновьев Николай Васильевич 185, 186, 187, 189, 190
Златковский Михаил Леонтьевич 165
Золя Эмиль 280
Иван IV Васильевич (Грозный) 217
Иванов Евгений Платонович 46
Иванов Константин Егорович 196, 240
Игнатъев Павел Николаевич 242
Измайлов Александр Ефимович 171
Ильинская Татьяна Борисовна 24
Кавелин Константин Дмитриевич 234
Каган Раиса Ароновна 266
Калинина Надежда Викторовна 51, 102, 129
Калмыков Петр Давыдович 157
Канкрин Егор Францевич 248, 266
Кантемир Антиох Дмитриевич 193
Каплан Леонид Рафаилович 163
Каракозов Дмитрий Владимирович 215
Карамзин Николай Михайлович 232, 235
Каратыгин Петр Андреевич 46, 47, 48, 49, 50, 51
Карл XII 201, 205
Карр Жан-Батист Альфонс 167
Катков Михаил Никифорович 162, 163
Кельнер Виктор Ефимович 59, 60
Кипренский Орест Адамович 308
Кирмалов Виктор Михайлович 57, 130, 292
Киселев Павел Дмитриевич 173
Классовский Владимир Игнатьевич 183, 187, 190, 191, 192, 193
Кноп, домовладелец 241
Кобеляцкий (Кобыляцкий) Иван Алексеевич 167
Ковалевский Егор Петрович 60
Кольцов Алексей Васильевич 178
Конан Дойль Артур 75
Кони Анатолий Федорович 68, 74, 75, 78, 79, 127, 135, 136, 227, 235, 270–309
Кони Федор Алексеевич 47, 290, 291

- Константин Константинович, великий князь 9, 10, 25, 135, 136, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203–213, 224, 225, 227, 235, 265, 269, 276, 288, 289, 290
- Константин Николаевич, великий князь 195, 196, 265, 269
- Королицкий Марк Самойлович 299, 300
- Корсаков Петр Александрович 159
- Корсакова Людмила Петровна 178
- Корш Федор Евгеньевич 12, 60
- Кочубей Василий Леонтьевич 201, 205, 206
- Кочубей Матрена Васильевна (Мария) 205
- Краевский Андрей Александрович 62, 77, 128, 163, 222, 237
- Крамской Иван Николаевич 126–152, 282, 283, 293
- Краснощекова Елена Александровна 16, 108, 128
- Кригер, мариембадский знакомый Гончарова 246
- Кроль Николай Иванович 51
- Кропоткин Петр Алексеевич 187
- Круглый Алексей Осипович 156
- Крылов Иван Андреевич 60
- Кукольник Нестор Васильевич 159, 168
- Кульбас Дина Германовна 14, 16
- Курганович Александр Викторович 156
- Курочкин Василий Степанович 217
- Лабрюйер Жан де 189
- Ламартин Альфонс де 182
- Лебедев Владимир Куселевич 223
- Левицкий Сергей Львович 76
- Лейхтенбергский Георгий Николаевич 60
- Лейхтенбергский Николай Николаевич 60
- Лемке Михаил Константинович 59, 93
- Леонардо да Винчи 141
- Лермонтов Михаил Юрьевич 66, 226, 316, 317, 319
- Лесков Николай Семенович 241, 313
- Лесман Моисей Семенович 100, 202
- Лесовский Степан Степанович 308
- Леткова-Султанова Екатерина Павловна 308
- Либрович Сигизмунд Феликсович 75
- Лиза см. Толстая Елизавета Васильевна
- Литке Константин Федорович 60
- Лихачев Дмитрий Сергеевич 104
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович 274
- Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович 22
- Лобкарева Антонина Васильевна 93, 127, 128, 130, 132, 223
- Ломоносов Михаил Васильевич 20, 190, 193, 228, 230, 232, 234, 235
- Лор, владелец булочной 250
- Лупанова Валентина Михайловна 185
- Льховская Елизавета Тимофеевна 292, 293, 294
- Льховский Иван Иванович 267, 292, 293
- Любимов Федор Васильевич 223
- Ляцкая Вера Александровна 297, 302
- Ляцкий Евгений Александрович 12, 128, 129, 171, 285, 286, 287, 288
- Мазепа Иван Степанович 201, 205, 206
- Мазон Андре (Андрей Альбинович) 9, 12, 182, 184, 185, 187, 221, 237

- Майков Аполлон Аполлонович 157, 222, 227, 230
- Майков Аполлон Николаевич 11, 12, 60, 61, 157, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 174, 175, 176, 181, 183, 184, 188, 214–235, 316, 317
- Майков Валериан Владимирович 224
- Майков Валериан Николаевич 11, 34, 157, 167, 169, 171, 172, 221
- Майков Василий Иванович 87
- Майков Владимир Аполлонович 157, 222, 227, 230
- Майков Владимир Владимирович 224
- Майков Владимир Николаевич 157, 166, 167, 171, 223
- Майков Константин Аполлонович 166, 167, 169, 171, 172
- Майков Леонид Николаевич 87, 157, 167
- Майков Николай Аполлонович 10, 11, 12, 41, 165, 166, 167, 168, 171, 173, 176, 181, 221, 267
- Майков Николай Аполлонович, сын А. Н. Майкова 227
- Майкова Анна Ивановна 220, 226, 230, 233
- Майкова Вера Аполлоновна 227
- Майкова Евгения Петровна 10, 41, 165, 167, 168, 171, 172, 173, 174, 267
- Майкова Екатерина Павловна 57, 223, 224
- Майкова Наталия Александровна 171
- Майковы 9, 10, 11, 12, 13, 17, 29, 33, 155, 158, 165, 167, 168, 171, 172, 174, 176, 217, 221
- Макниш (Macnish) Роберт 30, 31, 33
- Максимов Сергей Васильевич 305
- Малеванов Николай Александрович 185
- Маричева Лариса Михайловна 314
- Мария Александровна, императрица 190, 192
- Мария Михайловна, корреспондентка Гончарова 182
- Мария Николаевна, великая княгиня 187–188
- Мария Федоровна, императрица 74
- Маркс Адольф Федорович 131, 136, 137, 271, 304
- Матонина Элла Евгеньевна 196, 225
- Медем Николай Васильевич 219
- Межевич Василий Степанович 48
- Меймре Аурика 270
- Мелентьев Федор Ильич 187
- Мельвиль (Дюверье Анн-Оноре-Жозеф) 268
- Мельгунов Борис Владимирович 35, 36, 37, 38, 39, 44
- Мельник Владимир Иванович 185, 284
- Менцов Федор Николаевич 159
- Мережковский Дмитрий Сергеевич 317
- Мерзляков Алексей Федорович 11, 232
- Миллер Орест Федорович 234
- Минаев Дмитрий Дмитриевич 63
- Миролюбов Виктор Сергеевич 132, 135, 137, 138
- Миронов Борис Николаевич 24
- Миронова Наталья Валентиновна 40
- Михаил Павлович, великий князь 47
- Модзалевский Борис Львович 274
- Морозов, знакомый А. Ф. Кони по Гунгербургу 276
- Мостовская Наталия Николаевна 56
- Мурильо Бартоломе Эстебан 199, 209
- Наполеон I Бонапарт 262
- Наполеон III 260

- Надеждин Николай Иванович 162
 Некрасов Николай Алексеевич 34, 35, 37, 38, 39, 40, 44, 52, 61, 63, 64, 284, 285
 Нелидов Юрий Александрович 46
 Нелидова Лидия Филипповна 78
 Нечаева Вера Степановна 89
 Никитенко Александр Васильевич 61, 69, 93, 94, 128, 157, 219, 235, 288, 294
 Никитенко Екатерина Александровна 74, 81, 82, 100, 235, 294
 Никитенко Софья Александровна 69, 70, 71, 79, 80, 81, 82, 93, 94, 95, 96, 99, 100, 127, 128, 129, 133, 134, 135, 136, 137, 235, 259, 271, 273, 276, 278, 280, 282, 289, 290, 294, 302, 303
 Никитин Виктор Никитич 23
 Николай I 22, 46, 47, 165, 187
 Николай Александрович, цесаревич 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 198, 243, 274
 Нистрем Карл Михайлович 179
 Новикова Ольга Алексеевна 237
 Новомлинский А. П. см. Башуцкий Александр Павлович
 Обломиевский Дмитрий Федорович 190
 Ободовский Платон Григорьевич 156
 Ожье Эмиль 268
 Озеров Владислав Александрович 159, 232
 Ольга Константиновна, великая княжна 227
 Ордин Борис Кесаревич 195, 196, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247–269
 Ордин Георгий Кесаревич 249
 Ордин Кесарь Филиппович 195, 196, 236–269
 Ордин Сергей Кесаревич 249
 Ордина Софья Алексеевна 195, 196, 237, 241, 242, 243, 244, 245, 247, 248, 249, 251, 255, 257–260, 262, 263, 265, 269
 Ордины 196, 236, 237, 240, 265
 Орнатская Тамара Ивановна 45, 100, 102, 103, 104, 108, 284
 Островский Александр Николаевич 43, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 135, 137, 138, 283, 304
 Остроградский В. А. 159
 Отт (Ott) Адольф 246
 Павел Александрович, великий князь 227
 Панаев Иван Иванович 221
 Панаева Авдотья Яковлевна 34
 Педро Жестокий Арагонский 217
 Петерс Эрнст Карлович 267
 Петр I 200, 201, 203, 205, 206
 Петр Николаевич, великий князь 208
 Петрарка Франческо 178
 Писемский Алексей Феофилактович 283, 285, 304
 Плетнев Петр Александрович 165, 183, 188, 189, 190, 192
 Плетнева Александра Васильевна 301
 Плещеев Алексей Николаевич 157, 271
 Подделкова Полина Евгеньевна 185
 Пожалостин Иван Петрович 79
 Поздеева Екатерина Федоровна 168
 Покровская И. А. 314
 Полевой Николай Алексеевич 19, 30
 Полонский Леонид Александрович 276
 Полонский Яков Петрович 225, 226, 313, 314
 Полотебнов Андрей Григорьевич 226, 290, 303

- Поляков Василий Петрович 159
Попкова Нелли Алексеевна 30
Попова Галина Николаевна 40
Порошин Виктор Степанович 157
Посыет Константин Николаевич 290, 308
Похвиснев Михаил Николаевич 56
Пржецлавский Осип Антонович 219
Прийма Федор Яковлевич 215
Пруцков Никита Иванович 16
Путятин Ефим Васильевич 308
Пушкарев Иван Ильич 23
Пушкин Александр Сергеевич 35, 40, 175, 197, 198, 199, 200, 201, 203, 204, 207, 210, 211, 222, 228, 229, 230, 232, 233, 234, 235, 248, 266, 281, 290, 291, 306, 308, 309, 316, 317, 319
Пыпин Александр Николаевич 73
Пырсин Сергей Андреевич 228
Раич Семен Егорович 162
Рафаэль Санти 143, 145, 146, 147, 151
Рейсер Соломон Абрамович 19
Рембрандт Харменс ван Рейн 152
Ренан Жозеф Эрнест 148
Рени Гвидо 149
Репин Илья Ефимович 310, 312, 313, 314, 318
Розенблюм Николай Германович 59, 64
Романова Александра Владимировна 74, 266, 315
Рубенс Питер Пауль 151, 291
Савина Мария Гавриловна 78
Сак Ксения Васильевна 197
Салов Василий Васильевич 280
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 92
Сандо Жюль 268
Саня *см.* Трейгут А. К.
Сапожков Сергей Вениаминович 310
Свиньин Павел Петрович 25
Святослав Игоревич, князь киевский 158
Седельникова Ольга Викторовна 165
Сементковский Ростислав Иванович 292
Сенковский Осип Иванович 11, 39
Сечкарев Всеволод Михайлович 16
Скабичевский Александр Михайлович 311, 312, 313, 314
Скриб Эжен 268
Сидорова Анна Николаевна 187
Случевский Константин Константинович 241
Смирдин Александр Филиппович 308
Соколов Александр Алексеевич 63
Соколов Д. Н. 34
Соколова Татьяна Виленовна 223
Соловьев Владимир Сергеевич 221
Солоницын Владимир Андреевич 10, 11, 13, 17, 29, 33, 157, 167, 172, 221
Солоницын Владимир Аполлонович 10, 167, 172, 176
Сомов Валерий Павлович 29, 33
Сомов Орест Михайлович 123
Спасович Владимир Данилович 227
Станкевич Николай Владимирович 24
Старицкий Александр Иванович 93, 128, 129, 130
Стасов Владимир Васильевич 63, 127, 265
Стасюлевич Любовь Исааковна 59, 60, 61, 63, 64, 267, 272, 290
Стасюлевич Михаил Матвеевич 52, 53, 54, 55, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 68, 69, 71, 72, 73, 78, 79, 81, 123, 181, 227, 229, 234, 236, 246, 266–269, 271, 272, 273, 276, 278, 280, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 294, 295, 296, 301, 303, 305, 306,

- Степанов Николай Александрович 162, 217
- Степанов Николай Леонидович 91
- Строганов Сергей Григорьевич 185
- Строев Владимир Михайлович 36
- Струйский Николай Еремеевич 162
- Суворин Алексей Сергеевич 52, 316, 317
- Суворов Александр Аркадьевич 242
- Суворов-Рымникский Александр Васильевич 235
- Сумароков Александр Петрович 193
- Суперанский Михаил Федорович 292
- Сю Эжен 10, 14
- Таль, домовладелец 266
- Татищев Сергей Спиридонович 185, 274
- Теплов Николай Николаевич 299
- Тирген Петер 45
- Титов Владимир Павлович 183, 184, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192
- Тихомандрицкий Александр Никитич 219
- Тициан Вечеллио 149, 151
- Толстая Александра Андреевна 60, 78, 122, 267
- Толстая Варвара Александровна 167, 173
- Толстая Елизавета Васильевна 167, 169
- Толстая Софья Андреевна, жена А. К. Толстого 57, 58, 59, 60, 63
- Толстая Софья Андреевна, жена Л. Н. Толстого 314
- Толстой Алексей Константинович 57, 58, 59, 60, 61, 63
- Толстой Дмитрий Андреевич 74
- Толстой Илья Андреевич 257, 267
- Толстой Лев Николаевич 291, 310, 313, 314, 315, 318
- Томашевский Борис Викторович 89, 98, 99
- Трегубов Николай Николаевич 18
- Трейгут Александра Ивановна 270, 271, 276, 290, 294, 295, 296, 297, 303, 305
- Трейгут Александра Карловна 74, 81, 82, 127, 266, 294, 295, 296, 306
- Трейгут Василий Карлович 266, 295, 296
- Трейгут Елена Карловна 81, 82, 266, 295
- Трейгут Карл-Людвиг 81, 266, 270, 294, 295
- Трейгуты 74, 302
- Трофимов Жорес Александрович 181
- Трубецкой Василий Сергеевич 23
- Туниманов Владимир Артемович 12, 29, 40, 45, 49, 222
- Тургенев Иван Сергеевич 24, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 62, 66, 67, 78, 88, 92, 214, 225, 226, 229, 236, 265, 284, 285, 288, 290, 299, 300, 301, 303
- Уба Екатерина Владимировна 45
- Утин Исаак Осипович 257, 267
- Утин Яков Исаакович 257
- Феоктистов Евгений Михайлович 55, 57, 58
- Феоктистовы 55, 57, 58
- Фет Афанасий Афанасьевич 224, 225, 313, 314, 316
- Филипп III 28
- Филомавитский Евграф Матвеевич 85
- Фокин Анатолий Михайлович 130
- Фомичев Сергей Александрович 234
- Фофанов Константин Михайлович 310, 313
- Франкл (Frankl) Йозеф Адам 246

- Хмелевская Екатерина Митрофановна 129
- Хмелевская Наталья Александровна 310
- Цейтлин Арн (Цейтлин Арон Гилелевич) 12
- Цертелев Дмитрий Николаевич 229, 298
- Челаева (Чилаева) Нина 168, 169
- Чемена Ольга Михайловна 16, 17, 18, 223, 224
- Черейский Лазарь Абрамович 229
- Черников Анатолий Петрович 196
- Чернышев Василий Ильич 87
- Чернышевский Николай Гаврилович 37
- Чернышова-Мельник Наталия Дмитриевна 196
- Чехов Антон Павлович 313, 314
- Чичагов Александр Никифорович 70, 71
- Чуковский Корней Иванович 300
- Чумиков Александр Александрович 158
- Шапиро Абрам Борисович 86
- Шахматова Татьяна Сергеевна 46, 51
- Шаховской Александр Александрович 232
- Шевырев Степан Петрович 11
- Шекспир Уильям 136, 198
- Шепелев Леонид Ефимович 22
- Шиллер Фридрих 9, 45, 201, 211
- Шилов Леонид Александрович 238
- Шильдер Николай Карлович 22
- Шпицер Семен Моисеевич 127
- Шукшин Василий Макарович 46
- Щеткин Александр Васильевич 155, 156, 179
- Щеткин Сергей Александрович 156, 179, 180
- Щеткин Яков Александрович 43, 155-180
- Щеткина Надежда Ивановна 156
- Щеткина Надежда Сергеевна 177
- Эвальд Эдуард Федорович 183, 189
- Эйхенбаум Борис Михайлович 92
- Эмилия (Емилия) Федоровна, знакомая Майковых 224
- Энгельгардт Борис Михайлович 12
- Языков Михаил Александрович 37, 229
- Якимова Ольга Всеволодовна 56
- Якубович Ирина Дмитриевна 102
- Ямпольский Исаак Григорьевич 216, 217, 222, 225, 228, 234
- Ясинский Иероним Иеронимович 299
- Garnett Richard 31
- d'Heilly Georges 268
- Jagielski Apollinaris Victor 246
- Lee Sidney 31
- Lyngstad Alexandra 16
- Lyngstad Sverre 16
- Macnish Robert *см.* Макниш Роберт
- Mazon Andre *см.* Мазон Андре
- Moir David Macbeth 31

Научное издание

Алексей Юрьевич Балакин
(ИРЛИ РАН)

**РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ
БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА
И. А. ГОНЧАРОВА**

Редактор О. В. Макаревич
Корректор А. С. Пахомова
Верстка А. Д. Положенцева

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;

953 000 — книги, брошюры
Издательство ЛИТФАКТ

Почта: 121069. Москва, ул. Поварская, 25а, каб. 4

E-mail: litfakt@gmail.com

Сдано в производство 23.01.2018. Подписано в печать 6.05.2018

Формат 60×90 ¹/₁₆

Печ. л. 21. Тираж: 300 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография „Наука“»
121099 Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-9500994-7-2

9 785950 099472

К Lounges